

Новый этап работы над пятилеткой

(К Совещанию плановых органов)

Работа над пятилеткой стоит на переломе. Завершен один этап этой работы, подготовительный; нужно разворачивать со всей энергией второй этап, который должен закончиться построением и утверждением перспективного народнохозяйственного плана страны. XV съезд ВКП(б) и его решения отмечают эту линию перелома. Превращение общих политико-экономических директив XV съезда в развернутую программу народнохозяйственного строительства, — такова задача текущего года. Всестороннее методологическое вооружение этой работы, сговор по этому делу плановых органов страны, разделение труда между ними и вовлечение в эту работу научно-исследовательских институтов и организаций, — такова задача очередного планового совещания.

Работа огромная и исключительно трудная. Но эта работа не начинается заново. Нужно опереться на богатый материал и методологический арсенал, накопленный в осуществленных уже опытах построения пятилетнего плана. Преемственность работы должна быть полной. Но дело не может ограничиться простым пересчетом и поправками имеющихся вариантов пятилетки. Нужна радикальная их переработка, постановка заново ряда крупных проблем, нужно от предварительной перспективной ориентировки переходить к построению развернутого перспективного плана народнохозяйственного строительства страны. Время больше не терпит. Иначе реальное строительство пойдет (отчасти уже и идет) мимо перспективного плана.

1. Оценка истекшего периода в работе по пятилетке

Неоднократно уже подчеркивался пионерный и исключительно трудный характер осуществленной до сих пор работы по построению перспективной народнохозяйственной ориентировки СССР. И все же мы склонны подчас недооценивать и трудности и достижения пройденного пути. В этом смысле полезно прислушаться к голосам наших капиталистических антагонистов, вроде американского буржуазного экономиста Стюарта Чэза, выступившего недавно на страницах „Нью-Йорк Таймса“ (11/XII 1927 г.) с оценкой

работы Госплана в области построения перспективного плана народного хозяйства, приведенной в № 1 „План. Хоз.“ за 1928 г. (стр. 9, 10).

И действительно, нельзя забывать, а тем более преуменьшать гигантских трудностей наших начинаний по перспективному планированию. Между тем, мы сами усугубляем эти трудности рассыпанным фронтом работы, недостаточным вовлечением в это дело всех тех организаций, которые, по самому смыслу обобществленного хозяйства, должны быть активными и инициативными участниками в решении этой задачи. Истекший период как раз и характеризуется совершенно недостаточной сплоченностью и организованностью работ по пятилетке. Вся тяжесть работы выпала на плечи Союзного Госплана. Работы центральных ведомств шли параллельно и порой конкурентно с работой Госплана. Республики и области отставали со своими материалами и потому не могли еще подкрепить ими построение и выводы Госплана. ЦСУ со своим большим аппаратом непосредственно в этом деле еще не участвовало. Научно-исследовательские институты страны, Коммунистическая академия и другие аналогичные организации не были втянуты в это дело. Равным образом совершенно недостаточным было участие инженерских сил и практиков нового капитального строительства в стране.

Весьма возможно, что такой характер работы был в известной мере неизбежен в начальном, пионерном этапе построения пятилетки. Но правильно говорят, что добродетель, продолженная дальше определенного предела, становится пороком. И, несомненно, одной из центральных организационных задач ближайшего периода является вовлечение в это дело более широкого круга организаций и более широкого кадра деятелей экономики и техники, чем это было до сих пор. Разобобщенной работе, партизанщине должен быть положен предел. Дисциплина в построении плана необходима не менее, чем в его выполнении. Иначе пятилетнего народнохозяйственного плана страны к концу этого года не будет.

Что же, однако, при всех этих условиях дал истекший период работы над пятилеткой?

Опубликованные до сих пор варианты пятилетки дали первые подсчеты ресурсов, которыми может располагать страна для нужд реконструкции хозяйства и для развертывания индустриализации. Произведен первый предварительный анализ возможных темпов производства отдельных отраслей народного хозяйства, роста производительности народного труда, размеров и источников накопления и намечена черновая схема перераспределения национального дохода в интересах строительства социалистической экономики и социалистического общества. Сведены воедино центральные проблемы ближайшего пятилетия, вскрыты главнейшие трудности, вчерне намечены пути их преодоления. Было бы величайшим легкомыслием игнорировать эту работу и пытаться, минуя ее, заново начать

построение пятилетки. Это значило бы обречь себя на проделывание еще раз осуществленной уже трудной черновой работы.

Само собой понятно, что эта работа включает в себе целый арсенал методологических приемов, при помощи которых предварительные наброски пятилетки осуществлялись. Трудность заключалась и заключается в том, что перспективный план строится на переломе от восстановительного к реконструктивному периоду, когда методология планирования восстановительного периода в известной мере теряет свою силу, а методология планирования реконструктивного периода недостаточно выкована и вовсе еще не проверена. Это не могло не наложить своего отпечатка на созданные уже варианты пятилетки. Это не может не поставить на новом этапе работы по пятилетке задач всесторонней проверки всего методологического арсенала, при помощи которого развернутый перспективный план будет построен.

В последнее время много говорят о количественных и качественных показателях в перспективном плане. Говорят обычно, что составленные до сих пор пятилетки дают, по преимуществу, количественные показатели и что им недостает показателей качественных. Конечно, было бы неправильным решительное противопоставление количественных и качественных показателей. Каждый количественный показатель предполагает предшествующий ему качественный анализ, и всякий качественный показатель стремится найти свое выражение в количественной форме. И в этом смысле, несомненно, в осуществленных вариантах пятилетки заложен большой капитал качественного анализа нашего народного хозяйства и возможных перспектив его развития. Но несомненно также, что новый этап работы требует иной формы плана и значительно большего преобладания в нем элементов качественного анализа, натуральных показателей, конкретных фактов и объектов строительства.

В области промышленности, транспорта, электростроительства, ирригационных работ за истекший период дан ряд вариантов пятилетнего развития, составленных по различной методологии и с разной степенью конкретизации анализа и аргументации. Наименее конкретным, наименее аргументированным с точки зрения реальных объектов технико-экономических показателей и проч. является до сих пор наиболее важный, можно сказать, решающий план промышленного развития страны. Несколько лучше обстоит дело с планом электрификации. Но при всем этом в пятилетних наметках отдельных промышленных отраслей и промышленности в целом, транспорта и электрификации собран и обработан значительный опыт реального строительства и значительные материалы, которые составляют основу для дальнейшей работы по превращению предварительной пятилетней ориентировки в развернутый народнохозяйственный план.

Наконец, за последний год появился ряд перспективных планов отдельных республик и областей СССР. Таковы: „Перспективы

РСФСР на пять лет 1927/28—1931/32 гг.“; „Основные показатели развития народного хозяйства Украины 1927/28—1931/32 гг.“; большой труд по „Генеральному плану развития народного хозяйства Урала и перспективы ближайшего пятилетия“; „Пятилетний план народного хозяйства Белоруссии“, а также ряд изданных и неизданных работ по Сибири, Дальнему Востоку, Закавказью и пр. Нужно прямо сказать, что эти работы шли по следам различных вариантов пятилеток Союзного Госплана, в значительно большей мере копировали его расчеты применительно к отдельным республикам и районам, чем вносили собственную творческую мысль и специфические особенности народнохозяйственного развития и перспектив отдельных районов. В таком виде эти работы при всей их полезности для отдельных районов не многим помогли в составлении общесоюзной пятилетки. Несомненно, предстоит значительно изменить самый характер районных работ по построению пятилетки, переведя их на рельсы гораздо более конкретного анализа важнейших специфических черт народного хозяйства отдельных районов и их специальных функций в народнохозяйственном развитии всего Союза.

Было бы совершенно невозможным даже при такой беглой характеристике истекшего периода в работе по пятилетке не подчеркнуть ее политической роли и политического значения. Эти работы проходили в накаленной политической атмосфере, не только законченные варианты пятилетки, но и материалы к ней ожесточенно штурмовались как со стороны буржуазных экономистов, так и со стороны партийной оппозиции. Созданные до сих пор варианты пятилетки расчищали в этом смысле путь для построения перспективного плана, пытаясь на опыте конкретных расчетов воплощать политико-экономическую линию партии. Эти материалы, несомненно, сыграли крупную роль при выработке тех директив XV съезда по построению пятилетнего плана, на основе которых теперь предстоит завершить работу по нему.

Нужно примкнуть вплотную к осуществленной до сих пор работе, критически усвоить весь ее опыт, опереться на сделанные уже достижения. Но остановиться на этом уровне работы, удовлетвориться достигнутыми результатами невозможно. Нужно заново пересмотреть весь методологический арсенал, нужно по-новому поставить ряд важнейших народнохозяйственных проблем и заново скомпоновать всю систему плана. Директивы XV съезда дают тот угол зрения, под которым эта работа должна вестись.

§ 2. О директивах XV съезда

Работа над пятилеткой вступают в новую полосу, при наличии таких документов, как Октябрьский манифест ЦИК СССР, директивы XV съезда ВКП (б) по пятилетке и по работе в деревне. Нет сомнения, что эти ответственные политические документы, ста-

вляющие крупнейшие задачи в народнохозяйственном и культурном строительстве страны, серьезно оплодотворят дальнейшие работы по построению пятилетнего плана, придадут им более широкий размах и одновременно в огромной степени повысят ответственность этих работ не только в СССР, но и перед лицом международного пролетариата. Всякому понятно, что мы проектируем пятилетие обостряющегося соревнования и тяжбы между социалистической и капиталистической народнохозяйственными системами.

Нет нужды пересказывать здесь эти документы. Всякий, работающий в той или иной форме над построением перспективного плана, должен изучить их с величайшим вниманием и тщательностью. Здесь нужно подчеркнуть лишь те наиболее крупные узловые моменты, которые с особой силой должны быть учтены на предстоящем этапе работы по перспективному плану.

Несомненно, центральным остается вопрос об индустриализации СССР. Подводя итоги двухлетнему строительству и тем политическим атакам, которые были направлены на индустриализацию, съезд обязал Центральный комитет „продолжать неослабным темпом политику социалистической индустриализации, уже принесшую свои первые положительные результаты“. Но наряду с такой общей директивой, съезд на опыте истекшего периода счел необходимым дать ряд дополнительных директив о соотношении между тяжелой и легкой индустрией, о соотношении между объектами строительства и сроками строительства, о новых производствах и пр., которые должны быть тщательным образом учтены при составлении реальной развернутой программы индустриализации на ближайшие пять лет. Индустриализация Советского Союза является стержнем, столбовой дорогой к построению у нас социалистического общества. В этом пункте увязываются все решающие проблемы нашей (и не только нашей) страны — диктатура пролетариата, рабоче-крестьянский блок, оборона и пр. Вот почему конкретнейший всесторонний анализ развернутой программы индустриализации, пропорций ее отдельных частей, ее темпов, ее отношения к основным общественным классам, ее народнохозяйственной эффективности должны быть центральной темой во всей предстоящей работе по пятилетке. Съезд дал здесь всесторонние указания и все необходимые оговорки. Задача заключается в том, чтобы превратить эти общие директивы в реальную экономическую программу.

Едва ли можно спорить против того, что решение Октябрьского манифеста, подтвержденное съездом, о переходе на семичасовой рабочий день вносит крупное изменение во всю компоновку перспективного плана. Было бы неправильным здесь ограничиться только пересчетом числа рабочих, изменением фонда зарплаты и учетом влияния этого факта на состояние безработицы. Постепенный переход на семичасовой рабочий день ставит ряд крупных проблем о темпе роста промышленного производства, об обеспечении сырьем, о со-

стоянии, работе и амортизации основного капитала промышленности, о влиянии сокращенного рабочего дня на культурный уровень рабочего и на производительность труда и пр. Уже 1927/28 г. делает опыт перехода на семичасовой рабочий день в 15 текстильных фабриках. Следующий год сделает еще более широкий шаг в этом направлении. Нужно всесторонне изучить эту огромной важности политическую и народнохозяйственную проблему и с максимально доступной полнотой осветить ее в пятилетнем плане. Надо помнить, что здесь решается не частный народнохозяйственный вопрос, а крупнейшая политическая задача.

Было бы неправильным утверждать, что в имеющихся вариантах пятилетки сколько-нибудь полно учтен тот крупный сдвиг в организации крестьянского хозяйства, который намечен XV с'ездом. Решение XV с'езда по работе в деревне, постановка на очередь задачи широкого перехода крестьянских хозяйств на путь крупного общественного производства с машинной техникой несомненно является новой темой для работы по пятилетнему плану. Равным образом, указание с'езда на недостаточность темпа развития сельского хозяйства требует постановки новой работы в этом отношении. Задача нажима на капиталистическую верхушку деревни при одновременном усилении темпа роста с.-х. продукции и массового перевода крестьянских хозяйств на путь коллективизации в самых разнообразных ее формах и на путь машинной техники требует такого исследования возможных перспектив с.-х. развития, которое в предшествующей работе по пятилетке обеспечено не было.

С'езд с особой энергией подчеркнул задачи повышения обороноспособности нашей страны, к которым он считает необходимым „не только привлечь внимание плановых и хозяйственных органов, но и, самое главное, обеспечить неустанное внимание всей партии“. Когда составлялись имеющиеся в настоящее время варианты пятилетки, нужды обороны учитывались в них, главным образом, по линии увеличения ассигнований на военное ведомство. Между тем, как это особенно ярко подчеркнул на XV с'езде тов. Ворошилов, грядущая война будет не столько борьбой армий, сколько борьбой заводов, столкновением народнохозяйственных организмов в целом. Вот почему директивы с'езда по учету нужд обороны делают необходимым заново поставить всю эту тему в окончательной редакции перспективного плана.

Новым моментом, требующим самостоятельного и всестороннего освещения в перспективном плане, является прокламированная с'ездом задача культурной революции в народных массах СССР. С'езды партии не бросают слов на ветер. Поэтому употребление термина „культурная революция“ к тому сдвигу культурного уровня масс, который на ближайший период предстоит, обязывает к внесению в это дело радикальных изменений, к новому подходу к решению этой задачи. Это, несомненно, в полной мере диктуется общими за-

дачами реконструктивного периода в народнохозяйственном строительстве страны. Больше того, не будет преувеличением сказать, что без этого немыслимо вообще решение задач реконструктивного периода. Само собой понятно, что этот вопрос не может быть обойден пятилеткой.

С'езд со всей энергией подчеркнул, что ресурсы для всего дела реконструкции, для всего дела строительства социалистической экономики могут и должны быть найдены в успешном ходе социалистической рационализации производства, в повышении творческого участия масс в хозяйственном строительстве, в подеме их культурного уровня и, разумеется, прежде всего в осуществлении действительно планового характера нашего строительства. Все это не делается стихийно, самотеком. Все это требует своей организации и надлежащего руководства. Этим самым с'езд резко выдвинул задачу всестороннего освещения в пятилетке организационных проблем нашего строительства, организационных гарантий успешного построения социалистической экономики.

Само собой разумеется, что этим ни в коей мере не исчерпываются те директивы, которые заложены в двух важнейших документах XV с'езда. Но эти моменты ставят новые и столь крупные задачи в дальнейшей работе по пятилетке, что они должны быть самостоятельно и с особой силой подчеркнуты. Превратить эти политические линии в реальную, всесторонне обоснованную и обеспеченную экономически программу, которая укрепляла бы позицию социалистической экономики в ее соревновании с наступающими капиталистическими антагонистами, — вот задача, которая стоит перед новым этапом работы по пятилетке. Эта задача обязывает по новому поставить работы над пятилеткой, придать им существенно иную форму, чем то, что было и что могло быть сделано до сих пор.

3. Центральные моменты предстоящей работы

Опираясь на предшествующую работу и исходя из того нового, что вносят директивы XV партийного с'езда, можно было бы наметить следующие важнейшие моменты предстоящей работы.

Прежде всего, в этой связи нужно выдвинуть проблему капитального строительства во всех важнейших отраслях народного хозяйства. Новое развертывание работ над пятилеткой происходит в период усиливающегося и обостряющегося внимания партии и широких кругов советской общественности к вопросам и судьбам нашего капитального строительства. И в этом нет ничего удивительного. За последние четыре года из тех незначительных накоплений, которыми располагает страна, произведено капитальных вложений в промышленность на сумму около $3\frac{1}{2}$ миллиардов, в транспорт около 2 миллиардов, в строительство районных электрических станций — свыше 500 млн., в жилищное строительство в городах

около 1¹/₂ миллиарда и т. д. Совершенно естественна и законна потребность партийного и советского общественного мнения подвести экономический итог этому строительству, его результатам и эффективности, прежде чем решиться на пятилетнюю программу еще более крупных и ответственных капитальных вложений.

Капитальное строительство становится все более важным, можно сказать, решающим фактом и фактором нашего хозяйственного развития. К нему стягиваются нити всех важнейших народнохозяйственных проблем, снижение себестоимости, рационализация производства, количество и дешевизна электрической энергии, характер транспортных связей, вопросы обороны и, наконец, вопросы быстроты рендирования незначительных капиталов нашей страны.

При этом дело здесь оказывается не только и даже не столько в размерах общих ассигнований, направляемых на капитальное строительство, сколько в вопросах технико-экономического обоснования, качества технического выполнения, правильности выбираемых технических типов, быстроты и дешевизны строительства и т. д. Иными словами, все более остро и настойчиво встает необходимость в наших расчетах перспективных планов перейти от чисто финансового выражения в характеристике капитального строительства к технико-экономическому анализу и обоснованию по существу. Без этого никакого прогресса в построении перспективного плана достичь невозможно. И этим характеризуется самое важное в том переломе работы, на котором мы стоим.

За последний период советская пресса с величайшей откровенностью и беспощадностью развернула картину многочисленных дефектов и подчас прямых неудач в капитальном строительстве. Учет этого опыта и этих материалов не может не войти важнейшей составной частью в предстоящие работы по пятилетке. Но было бы недостаточным и прямо ошибочным, если бы за этими многочисленными дефектами, от искоренения которых в значительной мере зависит успех нашего дальнейшего народнохозяйственного развития, не было бы обращено внимания на более крупные экономические факты, коренным образом связанные с нашим капитальным строительством. Против ожидания вся промышленная продукция в текущем году обещает дать свыше 20% прироста. Это непосредственный показатель эффективности капитальных вложений в нашу промышленность. Нужно всесторонне изучить это дело, дабы в народнохозяйственную оценку нашего капитального строительства не было внесено тех искривлений, перед опасностью которых мы всегда стоим в моменты конъюнктурных затруднений. Ни для кого ведь не секрет, что именно в моменты конъюнктурных трудностей наибольшему штурму подвергаются как раз те линии экономической политики, которые наиболее трудны, требуют наибольших жертв и выдержки в своих начальных стадиях. К ним, разумеется, в первую очередь, принадлежит индустриализация.

Прямой белой всех до сих пор созданных вариантов перспективных планов (в том числе и планов ВСНХ) было то, что они составлялись при отсутствии сколько-нибудь обстоятельных и надежных данных о результатах и эффективности капитального строительства. Это лишало их уверенности в самых решающих, стержневых вопросах всего народнохозяйственного развития. Не будет преувеличением сказать, что успех новых работ по пятилетнему плану в огромной мере зависит от того, насколько удастся за остающийся короткий срок составить сводный обзор уже осуществленного капитального строительства во всех отраслях народного хозяйства, выявить его народнохозяйственный эффект и трезво учесть его уроки. Нечего говорить, какую огромную услугу делу построения пятилетнего плана могут оказать именно в этой части широкие кадры руководителей и работников капитального строительства нашей страны.

Этим определяется тот характер требований, которые следует предъявить на данной стадии работ по пятилетнему плану к органам, руководящим отдельными отраслями народного хозяйства, к республикам, районам и многочисленным практическим научно-исследовательским институтам страны. Центральные ведомства, связанные со сколько-нибудь крупным капитальным строительством, должны дать в ближайшие месяцы не столько пересчеты своих старых балансов и вариантов пятилетних наметок, сколько совершенно конкретную и всесторонне обоснованную технико-экономическими показателями и соображениями программу капитального строительства с перечнем важнейших объектов, их территориальным размещением, сроками окончания строительства и характеристикой их технико-экономического типа. Научно-исследовательские институты страны и инженерские организации должны мобилизовать всю свою творческую энергию и инициативу, чтобы помочь освещению этого вопроса. Республики и области в своих материалах должны особенно тщательно вскрыть вопросы капитального строительства под углом зрения специфических районных черт и, в особенности, по отношению к тем многочисленным и распыленным объектам республиканского и местного строительства, которые, будучи незначительными каждый в отдельности, в сумме своей и внеплановости составляют внушительную и, порой, опасную величину. Без этого материалы районов и республик окажутся бесплодными для построения общесоюзного народнохозяйственного плана.

Следующей крупной темой предстоящих работ должен быть опыт построения конкретного плана реконструкции и рационализации важнейших отраслей народного хозяйства. Как трактуются у нас до сих пор проблемы рационализации и реконструкции в важнейших отраслях хозяйства и, в частности, в промышленности? По крайней мере, в обобщающих докладах эти темы представлены в форме отдельных более или менее разобренных иллюстративных замечаний, освещающих тот или иной размер

снижения себестоимости и т. д. Конечно, снижение себестоимости является результатом сложного ряда причин, в том числе и процессов рационализации производства. Но такая трактовка этой важнейшей темы всего народнохозяйственного строительства не может считаться достаточной по отношению к прошлому и она совершенно неудовлетворительна в планах будущего. На ряду с новым строительством мы производим крупные, гораздо более значительные вложения в реконструкцию существующих предприятий не только в промышленности, но и в транспорте, в электростроительстве и т. п. Решающим моментом в распределении вложений между новым и старым строительством было до сих пор повелительное требование рынка, необходимость максимально и срочно увеличить размер продукции. Но какому плану рационализации, какому типу общей реконструкции все это подчинено, — это дело не вскрыто надлежащим образом, не разъяснено.

Между тем, характер нашей социалистической рационализации и реконструкции так своеобразен, так нов и ответствен, что было бы поистине опасным дальше двигаться здесь без широко разработанного и всесторонне обоснованного плана. Кроме того, здесь заключено большое многообразие общественно-организационных моментов и они так переплетены с технико-экономическими задачами, что их всесторонний анализ является совершенно необходимым. Вот почему, совершенно прав тов. Милютин, когда он в своем докладе в Комм. академии настаивает на построении общего плана рационализации и реконструкции.

Выше уже была подчеркнута проблема семичасового рабочего дня в связи с директивами Октябрьского манифеста ЦИКа и XV съезда ВКП. Можно прямо утверждать, что у нас еще не осознана вся сложность и все гигантские трудности, с которыми связано воплощение в жизнь этой важнейшей, одной из центральных директив нашего народнохозяйственного строительства ближайшего периода. Совершенно понятно, что вопрос семичасового рабочего дня, план его осуществления, является органической составной частью общего плана рационализации и реконструкции.

Эти два раздела работ (капитальное строительство и план рационализации и реконструкции), теснейшим образом между собой связанные, вплотную подводят к общему вопросу о технической политике нашей страны, о той технической ориентации, которую мы берем в перспективе ближайшего периода. Никто не может оспаривать того, что разноречивой у нас в этом отношении необычайно велика, что каждая отрасль промышленности, транспорт, электростроительство, различные районы в значительной мере за свой риск и страх и изолированно устанавливают техническую ориентацию, ведут самостоятельную техническую политику. У нас еще не создан в стране достаточно авторитетный центр технической политики. Это не может быть терпимо при том широком переходе к новому строитель-

ству, который мы уже отчасти осуществили и еще более широко разворачиваем в ближайшем пятилетии и который на длинный период времени определит технический тип нашего народнохозяйственного развития. Пятилетний план развертывания народного хозяйства, центральным стержнем которого является крупное капитальное строительство и широкие задачи рационализации и реконструкции, не может обойти молчанием основные проблемы технической политики страны. Нужно в этом смысле усвоить те подходы, которые лежат в основе плана ГОЭЛРО, имевшего яркую техническую концепцию, разумеется, применительно к новым, гораздо более широко развернутым перспективам строительства. Здесь нужен радикальный перелом в работе, и здесь именно техническая мысль и инженерские силы, стоявшие до сих пор несколько в стороне от построения перспективного плана, должны сказать свое слово.

Этим определяются те требования, которые мы должны предъявить к ведомствам, республикам, областям и научно-исследовательским институтам по вопросам рационализации, реконструкции и технической политики вообще. Конкретность плана, гораздо больше натуральных показателей, характеристики конкретных объектов, обоснования их технико-экономических типов и технико-экономической эффективности, географического расположения в стране, — вот чем должны дышать те материалы, которые нужны для новой компоновки пятилетнего плана.

Далее, следует подчеркнуть необычайно трудную, но совершенно необходимую работу, которую нужно осуществить в связи с теми новыми директивами, которые даны в вопросах сельскохозяйственной политики. Никто не может оспаривать того, что именно проблемы сельского хозяйства были наиболее слабым звеном во всех расчетах предшествующих вариантов пятилетки. Нельзя отрицать того, что XV съезд партии и уроки хозяйственной обстановки последнего периода внесли сюда существенно новое, что должно быть всесторонне и тщательно продуманно и конкретизировано. В самом деле, активный и систематический нажим на кулацкую верхушку, необходимость сообщить темпам с.-х развития гораздо более крупный размах и задача перевода в массовом масштабе мелких и мельчайших крестьянских хозяйств на путь укрупнения, на путь разного рода коллективизации с машинной техникой, проблема гораздо более энергичного развертывания продовольственной и сырьевой базы страны, — все это в совокупности требует новых и смелых подходов в решении этой задачи. Вместе с тем, ни в чем другом нам не угрожает такая опасность бюрократических увлечений и извращений, как в этом ответственной задаче. И ни в какой другой отрасли нам не нужна в такой мере разработка вопросов применительно к отдельным районам, к их специфическим особенностям и укладам, как именно в вопросах широкой реконструкции крестьянского хо-

зяйства. Между тем, произведенный уже после составления перспективной ориентировки опыт построения сводного плана государственных мероприятий в сельском хозяйстве на 1927/28 год. показывает, что даже при весьма больших усилиях удалось вскрыть в совершенно недостаточной мере и форме и лишь очень незначительную часть тех реальных процессов реконструкции, которые в сельском хозяйстве происходят. Неизбежная распыленность этого дела в стране требует громадного напряжения не только экономической и агрономической, но и инженерской мысли в вопросах сельского хозяйства при построении перспективного плана.

XV съезд партии подчеркнул величайшую осмотрительность в решении этих задач, огромное многообразие тех ручьев обобщения крестьянского хозяйства и перевода его на машинную технику, которые должны, в конечном счете, слиться в мощный поток реконструкции сельского хозяйства и изживания его первобытной технической основы. Республики и области должны притти в этом вопросе с большим конкретным материалом, характеризующим различные типы этой реконструкции, различные и многообразные формы коллективизации, кооперирования, внедрения машины и повышения культурного уровня сельскохозяйственного производства. По-новому должна быть разработана программа производства в стране и снабжения сельского хозяйства минеральными удобрениями. Всесторонне и конкретно должна быть представлена работа сложной сети опытных станций, селекционных пунктов, прокатных пунктов, система поощрительных мероприятий, контрактации, премирования и т. д. Для построения пятилетнего плана важна не столько теоретически исчисленная конечная цифра возможного роста сельскохозяйственной продукции, сколько большая всесторонне разработанная программа борьбы за конечный результат.

Правильно говорят о необходимости снова и снова обратить наше внимание на проблему преодоления натурально-хозяйственных черт нашей экономики. Опыт последних лет показал, как трудно удается разбивать натурально-хозяйственную скорлупу нашего сельского хозяйства, как быстро прячется крестьянство в нее при малейших затруднениях в конъюнктуре и какой большой процент ряда важнейших сырьевых культур расточительно потребляется внутри крестьянского хозяйства. Можно было бы прямо сказать, что пятилетний план был бы заранее обречен на неудачу, если бы он не обеспечил серьезное продвижение вперед в решении этой проблемы. Разумеется, это связано целиком с общим ходом промышленного развития страны, с успехом реконструкции и рационализации, с удешевлением промышленной продукции и т. п. Но, несомненно, в этом деле есть много специфических задач в отдельных районах и в отношении отдельных сырьевых культур (транспортные задачи, продовольственное снабжение, политика цен),

которые должны быть специально изучены, освещены и оформлены в плане.

Несомненно, специальной темой в новой компоновке пятилетнего плана должна быть выделена проблема усиления экспортных ресурсов страны. Опыт последних лет с чрезвычайной убедительностью учит, какую колеблемость в нашу экспортную программу, а следовательно, и программу импорта и капитального строительства вносит наше сельское хозяйство и, в частности, хлеб. Особенно поучительным в этом отношении является опыт нынешнего третьего урожайного года. Решительная борьба за обеспечение сельскохозяйственного экспорта должна, конечно, занять важнейшее место в перспективном плане. Но вместе с тем, совершенно очевидно, что сравнительно большие возможности нашего промышленного экспорта (нефтяного, лесного и целого ряда других) нами недостаточно используются и обеспечиваются. Составленный в самое последнее время план развертывания лесного экспорта на ближайшее пятилетие должен особенно привлечь к себе внимание. Какие бы споры ни велись по вопросу о характере наших взаимоотношений с капиталистическим хозяйством, одно бесспорно — усиление наших экспортных ресурсов и повышение конкурентоспособности наших экспортных товаров на мировом рынке, — эту силу мы должны себе обеспечить.

Наконец, проблема образования народнохозяйственных резервов должна была поставлена в новой компоновке перспективного плана не в форме хороших пожеланий, а в виде одной из первоочередных и обязательных задач. Всем известно, как много было сказано и как много авторитетных указаний было дано о задачах образования резервов в течение 1927/28 года. Всем также достаточно известно, что на протяжении 1927/28 года эти задачи сколько-нибудь существенно решить не удастся. Наоборот, есть опасность сокращения, а не увеличения резервов. Нужно прямо сказать, что задача образования резервов до сих пор не находит у нас надежного материального выражения в планах, между тем, именно 1927/28 год особенно убедительно напоминает ту простую истину, что без резервов двигаться вперед, уверенно осуществлять крупные народнохозяйственные задачи становится все более и более трудным. Нужно только совершенно отчетливо осознать, что возможность реально образовать резервы в нашей стране является прямой функцией от успехов рационализации всего нашего хозяйственного механизма. И именно в этой связи проблема резервов должна быть представлена в перспективном пятилетнем плане.

Этот перечень важнейших тем предстоящей работы отнюдь не является исчерпывающим. Ряд других моментов, не менее важных, был подчеркнут выше (оборона, культурная революция и т. п.). Приведенные здесь моменты лишь подчеркивают то новое, что дол-

жен внести в работу по пятилетнему плану предстоящий нам заключительный период в его составлении.

4. О методах работы и о районном разрезе

Само собой понятно, что важнейшей темой планового совещания должна быть всесторонняя проверка методологического арсенала, при помощи которого будет осуществляться дальнейшая работа по пятилетке и который должен обеспечить разработку ряда новых задач, вставших перед пятилетним планом. Совещанию придется тщательно обсудить такие методологические темы, как перспективный и генеральный план, форма баланса в пятилетнем плане и возможности построения погодичных балансов, типы и значение вариантов, форма и роль натуральных показателей в плане, возможность учета неурожая и его условное календарное место, проблемы количества и качества в плане и ряд других, с одной стороны, более общих (телеология и генетика), а с другой стороны — более частных технико-методологических тем. Особенно важным будет сговориться на формах сводной и частных таблиц, которые давали бы наибольшую ясность и наибольшее выявление аргументации плана, на программах отдельных отраслей и синтетических тем.

Можно было бы все эти методологические вопросы расположить в пределах четырех основных групп. Прежде всего, нужно отчетливо условиться о том, что работы над пятилеткой неизбежно и органически перерастают в работу по генеральному плану. Исторически так сложилось, что скомпонованный генеральный план не может и не будет предшествовать нашим работам по пятилетке. Наоборот, работы по пятилетке уже на нынешней стадии осваивают весь тот капитал, который накоплен в подготовительных работах к построению генерального плана. Вот почему нужно устранить всякое противопоставление этих работ и, наоборот, всемерно их объединить. Это особенно необходимо и неизбежно при том крене в сторону качественных и натуральных показателей в пятилетнем плане, к которому мы подошли.

Следующая группа методологических проблем связана именно с этими вопросами натуральных показателей и качественного анализа. По этому сравнительно новому вопросу, вероятно будет наибольшее количество методологических затруднений и недоразумений. В бурном ходе нашего хозяйственного строительства, в бешеном развертывании капитальных сооружений, при нарастающем приливе общественной энергии масс к делу реконструкции и рационализации чрезвычайно трудно установить отчетливые законченные натуральные показатели наших достижений и недостатков. И, однако, эту работу совещание должно проделать, в этом отношении оно должно обогатить методологические приемы работы по пятилетке.

Третья группа методологических вопросов связана с проблемами реальности всего пятилетнего плана и его отдельных этапов. Сюда

относятся вопросы баланса и его применения к отдельным годам, типы вариантов, учет неурожая и т. п. Разумеется, пятилетний народнохозяйственный план отнюдь не будет оперативным планом, и после его составления задача построения контрольных цифр и отдельных оперативных хозяйственных планов останется столь же трудной и потребует столь же больших усилий и напряжения. Но это ни в какой мере не снимает с общей экономической программы пятилетия обязанности быть максимально реальной не только в своих конечных расчетах, но хотя бы, в известной мере, и в своих этапах. Совещание не может уклониться от рассмотрения и оценки этих проблем.

Наконец, четвертая группа методологических вопросов связана с формой плана, с характеристикой того документа, который должен быть представлен Съезду Советов. Нам уже приходилось указывать, что форма построенных до сих пор пятилеток не может быть признана достаточной в завершительной стадии работ. Несомненно, в новом варианте пятилетки, на ряду с общей экономической программой пятилетия должны быть особо представлены: сводный план капитального строительства, план реконструкции и рационализации, характеристика технической политики, конкретная программа новых мероприятий по реконструкции сельского хозяйства, характеристика организационных проблем народнохозяйственного строительства и, разумеется, районный разрез всех экономических перспектив и, особенно, капитального строительства.

Этот перечень может считаться лишь предварительным и требует тщательного анализа со стороны всех участников работ по пятилетке, главным образом, с точки зрения тех методологических и материальных возможностей, которыми мы будем располагать к моменту оформления плана.

Бесспорно, одной из крупных, если не самой крупной трудностью предстоящих работ по пятилетке будет обеспечение так называемого районного разреза всех ее построений. Это трудности не только формального и организационного порядка, они проистекают не только от неслаженности работ центра, республик и областей. Эти трудности коренятся в существе нашего экономического строительства, в той перегруппировке развития производительных сил страны между районами, которая отчасти планомерна, а в значительно большей мере стихийно осуществляется в ходе нашего хозяйственного строительства. Мы вплотную подошли к установлению нового разделения труда между экономическими районами страны. Опыт строительства последних лет и, особенно, опыт работы над построением пятилетнего плана показывает, как напряженно работа идет в каждой республике и области по определению ее места и роли в экономическом развитии Советского Союза.

Задача индустриализации страны переплелась с задачами по хозяйственному и культурному подьему остальных народов и районов.

Все районы страны, находящиеся на самых различных ступенях развития, рвутся уже теперь в течение ближайших лет непосредственно выйти на путь промышленного развития. Недаром промфинплан 1927/28 г. показывает резкое превышение темпа роста местной промышленной продукции и отчасти республиканской над союзной. Нет более трудной задачи, чем построение такого плана, который воплощал бы директиву с'езда о неуклонном экономическом и культурном под'еме отсталых народов и районов на ряду с директивой на возможно более форсированный темп индустриального развития, всемерное повышение обороноспособности перед лицом враждебного мира и конкурентоспособности с капиталистическим хозяйством. Есть прямая угроза, что при стихийном развертывании процессов индустриализации в каждом отдельном экономическом районе без твердого централизованного и сознательно принятого республиками и районами плана мы можем фактически пойти путем самой медленной, дорогостоящей и мало эффективной индустриализации СССР. И обратно, не исключена возможность без такого плана некоторых централистских рецидивов.

Вот почему на настоящем плановом совещании вопрос обеспечения районного разреза пятилетки и проблема районирования нашего промышленного развития поставлены в центре внимания. К настоящему моменту закончены работы, связанные с контрольными цифрами 1927/28 г. по динамике народнохозяйственного развития отдельных районов СССР за последние три—четыре года. Этот интереснейший материал, который будет впервые опубликован на предстоящем с'езде плановых работников, дает возможность оценить реальный ход хозяйственного развития основных районов СССР в первый период широко развернутой индустриализации страны. На ряду с этим, накопившиеся за последние годы материалы дают возможность оценить и то проектирование своих хозяйственных перспектив, которое делают сами районы, оценить их экономические устремления и программу. Сопоставление этих материалов и показателей с общими перспективами Советского Союза должно облегчить сочетание задач по хозяйственному и культурному под'ему отсталых районов с коренными задачами возможно более форсированного темпа индустриального развития СССР в целом и укрепления его позиций перед лицом капиталистических антагонистов. Пятилетний народнохозяйственный план должен положить предел стихийному перемещению экономических отношений между районами и ввести их в твердое русло сознательности, планомерности и организованности.

5. Об организации работ

Правительством утверждены как конечные сроки представления пятилетнего плана, так и важнейшие этапы в работе по его построению. К началу февраля 1929 года развернутый пятилетний

план народнохозяйственного строительства СССР должен быть в окончательной редакции представлен на утверждение правительства. Это обязывает к надлежащей организации и бешеному темпу работ.

Первым этапом этих новых работ является настоящее совещание плановых органов. Его задача — всесторонняя проверка методологических приемов, сговор о программе и установление такого режима работ, который исключал бы параллелизм, партизанщину и разноречивость в направлениях и сроках разрешения намеченных задач. На ряду с этим, мартовское совещание должно радикально сдвинуть с места проблему экономических районов страны в пятилетнем плане.

На основе работ этого совещания ведомства, республики и районы не позже начала июля должны представить свои материалы к новой компановке перспективного плана. В конце лета предстоит следующее совещание, в центре которого должны стать проблемы капитального строительства в стране как с точки зрения оценки осуществленного уже опыта, так и под углом зрения пятилетних перспектив. Без преувеличения можно сказать, что решающим в работе по пятилетке будет это второе совещание и тот успех, с каким оно сумеет рассмотреть и оценить капитальное строительство и наметить его ближайшие перспективы, пропорцию его частей, технико-экономическую ориентацию и т. п.

Неоднократно указывалось уже, и это было подчеркнуто с трибуны XV с'езда партии, что решение грандиознейших народнохозяйственных задач нашей страны, имеющих всемирно-историческое значение, может быть обеспечено лишь при том условии, если будет расти и крепнуть мощная, спаянная единством устремления и воли плановая организация. Она должна значительно окрепнуть на построении пятилетнего плана. Пятилетний народнохозяйственный план не может быть делом одного изолированного учреждения либо ряда учреждений. Пятилетний народнохозяйственный план может и должен быть высшим обобщением экономической и технической мысли страны, высшим обобщением строительного опыта огромного трудового коллектива СССР.

Вопросы конъюнктуры

I

Хозяйственные трудности первого квартала 1927/28 г. во многих отношениях напоминают те затруднения, с которыми столкнулось и которые должно было преодолевать хозяйство Советского Союза осенью 1925/26 г. Невыполнение программы плановых хлебозаготовок, связанные с этим сокращения других хозяйственных планов, в особенности экспортно-импортного плана, неблагоприятные последствия падения экспорта для выполнения планов валютного накопления, — все эти феномены 1925/26 г. находят свою аналогию в текущем году. С другой стороны, наблюдается теперь, как и тогда, значительное обострение товарного голода в противоположность сравнительно спокойной осени 1926/27 г. Развертывание конъюнктурных затруднений в 1925/26 г. и теперь, осенью 1927/28 г., не происходит, само собой разумеется, в тех же самых формах. Одним из основных элементов различия является то обстоятельство, что тогда как два года тому назад, при гораздо большей слабости государственной и кооперативной торговли и при меньшем влиянии государственного регулирования на уровень оптовых и розничных цен, осень принесла с собой резкие колебания цен товаров, в настоящее время сдвиги цен являются гораздо менее заметными, общий уровень цен лишь в малой степени поддается давлению конъюнктурных волн и обход фиксированных товарных цен происходит лишь в сравнительно небольших размерах, полулегально или нелегально.

Подобно тому как конъюнктурные трудности 1925/26 г. рассосались во втором полугодии и хозяйственная система получила возможность более спокойной работы на уровне более высоком, завоеванном, несмотря на имевшие место конъюнктурные ухабы, — так, нужно полагать, и в текущем году во втором полугодии хозяйственный механизм сможет работать в условиях достаточного экономического равновесия. Эти имеющие свой специфический ритм кризисные явления в советской хозяйственной системе радикально отличаются своим характером от кризисных явлений, которые являются типическими для капиталистической экономики. Кризисные явления связаны там с кризисами сбыта, с заторами в реализации произведенной продукции, что вызывает расстройство товарооборота, денежно-кредит-

ного оборота и производства. Кризисные явления в советском хозяйстве связаны не с избытком товаров, а с их недостатком. Если искать аналогии в практике буржуазных стран, то подобные аналогии можно с наибольшим основанием найти в явлениях инфляционных периодов, когда эмитируемые в больших количествах быстро обесценивающиеся бумажные деньги вызывают бешеную погоню за товарами, за „реальными ценностями“, которых оказывается неизбежно недостаточно по сравнению с морем бумажных миллиардов. Однако, если периоды обострения товарного голода связаны и у нас с некоторыми элементами инфляционного характера, то все же было бы неправильно считать, что товарный голод равносителен и равнозначущ инфляции. Он является симптомом некоторого хозяйственного расстройства, сопровождаемого также расстройством денежного обращения. Однако, не в этом расстройстве нормальной работы денежного механизма следует искать первообразующий фактор осенних кризисных явлений. В качестве общей предварительной формулы можно, на основании опыта последних лет, утверждать, что осеннее обострение товарного голода вытекает из своеобразного сочетания между реализацией сельскохозяйственной продукции, которая заканчивает цикл расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве, и реализацией продукции промышленности, которая вступает осенью в свой начинающийся цикл расширенного воспроизводства; возможность подобных всплесков товарного голода обусловлена общей напряженностью и недостаточной внутренней слаженностью хозяйственного строительства в СССР, затрудненных в настоящее время при отсутствии резервов, которые обеспечивали бы достаточно свободное хозяйственное маневрирование, при крупном экономическом весе мелких неорганизованных хозяйств и жестокой борьбе с внешним капиталистическим окружением.

II

Возможность нарушения рыночного равновесия колебаний соответствия между спросом и предложением товаров была в известной степени предусмотрена в „Контрольных цифрах Госплана на 1927/28 г.“. В сводном обзоре (стр. 24 названной работы) имелось своего рода предостережение, которое дальнейшим ходом событий было более чем оправдано: „Как выглядят перспективы рыночного равновесия в предстоящем году? Если сопоставлять денежные доходы населения и рост производства легкой индустрии по хозяйственным годам (с октября по октябрь), то ничего угрожающего (при валовых сопоставлениях) не получается: денежные доходы населения растут на 5,1% (при росте доходов рабочих на 7,3%), а предметы широкого потребления на 7,7%. При сопоставлении по с.-х. годам (с июня по июль) картина несколько другая: денежные доходы населения растут на 6,1%, рост предложения на 3,7%. Иными сло-

вами — первое полугодие будет более напряженным (курсив наш. Г. С.). Если от валовых сопоставлений перейти к отдельным наиболее уязвимым товарам, то напряжение еще более усиливается. Здесь сказываются и улучшение качества и снижение цен. Напряжение здесь может быть несколько большим, чем в 1926/27 г.” (курсив наш. Г. С.). Оно оказалось, в действительности, гораздо более значительным и концентрированным.

Характеристика осенней конъюнктуры начала привлекать к себе широкое внимание с того момента, как обозначилось сокращение хлебозаготовок, т.е. с октября, первого месяца первого квартала нового хозяйственного года. Но на октябре сказалась вся сумма дисгармонических явлений, накопленная последним, четвертым кварталом 1926/27 г. Не подлежит сомнению, что именно в этом квартале (хотя свою ложку дегтя внес уже третий квартал) предопределилось в основном течение хозяйственной жизни на октябрь — декабрь. Оценка конъюнктуры четвертого квартала 1926/27 г., сделанная ВСНХ, так определяла положение: „Хозяйственная обстановка июля — сентября привела к нарушению хозяйственного равновесия. В этом отношении существенное значение имели итоги второго полугодия 1926/27 г., а именно: значительный рост покупательной способности, главным образом, города, снижение промышленного производства в конце года, разрыв между снижением цен на промышленные товары и снижением их себестоимости, значительная эмиссия. Наряду с этим имели существенное влияние сезонные причины. Урожай текущего года созрел раньше, чем в прошлом году, вследствие чего реализация его началась раньше, и первые месяцы хлебной кампании — июль и август — обнаружили резкий рост заготовок хлебов и технических культур и вызвали резкий рост спроса на промышленные изделия. В то же время промышленное производство в июле и августе обычно сокращается вследствие массовых отпусков и ремонтных работ на фабриках. Поэтому усиленному спросу со стороны деревни не могло быть противопоставлено достаточное количество промышленных изделий“. В этой оценке кое-что не ясно, например, указание на разрыв между снижением цен и снижением себестоимости; кое-что упущено, например, роль капитального строительства, но кое-что основное указано правильно, хотя и в слишком общих выражениях.

В каких специфических условиях протекала реализация с.-х. продукции урожая 1927 г.? Не в том дело, что „урожай созрел раньше чем в прошлом году“, а в том, что: 1) он характеризовался огромным приростом технических культур — на 27,2% против предыдущего года (см. В. Громан, „Народное хозяйство Союза за 1926/27 г.“, „План. Хоз.“, № 12 за 1927 г.); 2) реализация технических культур происходила по повышенному против предыдущего года индексу 131,7 против 126,4 (по данным НКТорга); 3) одновременно индекс зерновых хлебов возрос с 103,8 до 114,9; 4) индекс животноводческих

цен поднялся с 152,3 до 168,7 (по данным НКТ), а по данным Госплана — он дошел даже до 190. В итоге — значительное превышение денежных доходов деревни от реализации с.-х. продуктов по сравнению с размерами этого дохода в предшествовавшем году. По подсчетам, сделанным работниками Госплана Р. Бройтманом и Г. Пистраком (эти же подсчеты, имеющие, конечно, лишь условное ориентировочное значение использованы нами в дальнейшем изложении), превышение это за июль — сентябрь составило около 150 млн. руб., а за полугодие июль — декабрь около 200 млн. руб. (замедление прироста за квартал октябрь — декабрь объясняется падением хлебозаготовок). Цифры эти, надо полагать, ниже действительных, так как реализация частника, происходящая по повышенным ценам, трудно поддается даже приблизительному учету. Но усиленный приток денежных средств в деревню шел в эти месяцы не только по линии реализации с.-х. продукции, но также и по линии заработков, в особенности на строительных работах. Чем шире развертываются капитальные работы в промышленности, на транспорте, по муниципальному и жилищному строительству, по электрификации страны, тем большие суммы из числа средств, затраченных при этом, неизбежно направляются в деревню, в качестве заработков сезонных рабочих, представляются к „товарному погашению“ на деревенском рынке, т.е. фигурируют в качестве элементов товарного спроса, представляемого деревней и существенно влияют на размеры товарного предложения со стороны деревни. Крестьянские промысловые доходы за июль — сентябрь составили (ориентировочно) в 1926/27 г. 322 млн. руб., в 1927/28 г. 365 млн. руб. Увеличение денежных доходов деревни (в данном году на сумму 40 — 50 млн. руб.) от участия в работах по капитальному строительству при прочих равных условиях может иметь последствием или увеличение товарного спроса деревни, если эти деньги представляются как покупательное средство, или сокращение реализации с.-х. продукции, если деревня за отсутствием нужных товаров не может расширить своего потребления. Чем больше „вес“ подобных заработков в доходах деревни, тем больше открывающиеся перед ней маневренные возможности, тем более свободно она будет делать коммерческие подсчеты выгоды реализации того или другого вида своей продукции, не считая себя вынужденной реализовать при любых условиях все, что только намерен взять у нее заготовитель. Резкое расхождение уровней цен по различным видам с.-х. продукции (при чем зерно оказывается товаром, относительно ниже всего оплачиваемым на рынке) приводит к тому, что сокращение предложения с.-х. продукции направляется особенно внушительно по линии зерна, хлеба. Товарный голод при фиксированных более или менее твердо ценах на промтовары превращается, таким образом, в сокращение с.-х. заготовок, а при низких ценах на зерно — в сокращение хлебозаготовок. Политика благоприят-

ствования техническим культурам и животноводству, расширение которых дает огромный плюс для дела разв'ортывания и укрепления нашей промышленности, должна, как показал опыт в отношении цен, проводится с достаточной осторожностью, не должна создавать чрезмерных разрывов уровней, должна подкрепляться целым рядом систематических мероприятий, которые не допускали бы чтобы поддержка технических культур и животноводства игрой рыночных факторов оборачивалась против зерновых культур. Осень 1927/28 г. показала, как из наступившего сокращения хлебозаготовок немедленно выросла угроза для осуществления индустриализации страны и разв'ортывания промышленности: во-первых, по линии падения сырьевых заготовок в районах технических культур (лен); вследствие недостаточного завоза хлеба сырье начало усиленно утекать в кустарную переработку и к частнику; во-вторых, по линии падения других связанных с деревней заготовок, необходимых для промышленности, заготовок, проведение которых связано с достаточными хлебофуражными ресурсами (лесозаготовки), в-третьих, по линии падения экспорта, что приводит к сокращению ввоза оборудования и сырья. Следовательно, если дело даже не доходит до продовольственного кризиса, недостаточное поступление хлеба быстро создает общую тяжелую хозяйственную обстановку, подрывающую успех и значение прочих, идущих по более высоким ценам с.-х. заготовок. Хлебозаготовки за квартал октябрь—декабрь (без жмыхов и масличных) составили в 1927/28 г. 140 млн. пуд. против 280 млн. пуд. в 1926/27 г. Процесс отражения хода хлебных заготовок на прочих с.-х. заготовках в осенние месяцы текущего года по сравнению с соответствующими месяцами 1926/27 г. показывает следующая таблица:

Т о в а р ы	В % к соответств. месяцу прошлого года		
	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Масличные	139	82	81
Лен — волокно	153	155	86
Пенька	192	185	148
Махорка	113	104	70
Кожі крупные	130	118	105
Кожі мелкие	157	120	112
Масло коровье	122	130	68
Яйца	276	103	54
Шерсть осенняя	111	91	54

В отношении индекса животноводческих заготовок необходимо отметить еще следующее. Высота этого индекса в значительной мере связана с высокими ценами, которые в целях стимулирования установлены по ряду товаров, составляющих статьи так называемого „второстепенного“ экспорта. Стационарность, даже резкое сокращение хлебного экспорта делают совершенно неизбежным в целях выравнивания торгового баланса наибольшее стимулирование всевозможных

иных статей экспорта, которые может дать деревня. Но когда высокая рентабельность побочных и второстепенных статей экспорта, развивающихся не в условиях исчерпания всех возможностей под'ема зернового хозяйства, а в условиях чрезвычайной его неустойчивости и слабости его уровня, обращается против хлебных культур и приводит к тому, что этим культурам грозит перспектива оказаться в роли „пасынков“, то такой эффект регулирования народного хозяйства становится не плюсом, а минусом даже для экспорта. Здесь, очевидно, необходима поправка, которая сохранила бы за развитием зернового хозяйства, в свою очередь, достаточные стимулы. Хлеб — продовольственная база страны, и он же может при соответствующем под'еме зерновых отраслей обеспечить массовое и мощное повышение экспорта. Этой перспективы нельзя терять из виду, принимая меры, необходимые для поощрения так называемых „второстепенных“ отраслей, которые, само собою разумеется, имеют, в свою очередь, достаточно богатое будущее. Решающим моментом является определение экономически правильной „дистанции“ в уровне цен. Разрыв уровней в 1927/28 г., несомненно, оказался преувеличенным. При общем итоге плановых заготовок за первый квартал текущего хозяйственного года в 575 млн. руб. стоимость хлебных заготовок составила всего 124 млн. руб., при стоимости технических культур в 350 млн. руб. и стоимости заготовок продуктов животноводства в 101 млн. руб. Доля хлебных заготовок в общем итоге составляет здесь немного больше 20%. В результате плановые заготовки в целом в ноябре и декабре упали ниже плановых заготовок 1926/27 г. в соответственные месяцы. Сравнение ценности плановых с.-х. заготовок за ноябрь и декабрь текущего года с данными за эти же месяцы предыдущего года, принимаемыми за 100, дает следующую картину процентных соотношений:

	Ноябрь	Декабрь
Хлебные заготовки	43,0	42,2
Технические культуры с масличными.	143,3	107,5
Заготов. прод. животн.	147,4	133,3
Все плановые заготовки	96,0	79,0

Начавшееся резким под'емом покупательных ресурсов деревни полугодие—июль—декабрь—нынешнего года кончилось постепенным затуханием, сокращением товарооборота между городом и деревней, накоплением натуральных запасов, развитием кустарного использования части сырья. Эта ситуация потребовала решительных мер вмешательства, которые и были предприняты в начале января.

III

В промышленности основные процессы развивались за тот же период в прямо противоположном направлении. В четвертом квартале 1926/27 г. (июль—сентябрь) продукция промышленности достигла низшей за весь год точки. Это объясняется тем, что на эти месяцы прихо-

дятся летние отпуска рабочим, остановка фабрик для ремонта, но также в некоторых отраслях и тем, что, исчерпав в первые месяцы года сырьевые ресурсы, промышленность к концу года подходит с недостаточным сырьевым обеспечением, с ничтожными сырьевыми запасами. Приходится кое-как дотягивать до конца хозяйственного года, ожидая, напр., новых партий иностранного хлопка, выписанных в счет будущего года, и поступления „отечественного“ хлопка нового урожая. В дореволюционное время сокращение фабрично-заводской продукции в летние месяцы не отражалось чувствительно на рынке потому, что существование больших запасов готовых товаров в оптовой и полуоптовой торговле, да и в самой промышленности, позволяло должным образом готовиться к реализации урожая и использовать летние месяцы для развоза товаров на места. Теперь промышленность заканчивает хозяйственный год не только без сырьевых резервов, но также и без резервных фондов готовых товаров. Торговые организации также не имеют возможности „отложить“ более или менее достаточные товарные фонды к осеннему периоду. Второе полугодие успокаивает голодное возбуждение первого, но именно поэтому оно подходит с пустыми руками к началу нового хозяйственного года — продукция его уже оказывается потребленной тогда, когда реализация возросшей массы с.-х. продукции создает очередную вспышку спроса на промтовары.

Конъюнктура рынка требовала бы от промышленности, в особенности от легкой промышленности, напряжения работы в четвертом квартале. На деле же происходит обратное. Вся промышленная продукция в своем физическом объеме возросла всего на 0,9% против III квартала, который дал понижение против II квартала. Продукция предметов широкого потребления в физическом объеме снизилась на 1,3% против III квартала. Но решающим на рынке является не физический, а ценностный объем. На величину же ценностного объема во второй половине 1926/27 года оказало сокращающее влияние произведенное снижение цен, направленное к уменьшению зияющей разницы между с.-х. и промышленными ценами. Ценностное понижение могло бы быть при более благоприятных условиях немедленно компенсировано и перекрыто расширением производства. Но немедленное решение этой задачи оказалось не под силу промышленности. Она лишь постепенно преодолела ценностное снижение усиленным развертыванием в течение квартала октябрь — декабрь. В IV же квартале истекшего хозяйственного года продукция промышленности в червонном выражении снизилась против III квартала на 1,6%; продукция предметов широкого потребления в червонных ценах упала на 5% ниже III квартала 1926/27 г. и оказалась равной стоимости продукции предметов широкого потребления за IV квартал предшествовавшего, т.-е. 1925/26, года; по хлопчатобумажным изделиям продукция в червонном выражении оказалась даже

на 4% ниже, чем она была в IV квартале 1925/26 г. Положение в промышленности оставалось неблагоприятным и в октябре. В обзоре Конъюнктурного института НКФ за октябрь текущего хозяйственного года отмечается, что „работа промышленности в октябре обнаруживает значительную неравномерность. В то время как горная индустрия и металлургия дают рост, легкие отрасли и прежде всего текстильная промышленность показывают снижение. Хлопчатобумажное производство по выработке тканей дает снижение на 2,9%, что объясняется отчасти сокращением запасов полуфабрикатов, составляющих на многих предприятиях всего двухнедельную потребность производства. Выработка шерстяных тканей понизилась в октябре на 10%. Продолжает ощущаться недостаток сырья в льняной промышленности, в виду чего часть фабрик работает с неполной нагрузкой. Выработка льняных тканей дала снижение на 1%“. Некоторое значение в снижении размеров продукции играло также проводившееся в этот период улучшение качества, т.-е. уплотнение тканей и т. п., что приводило к большей затрате сырья на единицу выпускавшегося готового товара. Валовая продукция промышленности за ноябрь (по современным ценам в червонном выражении) дала снижение против октября на 1,2% (повлияло большое количество нерабочих дней). Только декабрь принес существенное улучшение — повышение против ноября на 8,1%, при чем производство средств производства возросло на 7,4%, а продукция предметов широкого потребления на 8,8%. Итог годового развития — от декабря 1926 г. к декабрю 1927 г. — подводится следующими чрезвычайно характерными цифрами: прирост по всей промышленности в червонных ценах за год составляет 7,6%; при этом по производству средств производства прирост равен 11,4%, а по производству предметов широкого потребления увеличение составляет всего 3,6%. Сопоставление поквартальных итогов (за I квартал 1926/27 г. и 1927/28 г.) в червонном выражении дает, принимая данные 1926/27 г. за 100, следующие показатели для 1927/28 г.:

Валовая продукция промышленности . . .	106,9
В том числе { средств производства . . .	111,2
{ предм. широк. потребления	102,5

Прирост товарных ресурсов для насыщения широкого потребительского спроса оказывается явно минимальным. Продукция этих товаров проходит довольно длительный этап снижения (в ценностном выражении) и лишь к концу первого квартала текущего хозяйственного года добивается перелома в сторону повышения. Особо важное значение получает при скудости снабжения потребительскими товарами проблема согласования развертывания продукции средств производства с развертыванием индустрии, работающей на широкий рынок. Расширение производства средств производства, а также и многолетние капитальные работы как в тяжелой,

так и в легкой промышленности, обозначают увеличение числа рабочих, которые, не производя (или производя лишь в малой доле) ценности, имеющие непосредственно потребительский характер, предъявляют немедленный спрос как на товары широкого потребления, так и на продовольствие, которое поступает из области сельского хозяйства в порядке обмена опять-таки, главным образом, на товары широкого потребления. Чем больше растет число рабочих, занятых в подобных отраслях, чем больше, с другой стороны, растет общий фонд заработной платы, тем длиннее становится „хвост“ законных претендентов на потребительские товары, претендентов, вооруженных легальными платежными средствами. Среднемесячная зарплата одного рабочего возросла в I квартале текущего года против I квартала истекшего года на 9,6%, а общий фонд зарплаты рабочих увеличился на 15,7%, отражая, таким образом, и прирост числа рабочих. Между тем, к возрастающему спросу рабочих прибавляется увеличивающийся деревенский спрос, проанализированный выше и обусловленный как увеличенными поставками сырья для промышленности, которое, однако, будет переработано лишь в длительный срок (несколько месяцев) и лишь позднее даст увеличение выпуска товаров, так и увеличенным участием крестьянства в строительных работах, экономический эффект которых сказывается на товарном рынке иногда лишь через несколько лет. При таких условиях, т.е. условиях бурного промышленного подъема, проблема надлежащего планового сочетания развертывания производства средств производства и производства средств потребления приобретает исключительно важное значение. Само собой разумеется, дело не обстоит так, будто промышленность в этих двух подразделениях должна с точки зрения плана социалистического хозяйства развиваться одинаковым темпом. Обгон по линии производства средств производства необходим, он является императивным с точки зрения задачи укрепления промышленного костяка страны, повышения технического уровня, подготовки дальнейшего, более и менее мощного промышленного развертывания. Экономически такой обгон возможен тем в большей мере и тем безболезненнее, чем более организующих моментов удастся внести в процесс реализации платежных ресурсов, которая и формирует товарный спрос. Чем успешнее идет организация сбережений, чем больше стимулируется и воспитывается спрос не только на продовольствие и одежду, но также на жилище, домовую инвентарь, обиходные предметы технического характера и т. п., который требует длительного накопления платежных средств, тем благоприятнее складывается конъюнктура для расширения тяжелой индустрии. С другой стороны, разрешению этой же задачи должна служить активная налоговая политика. Однако, осень нынешнего года показала, что маневрирование всеми этими рычагами и вполне конкретное плановое увязывание различных отраслей хозяйства далеко еще не достигло совершенства. Наши конъюнктурные затруднения — в значительной мере результат молодости и слабости

нашего планирования. Медленно и с перебоями возрастающая продукция предметов широкого потребления не могла насытить резко расширившегося спроса. В течение нескольких месяцев город перехватывал непропорционально большую часть товаров, деревенское снабжение оказалось обеспеченным подчас хуже, чем в предыдущем году.

По ориентировочному балансу, сопоставляющему покупательный фонд на промтовары и продукцию предметов широкого потребления, дефицит промтоваров в июле — сентябре 1926 г. равнялся 277 млн. руб.; квартал октябрь — декабрь 1926 г. показывает избыток промтоваров в 77 млн. руб. Дефицит за полугодие — 200 млн. руб. В 1927 г. квартал июль — сентябрь сводится с дефицитом в 558 млн. руб., а квартал октябрь — декабрь с избытком всего 5 млн. руб. Промтоварный дефицит за полугодие 553 млн. руб. Эти цифры могут, конечно, претендовать только на указание направления хозяйственных процессов.

IV

Противоречие между сельским хозяйством, заканчивающим в конце четвертого и в начале первого квартала свой цикл расширенного воспроизводства, и промышленностью, начинающей в этот период развертывание своего нового цикла, трудности которого усугубляются более быстрым по сравнению с легкой индустрией темпом развертывания производства средств производства, — это противоречие не является неразрешимым. Необходимо поставить в дальнейшем практически задачу предотвращения, смягчения осенних кризисных вспышек товарного голода.

Возьмем для уяснения проблемы пример из иной экономической формации. Как складываются отношения между крестьянином и ремесленником, который перерабатывает сырье по заказу для его владельца. Получив крестьянский материал, ремесленник не дает за него немедленно никакого эквивалента. Он должен дать готовый товар в тот срок, который необходим для того, чтобы материал прошел все необходимые стадии переработки (на деле он пройдет через несколько рук при минимально развитом разделении труда). Более того, очень часто ремесленник работает у крестьянина на дому и содержится на хозяйских харчах, т.е. владелец сырья „авансирует“ ему средства, необходимые для переработки. Капиталистическая система опрокидывает этот тип отношений, и социалистическое хозяйство переходной эпохи получает в наследство такой уклад, при котором оно должно платить за сырье готовым товаром, не имея должного срока и авансированных ресурсов на его переработку. В „строе цивилизованных кооператоров“ организация переработки сырья, может быть, примет формы, возвращающиеся к системе заказов на основе налаженных отношений между промышленностью и кооперацией (кое-что в этом направлении, пожалуй, могло

бы быть испытано и теперь). Но практически смягчение всплесков товарного голода может быть в основном достигнуто путем мероприятий, разделяющихся на следующие пять групп: 1) постепенное накопление к осеннему периоду товарных резервов, 2) целесообразное использование заграничных кредитов, хотя бы и краткосрочных, 3) укрепление валюты, как средства сбережения, максимальное развитие системы сбережений, 4) более тщательное регулирование потребительского спроса методами политики сел.-хоз. цен и налоговой политики, 5) более правильное согласование капитального строительства и темпа развертывания „тяжелой“ индустрии с темпом развертывания „легкой“ промышленности. Эти мероприятия и иные, которые могли бы их дополнить, должны задаваться двумя задачами: увеличением к осени товарной массы на рынке и устранением сезонного вздутия потребительского спроса.

Товарный голод проявляется в том, что предъявляемым на рынке деньгам не противостоит товарное „покрытие“. В этом пункте товарный голод сближается с инфляцией. Но поскольку второе полугодие регулярно характеризуется сокращением денежной массы в обращении (таков опыт трех лет — 1925/26, 1926/27 и, наконец, 1927/28 гг.) и повторным затуханием товарного спроса, постольку инфляционные явления первого полугодия должны рассматриваться так же, как спутники определенной стадии хозяйственного цикла, порождаемые его особенностями. Усиление эмиссии в конце лета и в начале осени в известной мере может оказываться фактором подталкивающим товарный голод, но эта эмиссия обусловлена и продиктована хозяйственными планами, а не обуславливает и диктует их. Простое упразднение или сокращение подобной эмиссии становится в таких условиях делом невозможным. Конечно, без добавочного количества денег не могут быть выполнены планы заготовок по повышенным ценам, планы капитального ремонта и строительства, повышение зарплаты и т. д. Запереть осеннюю эмиссию „на ключ“ — значило бы предоставить Государственному банку право пересмотра хозяйственных планов, но он на это не уполномочен. Впрочем, Госбанк не имеет оснований в принципе считать недопустимым осеннее расширение денежной массы в обращении, поскольку оно диктуется сезонным расширением товарооборота. Инфляционные черты такая эмиссия получает, в сущности, лишь как заразную болезнь — она находится в зависимости от „инфляции“ (вздутия) осеннего потребительского спроса, что определяется факторами, лежащими не в сфере денежного обращения, а в сфере производства и распределения.

Безусловно инфляционное значение осенняя эмиссия получает тогда, когда она только по видимости связана с сезонным расширением товарооборота, а по существу вовсе не имеет краткосрочного характера. Если промышленные предприятия, загнав свои оборотные средства в капитальные работы, стоимость которых вышла

за пределы планов, получают затем в порядке банковских кредитов средства, идущие на восполнение их оборотных средств, то в этой обходной форме, как оно, в действительности, и было в III квартале истекшего хозяйственного года, банковская эмиссия пускается на долгосрочное финансирование.

Когда пытаются оспаривать инфляционное значение подобного значения эмиссии банкнот указанием на то, что деньги пошли-де на „производительные надобности“ и вызовут в конце концов увеличение производства товаров, то совершенно упускают из виду специфические свойства того платежного документа, каким являются деньги.

Банкнота — не долгосрочный „вексель“, по которому оплата товарами наступит тогда, когда начнет их выпускать на рынок завод, для финансирования которого она выпущена. Банкнота есть скорее „чек“, подлежащий немедленной оплате товарами, притом в государственной и кооперативной лавке товарами по твердой цене. Неоплата подобного „чека“ в лучшем случае колеблет к нему доверие. Товарный голод поэтому неизбежно подрывает положение валюты и сам является проявлением несоответствия между обещанием платежа и наличными реальными ресурсами для производства платежа (товарами) по денежному требованию. В этом смысле рассасывание осенних конъюнктурных трудностей в течение года не проходит все же бесследно для состояния твердой валюты — каждая очередная волна товарного голода по-своему ее подмывает и ослабляет ее роль в особенности как средства накопления. Роль средств накопления соответственно с этим начинают играть различные товары (хлеб, мануфактура и т. п.). Хлеб задерживается в деревне, мануфактура скупается не только для потребительских целей, но как „валютный товар“, и в результате наносится ущерб товарообороту между городом и деревней. Более трезвый и осторожный учет реальных ресурсов, более твердое и плановое их использование необходимы для избежания новых, хотя бы и сезонных инфляционных приступов. Укрепление валюты, развитие кредита, в особенности долгосрочного, требуют устойчивости хозяйства, кредитная система особенно болезненно реагирует на всяческие потрясения. Падение хлебозаготовок в истекшем квартале представляет собой в сводной таблице динамики квартальных показателей (разработана Конъюнктурной секцией Госплана) полюс, противоположный расширению долгосрочного кредита. Располагая процентные показатели прироста и падения в первом квартале 1927/28 г. по сравнению с первым кварталом 1926/27 г., получаем следующий ряд:

Долгосрочный кредит	+ 95,2
Биржевые обороты промтоваров	+ 32,4
Денежная масса	+ 25,3
Краткосрочный кредит	+ 12,0
Импорт	+ 21,7
Фонд зарплаты рабочих	+ 15,7

Продукция средств производства	+ 11,2
Продукция предметов широкого потребления	+ 2,5
Продукция на одного рабочего	+ 1,3
Коммерческие вклады в банках	+ 1,9
Вклады НКФ по Госбанку	— 0,6
Биржевые обороты с.-х. товаров	— 17,5
Экспорт	— 20,9
Плановые хлебозаготовки	— 51,5

Таблица эта дает отчетливую картину расхождения „базиса“ и „надстройки“. Улучшение хлебозаготовок в январе и феврале отвело непосредственную опасность, угрожавшую народному хозяйству, но необходимо органическое укрепление его и излечение от „синяков“, полученных на конъюнктурных ухабах.

Наследство конъюнктурных затруднений особенно болезненно дает себя чувствовать в области экспортно-импортных операций. Несмотря на улучшение хлебозаготовок во втором квартале, рассчитывать на хлебный экспорт в текущем году не приходится. Выпадение хлеба лишь частично может быть компенсировано форсированием экспорта по другим статьям, и сальдо внешнеторговых операций, повидимому, будет сведено без валютного остатка при цифре экспорта, несколько пониженной против предыдущего года. Остающиеся кварталы хозяйственного года по плановым расчетам дадут картину, более благоприятную, чем первый квартал, в котором экспорт (по современным ценам) упал на 21% против экспорта первого квартала 1926/27 г., а импорт возрос на 21,7%. Тем не менее, положение в этой области остается напряженным. Сокращение, а затем и почти полное исключение зернового экспорта подрывает политику активного торгового баланса. Вместе с тем, создается опасность, что не будет осуществлено в необходимом размере образование валютных резервов, которые должны возрасти в соответствии с хозяйственным оборотом страны, ее внешнеторговыми операциями, международной краткосрочной задолженностью, денежной массой в обращении. Достижение значительного активного сальдо по экспортно-импортным операциям диктуется интересами сохранения устойчивости всего хозяйства в целом. Но это предполагает, что объем экспорта не только не будет более снижаться, а наоборот,

ближайшего же года обнаружит достаточный рост. Для достижения этой цели необходима система продуманных и настойчиво проводимых мероприятий. Само собой разумеется, что опыт текущего года вовсе не доказывает, будто на хлебный экспорт приходится ставить крест. Отказаться от этого экспортного ресурса, который в довоенное время был „житом“ экспортной программы и достигал ценности в 600—800 млн руб., означало бы идти по линии наименьшего сопротивления. Развитие зернового экспорта должно быть обеспечено; постепенный подъем его в течение ряда лет возможен. На ряду с этим надо учесть те изменения в строении экспорта, которые сложились в совет-

ском хозяйстве, — именно выросло значение промышленного экспорта, что является фактом громадного положительного значения. Этому развитию промэкспорта должно быть оказано самое активное содействие.

Выход советской промышленности на внешний рынок, помимо политического значения, которое будет иметь эта демонстрация успехов социалистического строительства, увеличит возможности развертывания советской индустрии, ускорит процесс ее технического переоборудования и т. д. В планах капитального строительства, в программах импорта промышленного оборудования должна быть учтена эта сторона дела — достаточное развитие тех промышленных отраслей, которые могут на основе экспорта обеспечить советскому хозяйству прирост его платежных средств на мировом рынке. Использование под этим углом зрения оборудования, ввозимого в долгосрочный кредит, тем более обязательно, что, таким образом, как бы автоматически обеспечивается погашение заграничной задолженности по промышленному импорту. Проблема развития экспорта, задача успешного проведения яровой посевной кампании, дальнейшее осуществление промышленного развертывания, — таковы основные вопросы текущего и ближайших кварталов. Остается не вполне решенной и задача выполнения хлебозаготовительной программы. Но на основе увеличившейся продукции товаров широкого потребления, резко повышенного завоза промтоваров в деревню, и, с другой стороны, благодаря мероприятиям по линии налогового и кредитного (крестьянский заем) воздействия, хлебное снабжение может быть обеспечено и угроза хозяйственных осложнений отведена. Хозяйственный цикл вступает ко второму полугодью во вторую свою „спокойную“ фазу. Из этого не следует, что осенью неизбежно вступление его вновь в „кризисную“ фазу. Борьбе с этой сменой фаз должны быть в значительной мере посвящены наша плановая работа и хозяйственная политика ближайших месяцев.

Принципы построения перспективного плана¹

I. Предварительные замечания

Уже не раз указывалось, что „контрольные цифры“ имеют двоякий смысл: с одной стороны, это попытка, исходя из анализа прошлого, чисто генетически выяснять возможности ближайшего хозяйственного года; с другой стороны, при составлении контрольных цифр всегда предполагается определенная система экономической политики, необходимая для воплощения в жизнь намеченных возможностей.

То же самое можно сказать и о всяком ином перспективном плане.

Всякий перспективный план народного хозяйства — будет ли это генеральный план, пятилетка или контрольные цифры — должен представлять собой синтез директивы и прогноза, т.е. должен иметь определенную целевую установку и генетическое научное обоснование ее осуществимости. Часто возникающие среди плановых работников прения о том, какому из этих двух элементов должно быть отдано преимущество, по нашему мнению, являются сплошным недоразумением, вытекающим из неправильной постановки вопроса. Телеология и генетика — не конкурирующие между собой антагонисты, а диалектически связанные друг с другом моменты единого органического целого.

Перефразируя известное изречение Канта, можно сказать, что телеологические установки перспективного планирования без генетического их обоснования пусты, генетические исследования без целевых установок слепы. План народного хозяйства должен быть зрячим и, вместе с тем, реальным, научно обоснованным.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях советской общественности соотношение между телеологией и генетикой носит специфический характер, вследствие чего существенно модифицируются приемы и методы генетического исследования. При анализе капиталистического общества, где тенденции развития складываются в результате стихийного сочетания большого числа индивидуальных хозяйственных актов, широко применима основанная на теории веро-

¹ Статья дискуссионная. Критическое освещение некоторых спорных положений будет дано в одном из ближайших номеров журнала. Р. в. д.

ятности методология современной научной статистики. В СССР государственная организованная воля пролетариата выступает в качестве мощного экономического фактора; наша история, объект научного генетического анализа, на ряду с тенденциями, развивающимися стихийно, представляет собой — и чем дальше, тем больше — кристаллизацию телеологии, материализованной в фактах прошлого единым субъектом обобществленного хозяйства — государством. Поэтому поле действия закона больших чисел и других постулатов и теорем теории вероятности в современной советской экономике ограничено гораздо более узкими рамками, нежели в капиталистическом строе. Весьма ограничено поэтому и применение основанной на теории вероятности статистической методологии, особенно при анализе динамических рядов и попытках их экстраполяции.

1 Таким образом, научная подготовка материала для перспективного планирования должна состоять не столько в формально-статистических манипуляциях, сколько в качественном экономическом анализе структуры современного советского хозяйства и тех специфических закономерностей, которые именно из этой структуры вытекают. Точнее говоря, правомерность применения того или другого формально-статистического метода должна быть обоснована не абстрактными теоретическими соображениями, а конкретным познанием текущей экономики.

Совершенно исключительная трудность построения пятилетки, при только что очерченных общих условиях, состоит в том, что мы вынуждены выполнить эту работу в момент глубокого перелома в нашей хозяйственной жизни, на рубеже двух существенно различных между собой эпох. Три года тому назад, когда мы впервые приступили к разработке „контрольных цифр“ на год вперед, задача, вставшая перед нами, была значительно проще. Мы имели тогда за своей спиной трехлетний процесс восстановления народного хозяйства СССР; мы были вооружены знанием (правда, очень грубым и приблизительным) основных закономерностей „восстановительного периода“. Это давало кое-какую научную базу для проектирования хотя бы некоторых кривых хозяйственного развития. В настоящий момент мы находимся в предверии того реконструктивного периода, который должен быть содержанием проектируемой пятилетки. Опыты реконструкции, производившиеся в течение последних двух лет, до сих пор не изучены да и по существу дела едва ли могут послужить фундаментом для научных перспективных построений, так как, по видимому, еще не преодолели окончательно стадию „детских болезней.“

Вышесказанное заставляет подходить к теоретическому обоснованию пятилетки с величайшей тщательностью, но, вместе с тем, и с большой осторожностью. Не следует увлекаться детализацией схематических цифровых построений, высшее достоинство которых состоит в том, что они (как совершенно произвольные) не могут

быть ни опровергнуты, ни доказаны. Надо сосредоточить все свое внимание на основных архитектурных линиях перспективного плана, памятуя, что в настоящее время мы в состоянии дать лишь его первоначальный набросок, который несомненно разойдется с действительностью, и в ближайшие годы потребует построения новых вариантов.

Только что указанное соотношение между телеологией и генетикой, само собой разумеется, отнюдь не является абстрактным логическим выводом из марксистской теории познания, но диктуется той конкретной фазой в развитии нашей познавательной мощи, которую мы в настоящий момент переживаем. С точки зрения марксистской гносеологии все общественное развитие строжайшим образом детерминировано. Не только грядущие стихийные процессы, но и грядущая воля отдельных лиц и организованных классов, грядущие действия, направляемые личной или коллективной волей и результаты этих действий с совершенной необходимостью вытекают из прошлого. Если бы мы располагали идеальным познанием, мы могли бы на любое число лет вперед с точностью рассчитывать, путем генетического научного исследования, и развитие материального базиса в данном обществе, и трансформации надстроек, и результаты взаимодействия базиса и надстроек. Ни о каких априорных целевых заданиях, ни о каких предварительных конструкциях или „моделях“ в нашей плановой работе не было бы тогда и речи. Мы не строили бы никаких вариантов, но, опираясь исключительно на изучение прошлого, сумели бы с полнейшей логической непрекаемостью начертать единственно возможный и необходимый путь грядущего. К сожалению, мы бесконечно далеки от такого бесконечно глубокого и исчерпывающего познания. Поэтому в плановой работе, мы, не умея предвидеть, вынуждены предвосхищать результаты развития в форме априорных целевых заданий и уже потом, апостериори, научно оправдывать и обосновывать их.

Из предыдущего ясно, что в практике перспективного планирования неизбежно применяются принципы двоякого рода: телеологические или целевые задания и собственно методологические, т.е. те научные приемы, при помощи которых обосновываются целевые установки плана и отыскиваются пути осуществления их с наименьшей затратой времени и сил. Сверх того, в нашей плановой практике мы часто пользуемся постулатами, которые, строго говоря, не относятся ни к первой, ни ко второй категории, но представляют собой некоторое смешанное образование. Это — рецепты, содержание которых, само по себе, не входит в целевые задания плана, но логически вытекает из этих последних при определенных объективных предпосылках. Таковы, например, нижеследующие указания: „продукция средств производства должна расти быстрее продукции предметов широкого потребления“, „индексы цен на промышленные и сельскохозяйственные товары должны сближаться“

и т. п. Такие условные директивы, правильные лишь при определенных предпосылках, я буду называть „регулятивными идеями“ (имеется в виду тот смысл, который придавала этому термину кантианская философия, противопоставляя „регулятивное“ „конститутивному“).

2. Целевые задания

Какава основная целевая установка перспективного плана?

В наиболее общей форме она охарактеризована на стр. 1 „Материалов центральной комиссии по пятилетнему плану“. „Задача перспективного плана народного хозяйства СССР в настоящий момент может быть сформулирована как задача такого перераспределения наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу и материальные ресурсы страны, которое в оптимальной степени обеспечивало бы бескризисное расширение воспроизводства этих производительных сил возможно быстрым темпом, в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма“.

Приведенная формула в сжатом виде намечает те существеннейшие принципы, с которыми нам приходится считаться при построении как генерального, так и пятилетнего перспективного плана. Трехединный постулат оптимального сочетания роста производительных сил, повышения благосостояния трудящихся масс и развертывания процессов обобществления составляет телеологический стержень плана; постулат „бескризисного воспроизводства“ предопределяет методологию перспективного планирования.

Остановимся на телеологическом моменте. В масштабе годичных планов возможен известный антагонизм между требованием осуществить максимально быстрый рост производительных сил, с одной стороны, в максимальной степени повысить уровень жизни трудящихся масс, с другой стороны, и вместе с тем, в максимальной же степени форсировать социализацию общества. Очевидно, например, что, задавшись целью значительно повысить реальную зарплату рабочих, мы должны соответственно расширить продукцию предметов массового потребления на данной технической базе и тем самым ослабить ресурсы, необходимые для технической реконструкции промышленности. Не менее очевидно, однако, что такое распределение ресурсов предвещает замедленный рост благосостояния рабочих в один из следующих годов, когда пониженный темп реконструкции скажется на состоянии текущего производства. И обратно — форсирование технико-реконструктивных работ, за счет сдержанного роста потребления в данный момент, было бы компенсировано более быстрым ростом потребления в период практического использования новой техники. Таким образом, в рамках пятилетнего, а тем более генерального плана, никакой антагонизм между повышением

жизненного уровня и ростом производительных сил советского общества не возможен, ибо если отвлечься от денежной оболочки, то и первый и второй процесс будут иметь одну и ту же меру: количество благ или потребительных ценностей, приходящихся в среднем на одного члена общества. То же самое надо сказать и о процессах обобществления в их отношении к развитию производительных сил. В течение короткого срока может оказаться целесообразным, по тем или другим внеэкономическим соображениям, вовлечь в сферу обобществленного хозяйства такие отрасли, которые для этого еще не созрели, в которых обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда. Но в рамках длительного периода такая политика ни при каких условиях не может быть целесообразной. Ибо превратить на 5, 10, 15 лет общественную организацию из формы хозяйственного развития в его „оковы“, хотя бы для отдельных отраслей труда, значило бы дискредитировать самый принцип обобществления, подготавливать в грядущем частичное поражение и отступление социализации тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение.

Намечая перспективную динамику роста производительных сил, благосостояния трудящихся масс и процессов обобществления, нельзя ни на минуту забывать о том, что мы имеем здесь перед собой не параллельные ряды развития, а процесс реального взаимодействия. Данная социальная структура вызывается к жизни ростом материальных производительных сил, является надстройкой над материальным базисом, но вместе с тем, раз сложившись, она оказывает, в особенности у нас в СССР, могучее воздействие на дальнейшее развитие производительных сил. (Обстоятельство, заставляющее с особым вниманием исследовать народнохозяйственную эффективность тех конкретных организационных форм, в которых воплощаются у нас процессы обобществления.) Равным образом, подъем жизненного уровня рабочей массы, будучи непосредственным результатом роста производительных сил, есть в свою очередь необходимая предпосылка дальнейшего повышения интенсивности и квалификации труда.

Если в размахе пятилетнего и тем более генерального плана не может быть никакого принципиального противоборства между развитием производительных сил, благосостояния народных масс и процессов социализации, то отсюда отнюдь не следует, что темпы их роста должны быть всегда одинаковы или пропорциональны.

Возможно такое стечение обстоятельств, при котором требуется на некоторое время замедлить количественный рост зарплаты или социализации и, так сказать, закрепить на достигнутых позициях именно для того, чтобы расчистить путь для дальнейшего интенсивного роста производительных сил. Но невозможно представить себе обратное, т.е. необходимость временного замедления роста

производительных сил в целях форсирования народного благосостояния или процессов социализации.

Развитие производительных сил есть ведущее звено. В оптимальном плане этот показатель должен обнаруживать плавный рост. Всякие перебои, срывы или замедления свидетельствовали бы в данном случае о дефектности плана. Понятие „оптимального“ пути развития включает в себе, конечно, также бесперебойность роста благосостояния и социализации. Однако, временные замедления темпа могут вытекать здесь не из дефектности плана, а из дефектности того конкретного жизненного материала, к которому план применяется. Только длительная приостановка роста (депрессия) или резкое попятное движение (кризис) могут и здесь рассматриваться, как явные признаки несостоятельности планового замысла.

Переходя от формальной целевой установки к основному материальному заданию перспективного плана „индустриализации на новой энергетической базе“, мы должны, прежде всего, дать себе ясный отчет в том, какие качественные сдвиги, какие перемены в социальной структуре СССР и его отдельных районов связаны с выполнением этой директивы.

Согласно анализу, который шесть лет тому назад был сделан В. И. Лениным и до настоящего момента ни в коей мере не успел устареть, советская общественность представляет собой симбиоз пяти социально-экономических укладов: 1) социалистического, 2) госкапиталистического, 3) частнокапиталистического, 4) простого товарного, 5) патриархально натурального. В борьбе за полное и окончательное проведение в жизнь социализма главным активным врагом обобществленного сектора выступает частный капитал; но той почвой, на которой легко разрастается частно-капиталистическая поросль, той питательной средой, которая вливает в капитал новые жизненные силы после сокрушительных ударов, наносимых ему нашей экономической политикой, является простой товарный и патриархально-натуральный сектор. По отношению к этим архаическим социальным формациям, унаследованным нашей деревней от средних веков и первобытно-родового быта, кулак имеет могучее и притом ускользающее от государственного контроля орудие эксплуатации в форме ростовщического капитала. Этот древнейший и наиболее паразитический способ капиталистического накопления, несомненно, практикуется в современной деревне, обездоливая низшие слои крестьянства и сосредоточивая в руках высших его слоев ресурсы, позволяющие этим последним развешивать широкую спекуляцию во всех тех случаях, когда просчеты или перебои в нашей экономической политике создают для этого благоприятную почву.

С другой стороны, натуральное самопотребительное хозяйство крестьянской семьи есть жизненный уклад, в наибольшей степени

гетерогенный плановому хозяйству, основанному на широком общественном разделении труда и высокой культуре. Патриархально-натуральный уклад — это крепость, о стены которой бессильно разбиваются волны культурного прилива, в недрах которой крестьянин, как улитка в своей раковине, почти недоступен влиянию окружающей среды и, во всяком случае, находится вне пределов досягаемости для государственной плановой политики. Наконец, натуральное хозяйство и некоторые виды простого товарного производства представляют собой пережитки чрезвычайно низкой примитивно-беспомощной техники. Даже при максимально интенсивном и экстенсивном использовании труда всех работоспособных членов семья обречена здесь нередко на нищенское существование. Перед нами те крайне упадочные виды производительного труда, которые Маркс характеризовал как скрытую форму безработицы.

Очевидно, одной из первейших и важнейших проблем перспективного плана является планомерная ликвидация патриархально-натурального хозяйства и наиболее отсталых видов простого товарного производства.

При стихийном протекании этот процесс неизбежно привел бы к усилению мощи капиталистического сектора, росту дифференциации в деревне, обострению классовых противоречий и классовой борьбы. „Планомерность“ ликвидации архаических форм хозяйства должна, следовательно, состоять в таком осуществлении этого социально-экономического сдвига, при котором капиталистический сектор не усиливается, а наоборот, окончательно теряет питающую его среду, в то время как обобществленный сектор приобретает прочную и незыблемую базу.

Как мы только что сказали, тормозом на пути к социализму являются в нашей стране не только пережитки капитализма, но и пережитки докапиталистических формаций. Нам приходится, следовательно, в плановом порядке разрешить ту гигантскую задачу „денатурализации“ народного хозяйства и перераспределения рабочей силы, согласно требованиям общественного разделения труда, какую капитализм в стихийном порядке разрешил на заре своего существования, в эпоху так называемого „первоначального накопления“. В капиталистических странах процесс этот протекал чрезвычайно болезненно, сопровождался величайшими бедствиями для трудящихся масс, порождая острейшие социальные кризисы. В Англии и ее владениях значительное количество мелких ремесленников и крестьян просто вымерло (вспомним цитированную Марксом фразу официального отчета: „Равнины Индии белеют костями ткачей“); много „избыточных“ эмигрировало в Америку; наконец, десятки тысяч труженников, выброшенные на улицу, превратились в бездомных нищих и были „ликвидированы“ в порядке применения исключительных законов против бродяжничества. Аналогичные явления наблюдались и в капиталистических странах европейского континента.

Иначе обстоит дело в СССР. Мы должны построить план вытеснения натурального хозяйства и некоторых видов мелкоремесленного производства реконструированной техникой с таким расчетом, чтобы освобождающаяся при этом рабочая сила (вернее, переходящая из состояния „скрытой“ в состояние явной безработицы) могла быть планомерно использована в системе рационально расчлененного общественного труда, и при том использована в таких формах, которые сразу же связывали бы ее теснейшими узлами с обобществленным сектором, вырывая из сферы влияния частного капитала. Так история поставила проблему использования рабочей силы в процессе генеральной реконструкции нашего народного хозяйства. Она должна быть разрешена, ибо в противном случае пришлось бы признать неосуществимым самый принцип планового хозяйства в период реконструкции.

В самом деле, мы еще по настоящему не приступили к процессу реконструкции; натуральное хозяйство и различные промыслы, носящие характер скрытой формы безработицы, не ликвидируются, а наоборот, поощряются у нас крайней дороговизной и недостаточностью промышленных продуктов широкого потребления. И тем не менее, уже в настоящее время мы вынуждены непроизводительно расходовать огромные суммы на поддержание избыточного населения в порядке, так сказать, социальной благотворительности. В нынешнем году будет затрачено около 120 миллионов на денежные пособия безработным, десятки миллионов на трудовую помощь им же; большие, но трудно учитываемые средства пойдут на разные виды помощи крестьянской бедноте. Что же будет в разгар реконструкции, когда масса дешевой промышленной продукции хлынет в деревню, освобождая рабочее время миллионов людей? Так как советский строй, оставаясь самим собой, не может ни предоставить их собственной участи, ни „ликвидировать“ их методами раннего капитализма, то не останется никакого иного выхода, как затрачивать на помощь избыточному населению уже не сотни миллионов, а миллиарды рублей. Другими словами, для лечения социальных последствий реконструкции пришлось бы расходовать все большую и большую долю тех ресурсов, которые необходимы для самой реконструкции. Если бы мы встали на этот путь, то реконструкция должна была бы весьма быстро замереть, создав глубокий кризис, — не кризис хозяйственной „конъюнктуры“, а кризис всей системы планового хозяйства.

Но если проблема рационального использования фонда избыточной рабочей силы является действительно основной для нашего перспективного плана, то прежде всего необходимо выяснить размеры этого фонда, и притом не только в теперешнем его состоянии,¹ но прежде, всего, в динамической установке плана реконструкции.

¹ О том, как подойти к учету наличного избыточного населения, т.е. текущей безработицы в ее скрытой форме, см. ниже в разделе „Методология“.

Для этой последней цели надлежит наметить порайонно наиболее рациональные типы земледельческого и животноводческого хозяйства и указать (конечно, в самых грубых ориентировочных цифрах) те контингенты работников, которые необходимы будут для ведения этого рационализированного и специализированного сельского хозяйства. Само собой разумеется, при этих расчетах следует исходить не из теперешних, фактически наблюдаемых коэффициентов „трудоемкости“ и не из каких-либо эмпирических кривых развития, а из рациональных агрономических и технических норм. К полученной таким образом сумме надо присоединить то количество земледельцев, которое целесообразно и возможно переселить в необжитые земледельческие районы, подлежащие колонизации в период генеральной реконструкции. Разница между полученным итогом и общей численностью деревенского населения в рабочем возрасте и укажет порядок той „избыточной“ величины, которая в процессе реконструкции народного хозяйства выпадет из земледельческого производства и должна быть планомерно распределена в городе и деревне между прочими отраслями производительного труда. Мы не желаем предрешать результатов этих расчетов, но надо быть заранее готовыми к тому, что подлежащий рациональному использованию избыток составит огромную величину.

Плавное, бескризисное разрешение этой гигантской задачи, стоившей капитализму величайших потрясений, возможно лишь при условии, что в данном случае наша хозяйственная система обладает, по сравнению с капитализмом, не только иначе направленным волевым устремлением, но и громадными объективными преимуществами. И такие преимущества, действительно, существуют.

Капитализм, убивая отсталые формы производства прогрессирующей техникой, тем самым понижает покупательную способность трудовых масс населения, сужает внутренний рынок и именно поэтому в состоянии занять в своих реконструированных предприятиях лишь ничтожную долю крестьян и ремесленников, ставших „избыточными“ вследствие процесса реконструкции. Отсюда ожесточенная погоня за внешними рынками на первых же ступенях развития капитализма и brutальный „империализм“ эпохи первоначального накопления (работа „Ост-Индских компаний“ и т. п.).

Нашему строю было до сих пор присуще противоречие как раз противоположного характера. Рост номинальной покупательной способности населения обгонял реальные возможности ее удовлетворения; платежеспособный спрос на предметы широкого потребления у нас почти всегда превышал размеры продукции в ценностном выражении. Расширить внутренний рынок в меру производственных возможностей реконструируемого народного хозяйства в наших условиях не представляет никакой трудности. Здесь нет для нас никакой „проблемы“. А раз это так, то в Советском Союзе перспектива повышения производительности труда, скажем, в три раза, вовсе не

означает, что две трети работников, занятых до сих пор в народном хозяйстве, окажутся излишними. И при новой технике вся наличная рабочая сила может и должна найти себе приложение; продукция тогда вырастет втрое, а следовательно, втрое же увеличится и потребление народных масс.

Но если тут нет никакой принципиальной трудности, то возникают огромные практические затруднения вследствие того, что ресурсы, которые мы можем затратить на дело реконструкции, очень скромны, а запасы рабочей силы по своей квалификации не соответствуют требованиям реконструкционного процесса. План систематического преодоления этих трудностей и должен составить главное содержание наших работ по построению как генеральной, так и пятилетней перспективы.

Задача планомерного втягивания в индустрию избыточного населения при нашей культурной отсталости и ограниченности тех материальных ресурсов, которые мы можем выделить для целей реконструкции, создают повелительную необходимость проводить индустриализацию в строгой системе как в смысле типов вновь создаваемых предприятий, так и в смысле их очередности. К сожалению, в теории и практике нашего индустриального строительства (за исключением электрификации) не наметилось до сих пор достаточно выдержанной системы. Не формулированы с надлежащей четкостью руководящие идеи, вытекающие из специфических условий хозяйственного развития Советского Союза, и зачастую пользуются незаслуженной популярностью традиции, унаследованные от дореволюционного прошлого.

Союз ССР — страна очень богатая скрытыми возможностями, но очень бедная реальным накоплением. Даже при наличии значительных иностранных кредитов, мы еще долгое время будем стеснены в средствах, необходимых для капитальных вложений в реконструируемое народное хозяйство. Там, где развитие производительных сил предполагает значительное возрастание основного капитала, мы не в состоянии вести реконструктивные работы достаточно быстрым темпом. Основной руководящей идеей нашей индустриализации должно быть, поэтому, достижение возможно большей эффективности, — и в смысле физического объема продукции, и в смысле производительности труда, и в смысле вовлечения в производство новых кадров рабочей силы, — при возможно меньших затратах на капитальное строительство. Современная техника открывает в этом отношении две возможности, которые при их умелом и систематическом использовании позволили бы нам придать индустриализации исключительно мощный размах, далеко опережающий темпы роста капиталистических стран в соответствующую эпоху их развития. Это, во-первых, рационализация, во-вторых, электрификация.

Остановимся сначала на первом моменте — „рационализации“ индустриальных предприятий, понимая под этим термином как

устранение излишних трудовых процессов (НОТ), так и ускорение работы механизмов при специализации и автоматизации сложных операций. Рационализация в этой последней и самой эффективной ее форме осуществима только при гигантской массовости производства. Вот почему массовость есть тот основной критерий, которым должна определяться очередность наших реконструктивных начинаний. В первую очередь должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже теперь носит достаточно массовый характер. Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупку необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам.

Против этой руководящей идеи возражают обыкновенно, что она предполагает закрепление на долгий срок наших коммерческих связей с заграницей, в то время как неблагоприятная и все ухудшающаяся международная обстановка заставляет нас стремиться к возможно более быстрой ликвидации всякой нашей хозяйственной зависимости от внешнего мира. В основе этой аргументации лежит явное недоразумение. Наша теперешняя зависимость от заграницы обусловлена не какими-либо „естественными“ причинами, а исключительно низким уровнем нашей материальной культуры, т.е. недостаточной индустриализацией нашей страны, которая и по своим климатическим условиям и по обилию естественных богатств вполне приспособлена к тому, чтобы обитающее в ней население образовало почти самодовлеющий народнохозяйственный организм (типа Соединенных Штатов Северной Америки). Другими словами, эмансипация от капиталистического окружения в наших условиях есть, прежде всего, функция индустриализации; она будет достигнута тем скорее, чем более быстрым темпом пойдет процесс индустриализации. Следовательно, если доказано, что намеченная выше схема обеспечивает максимально быстрый темп индустриализации, то тем самым доказано, что и с точки зрения экономического освобождения СССР от иностранной зависимости эта схема является наиболее рациональной. В самом деле, допустим, что при проведении индустриализации мы не будем соблюдать рациональной очередности, позволяющей в каждый данный момент сосредоточить наше строительство в тех областях, в которых мы к этому наилучше подготовлены и можем сразу использовать наиболее мощные типы современной техники, а поспешим построить собственные предприятия для производства всех продуктов, в каких мы нуждаемся. Наша организационно-техническая неподготовленность и нерациональное распыление средств, неизбежное при такой поверхностной индустриальной экспансии, приведут к тому, что эти новые предприятия, поглотив в общей сложности огромные капитальные вложения, будут влачить

чахлое существование, переживая нескончаемые „детские болезни“ и выбрасывая на рынок ничтожное количество продуктов очень высокой себестоимости и очень низкого качества. Эмансипации от заграницы эти скороспелые отечественные суррогаты, конечно, не дадут, а преодоление отсталых форм хозяйства замедлят, общую мощь народнохозяйственного целого подорвут и всю перспективу генеральной реконструкции существенно исказят.

Необходимо, сверх того, подчеркнуть, что скороспелое капитальное строительство в отраслях, еще не завоевавших себе достаточно широкой базы в СССР, не только замедлило бы рост производительных сил в ближайшем будущем, но сковало бы его на долгие и долгие годы. Специализация производства при ограниченном его масштабе не осуществима. Следовательно, строя новые предприятия в производствах, не носящих массового характера, мы были бы вынуждены вложить большие средства в технические сооружения устарелого типа, — в сооружения, эффективность которых много меньше эффективности их западно-европейских или американских конкурентов. Таким образом, мы с наступлением предпосылок массовой продукции в очень многих случаях будем поставлены перед альтернативой: или дорабатывать до „конца“, до пределов естественного износа предприятия, морально устаревшие еще до своего рождения на свет, и примириться с тем, что каждый новый год их эксплуатации будет закреплять и углублять нашу техническую отсталость по сравнению с капиталистическим миром, или аннулировать в недоиспользованном виде миллионы „человекодней“, воплощенных в нерациональном строительстве, — операция менее всего плановая.

Разумеется, провести принцип рациональной очередности в его чистом виде, без всяких компромиссов, нельзя. Для укрепления нашей обороноспособности мы вынуждены ставить и развивать предприятия, не удовлетворяющие этому принципу. Но исключения этого рода должны быть ограничены продукцией специального назначения, группой кадровых предприятий. Что же касается всех тех сфер индустриализации, которые в мирное время призваны обслуживать, так сказать „гражданские“ потребности, то здесь интересы обороноспособности и интересы народнохозяйственного целого совпадают: укрепление и повышение хозяйственной мощи СССР есть, вместе с тем, укрепление его обороноспособности.

Переходим к рассмотрению второго момента современной техники, к ее новой „энергетической базе“. Электрификация открывает очень широкие горизонты в области механизации кустарно-ремесленных промыслов без превращения их в фабричное производство, т.е. с элиминированием огромных капитальных затрат на возведение технических и жилых зданий. В истории капитализма механизация любой отрасли труда была равносильна его превращению в фабрично-заводское производство. Но это далеко не всегда диктовалось техни-

кой самой выработки продукта. Главная причина состояла в том, что тогдашняя паросиловая база не допускала ни дробления энергии, ни передачи ее на расстояние. Переход к новой электрической энергии, которая может быть как угодно дробима и передаваема на большие расстояния, означает глубокий переворот в технике и организации многих производств. Переворот этот далеко еще не освоен во всей его полноте капиталистическими странами, отягченными гигантским техническим и культурно-бытовым наследием старого века. Есть все основания думать, что казарменно-фабричный стиль индустрии и его достойное бытовое дополнение — дома небоскребы — найдут себе место в музеях грядущего социалистического общества, как наиболее яркие проявления того культурного варварства, которое создавалось грубой техникой эпохи классического капитализма.

Мы можем и должны выступать пионерами в этом отношении, стать с первых же шагов нашей индустриализации на путь создания предприятий нового типа, вполне отвечающего возможностям новой энергетической базы. Необходимо самым тщательным образом исследовать возможности индустриализации кустарно-ремесленных промыслов с сохранением за ними их „домашнего“ характера. Во всех тех случаях, — а их не мало, — когда дешевый ток и дешевый автоматический станок позволяют поднять производительность труда ремесленников до уровня рабочих передовых предприятий, мы должны отказаться от шаблона индустриализации в формах фабрично-заводского урбанизма. Во всех этих случаях последнее слово современной техники — не только в области механизации, но также специализации и стандартизации — может быть, а следовательно, и должно быть привито кустарно-ремесленной промышленности. Неизбежные при этом добавочные издержки по транспортировке изделий с лихвой окупятся огромной экономией на капитальном строительстве, не говоря уже о том колоссальном социально-культурном значении, какое имело бы внесение индустриализации в ее самых изысканных формах в отсталую крестьянскую и полукрестьянскую среду. Само собой разумеется, электрифицируя и механизуя ремесленно-кустарные промыслы, мы должны позаботиться о том, чтобы созданные этим путем индустриальные работники нового типа имели дело не с капиталистом — посредником между ними и „вольным“ рынком, а с государством, которое должно, с одной стороны, выступить в качестве „заказчика“ и поставщика сырья, с другой стороны стимулировать производственное кооперирование технически обновленных промыслов.

Но и в тех случаях, когда техника производства заставляет придать ему фабрично-заводской характер, вовсе не обязательно строить новые предприятия в городах, стягивая туда и обслуживающих их рабочих. В особенности нежелательно там, где дело идет о переработке сельскохозяйственного сырья.

Производство сырья и все стадии его переработки желательно сплавивать не только организационно, но и территориально, в це-

лостные комбинаты. Помимо возможной экономии на капитальном строительстве (например, на жилищном строительстве) здесь опять-таки необходимо иметь в виду еще и то более существенное обстоятельство, что такие комбинаты могли бы явиться мощными центрами индустриальной культуры в недрах самой деревни (именно под этим углом зрения говорил о слиянии города и деревни К. Маркс).

Недостаток некоторых видов сырья, необходимого для массовой продукции предметов широкого потребления, и невозможность в достаточной мере форсировать продукцию этих видов сырья в СССР заставляют поставить вопрос о всемерном расширении нашей торговли с границей, в частности о подготовке новых объектов массового экспорта. Однако, непрерывно растущая зависимость от иностранного рынка в области основных видов массового сырья представляется нежелательной даже при устойчивости наших коммерческих отношений с внешним миром. Она превращается в прямую угрозу при наличии международных осложнений. Германия, отрезанная во время великой войны от внешнего рынка, поставила и в течение двух—трех лет практически разрешила для целого ряда производств задачу „замещения“ импортного сырья продуктами отечественного происхождения. Многие из этих „замещающих производств“ (Ersatz-Industrien) оказались настолько удачными, что удержали свои позиции и по окончании войны. СССР — не Германия. Но при всей нашей культурной отсталости не будет утопией, если мы поставим перед нашими инженерами задачу создания одного или двух „замещающих производств“ (а не многих, как в Германии) в течение 5—7 лет (а не 2—3, как в Германии). Представлялось бы, во всяком случае, чрезвычайно существенным выдвинуть такое задание по крайней мере по отношению к хлопку и резине.

Энергетика и транспорт занимают особое место среди отраслей индустрии. Если масштаб развертывания предприятий, производящих орудия производства, определяется фактически проявленной реальной потребностью, то энергетические установки и транспортное строительство должны ориентироваться не на реальный, а на потенциальный спрос. Так, например, широко разветвленная сеть под'ездных путей как рельсовых, так и грунтовых, является предпосылкой ликвидации натурального и полунатурального хозяйства в деревне. Приступая к проведению такой сети в каком-нибудь районе, мы еще не имеем тех грузовых потоков, на которые рассчитана сеть. Но уже существуют как материальные, так и персональные элементы производства, которые при бездорожье обречены оставаться в раз'единенном и парализованном состоянии, а после проведения дороги должны об'единиться в акте производительного труда, насытив его продуктами вновь созданные транспортные артерии.

Однако, и для сооружений, обслуживающих такие потенциальные, находящиеся, так сказать, *in statu nascenti* нужды народного

хозяйства, применим тот общий критерий, который был сформулирован выше. Очередность строительства должна и здесь определяться максимальным производственным эффектом этих потенциальных, вновь вызываемых к жизни отраслей труда при минимальных капитальных затратах. Например, при проведении в жизнь плана электрификации, в первую очередь, надлежит строить станции, необходимые для электрификации существующих промышленных и горнопромышленных центров, а также густонаселенных аграрных районов, и приступать с особой осмотрительностью к силовым установкам, мощность которых может быть полностью утилизирована лишь после того, как в обслуживаемом ими районе будут созданы новые виды индустрии, требующие больших капитальных вложений и длительных сроков строительства.

Наличность значительной явной и скрытой безработицы выдвигает идею „трудоемкости“ в качестве одного из основных критериев целесообразности реконструктивных начинаний. В чем же состоит этот критерий? Нередко он формулируется так: „при прочих равных условиях реконструкция должна быть направлена в сторону предприятий, характеризующихся наибольшей трудоемкостью“. Формулировка эта невразумительна, ибо при различных затратах живого труда равенство всех прочих условий немыслимо. Из огромного числа возможных комбинаций в области „прочих условий“ существенно рассмотреть две полярные.

Комбинация первая: „при равенстве капитальных вложений более трудоемкий вариант дает по сравнению с менее трудоемким рост физического объема продукции в той или даже еще большей пропорции, чем рост числа занятых рабочих“ (т.-е. повышение трудоемкости сопровождается повышением производительности труда). В таком понимании критерий трудоемкости бесспорно правилен и имеет в наших условиях огромное значение в качестве регулятивной идеи при выборе способов и форм реконструкции народного хозяйства. Именно этим критерием мы и руководствовались выше, выдвигая вперед момент рационализации массовых производств, электрификацию и механизацию ремесленно-кустарных промыслов без превращения их в фабричные предприятия, построение индустриально-земледельческих комбинатов в деревне, вместо того чтобы сосредоточивать индустриальную часть этих комбинатов в городах и т. п.

Вторая комбинация: „при равенстве капитальных вложений более трудоемкое предприятие дает меньше продукции на каждого занятого в нем работника, чем предприятие менее трудоемкое“ (т.-е. повышение трудоемкости сопровождается понижением производительности труда). Принимая в качестве критерия идею трудоемкости в этой второй комбинации, можно отстаивать и действительно отстаивают целесообразность больших капитальных вложений на ремонт и подновление технически отсталых предприятий в противо-

вес строительству заводов нового типа, которые - де грозят пролетариату увеличением безработицы, чрезмерно повышая производительность труда. С такой постановкой вопроса никак нельзя согласиться. Консервация на многие годы отсталой техники при помощи значительных затрат на ее воспроизводство в неизменном или почти неизменном виде есть прямое отрицание плановой реконструкции, очевиднейшее *testimonium paupertatis* планового принципа. Как уже было отмечено, в условиях советского строя развертывание физического объема продукции в том же масштабе, в каком растет производительность труда, не может натолкнуться на препятствие в ограниченности внутреннего рынка. Поэтому увеличение безработицы под влиянием прогресса техники отнюдь не является у нас экономической необходимостью, и если все же наблюдается, то это свидетельствует о нашей организационной неумелости, каковая едва ли заслуживает увековечения в генеральном плане.

Итак, критерием трудоемкости не может быть перекрыт основной критерий реконструкции: повышение уровня производительных сил. Лишь при равенстве этого главного показателя показатель трудоемкости приобретает свое регулятивное значение.

Особого упоминания заслуживает тот случай, когда техническое усовершенствование производства хотя и повышает производительность труда, но с капиталистической точки зрения представляется нерентабельным, так как требует труда, более высоко оплачиваемого. Критерий частнохозяйственной рентабельности для нас, конечно, не обязателен, лозунг нашей реконструкции: высокая напряженность и производительность труда при высокой оплате и коротком рабочем дне. Возможна, однако, и такая ситуация, когда не только с частнохозяйственной, но и с народнохозяйственной точки зрения „рентабельность“ приобретает решающее значение при выборе типа реконструктивных работ. Это имеет место тогда, когда, используя имеющиеся в избытке запасы низко оплачиваемой рабочей силы, можно при ничтожных капитальных вложениях широко развернуть такие реконструктивные работы, которые являются необходимой предпосылкой повышения уровня производительных сил для целого района или для значительной отрасли народного хозяйства. Классический пример: земляные работы при проведении дорог или при гидроэлектрических сооружениях. Если вести их вручную, силами избыточного аграрного населения и при той зарплате, какая существует на „вольном“ крестьянском рынке, то они обходятся очень дешево и могут быть поставлены достаточно широко. Если же платить рабочим по ставкам союза строителей, то зарплата (со всеми начислениями) будет раза в три—четыре выше „вольной“. Стоимость работ при этом настолько увеличивается, что становится выгодным выписать из-за границы и пустить в дело экскаваторы. Возможности приобретения этих последних, однако, очень ограничены скудостью наших валютных ресурсов. Таким об-

разом, при высокой оплате и механизации труда мы вынуждены до крайности сузить объем работ, широкий размах которых (например, местного дорожного строительства) безусловно необходим для того, чтобы создать элементарнейшие предпосылки нормального развития для обширных и густонаселенных территорий. Здесь не с точки зрения предпринимателя, а прежде всего с точки зрения трудящейся массы данного района, которая выступает одновременно и в качестве рабочей силы и в качестве потребителя продукта, первый тип постановки работ несравненно „рентабельнее“ второго.

Все предыдущее построение пронизано той идеей, что план реконструкции должен базироваться на экономическом районировании хозяйства СССР. Основная конструктивно-производственная задача плана — провести в жизнь тщательно продуманную систему общественного разделения труда как в смысле рациональной дифференциации хозяйства СССР по отраслям, так и в смысле рационального размещения этих последних по территории страны. Наблюдающаяся среди некоторых районных работников тенденция истолковывать „индустриализацию районов“, в смысле насаждения в каждом районе возможно большего количества индустриальных отраслей, должна быть в корне отвергнута. Такая универсальная программа привела бы не к мощному росту, а к параличу и упадку производительных сил в хозяйстве СССР вообще и в хозяйстве каждого ее района в частности. Действительная индустриализация Союза возможна лишь при условии, что все усилия местных хозяйственников и местной советской общественности будут концентрированы на развитии той специальной функции в системе общественного разделения труда, которая выпадает на долю данного района в силу его географических, геофизических, демографических и других особенностей. Вокруг этой основной функции, делающей район необходимым и незаменимым органом общесоюзного хозяйственного организма, должны быть рационально скомбинированы все промыслы, имеющие местное значение. Такой и только такой смысл может иметь популярная у нас идея „районных комбинатов“.

Уже из приведенной выше схематической характеристики рационального распорядка реконструктивных работ ясно, что сколько-нибудь толково построить перспективный план возможно лишь при том условии, что по каждой отрасли народного хозяйства мы будем иметь в своем распоряжении не только общие предположения о размерах потребного для реконструкции финансирования и ожидаемых от оно „экспертных“ коэффициентов роста производительности, снижения себестоимости и т. д., но в достаточной мере конкретный и детализированный план реконструктивных и строительных процессов, так сказать, в натуре. Мы должны знать, что именно, где именно и как именно будет построено. Дело идет, разумеется, не об инженерных проектах, а об указании размера и типа новых сооружений. Столь же необходимо знать,

в какие сроки будут ликвидированы или преобразованы на новой технической базе существующие предприятия (например, наши технически отсталые универсальные металлургические заводы превращены в специализированные предприятия современного типа, вырабатывающие стандартную продукцию). Только на основании таких конкретных данных можно критически судить о вероятных темпах роста производительной силы труда, о потребной для производства рабочей силе, необходимых сдвигах в ее квалификации и о целом ряде других элементов, без которых перспективное планирование лишено всякого материального содержания. Конечно, силами одних плановых органов эта проблема не может быть решена; необходимо привлечение к ней ведомств. Напомним, что необходимость эта давно уже осознана; однако, до сих пор, несмотря на неоднократные запросы Госплана СССР и СТО, мы не имеем сколько-нибудь вразумительной ведомственной информации о размере, типе и эффективности строительства, и притом не только того строительства, которое еще планируется, но и того, которое уже осуществлено за последние годы.

Необходимо проявить непреклонную настойчивость, мобилизовать все силы для того, чтобы получить, наконец, как отчетные, так и перспективные данные, касающиеся строительства. Только при наличии такой материальной опоры имеет смысл отлить перспективный план в форму цифровой гипотезы. Конечно, и в этом случае гипотеза будет грубо ориентировочной и наверное разойдется с действительностью. Но поскольку в основе ее лежат все же не гадания, а технические расчеты эффективности, свойственной предприятиям данного типа, самые эти расхождения будут очень поучительными. Исследование их причин даст обильный материал для непрерывного совершенствования нашей плановой работы. Если же окажется невозможным добыть указанные выше сведения, то все цифровые прикидки перспективного плана не будут иметь никакого реального значения. Ибо тогда мы будем вращаться в призрачном мире экспертных цифр, в основе которых лежат, вероятно, какие-то подсознательные экстраполяции, но точный смысл которых не может быть расшифрован не только посторонними людьми, но и самими экспертами.

3. Методология

Выше было сказано, что основные методологические принципы построения перспективного плана вытекают из постулата „бескризисного расширенного воспроизводства“. В самом деле, „бескризисным“ народнохозяйственное развитие можно назвать лишь в том случае, если оно не только в конечном пункте, запроектированном пятилеткой, но и на всех промежуточных ступенях представляет собой систему динамического равновесия, чуждую сколько-нибудь

резких „диспропорций“. Выявить наличие или отсутствие равновесия возможно только при помощи построения баланса. Поэтому балансовый метод является основным методом построения перспективного плана.

Само собою разумеется, что о построении законченного „баланса народного хозяйства“ на пять лет вперед не может быть и речи. До настоящего времени, несмотря на большие усилия, затраченные в этом направлении работниками ЦСУ, мы не имеем еще баланса ни за один из истекших годов. Под балансовым методом в многолетнем перспективном планировании, как и в однолетних „контрольных цифрах“, мы разумеем не исчерпывающий сводный баланс, а совокупность отдельных балансовых расчетов, вскрывающих условия равновесия важнейших элементов народнохозяйственного целого. Так, например, построение баланса реального накопления и капитальных затрат, баланса платежеспособного спроса и продукции предметов потребления в ценностном ее выражении, „баланса города и деревни“, баланса топливно-энергетического, баланса экспортно-импортного, баланса государственного бюджета,—одинаково необходимо и для контрольных цифр и для пятилетки. Было бы потому излишним повторять здесь все то, что уже не раз говорилось и в методологической части контрольных цифр и в других трудах Госплана о балансовом методе, о присущих ему в его теперешнем виде несовершенствах, о необходимых его улучшениях. Здесь уместно будет упомянуть лишь о тех новых задачах, которые вносятся в балансовые расчеты многолетностью перспективных планов.

В интервалах пятилетнего и, в особенности, генерального плана достигают весьма значительной величины такие хозяйственные сдвиги, которые в течение годового периода почти неприметны. Отсюда, применительно к перспективным планам, возникает настоятельная необходимость в таких добавочных расчетах, которых контрольные цифры могли и не делать. Формулировать все такие добавочные расчеты возможно лишь после специального анализа тех требований, которые предъявит к перспективному плану каждая отдельная отрасль хозяйства. Мы ограничимся здесь указанием на необходимость двух новых построений, которые вытекают из формулированных выше целевых установок плана.

В существующей пятилетке даны: „баланс использования городского населения в рабочем возрасте“ и „баланс труда сельского населения“. Сюда необходимо присоединить расчет перспективной потребности народного хозяйства в труде, дифференцированном хотя бы по главнейшим видам его квалификации, ибо только тогда можно будет построить в виде корреспондирующей балансовой статьи „прихода“ план воспроизводства квалифицированной рабочей силы. Пополнение пятилетки этим важнейшим разделом осуществимо, если будут выполнены формулированные

выше задания в области построения „в натуре“ плана капитального строительства.

Второе необходимое дополнение должно состоять в учете избыточной рабочей силы и ее перспективной динамики. Опубликованная пятилетка подходит к этой проблеме с точки зрения баланса рабочего времени. Такой подход необходим, но недостаточен. Поскольку дело идет о скрытой безработице (аграрное перенаселение), критерием является не наличие незанятого рабочего времени, а нищенский уровень жизни, который нередко сочетается с чрезвычайно интенсивным и экстенсивным использованием рабочего времени. Но что такое „уровень нищеты“? Определить этот уровень какими-либо объективными признаками едва ли возможно, да для нашей цели было бы и нецелесообразно. В хозяйственном планировании скрытая безработица выступает, прежде всего, как источник давления на рынок труда. С этой точки зрения „избыточным“ должен быть признан всякий, кто настолько не удовлетворен своим положением, что при малейшей возможности готов сняться с насиженного места и предоставить свою рабочую силу к продаже. Разумеется, это пояснение мало облегчает отыскание точных признаков скрытой безработицы; из области социально-экономической проблема переносится в область социально-бытовую, но от этого не становится менее сложной. Для решения ее потребуются, повидимому, кооперация Госплана с целым рядом исследовательских учреждений и отдельных специалистов (ЦСУ, Комм. Академия и др.). Необходимо подчеркнуть, что в той постановке проблемы „избыточного“ населения, какая дана в предыдущих строках, предметом исследования является текущий избыток, оказывающий активное воздействие на рынок труда в конкретных условиях данного хозяйственного года, а не тот общий фонд избыточных рабочих сил в деревне, размеры которого выявляются в свете предельных перспектив генеральной реконструкции сельского хозяйства. Учет этого последнего фонда, как уже было сказано выше, может быть выполнен, исходя из дифференцированных по районам рациональных технико-экономических норм, а не путем экономического анализа существующих социально-производственных отношений или каких-либо динамических коэффициентов, выведенных из опыта.

Уже в „Материалах“ Центральной комиссии по пятилетнему плану было отмечено, что при построении плана реконструкции народного хозяйства можно лишь с величайшей осторожностью и в очень небольшой степени использовать статические и динамические коэффициенты, выведенные из наблюдения народнохозяйственных процессов за истекшие годы. Но, как сказано выше, некоторые самые общие указания относительно темпов роста основных показателей все же могут быть даны.

Остановимся сначала на показателе производительности труда. Мерило роста этой последней для планового хозяйства является

индекс, учитывающий средний прирост выработки всех работающих членов общества, а не одних только фактически работающих. Плановое хозяйство не может, подобно капиталистическим предприятиям, рассматривать безработных, как некоторый вне его находящийся, стихийно-пополняемый резервуар рабочей силы. Резервы рабочей силы, как и всякие иные резервы, находятся внутри народного хозяйства, обьемлемого планом, и должны быть учтены в его калькуляции. Если вследствие технической реконструкции производительность работающих увеличилась в n раз, а процент неработающих также вырос в n раз, то уровень производительных сил в каждой отдельной отрасли, охваченной реконструкцией, возрос, а в обществе в целом остался неизменным. Оптимальным план реконструкции народного хозяйства может быть признан лишь при условии, что уровень производительных сил общества непрерывно и плавно возрастает; всякие перебои, заминки, значительные ослабления темпов в этом движении свидетельствовали бы о дефектности плана.

То же самое надо сказать и о росте физического объема продукции, так как этот показатель связан с показателем производительности труда отношением прямой пропорциональности (темпа роста физического объема пропорционален произведению прироста численности трудящихся на прирост производительности их труда).

Что касается роста народного дохода (благополучия трудящихся масс), производительно затрачиваемого накопления, прогресса социализации, то хотя все эти моменты определяются в конечном счете ростом производительных сил, но зависимость эта в достаточной степени сложна и не только в действительности, но даже в оптимальной конструкции едва ли может быть выражена однозначной математической функцией. Можно, однако, и здесь признать априори явным „противопоказанием“ длительные остановки роста и, само собой разумеется, резкие регрессивные движения („кризисы“).

Недостаточность наших знаний лишает нас возможности найти сразу, чисто аналитическим путем, такое построение перспективного плана, которое в наибольшей мере удовлетворяло бы всем предъявляемым к реконструкции народного хозяйства целевым установкам. Нам приходится разрешать эту задачу методом последовательных вариантов приближений. Обычно мы строили до сих пор два варианта — максимальный и минимальный — при той же самой общей установке плана. Максимальный вариант рисует те достижения, какие можно получить при очень благоприятном стечении конъюнктурных и других не поддающихся предвидению обстоятельств, минимальный исходит из гипотезы менее благоприятной конъюнктуры.

При окончательной компоновке и опубликовании перспективного плана построение минимального и максимального варианта является целесообразным, так как дает диапазон возможных коле-

баний, нижний и верхний пределы, между которыми, по мнению самих составителей плана, могут колебаться проектируемые хозяйственные достижения в зависимости от обстоятельств, не поддающихся учету. Но в самом процессе построения плана, в процессе отыскания оптимума при тех „конъюнктурных“ предпосылках, какие условно приняты за данное (например, „средний“ урожай, возможность иметь иностранные кредиты в определенной форме и в определенных размерах и т. п.), максимальный и минимальный варианты ни в коем случае не могут послужить нам путеводной нитью.

Для метода последовательных приближений к оптимуму нужны варианты, построенные на другой основе. Так как различные требования, предъявляемые к перспективному плану, не всегда находятся между собой в гармонии, а зачастую и прямо противоречивы, то при единстве основной концепции, в частности — и порой очень существенных частностях — у нас имеется несколько конкурирующих проектировок. Поскольку чисто теоретической аргументации недостаточно для того, чтобы с полной убедительностью отдать предпочтение тому или другому из конкурентов, приходится испытать их на деле, приходится каждую проектировку положить в основу особого варианта плана. Только такая проработка дает возможность конкретно сопоставить все плюсы и минусы, присущие построенным указанным способом гипотезам, без чего нельзя с достаточной обоснованностью признать оптимальной одну из этих гипотез или нащупать оптимальный компромисс между несколькими из них.

Если разработать теорию метода вариантных приближений совершенно отвлеченно и учесть (пользуясь теорией сочетаний), какое количество вариантов формально необходимо для того, чтобы сопоставить всего каких-нибудь четыре — пять различных установок плана, то получатся гигантские цифры, заставляющие, помимо, сразу опустить руки и признать метод вариантных приближений в силу его громоздкости неосуществимым при построении перспективного плана в те жесткие сроки, которые нам заданы. Однако, на практике едва ли можно представить себе случай, когда потребовалось бы сделать законченные варианты двух различных качественных установок. В огромном большинстве случаев достаточно будет немногих балансовых расчетов, чтобы решить вопрос в пользу того или другого варианта. Необходимо, конечно, оговориться, что метод вариантов пригоден лишь в тех случаях, когда спор возникает вследствие неясности связи между теми или другими производными установками и основными целевыми заданиями, которые понимаются спорящими сторонами совершенно одинаково. Если различное понимание касается самих первичных заданий, никакого общезначимого теоретического метода для устранения разногласия вообще изобрести нельзя.

Так как генеральный план еще далек от своего завершения, то для построения пятилетки придется воспользоваться ориентировоч-

ным предвосхищением его конечных итогов. В форме перспективных балансовых расчетов,— расчетов, разумеется, очень суммарных и грубых,— надо показать, как могут быть осуществлены и в каких глобальных цифрах должны быть выражены в генеральном плане те основные целевые задания, о которых шла речь выше.

Пятилетка должна дать уже в несколько более детализированном виде ближайший отрезок пути к тому преобразованному народному хозяйству, которое вырисовывается в свете перспектив генеральной реконструкции.

В статье, предпосланной председателем Госплана СССР „Материалам“, уже было подчеркнуто, что пятилетка отнюдь не задается целью дать „календарный“ план развертывания народного хозяйства. „При некоторых определенных конъюнктурных условиях и нашего и мирового хозяйства может случиться, что цикл хозяйственных событий, отмечаемых нашей пятилеткой, найдет свое завершение в какое-нибудь трехлетие, а при условиях обратного направления наша пятилетка может быть выполнена в шесть и более лет“ („Материалы“, стр. XIX).

Отсюда, однако, отнюдь не следует, что разбивкой пятилетнего плана по годам можно пренебречь или сделать ее совершенно произвольно. Чтобы выполнить постулат бескризисного развития, надо применить балансовую проверку не только к конечному пункту плана, но и к его промежуточным этапам, разделенным возможно более короткими интервалами. Работа по пятилетнему плану не может быть признана законченной до тех пор, пока мы не докажем, что не только в целом, но и на промежуточных этапах, условно помеченных той или другой календарной датой, наша проектировка дает более или менее уравновешенную систему,¹ т. е. органически связанное целое, а не случайное переплетение раздельных линий развития. Необходимо доказать, сверх того, что каждый следующий этап органически вытекает из предыдущего. Таким образом, разбивка по годам представляется весьма существенной и ответственной частью работы по построению перспективного плана. И можно сказать почти с полной уверенностью, что как бы тщательно мы ни продумали конечные итоги плана, балансовая проработка промежуточных звеньев заставит внести в построение последнего звена целый ряд поправок, необходимость которых мы не осознали бы без такой вспомогательной проработки.²

¹ Выше уже было отмечено, что некоторые диспропорции роста в отдельные годы могут оказаться неустраняемыми. В таких случаях задача погодной проектировки будет состоять в том, чтобы для каждого года свести эти диспропорции к возможному минимуму.

² Более подробно о связи между генеральным и перспективным планом см. принятый Методологической комиссией Госплана СССР доклад В. Базарова (напечатан в № 7 „План. Хоз.“ за 1926 г.).

Для того чтобы разрешить проблему о размерах резервов, необходимых для бесперебойного развития нашего народного хозяйства, было бы целесообразно предусмотреть в составе пятилетки один неурожайный год. Всего целесообразнее принять за неурожайный второй год. Это отнюдь не значит претендовать на пророческий дар; такая проектировка не имеет ничего общего с предсказанием неурожая именно в 1930 году. Приняв ее, мы обязуемся лишь показать, что наше народное хозяйство, в его теперешнем состоянии, имеет достаточные ресурсы для того, чтобы без нарушения плавного хода развития накопить резервы, позволяющие уже на втором году пятилетки бескризисно пережить неурожайный год. Если такое задание окажется невыполнимым, придется перенести неурожай на третий год, и т. д. Гарантируем ли мы этим, что на деле неурожай не случится на первом же году пятилетки. Ни в какой мере. Мы только утверждаем, что подготовить наше народное хозяйство в плановом порядке к бескризисному изживанию неурожая невозможно ранее, чем по прошествии одного, двух, трех и т. д. лет.

4. Регулятивные идеи

Снижение индекса цен на промтовары по сравнению с индексом сельскохозяйственных товаров является одной из самых важных регулятивных идей периода реконструкции. Это главное оружие ликвидации натурально-потребительного хозяйства и рациональной специализации как земледельческих, так и внеземледельческих промыслов деревни. Вместе с тем, это один из важнейших рычагов повышения крестьянского потребления и постепенного выравнивания уровней жизни города и деревни.

За последнее время мы и в текущей практике, и в перспективных построениях старались осуществлять эту тенденцию, понижая цены на промтовары и удерживая стабильными сельскохозяйственные цены. Необходимо отметить, что этот модус возможен лишь при определенных конъюнктурных условиях и никоим образом не должен рассматриваться, как какая-то непререкаемая догма. В зависимости от колебаний урожая и других элементов текущей конъюнктуры может быть целесообразным сжимать „ножницы“ и при одновременном понижении того и другого индекса и при движении их навстречу друг другу. Только одновременное повышение обоих индексов не может быть приемлемо в качестве регулятивной идеи, ибо до тех пор пока покупательная сила червонца на внутреннем рынке не сравнялась с его номинальным паритетом, повышение курса рубля остается одной из существеннейших директив плановой политики.

В эпоху восстановительного процесса регулятивной идеей в политике зарплаты был принцип, что зарплата должна расти вровень с ростом производительности труда.

И в условиях восстановительного процесса, когда, с одной стороны, абсолютный уровень зарплаты был чрезвычайно низок, а с другой стороны, производительность труда росла, главным образом, за счет увеличения нагрузки без затрат на механизацию, эта регулятивная идея была вполне правильной. Но она перестает быть правильной в период реконструкции, тогда рост производительности труда должен происходить, главным образом, за счет технических улучшений производства, повышающих „производительную силу“ труда, но не затрагивающих его интенсивности. Для того чтобы создать на фабриках и заводах коллективную атмосферу, благоприятную для проведения мероприятий, повышающих производительную силу труда, целесообразно известную часть выгоды, извлекаемой отсюда, тратить на увеличение заработной платы рабочих того предприятия, где эти меры непосредственно проводятся. Но, конечно, доля эта не должна быть чрезмерно большой: повышение производительной силы труда есть тот ресурс, который позволяет систематически снижать цены на промышленную продукцию и в то же время увеличивать затраты на расширенное воспроизводство. Значительно урезав его, мы иссушили бы один из главнейших источников роста производительных сил в стране.

Однако, технический прогресс (в частности рационализация и специализация производства) в очень многих случаях повышает не только производительную силу, но и напряженность труда, в особенности напряженность внимания. В СССР эта сторона рационализации должна быть ограничена, конечно, пределами санитарно-допустимых норм и не может выродиться в те эксцессы сверхнапряженного труда, которыми современный капитализм выматывает силы, например, американского рабочего. Но и в рамках санитарно-допустимого напряженность индустриального труда у нас должна очень значительно повыситься в процессе реконструкции. Рабочий класс примет это необходимое последствие рационализации без сопротивления при условии, что вся та доля повышения производительности, которая осуществляется за счет роста интенсивности труда, будет целиком возмещена пролетариату посредством соответственного под'ема уровня жизни.

Таким образом, регулятивная идея реконструктивного периода может быть формулирована так: заработная плата должна повышаться быстрее повышения интенсивности труда, но медленнее роста его совокупной производительности. Другими словами, тот плюс, который получается в результате увеличения производительной силы труда, должен в известной пропорции делиться между зарплатой рабочих данного предприятия и всем общественным целым. В каком именно отношении следует производить этот раздел, зависит от конкретной обстановки места и времени и не может быть предугадано в виде регулятивной идеи общего значения.

При изложении целевых установок плана и в непосредственной связи с ними, нами указан целый ряд регулятивных идей перспективного планирования; намечены и те условия, при которых они имеют силу.

Исчерпать все циркулирующие среди наших плановиков регулятивы нет никакой возможности, да едва ли в этом есть и надобность. Достаточно будет в заключение суммарно коснуться группы регулятивных идей, сформулированных в виде директивных неравенств, намечающих темпы нашего планового строительства и соотношение между темпами его отдельных отраслей. Таковы, например, директивы: „темпы роста производительных сил в СССР должны быть больше, чем в капиталистических странах“; „продукция средств производства должна расти быстрее продукции предметов широкого потребления“; „промышленная продукция должна расти быстрее сельскохозяйственной“ и т. д.

Возникает, прежде всего, вопрос, в какой степени все эти неравенства совместимы друг с другом и с основными целевыми установками перспективного плана.

Допустим, что ближайшая проверка показала их полную совместимость. Другими словами, мы допускаем, что каждое из директивных неравенств правильно намечает одну из тех частных тенденций, которые, взятые в совокупности, образуют целостный комплекс развивающегося народного хозяйства. Даже и в этом случае директивные неравенства нельзя рассматривать как рецепты, пригодные на каждый день и час. Могут быть такие периоды, на протяжении которых, в силу некоторых специфических условий, общая тенденция отчетливо не проявляется и не может проявиться без нарушения системы народнохозяйственного равновесия. В каждом конкретном случае для каждого конкретного года вопрос о соотношении темпов должен решаться на основании анализа сложившейся народнохозяйственной обстановки и не может быть предрешен никакими директивами. Нельзя ни на минуту забывать, что регулятивные идеи, как бы ни были они почтенны в их общей формулировке, реально осуществимы лишь при наличии определенных условий, которых иногда может и не быть.

Проблема плана и капитальное строительство

I

Мы отлично понимаем, что те несколько десятков миллионов рублей, предназначенные на импорт оборудования или на заказы его внутри страны, которые скромно и незаметно фигурируют в обезличенных сводках капитальных вложений и импорта на данный год, повелительно потребуют от нас через год или два несколько сотен миллионов рублей на освоение этого оборудования. Но если мы еще иногда и пытаемся обобщить это явление, то не обнаруживаем никакой склонности найти этому обобщению такое количественное выражение, которое бы отражало действительность и позволило бы сделать из него соответствующие выводы. Между тем, речь идет о вопросе, имеющем сугубо практическое значение. Если плановое хозяйство дает нам преимущество в том отношении, что в процессе хозяйственного строительства „мы в любой момент сможем в случае нужды сманеврировать сообразно обстановке этого момента“ и изменить наши задания в той или иной части,¹ то каковы пределы наших возможностей в этом отношении и каков об'ем и характер возможного маневра.

Материалы по пятилетке Госплана затрагивают этот вопрос в следующей форме: „Годовой план наиболее обусловлен независимыми от нашего планового воздействия объективными обстоятельствами. Капитальные вложения предшествующих лет и последний урожай предопределяют собой экономику будущего года в области возможного производства, товарооборота, ввоза и вывоза, бюджета, кредита и т. д. почти на все сто процентов. Возможности перераспределения наличных производительных сил в целях получения более эффективной их комбинации в пределах одного года чрезвычайно ограничены. На протяжении пяти лет они уже гораздо шире“²... Если отвлечься от неточности выражения, которая может дать повод заключить (и с чем, надо думать, авторы пятилетки не согласились бы), что в годовом отрезке совершенно исключается возможность хозяйственного маневра,—то приведенная цитата выражает в самой элементарной форме обобщение, о котором мы говорили выше. Но каковы границы той „предопределенности“, которая накладывает свою печать на экономику ближайшего пятилетия и ограничивает свободу хозяйственных действий? Является ли она отра-

¹ См. „Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.“, стр. 5.

² „Перспективы“ и т. д., стр. 4.

жением последовательного осуществления заранее поставленной цели, или же эта „предопределенность“ представляет собой результат действия стихийных сил, искажающих первоначально поставленную цель и требующих планового противодействия? Ведь совершенно очевидно, что если в результате сочетания ряда обстоятельств, зависящих и независящих от нас, первоначальные задания оказались искаженными, то простой возврат к ним в их прежнем виде, в большинстве случаев, невозможен. Сами задания и цели—и в годовом плане и в перспективном—должны быть соответственно изменены и поставлены так, чтобы не дать исказившим первоначальные задания обстоятельствам изменить самую целевую установку плана, если мы ее считаем правильной. Но для этого мы должны знать, как далеко зашел процесс превращения предудказанной предопределенности экономики в стихийную и в какой степени эта предопределенность связывает свободу наших хозяйственных действий.

Наблюдения над конъюнктурой систематически приучают нас думать, что элементы стихии, которые и являются причиной хозяйственных затруднений, просачиваются в нашу экономику из сферы крестьянского хозяйства. Мы ни в какой мере не думаем отрицать этот факт. Но наблюдения над обобществленным производственным сектором, в частности, над государственной промышленностью, оставляет нас, с другой стороны, как-будто в убеждении, что здесь господствует исключительно плановое начало, т. е. разумное или, во всяком случае, организованное овладение процессом производства. Мы несколько не склонны преуменьшить успехи, достигнутые в области планирования народного хозяйства и, в частности, промышленности. Наоборот, опыт работы в системе плановых органов дает нам основание думать, что за последние годы мы в этом отношении добились очень многого и стоим накануне еще больших успехов. Но именно ради этих больших успехов не следует преувеличивать степень нашей власти над процессом производства.

При анализе выполнения плана мы нередко подпадаем под обаяние действия закона больших чисел и готовы принять за выполнение плановых предположений то, что является на самом деле выражением стихии и что нередко противоречит нашим планам. Так, напр., финансовый план промышленности был выполнен в 1925/26 г. с превышением на 6%. Такое отклонение (при общей сумме финансового плана в 1.438 млн.) можно считать признаком вполне удовлетворительно составленного и выполненного плана. Но анализ соотношений отдельных его статей дает по плану и по его выполнению разные качественные характеристики: источники финансирования, с одной стороны, и размещение промышленности средств, с другой, оказались, в действительности, далеко не в том сочетании, как это было предусмотрено планом. Внутрипромышленное накопление дало

превышение на 34% против плана; задолженность непромышленных кредиторов дала превышение против плана на 90%, а банковское краткосрочное кредитование оказалось меньше, чем это предполагалось по плану на 51%. С другой стороны, материальные ценности в производстве и в заготовках дали превышение против плана на 280%. В настоящий момент еще неизвестны отчетные данные за 1926/27 г., но, судя по предварительным данным, и в 1926/27 г., при удовлетворительном выполнении плана в целом, мы будем иметь существенное нарушение в сочетании отдельных его частей, значительно видоизменяющих структуру плана, т.-е. финансовую ситуацию работы промышленности.

То же явление мы наблюдаем и на другом крупном участке промышленного плана — в капитальном строительстве. Известно, что фактическое выполнение капитальных работ по промышленности, почти совпавшее в 1925/26 г. с плановыми предположениями (фактически выполнено работ на 811 млн. руб. против 799,5 руб. по плану), является результатом не выполнения плана, а наоборот — существенного его нарушения: из работ, намеченных планом, было выполнено только 84%; к 6% из работ, намеченных планом, вовсе не было приступлено, а из всех фактически выполненных работ около 14% производилось вообще без плана. Предварительные данные за 1926/27 г. рисуют в той или иной степени ту же картину нарушения плана капитальных работ.

Что нарушения плана являются результатом действия каких-то стихийных сил в народном хозяйстве и в то же время сами представляют собой источники стихии понятно само собой. Но из всех нарушений плана наиболее зависимыми от нас самих являются нарушения плана капитального строительства. Больше того, даже строгое выполнение плана капитальных работ, если план был составлен неудачно, без достаточного учета ресурсов и без достаточного согласования его с потребностями всего народного хозяйства, может стать источником стихийных сил. Поэтому, если мы проследим пути, по которым в народное хозяйство просачиваются элементы стихии, то они нас приведут не только к крестьянскому хозяйству, но и к капитальному строительству.

Если самая возможность стихийных влияний на народное хозяйство через фронт капитальных работ не подлежит сомнению, то достаточно ли велика, так сказать, протяженность этого фронта или его значение, чтобы представлять собой в этом смысле серьезную угрозу?

Независимо от того, что капитальное строительство является мощным и притом единственным орудием реконструкции народного хозяйства, уже одно сопоставление объема капитальных работ с объемом прочего производства страны показывает, с каким огромным участком хозяйственной деятельности мы в данном случае имеем дело, если даже принимать в расчет одно только планируемое капи-

тальное строительство, т.-е. капитальные вложения в обобществленный сектор народного хозяйства. По контрольным цифрам Госплана соотношение между стоимостью капитальных вложений в обобществленный сектор и стоимостью всей товарной продукции страны представляется в следующем виде (в млн. черв. руб.):

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Капит. вложения в обобществленный сектор . .	1.231	2.017	2.684
Товар. продукция всей промышл.	7.474	10.437	11.439
В том числе товар. продукция средств производ.	1.895	2.866	3.520
Вся товар. продукция (промышл. и сел. хозяйство).	13.039	16.803	18.111
Проц. отн. капит. вложений к тов. прод. пром.	16	20	24
Проц. отн. капит. влож. к продукц. сред. произв.	64	70	76
Проц. отн. капит. влож. ко всей товар. прод. . .	9	12	15

Если отвлечься от сомнительной количественной точности и количественной характеристики закономерности в динамике приведенных соотношений¹ и смотреть на приведенные цифры лишь под углом зрения качественной характеристики роли капитальных работ в экономике страны, то нельзя будет не признать, что прорыв стихии в этом участке производства чреват самыми серьезными последствиями для планового хозяйства.

II

Элементы стихии просачиваются в капитальное строительство двумя путями: в порядке нарушения плана и плановым путем. Выше были приведены цифры, характеризующие степень „плановости“ в выполнении капитальных работ. В нарушениях планов капитального строительства и во внесении, благодаря этому, в него элементов анархии и стихии, не малую роль играет недисциплинированность трестов, исполкомов, областей и республик. Искоренить эту недисциплинированность вовсе не так легко, так как она почти никогда не имеет характера прямого неподчинения предписаниям плана и нередко в основании того или иного нарушения лежит если не в прямом и непосредственном смысле, то косвенно — какая-нибудь санкция центральных правительственных органов.

¹ Поразительная правильность динамики соотношений капитальных вложений и продукции в различных ее разрезах не может не наводить на мысль о некоторой искусственности в исчислениях контрольных цифр (даже в тех случаях, когда цифры фигурируют в качестве отчетных) и о „стихийном“ воздействии на результаты исчислений „динамических коэффициентов“. Искусственность исчислений, ослабляющая нередко убедительность выводов, является прямым результатом погоня контрольных цифр и вообще наших плановых построений за исчерпывающим и притом сплошным статистическим материалом. На этом, чрезвычайно важном для плановых построений обстоятельстве, нередко являющемся источником заблуждений и просчетов, мы рассматриваем остановиться в другой связи и в другом месте.

Два обстоятельства питают и поддерживают нарушения плана, а именно: позднее его утверждение и самый способ его составления.

На одиннадцатый год революции мы еще в феврале не имеем не только утвержденного, но и составленного промфинплана; но текущий год не является исключением. Промфинпланы систематически запаздывают, а это создает почву для производства таких подготовительных работ и для таких организационных мероприятий, которые, в известной мере, определяют объем и характер предполагаемого строительства.¹ Если при окончательной компоновке промфинплана в центре в первоначальных предположениях треста происходят существенные изменения, то этим не только вносится элемент случайности в хозяйственные действия предприятий, но и предопределяются нарушения плана строительства.

Составление промфинплана начинается с контрольных цифр. Но для предприятия, треста, для местных органов ВСНХ и для местных плановых органов, — контрольные цифры, которые они составляют, представляют собой не что иное, как их заявку на определенную долю участия в промышленном производстве страны и на определенную долю участия в распределении ее материальных и денежных ресурсов, при этом заявку, которая делается в расчете на то, что она будет урезана, т.е. заявку с запросом. Так как план не может не исходить из фактического положения вещей, то „заявочный“ характер контрольных цифр распространяется не только на плановые предположения предстоящего года, но и на исчисленные (якобы, отчетные) данные текущего года. Неточность данных за отчетный год имеет вполне объективные основания: они исчисляются на весь год в тот момент, когда нет еще полных сведений за полгода. Но по неполным данным за полгода последние экстраполируются на весь год по основаниям, которые не могут не быть субъективными и в которых *in pace* заключается заявка на следующий год.

Это, конечно, отлично знают центральные органы, на рассмотрение которых эти заявки поступают. Составление контрольных цифр и составление промфинплана происходит в обстановке борьбы низших органов с высшими и одних ведомств с другими. Но узловые проблемы промфинплана не решаются тем, что та или иная заявка будет урезана. Если даже предположить, что общая расстановка производительных сил на предстоящий год формулирована отчетливо и ясно в контрольных цифрах народного хозяйства (что, к сожалению, далеко еще не осуществлено), то даже и в этом случае необходимое для такой расстановки производительных сил практическое и конкретное перераспределение материальных и денежных ресурсов между отдельными промышленными предприятиями требует тща-

¹ Для строительства необходимо развернуть работы с марта; но уже к марту должны быть заключены договоры и заготовлены материалы. Благодаря запаздыванию промфинпланов, тресты, однако, даже к марту не всегда знают, сколько им будет отпущено средств.

тельной, конкретной и согласованной, именно в своей конкретности, работы ВСНХ Союза, союзных республик и их местных органов. Оно требует такой работы, которая нашла бы свое окончательное, ясное и отчетливое выражение не только в суммарном плане промышленности в целом, но и в промфинплане каждого отдельного предприятия, для которого промфинплан (и в этом его смысле и значение) является опорой для ряда хозяйственных и технических действий.

Естественно, что контрольные цифры такой опорой для предприятия быть не могут, так как ВСНХ не дает в них своим местным органам, а через них предприятиям, тех твердых лимитов, хотя бы по основным элементам плана, на основании которых предприятие могло бы пересмотреть свои первоначальные предположения и привести их в соответствие с выяснившимися ресурсами и заданиями. Поэтому „борьба“ за осуществление первоначальных предположений продолжается и во время составления плана.

Было бы неправильно понимать сказанное о борьбе между „местами“ и „центром“, сопровождающей составление контрольных цифр и промфинпланов, как единственную трудность и недостаток планирования. Борьба эта не устранима, и поскольку она не вырождается в безответственное „рвачество“, она полезна и необходима, так как, будучи проявлением инициативы мест, она побуждает к более полному выявлению ими производительных сил своих районов и к лучшей организации и использованию их. „Борьба мест с центром“ есть, по существу, вполне здоровое и нормальное явление соревнования отдельных районов; соревнование, которое при определенных условиях могло бы вооружить центральные плановые и регулирующие органы ценнейшим материалом для выбора оптимальных направлений развития и размещения производительных сил. Но для этого необходим не только напор и настойчивость мест, но и четкие задания плана, основанные на точном и отчетливом знании фактического положения вещей на местах и на осторожном учете пределов возможного маневра и планового воздействия. Но этим мы меньше всего можем похвалиться в наших планах, а потому сами же планы являются источником стихийных процессов.

Когда мы производим ряд крупных работ, как это имело место в 1925/26 г., без достаточного учета мощности наличного оборудования и емкости рынка (напр., в производстве электрических лампочек) или без предварительной подготовки сырьевой базы (напр., в кожевенной промышленности), то мы производим не первоочередные, а потому в данный момент бесполезные затраты, создавая уже одним этим очаги стихии. В некоторых случаях элементы стихии могут быть локализованы: реконструированные или вновь выстроенные заводы работают некоторое время с неполной нагрузкой и, стало быть, с пониженной коммерческой рентабельностью. Но уже и в данном случае локализация стихийных элементов относительна,

если в строительстве оказались завязанными краткосрочные кредиты, или если работа с неполной нагрузкой задерживает снижение себестоимости и отпускных цен. Но в других случаях локализовать последствия неправильностей плана оказывается значительно труднее. Как природа не терпит пустоты, так и не терпит незагруженности производственной мощности установленное и готовое к пуску оборудование. Выстроенный или реконструированный завод, не загруженный на полную производственную мощность, выстроенная электрическая станция, не имеющая достаточного количества потребителей, будут, чтобы реабилитировать свою рентабельность, повелительно требовать создания потребителей и заказов. Поэтому самый факт вновь созданного и готового к пуску оборудования возводит в ранг первоочередной такую продукцию, которая, не будь этого оборудования, могла бы временно уступить затрачиваемые на нее материальные и денежные средства другим производствам, продукция которых систематически отстает от роста потребностей народного хозяйства. Когда же такой вновь выстроенный или реконструированный завод производит орудия производства, он становится особенно опасным очагом стихии, так как от него начинают возникать толчки, стимулирующие производство новых капитальных работ.

Если еще на ряду с этим, вследствие ли недостатка средств или вследствие неправильного расчета емкости рынка, задерживается расширение мощности таких производств, продукция которых не в состоянии насытить спрос, как это имеет место сейчас по ряду производств строительных материалов, лимитом для которых является не импортное сырье, а именно недостаток производственной мощности,¹ то элементы стихии просачиваются с двух сторон.

В стихийном характере складывающейся таким образом продукции ничего не меняется от того, что контрольные цифры или промфинпланы регистрируют эту продукцию, как необходимую, и тем придают росту ее объема и динамике ее состава ореол плановости.

Другим „плановым“ очагом стихии в капитальном строительстве, а через него в других сферах народного хозяйства является недостаточная согласованность отдельных частей народнохозяйственного плана по объему, характеру и во времени.

¹ При построении контрольных цифр на 1927/28 г., напр. предполагалось, что лесные тресты выйдут к концу года даже с некоторым приростом переходящего остатка по лесным материалам, и что только по пиломатериалам запас несколько уменьшится. Но контрольные цифры составлялись под влиянием подавленного состояния лесного рынка в первые три месяца 1926/27 г. Конец 1926/27 г. дал такой подъем спроса на лесо- и пиломатериалы, что спрос не может быть полностью удовлетворен в 1927/28 г. и этому, повидимому, в 1927/28 г. помочь уже нельзя, так как своевременно не были произведены те переоборудования (перераспределение лесопильных заводов в соответствии с сырьевой базой, их переоборудование, устройство сушилок, механизация лесных заготовок и пр.), которые бы дали возможность произвести в 1927/28 г. необходимую продукцию.

Для того чтобы заказы оборудования не вносили замешательства в капитальные работы, важно установить точное соответствие оборудования — по объему, назначению и срокам доставки — характеру и степени готовности капитального строительства, дабы доставленное оборудование могло быть своевременно освоено, или чтобы работы для установки оборудования не оказались бы произведенными слишком рано. А для такого согласования необходимо, чтобы план мог точно рассчитать сроки готовности работ на отдельных их стадиях. Задача эта, вообще говоря, не является ни чрезмерно сложной, ни очень трудной, если соблюдается самое элементарное требование строительства, а именно: чтобы работы производились на основании технического проекта, надлежащим образом составленного и надлежащим образом утвержденного. В самое последнее время ряд постановлений правительства вводит в этом отношении порядок, который должен гарантировать соблюдение этого элементарного требования. Но до 1927/28 г. капитальные работы, которые бы производились на основе разработанных до конца и утвержденных технических проектов, были не правилом, а исключением. Отсюда — замешательство и стихийность в производстве ряда работ, которые возникают неожиданно и кажутся новыми только потому, что они в свое время не были предусмотрены.¹

Правда, этому совершенно нетерпимому положению вещей в капитальном строительстве, которому должен быть и, надо думать, будет положен конец принятыми и проектируемыми мероприятиями, есть объективное оправдание. Капитальное строительство сделало в 1925/26 г. огромный скачок (превысив в одной только планируемой промышленности капитальные вложения 1924/25 г. в два с лишним раза) и застало организационный и технический аппарат страны в значительной степени неподготовленным для этой сложной и ответственной задачи. Строительной промышленности, как специализировавшейся отрасли, почти не существовало, промышленные предприятия также не имели в своем распоряжении подготовленного для капитальных работ аппарата, а за долгие годы почти полного отсутствия строительства, квалификация среднего инженерного состава сильно упала, особенно в наиболее ответственной части инженерного искусства — в проектировании. Но такова „предопределяющая“ сила капитального строительства, что за грехи его в 1925/26 г. мы вы-

¹ В „Торг. - Пром. газете“ от 13/1 А. Хавин в статье „План и действительность“ дает ряд примеров, когда действительная или ожидаемая стоимость строительства значительно превышает первоначальную проектировочную стоимость. Список заводов, которые он приводит (и как он сам это оговаривает), лишь в малой степени отражает действительное положение вещей. Но и по этому списку для 26 заводов проектировочная стоимость в сумме 57 млн. руб. оказывается на самом деле равной 95 млн. руб. Такое расхождение возможно только потому, что никакой проектировочной стоимости на самом деле не было, а была ориентировочная или даже „сугубо ориентировочная“ стоимость, соображения о которой давали титул на производство работ.

нуждены будем расплачиваться и после 1927/28 г., если даже мы в этом году не наделаем новых грехов.

III

Фронт капитальных работ растянут по громадному пространству Союза и рассыпан по одним только новым заводам планируемой промышленности на 630 объектов, из которых к 1927/28 г. уже выстроено около 285. Если мы сюда прибавим свыше 80 новых энергетических промышленных установок, около 300 объектов крупной реконструкции и около 85 предприятий, намеченных к постройке,¹ то мы получим представление о том громадном фронте работ по одной только планируемой ВСНХ промышленности, который отражает, именно в своей рассыпанности по многочисленным объектам, наблюдавшуюся до сих пор бессистемность плана капитального строительства. Прямым и непосредственным результатом (помимо удорожания строительства) рассыпанности капитальных работ является их продолжительность, значительная по планам, но еще большая в действительности. Как продолжительна, в силу этого, иммобилизация средств, затраченных на капитальные работы, видно из следующих (правда, не совсем полных, но охватывающих не менее 85% этого вида работ) данных по новому промышленному строительству, произведенному до 1 октября 1927 г. и переходящему на следующий год.²

Ниже приводится средне-взвешенная продолжительность нахождения в строительстве средств, затраченных до 1927/28 г. на новые заводы, к этому году еще не законченные:

Отрасли промышленности	Затрачено до 1/X 1927 г. (в млн. руб.)	Средн. продолж. нахождения средств в строи- тельстве (лет)
Каменноугольная	38,3	1,4
Нефтяная	30,6	2,2
Металлическая	57,4	3,6
Электротехническая	6,1	2,6
Химическая	19,9	2,2
Силикатная	15,4	2,2
Лесная и деревообработыв.	12,2	1,5
Бумажная	29,8	2,2
Кожевенная	7,9	2,9
Текстильная	38,6	1,7
Пищевая	5,0	2,0
По всей промышл.	261,2	2,3

¹ См. „Капитальное строительство промышленности“. Изд. „Торг.-Пром. газ.“, М. 1928.

² Средняя продолжительность исчислена от года, когда впервые начали расходоваться средства, до начала пуска в ход (хотя бы и до окончательной постройки) по плану.

Таким образом, по тому новому строительству, которое было начато до 1927/28 г. и к этому году еще незакончено, оказываются иммобилизованными средства в среднем на срок: от 1 до 2 лет 34,1%, от 2 до 3 лет 43,9% и свыше 3 лет — 22,0%.

Продолжительность иммобилизации средств в действительности еще больше, если принять во внимание, что пуск завода к сроку бывает очень редок.

Капитальные работы в системе планового хозяйства не представляют собой ряда обособленных операций по отдельным объектам. Проектировать завод или крупную реконструкцию в наших условиях значит не только найти для них соответствующее местоположение, рациональные размеры и технические формы, но и связать их целесообразно и целеустановленно с рядом других предприятий таким образом, чтобы перспективы производства проектируемого завода были координированы как по объему и составу продукции, так и во времени его развертывания, с перспективами производства всех тех отраслей промышленности, с которыми он связан. Проектирование капитального строительства и само строительство является актом народнохозяйственным в самом тесном и непосредственном смысле этого слова. Чрезвычайно сложная и трудная задача сама по себе, она осложняется еще больше, благодаря слишком чрезмерной продолжительности строительства, в течение которой возможны разрывы предусмотренных связей. Но она становится совершенно неразрешимой, когда и в сроки строительства вносятся элементы случайности, т.-е. стихии.

Если отвлечься от таких моментов, как нераспорядительность или непредусмотрительность строителей, то основным плановым источником стихии в сроках строительства (помимо изменений, вносимых в планы импортного оборудования) является план финансирования капитальных работ. Некоторая напряженность плана финансирования имеет, в известных случаях и в известных пределах, положительное, санирующее значение для работы предприятия. Но наши планы составляют нередко или без всякого напряжения, т.-е. без всякой сдержки для „излишеств“, или с напряжением, которое оказывает на финансы промышленности отрицательное влияние и которое влечет за собой либо частичный срыв капитальных работ, либо стихийные передвижки в соотношениях отдельных частей плана (на которые было указано выше). А последние далеко не всегда санируют финансы предприятия, и там, где финансовое напряжение чрезмерно, они нередко являются отражением иммобилизации в строительстве краткосрочных кредитов.

В этом смысле очень интересно сопоставить за последние два года стоимость капитальных работ с теми элементами плана, которые определяют финансирование строительства:

	1925/26 (млн. руб.)	1926/27 (млн. руб.)	Прирост (+) или умень- шение (—)
Накопление (прибыль без убытков + амортизация)	979,2	1.075,5	+ 96,3
Изъятие средств	244,5	547,0	+ 302,5
Сальдо в пользу промышленности	734,7	528,5	— 206,2
Приток долгосрочных средств (ассигнов. из бюджета, заем хоз. восстан., Цекомбанк, премирован. экспорта)	369,0	594,0	+ 225,0
Всего приток долгосрочных средств	1.103,7	1.122,5	+ 18,8
Капитальные вложения	811,0	990,0	+ 179,0

Приток долгосрочных средств увеличивается в 1926/27 г., по сравнению с 1925/26 г., всего на 18,8 млн. руб., при росте капитальных вложений на 179 млн. руб.¹ по плану и при росте продукции почти на 17—19%. Если в 1925/26 г. приток долгосрочных средств превышал стоимость капитальных работ почти на 300 млн. руб., то в 1926/27 г. он превышает последнюю всего на 133 млн. руб. Трудно сказать, в какой степени имела место в 1926/27 г. иммобилизация краткосрочных кредитов в строительстве. Весьма возможно, что использование краткосрочных кредитов для капитальных работ в явной и непосредственной форме инвестирования их в имущество не имеет широкого распространения, но не подлежит сомнению, что вероятный прирост в 1926/27 г. банковского краткосрочного кредита на сумму 324 млн. руб. против 221 млн. руб. в 1925/26 г. связан не только с ростом оборотов промышленности, но и с тем напряжением, которое промышленность испытывала в 1926/27 г. по линии обеспеченности строительства долгосрочными средствами. Если к этому прибавить не только запаздывание финансового плана, но и всего промфинплана, позднюю разверстку средств между промышленными предприятиями, а также толчки и перебои в фактическом отпуске средств, то окажется, что финансовый план промышленности то подстегивает, то задерживает и растягивает строительство не потому, что это входит в план капитального строительства, а потому, что эти два плана не притерты друг к другу. Если промфинплан промышленности предопределяется потребностями, более повелительными, чем потребности одного только капитального строительства, а именно — потребностями всего народного хозяйства, то план капитальных работ должен к нему приспособиться. Но приспособление это оказывается чрезвычайно трудным и болезненным, так как объем капитальных работ, в свою очередь, предопределен капитальным строительством предшествующих лет. Так или иначе, приспособление капитальных работ к финансовым

¹ Фактически стоимость капитальных работ окажется, вероятно, в 1926/27 г. выше плановой.

возможностям страны, однако, все же происходит, но не в порядке плановом, не в порядке сознательного маневра, а в процессе самого строительства, т.-е. стихийно, внося вместе с тем элементы связанности, с одной стороны, и элементы стихии — с другой, и в кредитную систему страны.

IV

Предыдущее изложение сознательно ограничило свои рамки проблемой планового охвата капитального строительства и теми элементами стихии, источником которых может быть или фактически является план, в силу недочетов его построения. Само собой разумеется, что даже идеально составленный план не может гарантировать народное хозяйство от внесения в него элементов стихии, если план не выполняется или выполняется неразумно. Обязательность выполнения плана и разумность его выполнения — требование настолько элементарное, что о нем не говорят, как не говорят о том, что успех всякого дела требует того, чтобы на надлежащем месте были надлежащие люди.

Но как при плохой организации управления, на надлежащих местах обычно оказываются совсем несоответствующие этому месту люди, подобно этому недостатки планового руководства, несвоевременность составления и утверждения плана, несогласованность отдельных его частей, неточная осведомленность о фактическом положении дела, преувеличения и искажения, допускаемые в плане, создают условия, при которых неизбежны не только нарушения плана, но и неразумное или недобросовестное его выполнение.

Если место для постройки завода выбрано неудачно, а заказанное оборудование не вмещается в выстроенное здание, то в этом виноват, конечно, не непосредственно план капитального строительства, а исполнители плана; но если бы в план капитального строительства включались только такие объекты, по которым имеются тщательно составленные технические проекты, то для неразумных исполнителей плана поле действия было бы значительно сужено.

Когда кирпич перевозится на расстояния 1.000—2.000 км, то такого рода „хозяйственные“ действия противоречат здравому смыслу; но если бы планы капитального строительства своевременно предусмотрели необходимость постройки кирпичных заводов соответствующей мощности в определенных местах для обслуживания нужд строительства определенных районов, то подобные перевозки были бы невозможны.

Если строительство начинает разворачиваться только в мае—июне, при чем до мая десятки тысяч рабочих обивают пороги бирж труда, а во второй половине лета обычно нехватает рабочих, то план капитального строительства здесь, как будто, не при чем; но если бы он утверждался своевременно и строители знали бы уже

в декабре — январе, на какие средства они могут рассчитывать и какой объем строительства им предстоит, тогда они, вероятно, значительно раньше составляли бы детальные строительные проекты и чертежи и значительно раньше приступали бы к работам.

Когда строители берут запасы прочности, превосходящие разумные меры, то это, конечно, плохое исполнение капитальных работ; но если бы промышленный план обеспечил соответствующее качество строительных материалов, то число строителей, желающих себя застраховать излишним запасом прочности от лишних неприятностей, было бы, вероятно, гораздо меньше.

Число примеров неразумного, нерационального, а иногда совершенно недопустимого строительства можно было бы умножить; ими пестрят сейчас страницы газет. Много бесхозяйственности, нераспорядительности, неумения; многое зависит от нашего культурного уровня; но средой, питающей эти случаи, являются все же недостатки существующей системы планового руководства.

Капитальное строительство обходится очень дорого. Этот факт не оспаривается никем, несмотря на то, что экономисты и техники еще не пришли к соглашению относительно высоты строительного индекса, ни даже о том, что такое строительный индекс. Но если бы мы могли подсчитать *faux frais* капитальных работ, зависящие от существующей сейчас системы планового руководства, то они заняли бы почетное место не только в накладных расходах, но и во всех прочих статьях стоимости строительства.

Сумма всех влияний, исходящих от плана капитального строительства и многократно усиливаемых в процессе выполнения плана, создает, на ряду с влияниями, исходящими из сферы частного хозяйства, ту стихию, в которой протекает процесс реконструкции народного хозяйства Союза. Чтобы овладеть этой стихией, надо в первую очередь овладеть самим планом.

Могут возразить, что эта проблема как раз и разрешается генеральным и перспективным планами народного хозяйства. Если бы годовые планы капитальных работ представляли собой отрезки перспективного плана всего народного хозяйства, органически с ним связанные и неотделимые от него, то все несогласованности и искажения, которые сейчас являются источником стихийных влияний и толчков, были бы устранены. Это, конечно, правильно. Но пока мы рассуждали о перспективном плане, обнаруживая в этих рассуждениях не мало знаний и остроумия; пока мы искали правильные методы построения плана, составляя один вариант за другим и надеясь методом последовательных приближений найти оптимальный вариант, — „отправной“ вариант перспективного плана оказался фактически уже построенным за нашей спиной, хотя и не без нашего содействия, методом последовательных стихийных наслоений в капитальном строительстве.

Следующая таблица показывает, как далеко зашел процесс „предопределения“ в новом капитальном строительстве промышленности:

Отрасли промышленности	Стоимость заложенного нового строительства ¹	Произвед. затрат до 1/X 1927 г. ²	Остается затратить	Намечено затрат по новому стрит. с 1927/28 г. по 1931/32 г. ²	Процентное отношение остающегося затрат к намеченному на пятилетие
Каменноугольная	276,8	65,9	210,9	450,1	47
Нефтяная	178,4	105,5	72,9	440,8	17
Рудная	5,9	3,7	2,2	105,2	2
Металлическая	831,4	77,9	753,5	870,7	87
Электротехническая	16,6	7,9	8,7	42,7	20
Текстильная	205,1	75,4	129,7	808,4	16
Химическая	69,6	42,7	26,9	189,1	14
Силикатная	71,1	35,4	35,7	232,5	15
Кожевенная	34,8	21,1	13,7	77,0	18
Лесная	34,5	19,6	14,9	118,4	13
Бумажная	65,3	34,7	30,6	120,1	25
Пищевая	62,5	31,0	31,5	238,3	13
Всего	1.852,0	520,8	1.331,2	3.693,3	36

В металлопромышленности капитальное строительство предпринято почти на $4\frac{1}{2}$ года вперед, в каменноугольной почти на $2\frac{1}{2}$ года. Только индивидуальное изучение каждого объекта капитального строительства может сказать, какова степень и сила этой предпринятости, и только анализ народнохозяйственной эффективности строительства может подсказать, можно ли и нужно ли ликвидировать те или иные объекты или растянуть их строительство, чтобы изменить направление и силу стихийно сложившейся предопределенности капитальных работ. Но очевидно, что если принять в основание сложившейся перспективы капитальное строительство в металлической и угольной промышленности, то степень предопределенности капитальных работ в целом ряде других отраслей промышленности окажется

¹ По данным „Торг.-Пром. газ.“ (см. „Капит. строительство промышленности“, М., 1928).

² По данным ВСНХ. Данные ВСНХ и данные „Торг.-Пром. газ.“, строго говоря, несопоставимы, поскольку неизвестно, что именно каждый из этих источников включает в понятие нового строительства. Но, не претендуя на абсолютную точность, сопоставление это, тем не менее, все же возможно, вследствие близости этих двух источников, а потому показательный характер приведенного сопоставления несомненен. При сопоставлении графы „остается затратить“ с графой „намечено затратить“ следует помнить, что в последнюю входят затраты не только по новым заводам, но и по всему жилищному строительству (так как по пятилетке ВСНХ жилищное строительство по новым заводам не выделено), а потому суммы намеченных затрат по новому строительству, вероятно, преувеличены, т.е. предопределяющий характер остающихся затрат еще больше, чем это вытекает из таблицы.

иной, чем об этом можно судить по приведенным выше цифрам, или, во всяком случае, темпы строительства в них и календарные сроки потребуют соответственной координации. В особенности это окажется необходимым, если учесть степень предрешенности строительства электрических станций и промышленных энергетических установок, которая также достаточно велика.

Поэтому если основной проблемой планирования в настоящий момент является проблема перспективного планирования в широком смысле слова (генеральный план, пятилетний план, годовой план), то главной, а может быть единственной предпосылкой сейчас является не столько методология его построения, сколько выявление фактически уже сложившейся перспективы народного хозяйства. Если приведенные выше цифры предопределенности капитального строительства более или менее близко отражают фактическое положение вещей, то индустриальное лицо некоторых районов тоже уже, вероятно, предопределено на ближайшие пять лет, и этим районам надо не „составлять“ перспективный план, а выявить его, „открыть“ его у себя и сделать из него соответствующие выводы хозяйственной политики.

На данной стадии работ по перспективному плану первоочередной задачей является не „построение“ предуканий, а точный учет степени и силы предопределенности развития народного хозяйства, являющейся результатом хозяйственного строительства последних лет. Чтобы дать предукания, нам необходимо предварительно тщательно взвесить пределы и возможности нашего влияния на последствия нами созданных производительных сил. Необходимо, прежде всего, отчетливо видеть, как в процессе строительства¹ оказались размещенными производительные силы страны и отсюда учесть народнохозяйственную эффективность строительства.

Весьма возможно, что и здесь достаточно широкое поле для методологических исканий. Задача эта очень трудна и сложна. Но центром тяжести работы все же остается тщательный подбор и изучение индивидуального фактического материала.

Если бы нам на первых порах удалось, на основании изучения заложенного и законченного строительства и учета его эффективности, составить конкретный (по объектам) перспективный план капитального строительства хотя бы на ближайшие 2—3 года, мы сделали бы первый крупный практический успех в перспективном и текущем планировании. С этого, казалось бы, и следует начать, сделав капитальное строительство в различных отраслях народного хозяйства не статистическим разделом перспективного плана, а его стержнем.

¹ А ведь мы заложили одного только нового строительства и только по промышленности, планируемой ВСНХ, не считая электрических станций и прочих энергетических установок, на сумму около 2 миллиардов рублей.

О пятилетнем топливном плане

1. Топливоснабжение

Объем настоящей статьи позволяет коснуться лишь основных положений, принятых при составлении пятилетнего плана топливоснабжения.

По самой сущности работа по построению пятилетнего топливного плана находится в тесной зависимости от остальных элементов плана развития народного хозяйства, и там, где это касается вопросов энергетического хозяйства, должна отразить в себе процессы количественного и качественного порядка, намеченные в этих отраслях народного хозяйства.

Поскольку топливо является основной базой энергетики страны, то, прежде всего, оно не должно быть ограничивающим фактором в общем плане развития народного хозяйства. Поэтому первой задачей при построении перспективного плана должно быть создание бездефицитного топливного хозяйства и придание ему необходимой устойчивости, применительно к специфическим особенностям топливоснабжения Союза и его энергетическим ресурсам.

Следовательно, основной установкой должно быть обеспечение потребления топлива в стране на базе собственных топливных ресурсов, не прибегая к импорту значительных количеств иностранного угля (явление столь характерное в течение последних предвоенных лет), и, наоборот, создание достаточно благоприятных условий для развития собственного экспорта как нефтепродуктов, так, отчасти, угля и антрацита.

Построение топливного баланса при такой установке должно сводиться к установлению соответствия в развитии отдельных отраслей топливодобывающей промышленности с теми требованиями, которые будут предъявлены основными потребителями топлива: промышленностью, транспортом, электрификацией, экспортом топлива и частью населением (кроме дров), т.е. так называемой промышленно-технической группы потребителей.¹

¹ Построение полного топливного баланса является делом чрезвычайно трудным, благодаря почти не поддающейся учету всей потребляемой населением древесины и разных суррогатов топлива (соломы, кизяка, лузги и пр.). Да и практическая ценность такой попытки была бы не велика, поскольку это не влияет на решение вопросов развития отдельных отраслей топливной промышленности. Однако, нужно и можно, до известной степени, учесть (особенно при составлении районных планов) влияние потребления дров населением на возможность снабжения ими промышленно-технических потребителей.

Существенным моментом при определении возможного в течение пятилетия роста потребления топлива является вопрос об изменении удельных расходов топлива, как результат, с одной стороны, обновления и улучшения теплосилового хозяйства и рационализации технологических процессов, а с другой стороны — широко проводимой электрификации. При чем последний фактор хотя и ведет при развитии районных станций к относительному сокращению потребления топлива, но, с другой стороны, сам по себе факт создания крупных электростанций с дешевой энергией порождает новых потребителей этой энергии как в промышленных предприятиях, так и для бытовых и культурных нужд страны, создавая, таким образом, в виде тепловых электростанций, нового крупного потребителя топлива.

При построении планов отдельных отраслей народного хозяйства приняты весьма значительные снижения в удельных расходах топлива. Так, например, по отдельным отраслям промышленности это снижение удельных расходов колеблется от 10% до 35% от современного их уровня. По транспорту снижение удельных расходов на измеритель работы предположено до 5%. И по плану электрификации расход топлива на квтч. должен снизиться с 1 кг в настоящее время до 0,76 кг к концу пятилетия.

Такое снижение удельных расходов должно резко повлиять на необходимый темп развития добычи топлива. Однако, трудности реального осуществления в полной мере в пределах текущего пятилетия этих мероприятий по рационализации использования топлива заставляют с большой осторожностью подходить к получаемым в результате итогам возможного роста потребления топлива и иметь в виду необходимые производственные резервы.

Потребление топлива внутри страны, как оно выявляется в результате сводки по отдельным планам народного хозяйства, дает общий рост в следующих цифрах, в тыс. тонн условного 7000 калорийного топлива (см. диагр. 1, стр. 81):

	1926/27 г.	1931/32 г.	Рост в %
Транспорт жел.-дор.	13.031	17.690	+ 36
„ водный	1.872	3.112	+ 66
Промышленность (без топливной)	22.270	32.429	+ 45
Водосвет	1.903	5.078	+ 163
Прочие потребности	2.865	4.750	+ 66
Всего услов. топл.	41.941	63.112	+ 50,3
Топливодобывающая промышленность с потерями на местах добычи и переработки	6.833	9.967	+ 46
Всего внутреннее потребление	48.774	73.079	+ 49,7

Проектирование плана развертывания топливдобычи лишь применительно к этим цифрам внутреннего потребления топлива и возможного развития экспорта (вернее превышения экспорта над

импортом), однако, далеко еще не обеспечит нормального и устойчивого положения в топливоснабжении страны.

Одной из главных причин напряженности и неустойчивости в топливной обстановке в течение последних лет (да и в настоящее

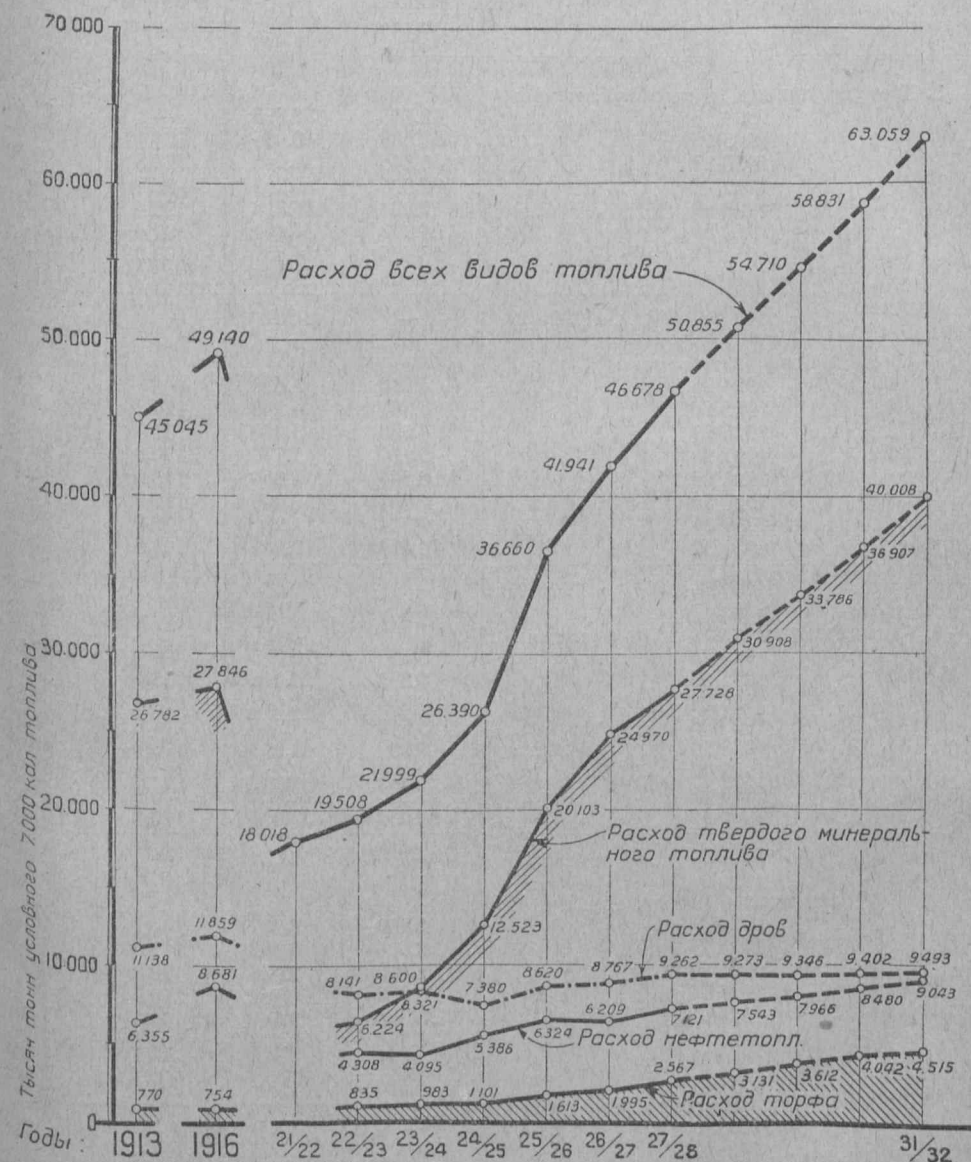

Диаграмма 1

время) является недостаточность топливных резервов. Это обстоятельство порождает целый ряд болезненных явлений и требует дорогостоящих мероприятий по удовлетворению текущих топливных нужд, при непрерывном росте потребления топлива. Такие явления, как частая смена топливного режима, расход сырых дров, дальние

Сводный топливный баланс на 1927/28—1931/32 гг.
Без дров для населе

Виды топлива и операционные годы	А К Т И В			
	Запасы у произ- вод. и по- треб. в начале года	Добыча, заготовка импорт		Всего актива
		Коли- чество	В 0/0/0 к преды- дущ. году	
1. Древесное топливо (в тыс. куб. метров)				
1924/25	42.753	38.723	—	81.476
1925/26	39.588	48.054	124,1	87.642
1926/27	38.345	59.240	123,3	97.585
1927/28	47.695	57.211	96,6	104.906
1928/29	52.094	56.318	98,4	108.412
1929/30	55.298	54.861	97,4	110.159
1930/31	56.435	54.861	100,0	111.296
1931/32	57.037	54.861	100,0	111.898
1931/32 в 0/0/0 к 1926/27	—	92,6	—	—
2. Торф (в тыс. тонн)				
1924/25	3.010	3.430	—	6.440
1925/26	3.740	4.260	124,2	8.000
1926/27	4.080	5.900	138,5	9.980
1927/28	5.110	7.704	130,6	12.814
1928/29	6.544	8.860	115,0	15.404
1929/30	7.794	10.000	112,9	17.794
1930/31	9.024	11.200	112,0	20.224
1931/32	10.414	12.260	109,5	22.674
1931/32 в 0/0/0 к 1926/27	—	207,8	—	—
3. Каменноугольное топливо (в тыс. тонн)				
1924/25	5.577	16.683	—	22.260
1925/26	4.832	26.012	155,9	30.844
1926/27	4.636	32.612	125,4	37.248
1927/28	5.749	37.265	114,3	43.014
1928/29	7.797	41.245	110,7	49.042
1929/30	9.877	44.177	107,1	54.054
1930/31	11.253	48.682	110,2	59.935
1931/32	13.432	53.595	110,1	67.027
1931/32 в 0/0/0 к 1926/27	—	164,3	—	—
4. Нефтетопливо (в тыс. тонн)				
1924/25	2.899	5.389	—	8.288
1925/26	2.604	6.306	117,0	8.910
1926/27	2.310	7.633	120,8	9.943
1927/28	3.030	8.452	110,9	11.482
1928/29	3.325	9.140	108,1	12.465
1929/30	3.718	9.779	107,0	13.497
1930/31	4.160	10.500	107,4	14.660
1931/32	4.586	11.106	105,8	15.692
1931/32 в 0/0/0 к 1926/27	—	145,5	—	—
Всего в условн. 7000 калор. топливе (тыс. тонн.)				
1924/25	18.607	31.809	—	50.406
1925/26	17.220	43.814	137,7	61.034
1926/27	16.531	54.591	124,6	71.122
1927/28	20.785	60.438	110,7	81.223
1928/29	24.536	65.412	108,2	89.948
1929/30	28.151	69.241	105,8	97.392
1930/31	30.792	74.932	108,2	105.724
1931/32	34.116	80.774	107,8	114.890
1931/32 в 0/0/0 к 1926/27	—	147,9	—	—

для промышленно-технической группы
ния и наркоматов

П А С С И В							
Потребление топлива				Всего расхода	Запасы у производ. и потребит. к концу года	Всего пассива	Обеспечение запасами в на- чале года го- дов. расхода в месяцах (без экспорта)
Топливо и потери на местах до- бычи и пе- рераб. и экспорт	Пром.-техн. потребление	Коли- чество	В 0/0/0 к преды- дущ. году	0/0 участ. отд. ви- дов то- плива			
—	—	—	—	—	—	—	—
2.631	39.257	—	28,0	41.888	39.583	81.476	12,2
3.447	45.850	116,8	23,2	49.297	38.345	87.642	9,6
3.262	46.627	101,7	20,9	49.890	47.695	97.585	9,2
3.544	49.268	105,7	19,8	52.812	52.094	104.906	10,8
3.787	49.327	100,1	18,3	53.114	55.298	108.412	11,8
4.010	49.715	100,8	17,1	53.725	56.434	110.159	12,3
4.253	50.006	100,6	16,0	54.260	57.036	111.296	12,5
4.495	50.492	101,0	14,9	54.988	56.910	111.898	12,5
—	108,8	—	—	—	—	—	—
140	2.560	—	4,2	2.700	3.740	6.440	12,3
170	3.750	146,5	4,4	3.920	4.080	8.000	11,5
230	4.640	123,7	4,7	4.870	5.110	9.980	10,1
300	5.970	128,7	5,7	6.270	6.544	12.814	9,8
330	7.280	121,9	6,1	7.610	7.794	15.404	10,3
370	8.400	115,3	6,6	8.770	9.024	17.794	10,3
410	9.400	111,9	6,9	9.810	10.414	20.224	11,1
440	10.500	111,7	7,1	10.940	11.734	22.674	11,4
—	226,3	—	—	—	—	—	—
3.816	13.612	—	47,5	17.428	4.832	22.260	3,92
4.357	21.851	160,5	55,1	26.208	4.636	30.844	2,25
4.357	27.142	124,2	59,5	31.499	5.749	37.248	1,78
5.078	30.130	111,0	59,3	35.217	7.797	43.014	1,98
5.569	33.595	111,5	60,8	39.165	9.877	49.042	2,44
6.077	36.724	109,3	61,8	42.801	11.253	54.054	2,82
6.388	40.115	109,2	62,8	46.503	13.432	59.935	3,02
6.634	43.487	108,4	63,8	50.121	16.906	67.027	3,27
—	160,2	—	—	—	—	—	—
1.917	3.767	—	20,3	5.684	2.604	8.288	6,66
2.178	4.422	117,4	17,3	6.600	2.310	8.910	5,18
2.571	4.342	98,2	14,8	6.913	3.030	9.943	5,55
3.177	4.980	114,7	15,2	8.157	3.325	11.482	4,27
3.472	5.275	105,9	14,8	8.747	3.718	12.465	5,49
3.767	5.570	105,6	14,6	9.337	4.160	13.497	5,79
4.144	5.930	106,5	14,3	10.074	4.586	14.660	6,02
4.472	6.323	106,6	14,2	10.795	4.897	15.692	6,24
—	145,2	—	—	—	—	—	—
6.806	26.390	—	100	33.196	17.220	50.116	6,93
7.843	36.660	138,9	100	44.503	16.531	61.034	4,76
8.396	41.941	114,4	100	50.337	20.785	71.122	4,06
10.009	46.678	111,3	100	56.687	24.536	81.223	4,58
10.942	50.855	108,9	100	61.797	28.151	89.948	4,98
11.890	54.710	107,6	100	66.600	30.792	97.392	5,32
12.777	58.831	107,5	100	71.608	34.116	105.724	5,39
13.531	63.059	107,2	100	76.590	38.300	114.890	5,58
—	150,3	—	—	—	—	—	—

переброски топлива и т. п., сопряжены с весьма крупными непроизводительными расходами,— заведомо большими тех расходов, которые потребовались бы для создания и поддержания на известном уровне топливных резервов. Без создания топливных резервов в стране немыслимо сколько-нибудь рациональное ведение топливного хозяйства.

Образование этих резервов должно идти по двум направлениям, а именно: 1) по линии накопления наличных запасов топлива в соответствии с ростом потребления топлива, специфическими особенностями его добычи и заготовки, условиями хранения и наивыгоднейшими условиями использования транспорта (сезонные перевозки, навигационный период и проч.), при чем по условиям топливоснабжения движение запасов в течение года таково, что состояние их на 1/X (т.-е. на начало хозяйственного года) должно быть наибольшим, и 2) по линии создания в наиболее важных топливных районах производственных резервов, гарантирующих нормальные условия работы самой топливной промышленности и дающих возможность покрывать случайные или неучтенные более или менее резкие колебания в потреблении топлива.

Построенный с учетом вышеуказанных замечаний ориентировочный топливный баланс на пятилетие приведен в таблице на стр. 82—83; динамика же отдельных элементов этого баланса в основных цифрах сводится к следующему (в млн. тонн усл. топлива):

	1926/27	1931/32	Рост в %	За пятилетний период
Добыча топлива . . .	54,08	80,59	+ 49	350,06
Внутр. потребление . .	48,77	73,08	+ 49,7	318,38
Превышение экспорта над импортом . . .	1,05	3,38	+222	14,15
Накопление запасов . .	4,26	4,18	—	17,52
Запасы к концу года . .	20,78	38,30	+ 84,3	—

Дальнейшая задача при построении пятилетнего плана это — дать такое направление в развитии добычи разных видов топлива и отдельных районов его добычи, которое удовлетворяло бы основным требованиям рационального районирования топливоснабжения страны и соответствовало бы намечающимся сдвигам в промышленной географии.

В настоящей стадии разработки всего пятилетнего плана народного хозяйства работу в области составления районных топливных планов и их балансов и, следовательно, конкретизации основ топливного районирования надо считать далеко еще незаконченной. Здесь, прежде всего, приходится сталкиваться с тем, что не установлены еще основные положения, определяющие собой промышленное развитие отдельных экономических районов Союза.

Центр тяжести разработки топливного плана в этом направлении, естественно, должен быть перенесен на места. Изучение и тех-

ническое и экономическое исследование энергетических ресурсов, в частности, и топливных, составляя одну из главных задач районов, позволит местным органам, наряду с проработкой общих основ развития данного района, внести ряд конкретных предложений в решение проблемы экономического районирования топливоснабжения Союза.

С другой стороны, разработка в центре таких вопросов, как тарифная политика по топливным грузам, вопросы рентных обложений и попенной платы и пр., даст возможность при уточнении пятилетнего плана осветить вопросы топливного районирования и с экономической стороны.

Однако, и в данной стадии составления пятилетнего топливного плана можно считать, несомненно, правильной и в большинстве случаев экономически целесообразной основную идею широкого использования собственных топливных ресурсов отдельных промышленных районов.

При такой тенденции (руководствуясь пока предварительной наметкой районных топливных планов) рост добычи отдельных видов топлива в плане принят в следующих основных цифрах:

	1926/27	1931/32	Рост в %
Дрова (для пром. техн. потреб.)			
в млн. куб. м	59,24	54,86	—7,4
Торф (млн. тонн)	5,9	12,26	+107,8
Кам. уголь (млн. тонн)			
а) Донбасс	24,6	38,6	57,0
б) Проч. районы	7,46	14,8	99,0
Всего кам. угля	32,06	53,4	+ 66,6
Нефть сырая (млн. тонн)	10,45	17,2	+ 65,0
В том числе нефтетопливо	7,63	11,1	+ 45,5
Всего усл. топл. (млн. тонн)	54,08	80,6	+ 49,0

Как такое направление в развитии отдельных видов топлива отразится на изменении их роли в промышленно-техническом потреблении, можно иллюстрировать следующими цифрами в процентах от общего расхода топлива (без собственного потребления топливной промышленности.):

	1926/27	1931/32	Измен.	1913
Древесное топливо	20,9	15,0	—5,9	24,7
Т. рф	4,7	7,1	+2,4	1,7
Кам. уголь	59,6	63,6	+4,0	59,6
В том числе:				
Донецкий	47,6	48,3	54,0 ¹	
Прочие угли	12,0	15,3	5,5	
Нефтетопливо	14,8	14,3	—0,5	14,1
	100	100		100

¹ По 1913 г. донецкое топливо взято вместе с импортным углем, составлявшим около 7,5% всего потребления топлива.

Намечающиеся здесь сдвиги в сторону использования местных видов топлива еще более резко будут выражены в балансах отдельных районов; при этом довольно резко изменится картина топливоснабжения страны и по сравнению с довоенным периодом. Этими мероприятиями, наряду с проводимой в широких размерах электрификацией, намечаются пути к преодолению так называемого „органического дефицита“ топливоснабжения СССР.

В частности, роль отдельных видов топлива в топливоснабжении страны можно характеризовать следующими основными положениями:

а) Каменноугольное топливо, будучи основой развития металлургии и работы транспорта, будет все более усиливать свою роль основной базы топливного хозяйства страны и составит около 64% всего промышленно-технического потребления топлива. Несмотря на более быстрый рост отдельных местных бассейнов, доминирующая роль все еще остается за Донбассом (около 72% всей добычи угля), как за основным районом горнопромышленного Юга, и еще на долгое время регулятором топливного баланса Центральной и Северо-Западной части Союза. Аналогичную роль будет играть в топливном балансе Урала Кузбасс.

б) Торф, несмотря на все трудности решения торфяной проблемы, может и должен получить резкий сдвиг в сторону быстрого роста его добычи, как одно из основных местных топлив для районных электроцентралей и промышленности. Ближайший период будет началом действительной реконструкции в торфяном деле, которая позволит разрешить торфяную проблему не только с количественной, но и с экономической стороны.

в) Дрова, как промышленное топливо, приняты в плане в пределах рационального использования доступных лесных массивов с перенесением основной нагрузки на слабоиспользуемые массивы и прекращением сверхсметных лесосек, разрушающих основы непрерывности пользования лесами. При небольшом абсолютном росте их потребления (главным образом, на углежжение) относительное значение дров в топливном балансе значительно сократится; при этом дровозаготовки для промышленно-технического потребления почти стабилизируются, а по сравнению с 1926/27 годом усиленных заготовок (при 10 млн. куб. м сверхсметных лесосек) даже несколько сократятся.

г) Нефть (сырая) не должна рассматриваться, как топливо. Коренные сдвиги в области углубления переработки нефти и полного использования наиболее ценных продуктов (осветительных, смазочных масел, высококачественных сортов топлива для двигателей внутреннего сгорания и проч.) вместе с развитием экспорта нефтепродуктов должны резко изменить отношение к использованию нефтетоплива, как рядового топлива промышленно-технических установок. При относительном увеличении потребления моторного топлива роль нефтетоплива, как рядового, в топливном балансе будет уменьшаться.

Для того чтобы вывести топливоснабжение из настоящего его состояния — неустойчивого равновесия — и создать твердую базу для развития всего народного хозяйства, топливной промышленности должен быть дан уже в ближайшие годы пятилетия опережающий темп в ее развитии. При полном, к началу данного пятилетия, использовании основного капитала топливной промышленности дальнейшее ее развитие потребует крупных вложений средств в новое строительство. Общий размер вложений за пять лет определится суммой в 1.847 млн. руб., из коих: 1) 30 млн. руб. на дровозаготовки (по линии их механизации и рационализации); 2) 112 млн. руб. на развитие торфодобычи (по электростанциям и промышленным предприятиям); 3) 698 млн. руб. на каменноугольную промышленность (вместе с комбинатами) и 4) 1.007 млн. руб. на нефтяную промышленность, включая сюда и нефтеперерабатывающую, с ее собственными задачами.

Ниже приведены главнейшие моменты и общее направление в развитии отдельных отраслей топливной промышленности.

2. Каменноугольная промышленность

Развитие каменноугольной промышленности находится в теснейшей зависимости от требований, предъявляемых ростом топливоснабжения страны, в котором каменноугольное топливо покрывает около $\frac{2}{3}$ всего потребления. Удовлетворяя текущую потребность в топливе, каменноугольная промышленность несет на себе обязательства по образованию топливных резервов, так как все колебания в спросе на топливо будут восприниматься, главным образом, по линии каменного угля, что и может быть осуществлено при наличии в ней производственных резервов и благодаря наибольшей легкости маневрирования наличными запасами каменноугольного топлива.

Намечаемая топливным планом добыча к концу пятилетия возрастает по всему СССР на 66,2%. При этом применительно к задачам топливного районирования и экономически целесообразного усиления роли местных углей развитие отдельных каменноугольных бассейнов идет далеко неодинаково (см. стр. 88).

Увеличение добычи к концу пятилетия на 21,3 млн. тонн, принимая во внимание, что уже в 1926/27 г. основной капитал существующих предприятий был полностью использован, возможно лишь за счет вложения новых крупных средств в каменноугольную промышленность. При этом базой дальнейшего развития каменноугольной промышленности будет новое шахтное строительство, и в меньшей степени расширение существующих шахт, но при условии их коренного переоборудования и реконструкции.

Один из существеннейших моментов в плане нового шахтного строительства — это тип новых шахт. Естественно, что для различных каменноугольных бассейнов он будет не одинаков в зависимости от

Районы	1926/27		1931/32		Рост в %/о	1913 г. добыча в млн. тонн
	добыча в млн. тонн	в %/о от общ. доб.	добыча в млн. тонн	в %/о от общ. доб.		
Донбасс	24,55	76,6	38,50	72,1	+57	25,30
Подмосковный	0,99	3,1	3,27	6,1	+233	0,30
Урал	1,86	5,8	3,77	7,1	+102	1,20
Зап. Сибирь (Кузбасс)	2,56	8,0	4,09	7,7	+60	0,80
Вост. Сибирь и ДВК.	1,83	5,7	2,79	5,1	+52	1,08
Средне-азиатские районы	0,17	0,5	0,74	1,4	+327	0,14
Кавказ.	0,10	0,3	0,24	0,5	+150	0,08
Всего	32,06	100	53,40	100	+662	28,90 ¹

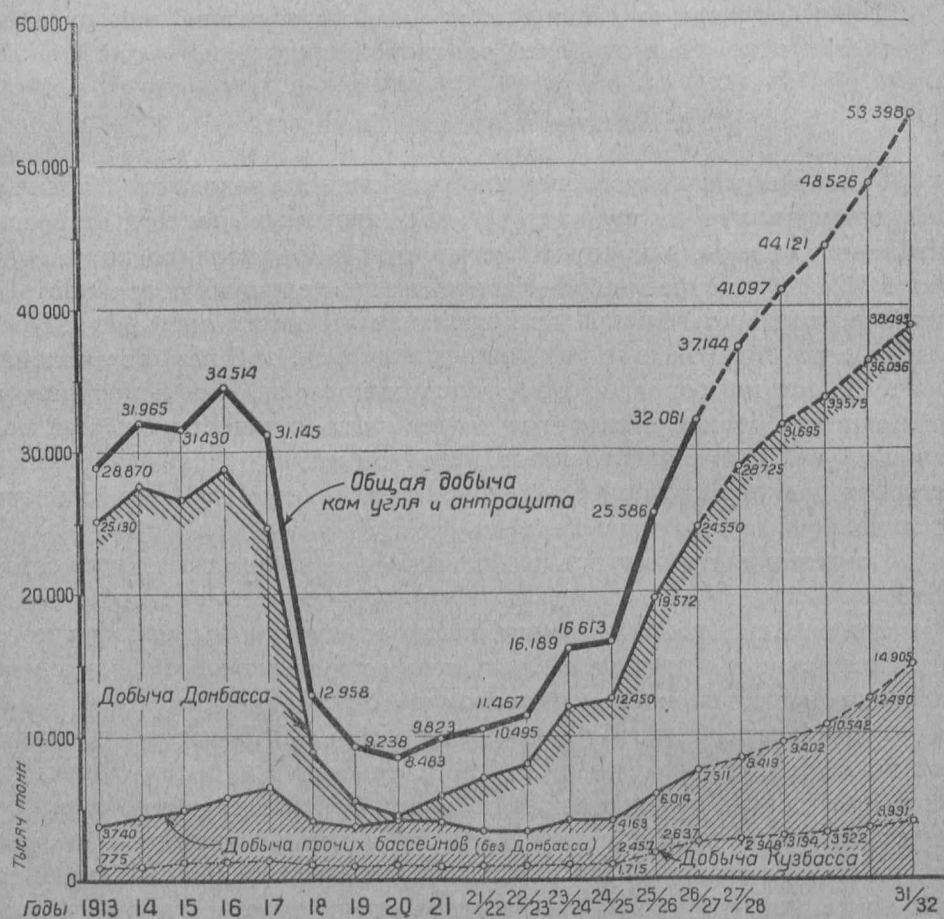

Диаграмма 2

¹ Кроме того, в 1913 г. на территорию в нынешних границах СССР было ввезено около 3,5 млн. тонн иностранного угля, не считая некоторого количества донбровского угля, которое компенсировалось вывозом донецкого угля.

характера самих месторождений. Но как основной принцип — новое шахтное строительство пойдет по пути крупных производственных единиц, так как коренное решение вопроса о резком увеличении производительности одного рабочего (от чего почти исключительно зависит снижение себестоимости) возможно осуществить лишь на крупной и полностью механизированной единице.

Таковыми для Донбасса будут шахты, производительностью от 250—800 тыс. тонн в год, для Кузбасса — 330 тыс. тонн, Подмосковного бассейна — 150—250 тыс. тонн. Однако, и в целях правильной разработки месторождения и возможности получения более быстрого производственного эффекта (что особенно было важно как для 1926/27 г., так и для ближайших двух—трех лет), создание шахт среднего типа (от 60 до 150 тыс. тонн в год) должно быть признано вполне рациональным при условии возможно полной их механизации.

Мелкое шахтное строительство в основных каменноугольных районах не может удовлетворить задачам развития каменноугольной промышленности, ни с количественной стороны, ни тем более с экономической.

При запоздании в проведении в жизнь нового крупного строительства, которое имело место в предыдущие годы, ввод в работу новых крупных единиц будет возможен лишь в конце пятилетия, соответственно чему и те экономические эффекты, которые можно было бы иметь при этом типе шахт, в среднем, окажутся значительно ниже.

Однако, основные элементы реконструкции каменноугольной промышленности, как-то: механизация производственных процессов и одновременно электрификация рудничного хозяйства в пределах текущего пятилетия будут, проводиться не только на новых производственных единицах, но и на существующих шахтах там, где это технически допустимо и экономически целесообразно.

Характеристику тех сдвигов в основных элементах, которых можно ожидать к концу пятилетия, выражает таблица на стр. 90.

Увеличение добычи в пределах текущего пятилетия на 60% и осуществление намеченного плана реконструкции каменноугольной промышленности потребуют крупных затрат, но вместе с этим должны быть учтены и те расходы, коими обеспечивается развитие добычи в последующие годы. Поскольку же новое шахтное строительство неизбежно связано с длительными сроками (3—5 лет), то уже в текущем пятилетии должен быть заложен целый ряд новых производственных единиц, добычей эффект коих будет выходить за пределы пятилетия. С учетом этого обстоятельства можно общую сумму капитальных затрат по каменноугольной промышленности (вместе с комбинатами) оценивать в 698 млн. руб., с распределением ее по основным группам работ: новое шахтное строительство — 252 млн. руб., переоборудование и расширение существующих производственных единиц — 210 млн. руб., жилищное строительство — 210 млн. руб.,

Название статей	Д о н б а с с				По всей кам.-угольн. промышл. СССР		
	1926/27	1931/32	1931/32 в % к 1926/27	Новые крупн. шах- ты Донб. в 1931/32	1926/27	1931/32	1931/32 в % к 1926/27
Добыча brutto	24,55	38,5	+ 57,0	4,1	32,06	53,4	+ 66,2
Добыча механиз. в % от общей добычи brutto	13,3	33,0	+ 148,0	80,0 ¹	11,4	32,6	+ 186,0
Степень электриф. рудн. хозяйства в %	76,0	85,0	+ 12,0	100,0	62,0	87,0	+ 40,0
Производ. 1 трудящ. в год (в тоннах)	128,0	221,0	+ 72,5	368,0	136,0	226,0	+ 66,0
Зарплата 1 трудящ. в месяц (в руб.)	59,50	77,0	+ 29,2	100,0	59,1	74,0	+ 25,2
Себестоимость в коп. за тонну.	1101,3	935,0	- 15,1	825,0	988,0	830,0	- 16,0

капитальный ремонт — 27 млн. руб. т.-е. всего 698 млн. руб., из которых 94 млн. руб. — на комбинаты металлургической и химической промышленности.

3. Нефтяная промышленность

Удовлетворение требований внутреннего рынка и намечаемое развитие экспорта нефтепродуктов, как одной из самостоятельных задач нефтяной промышленности, определяют собой необходимый масштаб ее развития. При этом предъявляемые к нефтяной промышленности требования (в особенности со стороны экспорта), направленные в сторону резкого увеличения так называемых „светлых продуктов“, значительно ослабляют роль и значение нефтетоплива в общей продукции нефтяной промышленности.

Нефтяная промышленность, составляя одно целое, имеет две главных отрасли в своем хозяйстве: добычу и переработку нефти.

Подходя к составлению перспективного плана, мы должны констатировать, что в первой части — в области добычи, при условии организованной и широко поставленной разведки новых нефтяных месторождений, можно иметь достаточно твердую базу для развития добычи в намечаемых пределах (с 10,5 до 17,2 млн. тонн).

Во второй части — в области переработки нефти, при коренном изменении требований, предъявляемых к нефтяной промышленности в сторону углубления переработки сырой нефти, необходимо констатировать явную диспропорцию с достигнутым уже уровнем добычи. Благодаря недостаточной мощности и устарелости существующих заводов, переработка отстает от добычи. Поэтому вопрос

¹ В части крупных шахт полная механизация выемки не может быть осуществлена из-за естественных условий.

о новом заводском строительстве является одним из центральных в общем плане развития и направления нефтяной промышленности.

Не менее важным для возможности дальнейшего развития нефтяной промышленности будет правильное и своевременное решение нефтетранспортной проблемы. Здесь также нужно констатировать весьма остро ощущаемый в настоящее время недостаток транспортных средств. Согласованными мероприятиями: с одной стороны, скорейшим окончанием начатого нефтепроводного строительства по плану работ нефтяной промышленности, а с другой — усилением вод-

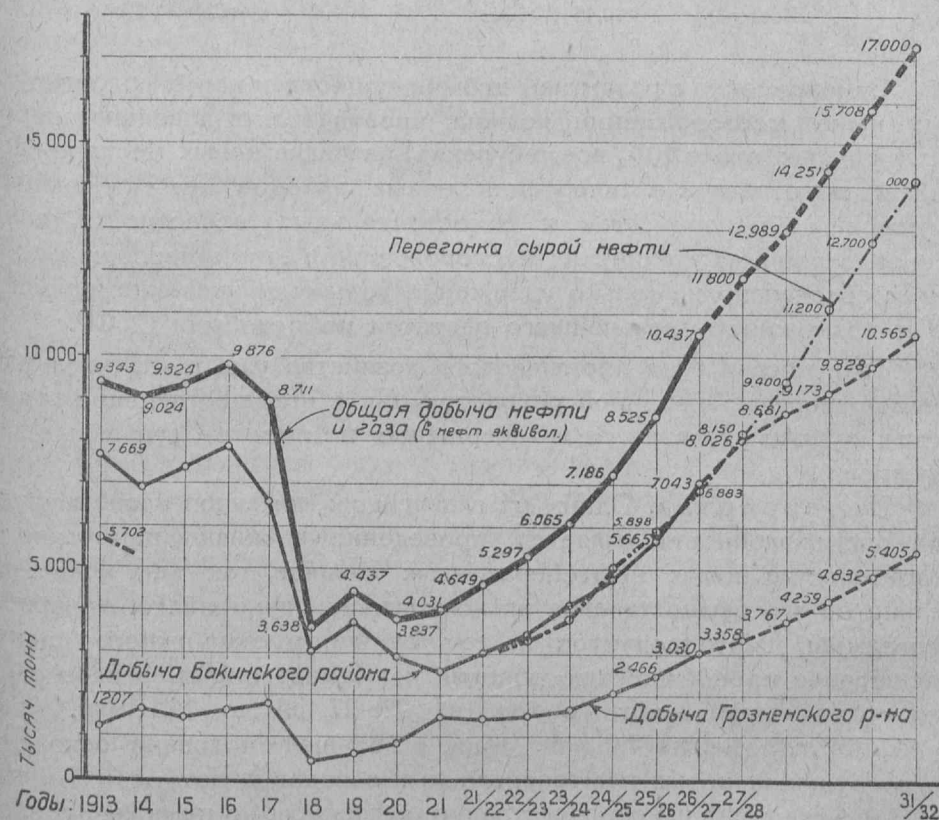

Диаграмма 3

ного и железнодорожного транспорта, — должен быть найден выход из этого „узкого места“ нефтяного хозяйства Союза.

Таковы общие задачи, разрешение коих должно найти свое выражение в плане работ по отдельным отраслям нефтяного хозяйства.

Добыча. Намеченное планом развитие добычи по Союзу с 10,5 до 17,2 млн. тонн дает, в среднем, рост на 65% за пятилетие (см. диагр. 3). На ряду с развитием добычи основных районов Баку и Грозного, в текущем пятилетии должен быть дан относительно больший рост и мелким районам, примерно, в следующих соотношениях:

Р а й о н ы	1926/27		1931/32		Рост за пять лет в %	1913	
	Добыча млн. тонн	В % от общей	Добыча млн. тонн	В % от общей		Добыча млн. тонн	В % от общей
Баку	7,05	67,5	10,57	61,5	+ 50	7,67	83,2
Грозный	3,03	29,0	5,40	31,4	+ 78	1,21	13,1
Мелкие районы.	0,37	3,5	1,03	6,0	+180	0,34	3,4
Сахалин	—	—	0,20	1,1	—	—	—
Всего	10,45	100	17,20	100	+ 65	9,22	100

Одновременно с развитием добычи существующих эксплуатируемых ныне месторождений должна проводиться в довольно широких размерах (около 10% всего бурения) разведка новых месторождений и подготовка к эксплуатации новых районов как тяготеющих к основным районам, так и самостоятельных (в частности, ввод в эксплуатацию Сахалинских месторождений); этими мероприятиями будет обеспечено не только удержание добычи на указанном уровне, но и возможность дальнейшего развития нефтедобычи СССР.

Техническая база промыслового хозяйства уже в значительной мере подверглась коренной реконструкции в предшествующие годы, и дальнейшее развитие ее и завершение не вызовет серьезных затруднений.

Переработка. Одним из главнейших моментов плана нефтяной промышленности является проведение в жизнь намеченного строительства новых нефтеперегонных заводов, так как исключительно от его осуществления зависит выполнение принятой товарной программы нефтепродуктов и, тем самым, и экспортного плана. Расширение пропускной способности нефтеперегонных заводов с 6,9 млн. тонн сырой нефти в год (в 1926/27 г.) до 14,1 млн. тонн (в 1931/32 г.), т.е. на 7,2 млн. тонн, в большей половине основано на сооружении новых нефтеперегонных заводов в Батуме и Туапсе (на 3,9 млн. тонн) и непосредственно связанного с ними нефтепроводного строительства из Баку и Грозного. Одновременно идет расширение и внутренних заводов приблизительно на 3,3 млн. тонн в год, а там, где это возможно, улучшение технической базы существующих заводов. Этим строительством в значительной мере будет выправлена существующая невязка между размерами добычи и переработки, грозящая затормозить все развитие нефтяной промышленности.

Основные показатели существующих соотношений и их изменения к концу пятилетия даны в таблице на стр. 93.

Осуществление намеченного плана развития нефтяной промышленности потребует капитальных затрат за 5 лет в размере 1.007 млн. руб., со следующим, примерно, их распределением: расши-

	По количеству				По стоимости	
	1926/27		1931/32		Увеличе- ние в %	1926/27 в % от общей стоимости
	Млн. тонн	В % от общей	Млн. тонн	В % от общей		
Добыча	10,45	100	17,2	100	+ 65	—
Переработка	6,9	66 от добыч.	14,1	82	+105	—
Товарная продукция						
а) светл. нефтепродукты.	2,88	33,5	6,5	44	+125	52
б) топливо.	5,72	66,5	8,3	56	+ 45	48
Всего	8,60	100	14,8	100	+ 72	100
В том числе экспорт . .	2,0	23	ок. 5 млн.	34	+150	25

рение и рационализация — 619 млн. руб., разведка и подготовка новых районов — 130 млн. руб., заводское строительство — 88 млн. руб., нефтепроводное строительство — 74 млн. руб., жилстроительство — 60 млн. руб., капитальный ремонт — 36 млн. руб.

4. Т о р ф

Среди мероприятий, направленных к усилению использования собственных топливных ресурсов отдельных районов, — развитие торфодобычи занимает одно из главных мест.

Конкретные задания по плану электрификации, рост потребления торфа в промышленности, а также растущее внедрение торфа, как топлива для нужд населения (пока кустарно-резного), дают основания наметить в пятилетнем плане значительное развитие торфодобычи, определяемое следующими цифрами:

	1926/27		1931/32		Рост в %
	Добыча (тыс. тонн)	В % от общей	Добыча (тыс. тонн)	В % от общей	
Для нужд:					
Электростанций	1.500	25,5	4.960	40,9	+230
Промышленности	3.500	59,2	5.300	42,6	+ 50
Населения	900	15,3	2.000	16,5	+122
Всего	5.900	100	12.260	100	+108
В том числе:					
Машинного	4.500	76,2	9.560	78	+112
Резного	1.400	23,8	2.700	22	+ 92

Достигнутые результаты в области торфотехники дают достаточно твердую техническую базу для дальнейшего развития машинной добычи торфа как для расширения существующих, так и для вновь создаваемых торфоразработок. Но в настоящий момент в торфяной технике намечаются новые пути и вполне вероятно,

что ближайшие годы могут дать ряд новых методов добычи торфа и значительное улучшение применяемых ныне, что и поведет к действительной реконструкции торфяного дела.

Как ориентировочную наметку, можно дать следующее распределение добычи по способам, хотя не исключена возможность появления к концу пятилетия новых и комбинированных способов добычи, могущих изменить приводимые соотношения:

Способы добычи.	1926/27			1931/32			Рост добычи
	Число агрег.	Добыча тыс. тонн	В % от общ.	Число агрег.	Добыча тыс. тонн	В % от общ.	
Элеваторн. (маш. форм)	1312	3840	85,3	1350	5710	59,7	1,48 раза
Гидроторф.	32	610	13,6	130	3250	34,0	5,35 "
Багерный и др. способы	24	50	1,1	100	600	6,3	12,0 "
Всего	—	4500	100	—	9560	100	2,12 раза

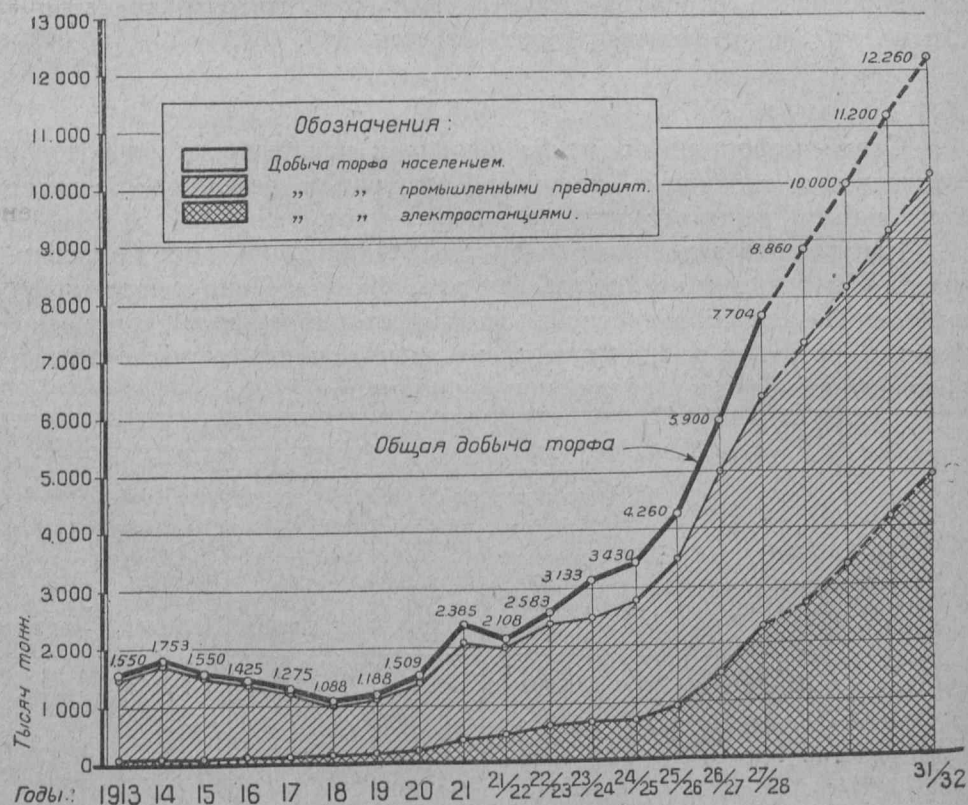

Диаграмма 4

Начавшийся в предшествующие годы процесс улучшения технических показателей в торфяном деле должен развиваться дальше применительно к намеченной выше технической базе, и даст увели-

чение производительности на 1 агрегат, а также и на 1 трудящегося (с 40,8 тонн до 56,6 тонн). Это, в свою очередь, при урегулировании вопроса с зарплатой, должно отразиться на снижении себестоимости торфа, примерно, с 10,85 руб. до 8,55 руб. за тонну (с вывозкой).

Торфодобыча не является самостоятельной отраслью промышленности, поэтому осуществление намеченного плана работ по ее развитию должно быть увязано с планами электростроительства и отдельных отраслей промышленности, имеющих или организующих в своем хозяйстве торфяные разработки. По этим же планам должно быть проведено финансирование необходимых капитальных работ. Общая сумма их за пятилетие определяется в размере — 112 млн. руб., из коих 70 млн. руб. относятся к электростроительству и 42 млн. руб. включены в капитальные затраты соответствующих отраслей промышленности.

5. Древесное топливо

В пятилетнем плане топливоснабжения древесное топливо по абсолютному количеству участвует почти в стабильных цифрах при значительном, однако, сокращении относительного значения древесного топлива в этом плане (с 20,9% баланса топливоснабжения промышленно-технической группы в 1926/27 г. до 15,0% в 1931/32 г.). При этом общий размер дровозаготовок колеблется в пределах 57—55 тыс. куб. м (см. диагр. 5).

Все же для некоторых районов, отдельных групп промышленности и в особенности для определенных предприятий и хозяйств, — древесное топливо составляет и будет составлять значительную или превалирующую часть их топливного баланса, участвуя в них во вполне устойчивых количествах. В частности, на Урале должен будет увеличиваться размер дровозаготовок, в целях обеспечения древесным углем выплавки высококачественного чугуна и применения дров как генераторного топлива в мартеновских процессах; в то же время участие древесного топлива в остальных теплосиловых процессах и для хозяйственных нужд уральской промышленности должно будет свестись к возможному минимуму, путем замены его торфом и каменным углем.

Общий размер выжига древесного угля предполагается довести до 934 тыс. тонн в 1931/32 г. против 704 тыс. тонн в 1926/27 г., в том числе для уральской металлургии — 721 тыс. тонн против 537 тыс. тонн в 1926/27 г.

При общей стабильности дровозаготовок и даже некотором сокращении их по сравнению с 1926/27 г. должен произойти значительный сдвиг их из истощенных рубками — в более богатые лесом районы в целях общего улучшения эксплуатации лесов — путем устранения разорительных сверхсметных рубок, ставших за последние годы хроническими, и путем рационализации использования лесонасаждения в целом.

Подобная рационализация лесозэксплуатации должна осуществляться совместными согласованными мероприятиями по лесной промышленности и дровяному хозяйству в отношении использования древесины, лесонасаждения и всемерного удешевления ее стоимости, в первую очередь путем широкой механизации наиболее дорогостоящих трудовых процессов (транспортировки, разделки кряжей

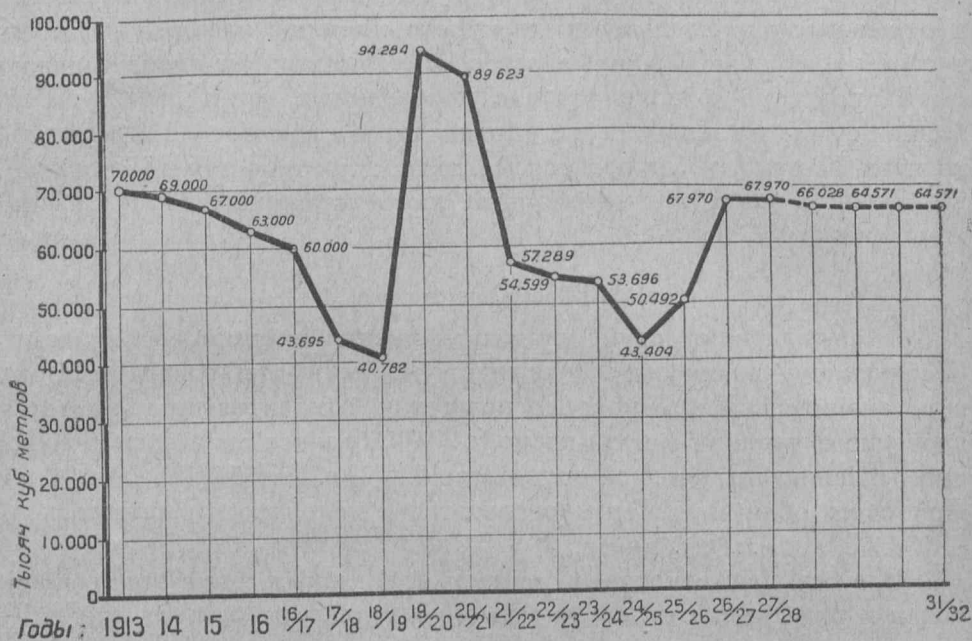

Диаграмма 5

в местах прибытия древесины и т. п.), а также мероприятиями по использованию отходов и отбросов деловой древесины и рационализации использования дров, как топлива и как сырья для углежжения.

По соответствующим отраслям промышленности, заготавливающим древесное топливо, намечаются по перспективному плану капитальные затраты на улучшение дровяного хозяйства в сумме около 30 млн. руб. Этими капитальными вложениями представится возможным не только рационализировать лесозэксплуатацию, но и значительно понизить современную, во многих случаях весьма высокую, стоимость древесного топлива. Кроме того, осуществлением механизации дровозаготовок разрешится вопрос о рабочей силе для Северного Урала, части Сев.-Зап. области и Северо-Востока, где развитие дровозаготовок в настоящее время задерживается из-за недостаточности таковой.

Заканчивая настоящий общий подход к построению пятилетнего топливного плана, необходимо отметить, что уточнение этого плана в направлении учета потребностей отдельных республик и районов представится возможным только при условии проработки последними планов одинаковым методологическим подходом.

К перспективному пятилетнему плану электрификации СССР

1. Общий подход и порядок разработки плана

Электрификация, — правильно понятая, — представляет собой в высокой степени сложный и нелегко поддающийся учету фактор развития производственных сил страны.

Широкая, программная электрификация, проводимая по единому государственному плану и захватывающая все разделы народного хозяйства, особенно же глубоко все отрасли промышленности, участвует почти в одинаковой мере как в группе основных, первичных факторов, определяющих размах хозяйственной жизни страны, так и в группе вторичных народнохозяйственных явлений, вытекающих как следствие из первых и определяемых первыми же в отношении их собственного масштаба и темпа.

Отсюда — вся сложность прогноза реального хода процесса электрифицирования народного хозяйства и вся трудность перспективного планирования электрификации в масштабе целой страны, особенно столь обширной и многообразной, как СССР.

В виде примера достаточно указать, с одной стороны, на решающее значение, которое имеет электрификация для нефтяной промышленности с точки зрения ее рационализации, т.е. повышения производительности и экономичности, а следовательно, и темпа роста, а с другой — на полную зависимость основных технико-экономических, количественных предпосылок реального планирования электрификации нефтепромышленного района от программы роста самой нефтяной промышленности, определяемого сложными и изменчивыми условиями емкости рынков, внутреннего и внешнего, и финансовыми возможностями государства.

Несомненно, подобная взаимная зависимость, затрудняющая прогноз развития определенного хозяйственного процесса и его планирование, существует и в других отраслях народного хозяйства, но все же в отношении электрификации, вследствие ее универсальности, она проявляет себя, пожалуй, наиболее резко. Действительно электрическая энергия, легко и выгодно преобразовываясь в любые формы, участвует и подчас играет решающую роль в процессах и производства, и распределения, и потребления хозяйственных благ,

т.-е. иными словами электрификация встречается во всех без исключения народнохозяйственных процессах, — и это необычайно осложняет задачу.

Наилучшим порядком разработки перспективного плана электрификации страны явилось бы поэтому планирование электрификации на основе хотя бы общих, но предварительно разработанных данных о перспективах развития отдельных отраслей народного хозяйства. В этих данных должна была бы заключаться общая количественная характеристика темпа роста, масштаба развития и географического размещения промышленно-экономических образований. Иначе говоря, нормально перспективное планирование отдельных отраслей народного хозяйства и их районных группировок должно предшествовать планированию электрификации.

Практически такой порядок планирования электрификации не осуществим, приходится идти методом постепенных взаимных приближений, сводящихся к разработке ряда последовательных вариантов плана, из которых каждый последующий отличается от предыдущего большим учетом результатов такого же вариантного планирования других отраслей народного хозяйства, большей конкретностью, большей точностью и большим материальным содержанием.

В серии необходимых вариантов перспективного плана, последовательно уточняемых и углубляемых, можно наметить четыре основных стадии, постепенно приближающих нас к конечной цели, — к построению единого цельного и увязанного в деталях перспективного плана электрификации, отвечающего такому же единому и гармонично построенному плану перспективного развития всего народнохозяйственного целого.

Первая стадия обнимает собой первоначальный период общего планирования электрификации, совпадающий по времени с параллельной разработкой предварительных перспектив и по другим отраслям народного хозяйства и дающий общую принципиальную установку развертывания плановой электрификации в стране. Здесь выковывается та наиболее общая, абстрактная идея, которая ляжет в основу всей работы, вырабатываются главные принципы, формулируются основные предпосылки и намечаются общие лимиты для основных количественных показателей плана электрификации.

Второй этап в планировании электрификации наступает тогда, когда может появиться вариант плана, по своему конкретному содержанию существенно отличный от вариантов, характерных для первого этапа, т.-е. когда появляются вполне разработанные отдельные перспективные планы в отраслевом разрезе. В этот момент возможна первая конкретизация общего предпосланного плана электрификации.

После появления на свет перспективных планов в районном разрезе делается возможной вторая конкретизация плана электрификации, характерная для третьего этапа плановой работы. При

этом план обильно пополняется поступающим с мест материальным содержанием и значительно выигрывает в реальности и определенности.

Наконец, последний период окончательной увязки и полного оформления всего перспективного плана электрификации наступает лишь после завершения работ по единому и увязанному в деталях перспективному плану всего народнохозяйственного целого.

В данный момент работа по планированию электрификации находится, по объективным причинам, еще в первой стадии и в настоящей статье, поэтому, возможно будет коснуться лишь принципиальной установки общего предварительного плана электрификации, в ее современном виде, а именно основных идей, главных принципов и общих предпосылок, которые должны быть приняты во внимание уже при предварительной разработке отдельных перспективных планов в отраслевом и районном разрезе, а также тех общих пределов для основных показателей плана, которые определяют рамки возможного развертывания электростроительства в стране.

Та наиболее общая и определяющая идея, которая положена в основу перспективного плана электрификации и под углом зрения которой строятся все элементы плана, как нельзя более метко и полно выражена еще в первый момент зарождения в Союзе плановой работы главным идеологом нашей электрификации Г. М. Кржижановским. Во вступительной статье к плану ГОЭЛРО он говорит: „...Подъем в возможно более короткий срок производительности народного труда с расходом минимума трудовых единиц и материальных ресурсов страны... может получиться при одновременной работе в трех направлениях: а) подъем напряженности труда — интенсификация; б) увеличенное участие в трудовом процессе механических двигателей и приспособлений — механизация; в) общее упорядочение, взаимная согласованность и соответствие с современными требованиями научной техники как самих операций труда, так и использования его продуктов и отбросов производства — рационализация.“

...Наиболее надежным орудием для интенсификации, механизации и рационализации труда является электрификация народного хозяйства страны. Поэтому электрификация и должна явиться основной идеей нашего хозяйственного строительства“.

Таким образом, основной идеей плана развития самой электрификации, в ее наиболее цельном и общем выражении, является ускорение процессов рационального роста народного хозяйства и повышения народного благосостояния. Непосредственно вытекающая отсюда ближайшая цель, преследуемая планом электрификации, состоит в подведении под все народное хозяйство Союза более совершенной технико-экономической базы, даваемой электрификацией и энергетикой в их современном развитии. Главнейшие принципы плана

в свою очередь полностью определяются этой его конечной целью. К ним относятся:

1) использование для производства энергии местных источников энергии всех видов, в частности низкосортных топлив и топливных отбросов;

2) централизованное производство электрической энергии на возможно более мощных районных электрических станциях;

3) объединение районных станций друг с другом и с фабрично-заводскими теплосиловыми установками, могущими отпускать на сторону так называемую отбросную энергию, для совместной работы на общую электрическую сеть, охватывающую территорию одного или нескольких районов;

4) широкое применение электрической энергии в производственно-трудовых процессах народного хозяйства.

Из только что сказанного непосредственно вытекают основные предпосылки и общие указания для конкретного планирования электрификации. К таковым следует отнести:

а) По промышленности: 1) отказ от сепаратного строительства фабрично-заводских электрических станций и присоединение к сетям районных станций, за исключением случаев наличия собственных энергетических отбросов в производстве (металлургическая, химическая и др. виды промышленности) или потребности в тепле для технологических процессов (текстильная промышленность); 2) в последних случаях создание фабрично-заводских теплосиловых установок в виде теплоэлектроцентралей, отдающих излишнюю электрическую энергию, вырабатываемую по тепловому графику в общую электрическую сеть района; 3) возможно полное использование энергетических отбросов в собственном производстве и, соответственно, применение местного топлива для теплоэлектроцентралей; 4) широкая электрификация и механизация производственных процессов; 5) установление к началу и к концу периода, охватываемого планом, удельных расходов электрической энергии по каждому производству (на единицу продукции, на 1 рубль стоимости продукции, на 1 рабочего), суммарного количества потребной энергии, основных эксплуатационных коэффициентов (коэффициентов использования, нагрузки, мощности и др.), а также характерных суточных и годовых графиков нагрузки; 6) определение потребности в электроизделиях, необходимых для осуществления намеченной в каждой отрасли промышленности электрификации; 7) определение стоимости электрической энергии и ее доли в себестоимости продукции; 8) выяснение потребных средств для осуществления внутризаводской электрификации и присоединения к районным сетям и 9) определение эффективности вложений в фабрично-заводскую электрификацию с учетом прямых и косвенных выгод, приносимых ею в результате интенсификации, механизации и рационализации производственных процессов.

б) По транспорту: 1) непереносимое рассмотрение вариантов электрификации при решении вопросов о постройке новых железнодорожных магистралей или усилении существующих (Москва—Донбасс, Екатерининская ж. д. и др.); 2) применение электрической тяги в случаях необходимости усиления пропускной или провозной способности пригородного движения, крупных железнодорожных городских узлов и горных перевалов и 3) непереносимое разрешение энергетических задач одновременно и попутно с осуществлением судоходных сооружений, где это технически оказывается возможным, и обратно—улучшение судоходных условий рек в связи с использованием их водной энергии (Днепр, Свирь).

в) По сельскому хозяйству: 1) отбор узких сельскохозяйственных районов, обладающих необходимым минимумом природных и экономических данных для выгоды сельскохозяйственной электрификации; 2) определение условий рентабельности сельских электрических станций и 3) преимущественная электрификация сельских местностей от районных и фабрично-заводских станций.

г) По коммунальному хозяйству: 1) комбинирование производства электрической энергии, требующейся для разных хозяйств, в одно целое: освещение, трамвай, распределение электро-механической энергии по заводам и фабрикам, водопровод, канализация; 2) комбинирование производства электрической энергии и тепла для отопления (электрификации и теплофикации) и 3) комбинирование производства электрической энергии, тепла и газа.

2. Основные лимиты перспективного пятилетнего плана электрификации СССР и общий обзор его содержания

Электростроительство в перспективе ближайших пяти лет, 1927/28—1931/32 гг., характеризуется следующими основными показателями, устанавливающими общие лимиты, технико-экономические и финансовые, развертывания электрификации в масштабе всего Союза.

Таблица 1

Развитие установленной мощности всех электрических станций Союза ССР
(В тыс. квт., по отправному варианту)

Название категорий станций	На 1 декабря						
	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932
Районные станции, включая станции-комбинаты	486	620	941	1.389	1.746	2.141	2.660
Станц. местн. значен. (коммун.)	225	260	300	340	380	420	460
Фабр.-завод. станции	750	800	850	900	950	1.000	1.050
Станц. сел.-хоз. значения	20	40	60	80	100	120	140
Прочие станции (НКПС и НКП и Т)	59	60	60	60	60	60	60
Итого	1.540	1.780	2.211	2.769	3.236	3.741	4.370

Таблица 2

Рост выработки электрической энергии всеми станциями

(В млн. квтч., отправной вариант)

Название категорий станций	За пятилетие						1926/27 — 1927/28 1930/31 — 1931/32
	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	
Районные станции (вместе со стан.- комбинат.)	1.600	2.300	3.250	4.580	5.720	6.840	17.500
Станц. местн. значен. (коммун.)	500	700	900	1.350	1.750	2.200	5.200
Фабр.-заводск. станц.	1.950	2.200	2.500	2.700	3.000	3.200	12.350
Сел.-хоз. станции	16	26	36	50	70	90	198
Прочие станции (НКПС и НКП и Т)	46	49	51	53	56	58	255
Итого	4.112	5.325	6.737	8.733	10.596	12.388	35.503

Таблица 3

Потребление топлива районными электрическими станциями в единицах условного топлива

(В тыс. тонн)

	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Торф	450	600	1.000	1.300	1.600	1.900
Местный уголь и угольные отбросы	220	300	600	900	1.300	1.700
Привозный уголь	160	200	250	280	300	330
Нефть и нефтяной газ	480	430	440	450	420	420
Итого	1.310	1.530	2.290	2.930	3.620	4.350

Таблица 4

Капитальные вложения в электрификацию (строительство районных станций и сетей)

(В млн. руб., отправной вариант)

Источники средств	За пятилетие						1926/27 — 1927/28 1930/31 — 1931/32
	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	
По госбюджету	98	140	164	171	173	177	746
Внебюджетные	79	118	116	113	116	122	542
Всего	177	258	280	284	289	299	1.288

Таблица 5

Капитальные вложения в электрификацию по оптимальному варианту

За пятилетие

Источники средств	За пятилетие						1926/27 — 1927/28 1930/31 — 1931/32
	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	
По госбюджету	98	140	186,9	203,5	228,6	266,0	857
Внебюджетные	79	118,5	122,5	119,6	120,0	104,4	559,6
Всего	177	258,5	309,4	323,1	348,6	370,4	1.416,6

Таблица 6

Установленная мощность районных электрических станций по союзным республикам

Республики	Декабрь 1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
РСФСР	475	720	1.041	1.230	1.488
УССР	40	116	212	285	390
ЗСФСР	105	105	127	187	197
БССР	—	—	11	22	22
Узб. и Турк. ССР	—	—	—	22	44
Итого по СССР	620	941	1.389	1.746	2.141

Таблица 7

Полные капитальные вложения в электрификацию СССР за пятилетие 1927/28 — 1931/32 гг.

(В млн. рублей)

Республики	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Итого за 1927/28 — 1931/32
РСФСР	137,5	177,2	213,1	225,7	237,0	257,0	1.110,0
УССР	30,0	60,0	70,0	67,0	65,0	50,0	312,0
ЗСФСР	5,2	13,2	15,8	17,0	30,0	36,0	112,0
БССР	2,3	4,6	5,0	6,0	7,0	6,4	29,0
Узб. ССР	1,0	2,0	4,0	6,0	8,0	9,0	29,0
Турк. ССР	1,0	1,5	1,5	1,4	1,6	2,0	8,0
Итого по СССР	177,0	258,5	309,4	323,1	348,6	360,4	1.600

Таблица 8

Бюджетные вложения в электрификацию СССР за пятилетие 1927/28 — 1931/32 гг.

(В млн. рублей)

Республики	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Итого за 1927/28 — 1931/32
РСФСР	67,1	83,0	110,0	129,0	146,0	178,0	646,0
УССР	26,0	48,0	60,0	50,0	43,0	35,0	236,0
ЗСФСР	2,8	5,5	10,0	15,5	28,0	30,0	89,0
БССР	0,9	2,6	3,4	4,0	5,0	5,0	20,0
Узб. ССР	0,7	0,5	2,5	4,0	5,0	6,0	18,0
Турк. ССР	0,5	0,4	1,0	1,0	1,6	2,0	6,0
Итого по СССР	98,0	140,0	186,9	203,5	228,6	256,0	1.015,0

Необходимо отметить, что оба варианта капитальных вложений по пятилетнему плану электрификации составлены в предположении ожидаемого снижения электростроительного индекса. Влияние этого снижения на величину ежегодных затрат определялось следующим образом.

Общие капитальные вложения в электрификацию за пять лет по так называемому отправному варианту в размере 1.537 млн. руб.,

без учета снижения индекса, разбиты на две части: 1) на расходы по зданиям и сооружениям и вообще на строительные работы и 2) на расходы по оборудованию. При этом принято, что соотношение этих двух частей будет изменяться по годам пятилетия так (в ‰):

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	За пять лет в среднем
Расходы на строительные работы	50	48	46	44	42	45
Расходы на оборудование	50	52	54	56	58	55

В абсолютном выражении капитальные вложения по принятым двум основным рубрикам электростроительства распределяются, следовательно, в нижеследующем порядке:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	За пять лет в среднем
Расходы на строительные работы (в млн. рублей)	129	143	144	143	144	703
Расходы на оборудование (в млн. руб.)	129	155	169	183	198	834
	258	298	313	326	342	1.537

По каждому из приведенных выше слагаемых общей суммы капитальных затрат подсчитана отдельно ожидаемая экономия в результате снижения индексов, строительного и производственно-промышленного.

На основании специальных экспертных оценок соответствующих секций Госплана СССР, размеры снижения этих двух индексов и соответствующая экономия в капитальных вложениях по годам пятилетия приняты такими:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	За пять лет в среднем
Снижение строительного индекса в ‰ от индекса 1926/27 г.	6,1	9,1	9,7	13,3	13,9	10,5
Снижение производственно-промышленного индекса для оборудования элект. станций в ‰ от индекса 1926/27 г. ¹	0,0	3,2	8,9	9,8	11,6	7,3
Экономия в расходах на строительство (в млн. руб.)	8	13	14	19	20	74
Экономия в расходах на оборудование (в млн. руб.)	—	5	15	18	23	61
Общая ожидаемая экономия (в млн. руб.)	8	18	29	37	43	135

¹ С учетом влияния доли импорта.

Отсюда величина и распределение по годам капитальных вложений по отправному варианту с учетом ожидаемого индекса определились:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	За пять лет
Общие суммарные расходы на электрификацию (в млн. руб.)	250 ¹	280	284	289	299	1.402 ¹

В оптимальном варианте влияние снижения индексов определено аналогично, и сумма вложений за пять лет в размере 1.600 млн. рублей представляет собой предстоящие расходы с учетом снижения индексов.

Размеры потребных вложений исчислены ориентировочно для отправного и оптимального вариантов. Уточнение этих цифр может быть произведено после проработки пятилетних планов электрификации отдельными союзными республиками и последующей увязки их Госпланом СССР.

Попытаемся в кратких чертах раскрыть содержание только что охарактеризованного основными показателями перспективного пятилетнего плана электрификации.

Из пяти групп электрических станций, осуществляющих снабжение СССР электрической энергией, именно: районные станции, фабрично-заводские станции, коммунальные станции, сельскохозяйственные станции, железнодорожные станции и почтово-телеграфные станции,—доминирующее значение имеют первые две группы, так как в 1926/27 г. на их долю приходилось 80% мощности и 87% годовой выработки энергии всех станций.

В свою очередь, из этих двух групп станций первое место как по мощности, так и по выработке, принадлежит пока группе фабрично-заводских станций. Предварительные данные 1926/27 г. дают: по мощности для районных станций—386.000 квт., для фабрично-заводских—750.000 квт., по выработке—соответственно 1,1 млрд. квтч. и 1,7 млрд. квтч.

Для правильной оценки темпа роста электроснабжения всей страны в целом необходимо принять во внимание суммарные мощности всей совокупности станций (по всем шести группам) к началу и концу рассматриваемого периода. Учет одних районных станций в этом отношении дал бы неправильную картину, так как он характеризовал бы не общий темп роста производства электрической энергии в стране, а лишь происходящий более или менее сильный сдвиг в сторону преимущественного развития группы районных станций.

¹ Контрольными цифрами 1927/28 г. предусмотрено вложение 258 млн. рублей. Это означает, если учесть снижение строительного индекса, расширение объема электростроительства 1927/28 г. на 8 млн. руб.; цифра вложений за пять лет, приведенная выше в табл. 4, равна поэтому 1.410 млн. руб. против 1.402 млн. руб., указанных здесь.

Таким образом, для характеристики общего темпа роста производства электрической энергии в СССР за период пятилетней перспективной ориентировки необходимо взять следующие ряды цифр:

	Декабрь 1927 г.	Декабрь 1931 г.	Прирост за 5 лет	
			В квт. или квтч.	В %/о
Общая мощность всех электрических станций в СССР в тыс. квт.	1.690	3.500	1.810	107
Общая выработка электрической энергии за соответствующий операционный год в млн. квтч.	5.325	11.378	6.053	114

Теперь, если остановиться лишь на районных электрических станциях, при чем сначала без так называемых станций-комбинатов, т.е. фабрично-заводских электростанций, использующих технологический пар для производства электрической энергии, отпускаемой в общую районную сеть,—а затем и с учетом последних, то получится яркая характеристика того крупного сдвига электроснабжения СССР в сторону усиления доли районных электрических станций, который составляет главное целевое задание осуществляемого плана электрификации.

Действительно, цифры пятилетнего перспективного плана электрификации на 1927/28—1931/32 гг. показывают, что без станций-комбинатов общая мощность районных электрических станций с 530.000 квт. в декабре 1927 г. возрастет к декабрю 1931 г. до 1.900.000 квт., т.е. на 1.370.000 квт., или на 258%.

С учетом станций-комбинатов, а таковой учет оправдывается тем обстоятельством, что отныне фабрично-заводские станции-комбинаты составляют существенный элемент плановой электрификации,—соответствующие цифры роста мощности и выработки за пятилетие получаются в следующем виде:

	Декабрь 1927 г.	Декабрь 1931 г.	Прирост за 5 лет	
			В тыс. квт.	В %/о
Общая мощность районных электростанций и станций-комбинатов (в тыс. квт.) . .	620	2.141	1.521	246

Возникает вопрос, будет ли общее задание плана электрификации выполнено к сроку. Если принять нижний предел сроков,

установленных первым основным декретом об электрификации, изданным Советом Народных Комиссаров 21 декабря 1921 г., а именно 10 лет, то окажется, что к декабрю 1931 года должно быть выполнено сооружение около 30 новых районных станций на общую мощность 1.500.000 квт.

Посмотрим сначала, получается ли к концу периода пятилетнего плана, совпадающему как раз со сроком окончания задания плана электрификации, требуемая новая мощность в 1.500.000 квт., а затем рассмотрим, из каких именно районных станций складывается эта мощность. Выше было отмечено, что общая мощность всех районных электрических станций, без станций-комбинатов, к декабрю 1931 года согласно пятилетнему перспективному плану, достигнет мощности в 1.900.000 квт.

Если из этой величины вычесть мощность существовавших до советской власти крупных городских электростанций Москвы, Ленинграда и Баку в размере 1920/21 г., то останется мощность в 1.761.000 квт., как видно, несколько превышающая плановое задание в 1.500.000 квт., при чем общая мощность новых районных станций, сооруженных вновь по плану, составляет 1.546.000 квт.

Для удобства охвата всего многообразного количества новых районных станций, сооруженных, сооружаемых и имеющих быть сооруженными во исполнение плана, а также реконструируемых, согласно тому же плану, старых крупных электростанций, группируем их следующим образом:

I группа районных электрических станций, начатых сооружением до 1926/27 г. Таких станций—13. Общая их мощность 230.000 квт. в данный момент и 850.000 квт. к декабрю 1931 г. Ниже приведен перечень этих станций с указанием мощности каждой.

II группа районных электрических станций, начатых сооружением в 1926/27 г. особым постановлением Совета Труда и Обороны. Таких станций—11. Их общая мощность к концу пятилетия—412.000 квт., включая и первую очередь Днепрострой в размере 105.000 квт. Поименный список станций этой группы приводится ниже.

III группа районных электрических станций, начинаемых сооружением и заканчиваемых в объеме первой очереди в течение пятилетия 1927/28—1931/32 гг. Таких станций—9. Их мощность к декабрю 1931 г. намечена в 229.000 квт.

Наконец, IV группа районных электрических станций, куда входят старые крупные городские электрические станции Москвы, Ленинграда и Баку, реконструируемые и расширяемые. Таких станций—7. Новая мощность установленных и устанавливаемых на этих станциях машин в период 1921—1931 гг. составит к концу предстоящего пятилетия 215.000 квт.

Сводя данные всех четырех групп, получаем:

I группа районных электрич. станций — 13 станций на 850.000 квт. к дек. 1931 г.	
II " " " " — 11 " " 412.000 " " 1931 "	
III " " " " — 9 " " 284.000 " " 1931 "	
VI " " " " — 7 " " 215.000 " " 1931 "	

Всего . . . 40 станций на 1.761.000 квт. к дек. 1931 г.

Таким образом, если из последних итоговых цифр — 40 районных электрических станций на мощность кругло в 1.761.000 квт. — вычесть расширяемые старые городские станции, то получатся для характеристики выполнения планового задания следующие цифры: 32 станции на общую мощность 1.546.000 квт.

Здесь необходимо сделать оговорку, что относительно третьей группы 9 районных электрических станций, намеченных к закладке и отстройке в объеме первых ячеек в течение предстоящего пятилетия, нет еще вполне твердо установленных данных проектного характера, вследствие чего список их необходимо рассматривать как условный.

Остановимся в кратких чертах на характеристике каждой из приведенных выше четырех групп.

В первую группу вошли станции, начатые сооружением двумя разными по времени возникновения строительными программами. Первая строительная программа (исторически первая) заключала в себе восемь следующих установок:

	Мощность в 1927 г. (в квт.)	Мощность к декабрю 1931 г. (в квт.)
Волхов	55.000	55.000
Красный Октябрь	20.000	108.000
Шатура	48.000	136.000
Кашира	12.000	122.000
Электропередача	36.000	56.000
Балахна	20.000	86.000
Штеровка	20.000	108.000
Кизел ¹	6.000	44.000
Итого	217.000 квт.	715.000 квт.

Вторая строительная программа, принятая несколько лет спустя после первой, включала пять следующих электрических станций (в квт.):

Эсхар (Харьков)	—	44.000
Шахтинская	—	44.000
Саратовская	—	10.000
Киевская	—	22.000
Земо-Авчальская (г. Тифлис)	13.000	15.000
Итого	13.000	135.000

¹ Согласно последних данных, Кизеловская электрическая станция передается в распоряжение управления копей и превращается в промышленную станцию местного значения.

Наиболее крупными строительными объектами второй группы т.е. станций, начатых постройкой в 1926/27 г., являются Днепрострой — 105.000 квт. к декабрю 1931 г. и Свирьстрой — 80.000 квт. Кроме того, эта группа обнимает следующие станции: Иваново-Вознесенск — 44.000 квт., Челябинск — 44.000 квт., Орша — 22.000 квт., Брянск — 22.000 квт., Новороссийск — 22.000 квт., Гизел-Дон — 22.000 квт., Рион — 20.000 квт., Калагеран — 20.000 квт. и Краснодар — 11.000 квт.

К третьей группе районных электрических станций, сооружаемых по плану, относятся те новые станции, постройка которых начинается и заканчивается (в объеме первой очереди) в пределах пятилетия.

В РСФСР в качестве таковых станций намечены:

1) На Урале — одна в 22.000 квт. — в районе Н. Салды (торф), Егоршина (антрацит) или Камско-Печорского соединения (гидравлическая).

2) Две в Поволжье — Сталинград (44.000 квт., древесные опилки и штыб из Донбасса) и Кашпуры 11.000 квт. (сланец).

3) Одна в Северном Кавказе на реке Баксан (20.000 квт.).

4) Одна в ЦПО — в 100.000 квт. на подмосковном угле (по всей вероятности, в Бобриковском районе) или на торфу на „Оршинском мху“ около Твери.

5) Одна в Сибири — Кузнецкая, мощностью в 22.000 квт.

По УССР: одна в 20.000 квт., гидравлическая, на реке Буге.

Вопрос о постройке в пределах пятилетия второй крупной районной станции в Донбассе, помимо расширения Штеровки до 100.000 квт., пока не решен. Существуют четыре варианта: Зуевка, Тошковка, Гришино и Лисичанск.

По ЗСФСР: одна станция в 30.000 квт. на р. Куре или на реке Тертер.

По УзбССР: одна станция в 15.000 квт., так называемая Бозсу II; конкурирующим с ней вариантом является вариант Чекменской станции в Казахстане.

По ТуркССР: станции местного значения.

По БССР: станции местного значения.

Что касается IV группы, то сюда входят следующие реконструируемые и расширенные старые городские станции, работающие совместно на общую электрическую районную сеть: две московских с дополнительной новой мощностью в 90.000 квт., три ленинградских — с новой мощностью в 65.000 квт. и две бакинских с новой мощностью в 60.000 квт.

Общий обзор пятилетнего плана электрификации СССР был бы не полон без основных данных о предполагаемом развитии сельской электрификации.

Темп развития сельской электрификации характеризуется следующими цифрами: в 1927 г. установленная мощность равняется 17.500 квт., при чем из этой мощности 14.000 квт. на специаль-

ных мелких с.-х. станциях, выработка равняется 10 млн. квт.-часов. К концу пятилетия установленная мощность, предназначенная для обслуживания сельского хозяйства, будет равна 120.000 квт., из коих около 70.000 квт. будет получаться от станций районных, промышленных и городских и только 50.000 квт. будут установлены в специальных с.-х. станциях. Предполагается, что к концу пятилетия электрическая энергия для сельского хозяйства и сельской промышленности достигнет 90 млн. квтч., таким образом, установленная мощность возрастет в 7 раз и выработка в 9 раз, но даже и такой быстрый темп не может дать мало-мальски заметного эффекта в масштабе всего сельского хозяйства страны. Не свыше 3,5% установленной мощности всех станций Союза и около 0,8% продуцируемой в стране электроэнергии будет использовано для сельского хозяйства — таковы предположения к 1931/32 году.

Участие районных станций в обслуживании сельского хозяйства характеризуется в настоящее время одной десятой долей процента от вырабатываемой ими энергии. К концу пятилетия это участие должно возрасти до 1%.

Намеченные капитальные вложения составляют за пятилетие около 7,5% общей суммы вложений на электрификацию СССР, при чем около 30% составляют средства населения и остальные 70% — долгосрочный кредит.

Выполнение строительных заданий пятилетнего перспективного плана потребует ассигнования 1.600 млн. рублей за 5 лет по оптимальному варианту. Сумма эта включает все необходимые работы и оборудование для сооружения станций, линий передач и подстанций, а также средства в размере 70 млн. руб., потребных для постановки или расширения добычи торфа при торфяных районных электрических станциях. Потребность в торфе для этих станций к концу пятилетия определена в 2,0 млн. тонн условного топлива или, примерно, в 4,1 млн. тонн натурального торфа. Средства, потребные для расширения добычи угля на тех месторождениях, где строятся и будут строиться районные станции, использующие угольную мелочь, учтены пятилетним планом топливной промышленности, и в приведенную выше цифру 1.600 млн. руб. не вошли. Точно также не вошли в эту сумму средства, необходимые для электрификации потребителей энергии районных станций.

Покрытие общей потребности в средствах на электрификацию за пятилетие в размере 1.600 млн. руб. происходит не исключительно за счет госбюджета, так как накопление электрификации (310 млн. руб.) и прочие внебюджетные источники (275 млн. руб.), как-то: средства потребителей, местные средства, кредит, — дадут за пятилетие 585 млн. руб. Таким образом, на госбюджет относится разница между 1.600 млн. руб. и 585 млн. руб., т.-е. 1.015 млн. руб. (по ст. правному варианту — 825 млн. руб.).

Подсчет амортизационных отчислений производится для всего вложенного в районные электрические станции действующего капитала, включая и имущество предприятий дореволюционного периода.

Прибыль в размере 6% на вновь вложенный при советской власти капитал исчислялась с момента начала эксплуатации предприятий, на которые затрачены средства.

Своевременный и полный отпуск средств по годам пятилетия является первым неперенным условием выполнения в срок заданий плана.

Однако, в отношении электрификации это условие является далеко не единственным.

Чрезвычайно важным дополнительным условием является здесь должная научно-техническая проработка вопросов, точно определяющих выбор места для постройки станций в отношении обеспечения топливом и водой и устанавливающих основные, решающие моменты технико-экономического облика и технического проекта станции. Работа эта, чрезвычайно сложная и важная, должна быть выполнена не только с исключительной тщательностью и глубиной, но и своевременно, так как иначе отдельные конкретные строительные работы могут претерпеть отсрочку, что неминуемо поведет к срыву плана.

Перспективы транспортного хозяйства на 1927/28—1931/32 гг.

Работы последнего полугодия внесли существенные изменения в первоначальное построение перспективного плана транспорта, отраженное в соответствующих главах книги „Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.“ Уточнение плана, предпринятое вскоре после издания „Перспектив“, в виду необходимости внести поправки в начальный год плана и отодвинуть конечную дату плана на 1931/32 г., развернулось в широкую работу, завершившуюся коренным пересмотром всего построения плана. Чтобы оценить значение тех видоизменений, которым подвергся перспективный план транспорта, отметим в нескольких словах причины, вызвавшие общий пересмотр плана.

1. Железные дороги

Первоначальный вариант перспективного плана был составлен в то время, когда работа транспорта и ее финансовые результаты на 1926/27 г. еще не могли быть установлены в достаточно надежном и обоснованном виде. Ряд тарифных мероприятий, проведенных в 1926 г., не мог еще отразиться в данных даже предварительной отчетности; поэтому в контрольных цифрах и смете НКПС на 1926/27 г. одна из основных данностей — средняя тарифная ставка, исчисленная с учетом произведенных в 1926 г. повышений тарифов, носила, неизбежно, в значительной мере гадательный характер. Не могло быть установлено с достаточной точностью также и влияние повышения тарифов на размеры пассажирских и товарных перевозок, а следовательно, и на общий доход железных дорог. Имеющиеся в настоящее время предварительные отчетные данные показывают, что возможности роста доходов железных дорог были значительно переоценены в контрольных цифрах 1926/27 г.

Ко времени окончания пересмотра плана—ноябрь 1927 г.—уже имелись предварительные отчетные данные за 1926/27 г. и были составлены и утверждены контрольные цифры 1927/28 г. Конечно, в исчислениях на 1927/28 г. также возможны и ошибки и недостаточный учет факторов, влияющих на работу транспорта, но во всяком случае построение тарифных ставок и дохода 1927/28 г., основанное на опыте годового действия повышенных тарифов, может претен-

довать на большую точность, нежели соответствующие данности контрольных цифр 1926/27 г.

Нам уже неоднократно приходилось отмечать, что определение вероятной динамики основных показателей работы как железнодорожного, так и водного транспорта, встречает затруднения в том, что мы можем принимать к учету лишь небольшое число последних лет, начиная с 1923/24 г. Более ранние годы, отвечавшие первому периоду восстановительного процесса, мало показательны для ориентировки на дальнейшую динамику показателей работы транспорта. Ко времени пересмотра плана ряд цифр предшествующих лет увеличился на два года, что значительно облегчило оценку намеченного первоначальным вариантом плана роста грузооборота и изменения прочих показателей, но вместе с тем заставило внести существенные поправки в исчисления первоначального варианта.

Затем, во время переработки плана была внесена новелла крупного методологического значения—было признано необходимым дать перспективный план в двух вариантах — отправном и оптимальном. Необходимо отметить то значение, какое приобретает тот и другой вариант в транспортном плане.

Если принять, что отправной вариант должен исходить из необходимости закрепления достигнутых позиций и подготовки к возможности дальнейшего роста, то задания первоначального варианта окажутся довольно близкими к указанным заданиям отправного варианта. В результате проделанной на транспорте восстановительной работы, железные дороги в настоящее время справляются с грузооборотом, равным довоенному. Крупные капитальные вложения в существующую сеть определены в плане с таким расчетом, чтобы и далее дороги могли переработать растущий грузооборот, имея и некоторый резерв пропускной способности. Очевидно, что отставание роста пропускной способности дорог от роста грузооборота было бы шагом назад, потерей позиций.

С водным транспортом дело обстоит гораздо острее — пароконства не только работают на пределе провозной способности, но частично не могут удовлетворить спроса на перевозки. Форсированное судостроение и повышенный размер капитальных работ на водопутях необходимы только для закрепления положения и удельного веса водопутей в общей транспортной системе СССР.

Коснемся также вопроса о новом железнодорожном строительстве. Здесь мы уже теряем завоеванные позиции. Расширение сети идет медленнее общего под'ема экономического уровня хозяйства СССР: обслуженность страны железными дорогами падает. Намеченный планом масштаб железнодорожного строительства, кажущийся на первый взгляд довольно значительным, еще не дает возможности стабилизировать показатель обслуженности. Задача эта достигается лишь в течение более продолжительного периода генерального плана, в ближайшее пятилетие коэффициент обслуженности падает.

При таких условиях пересмотр первоначального варианта перспективного плана в части капитальных вложений должен был свестись к пересмотру тех работ, которые давали резервы пропускной, а провозной способности, и к распределению затрат на эти работы на более продолжительный срок, нежели первоначально намечалось.

Переходя к оптимальному варианту плана, необходимо отметить, что вариант этот для транспорта является выводным в части, касающейся существующей сети путей сообщения. Увеличенная продукция промышленности и сельского хозяйства по оптимальному варианту корреспондирует повышенным цифрам грузооборота, определяющим, в свою очередь, и увеличенный размер капитальных затрат. Отличием оптимального варианта от отправного служит также несколько больший масштаб резервов.

Иной характер имеет оптимальный вариант в части нового транспортного строительства, которое следует рассматривать, как возбудитель роста производительных сил страны. В отправном варианте предусмотрено новое строительство, предназначенное по преимуществу для улучшения межрайонных сообщений и для вскрытия и освоения новых крупных районов. Местные нужды транспортного обслуживания получили отражение в первоначальном, равно как и в отправном варианте лишь в слабой степени. В данном вопросе Госплану СССР необходимо сотрудничество республик и областей.

На последнем Съезде президиумов госпланов союзных республик (ноябрь 1927 г.) впервые было произведено сопоставление общего плана, составленного Госпланом СССР, с построениями госпланов союзных республик. Хотя планы республик, в общем, представляют лишь предварительные наброски, требующие дальнейшей разработки, но и в этом виде они позволили подойти к построению оптимального варианта нового железнодорожного строительства. Получившийся набросок оптимального плана ни в коем случае, однако, нельзя считать завершенным — для этого необходима еще длительная и углубленная работа Госплана СССР, госпланов республик и НКПС.

Переходя к характеристике вновь составленных вариантов плана железнодорожного транспорта, приведем сопоставление основных данных плана по отправному и оптимальному варианту с соответствующими данными первоначального построения.

Общий пробег пассажиров (мрд. пасс./км)

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Первоначальный вариант	15,4	19,0	23,4	27,0	28,8	30,5	32,0	34,1	—
Отправной вариант				21,5	22,75	24,2	25,6	27,0	28,2
Оптимальный вариант				21,5	22,75	24,5	26,4	28,5	30,8

Поправки, как видно из таблицы, весьма существенны и направлены в сторону уменьшения намечаемого пробега. Пробег пассажиров 1931/32 г. даже по оптимальному варианту намечен в меньшей цифре, нежели предполагалось по первоначальному варианту на 1930/31 г. Поправка эта вызвана резким снижением размера пассажирских перевозок против плана 1926/27 г., обусловленного рядом факторов, возникших, примерно, в одно и то же время: повышение тарифов, уменьшение поездок в связи с режимом экономии и мероприятия по экономическому регулированию торговли. Перелом кривой роста пассажирского движения обязывал к максимальной осторожности при назначении цифр плана.

Общее количество отправленных грузов (млн тонн)

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Первоначальный вариант	67,5	83,4	116,7	131,0	145,8	157,3	169,0	180,2	—
Отправной вариант				136,6	150,6	162,9	175,6	188,2	200,0
Оптимальный вариант				136,6	150,6	165,6	180,5	196,7	213,0

Грузооборот 1926/27 г. несколько превысил предположения плана (на 4,3%). Повышение исходной данности заставило поднять цифры грузооборота по отправному варианту с сохранением принятого ранее темпа. Грузооборот оптимального варианта определен, как уже было упомянуто, с учетом увеличения количества продукции, намечаемого по оптимальному варианту промышленности и сельского хозяйства.

Средний пробег грузов (км)

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Первоначальный вариант	500	568	588	586	586	586	586	586	—
Отправной вариант				500	568	590	608	610	613
Оптимальный вариант				500	568	590	608	610	613

Как известно, средняя дальность пробега грузов наиболее трудно поддается предвидению, так как величина ее определяется факторами, действующими в противоположных направлениях. Стабильная величина пробега, принятая в первоначальном варианте, условно выражала направление равнодействующей означенных факторов. Однако, отчетные данности последних лет показывают, что причины органического роста дальности пробега (рост грузоспособности окраин) превалирует над организационными мероприятиями, направленными к устранению излишне дальних нецелесообразных пробега. В пересоставленных вариантах слабо повышающиеся цифры средней дальности пробега условно отражают общую тенденцию.

Общий пробег грузов (мрд. т/км)

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Первонач. вариант				76,9	85,5	92,3	98,9	105,7	—
Отправной „	33,7	47,4	68,9	83,0	91,9	99,9	108,0	116,1	124,0
Оптимальн. „				83,0	91,9	101,5	111,0	121,4	132,0

Приведенный пробег (мрд. т/км)

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Первонач. вариант				103,5	113,8	122,2	130,5	139,3	—
Отправной „	49,1	66,4	92,3	104,5	114,6	124,1	133,6	143,1	152,2
Оптимальн. „				104,5	114,6	126,0	137,4	149,9	162,8

Данные таблиц показывают, что уменьшение пробега пассажиров вполне компенсируется увеличением грузового пробега, и, в конечном результате, общая работа железных дорог по отправному варианту весьма близка к предположениям первоначального варианта (превышение на 2,7%).

Не останавливаясь детально на составе грузооборота по новым вариантам плана, отметим лишь, что, как показали последние отчетные данные, количество грузовых перевозок, дорого оплачиваемых (багаж, пассажирская и специальная скорости), в первоначальном варианте плана было переоценено и поэтому подвергнуто значительному изменению, что видно из следующей таблицы, в которой приведены данные на 1930/31 г. (конечный год первоначального варианта в млн. т/км):

Наименование грузовых перевозок	Первонач. вариант	Отправной вариант	Оптимальн. вариант
Багаж	382	240	260
Пассажирская скорость . . .	706	700	730
Специальная „	353		

На основании тех же отчетных данных выяснилась необходимость внесения коррективов и в исчисления средних тарифных ставок пассажира километра и тонно-километра малой скорости. Вместо ставок 1,374 коп. с пасс./км и 1,479 коп. с т/км в новых вариантах приняты ставки 1,34 коп. с пасс./км и 1,372 коп. с т/км. В основание исчисления указанных ставок была положена предпосылка, что грузовые и пассажирские тарифы, в соответствии со ставкой плана на усиленное развитие окраин, индустриализацию страны и понижение себестоимости продукции, не должны подвергаться общему огульному повышению, а могут лишь частично корректироваться.

Указанные поправки состава грузооборота и средних тарифных ставок отразились на доходе железных дорог в сторону его значительного снижения против первоначальных исчислений.

Денежный доход железных дорог (млн. руб.)

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Первонач. вариант	668,0	907,6	1.305,5	1.618,8	1.771,0	1.903,7	2.034,2	2.168,6	—
Отправной „	668,0	907,6	1.305,5	1.480,0	1.630,0	1.759,2	1.893,4	2.026,9	2.154,2

Общая сумма денежного дохода за пятилетие 1927/28—1931/32 гг. составляет 9.463,7 млн. руб. по отправному варианту и 9.794,7 млн. руб. по оптимальному.

Для сравнения денежного дохода железных дорог по первоначальному и отправному вариантам возьмем пятилетие 1926/27—1930/31 гг.; общая сумма дохода по первоначальному варианту составляла 9.496,3 млн. руб.; по отправному же варианту соответствующая сумма составляет 8.789,5 млн. руб. Если сделать примерный расчет на пятилетие 1927/28—1931/32 гг., приняв по первоначальному варианту доход 1931/32 г. в 2.303 млн. руб., то общий доход по первоначальному варианту получится 10.180,5 млн. руб. против 9.463,7 млн. руб. по отправному варианту.

Для суждения о масштабе развития железнодорожного транспорта, намечаемого по отправному и оптимальному вариантам, приведем несколько показателей работы железных дорог в 1931/32 г. в сопоставлении с соответствующими данными 1926/27 и 1913 гг.

Наименование данных	1913 г.	1926/27 г.		1931/32 г.		
		Размер в 0/0 к 1913 г.		Отправ. вариант, размер в 0/0 к 1913 г.	Оптимальн. вариант, размер в 0/0 к 1913 г.	
Общий пробег пассажиров (мрд. пасс./км)	25,2	21,5	85,3	28,2	111,9	30,8
Общее количество грузов (млн. тонн)	132,4	136,6	103,2	200,0	151,1	213,0
Общий пробег грузов (мрд. т/км)	65,7	83,0	126,3	124,0	188,7	132,0
Приведенный пробег (мрд. т/км)	60,9	104,5	115,0	152,2	170,7	162,8
Эксплуатационная длина (км)	58.162	76.189	131,0	83.607	143,7	—
Густота движен. на 1 км (в млн. т/км)	1.526	1.372	89,9	1.820	119,3	—

Уже в 1926/27 г. общая работа железных дорог по перевозкам грузов превышала довоенную, но перевозки пассажиров и средняя густота движения еще не достигли довоенных размеров. В отношении последней данности необходимо, однако, отметить, что за время с 1913 г. по 1927 г. длина сети увеличилась на 18.000 км за счет достроенных и вновь сооруженных линий, характеризующихся относительно слабым движением. На наиболее ответственных грузовых направлениях старой сети еще в 1924/25 г. мы имели густоту движения, значительно превышающую довоенную. Для 1931/32 г. работа железных дорог уже по всем показателям превысит довоенную, и притом значительно. Отсюда вытекает, что даже для сохранения существующего ныне положения, не задаваясь целью создать сколько-

нибудь значительные резервы пропускной и провозной способности, необходимо произвести крупное капитальное строительство для усиления существующей сети, сооружения разгружающих линий и пополнения парка подвижного состава. На ряду с этим необходимо обеспечить необходимыми средствами возможно полное удовлетворение эксплуатационных потребностей.

Указанные условия определяют тот минимум затрат, который должен быть предусмотрен отправным вариантом даже при учете того обстоятельства, что собственные средства железнодорожного транспорта, в виде его чистого дохода, определяются в значительно меньших суммах, нежели то намечалось первоначальным вариантом плана.

Общий характер поправок, внесенных в расходную часть плана, виден из нижеследующей таблицы:

Наименование данностей		1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Итого	
							За 4 года 1927/28— 1930/31 гг.	За 5 лет
Контингент (тыс.)	первонач.	816,0	844,0	872,0	900,0	—	—	—
	отправн.	770,0	801,5	833,5	865,5	896,0	—	—
Средн. мес. ставка (руб.)	первонач.	71,04	74,54	78,32	82,24	—	—	—
	отправн.	72,15	75,60	79,38	83,35	87,52	—	—
Расход на зарпл. (млн. руб.)	первонач.	800,9	869,8	943,6	1.022,6	—	3.636,9	—
	отправн.	765,5	834,1	910,3	991,9	1.077,5	3.501,8	4.579,3
Проч. денежн. расх. экспл. (млн. руб.)	первонач.	584,2	589,4	592,8	586,9	—	2.353,3	—
	отправн.	570,5	594,8	613,7	628,4	635,4	2.407,4	3.042,8
Общий расход эксплоатации (млн. руб.)	первонач.	1.385,1	1.459,2	1.536,4	1.609,5	—	5.990,2	—
	отправн.	1.336,0	1.428,9	1.524,0	1.620,3	1.712,9	5.909,2	7.622,1
Чистый доход (млн. руб.)	первонач.	385,9	444,5	497,8	559,1	—	1.887,3	—
	отправн.	294,0	330,3	369,4	406,6	441,3	1.400,3	1.841,6
Коэффициент эксплоатации	первонач.	78,2	76,7	75,5	74,2	—	—	—
	отправн.	82,0	81,2	80,5	79,9	79,5	—	—
Оборотный капитал (млн. руб.)	первонач.	25,0	25,0	25,0	13,0	—	88,0	—
	отправн.	8,5	23,1	7,8	4,8	5,0	44,2	49,2
Новые работы (млн. руб.)	первонач.	577,8	715,2	775,4	770,5	—	2.838,9	—
	отправн.	323,0	595,9	710,0	712,3	709,3	2.314,2	3.050,5
Постройка ж. д. (млн. руб.)	первонач.	80,0	150,0	240,0	372,5	—	842,5	—
	отправн.	82,1	171,9	287,7	410,7	409,9	952,4	1.362,3
Итого капитальных вложений (млн. руб.)	первонач.	657,8	865,2	1.015,4	1.143,0	—	3.681,4	—
	отправн.	405,1	767,8	997,7	1.123,0	1.119,2	3.293,6	4.412,8
Всего расходов (млн. руб.)	первонач.	2.067,9	2.349,4	2.576,8	2.765,5	—	9.759,6	—
	отправн.	1.749,6	2.219,8	2.529,5	2.748,1	2.837,1	9.247,0	12.084,1
Дефицит (млн. руб.)	первонач.	296,9	445,7	542,6	596,9	—	1.882,1	—
	отправн.	119,6	460,6	636,1	721,2	682,9	1.937,5	2.620,4

Эксплоатация железных дорог за последние годы характеризуется последовательным улучшением использования подвижного состава и повышением технических показателей. Планом намечается дальнейший ход рационализации работы железнодорожного транспорта и дальнейшее повышение показателей использования подвижного состава. Общие результаты намечаемого планом улучшения

работы железных дорог могут быть выражены в следующих цифрах. При затрате в 1926/27 г. работы на 1 млн. приведенных *т/км* 4.159 паровозо/*км* и 2.981 поездо/*км*, в 1931/32 г. потребуется соответственно 3.775 паровозо/*км* и 2.718 поездо/*км*, что составит к 1926/27 г. соответственно 90,8% и 91,2%.

При определении расходов эксплуатации планом предусматривается не только улучшение использования подвижного состава, но и рационализация использования топлива и материалов, необходимых для совершения перевозок. Расход на означенные материалы определяемый по измерителю на 1 осе/*км* для 1926/27 г. составлял 1,42 коп., а для 1931/32 г. определен в 1,34 коп., т.-е. предусматривается понижение измерителя на 5,6%. Такой скромный, на первый взгляд, размер улучшения в расходовании материалов объясняется тем, что уже к 1926/27 г. железными дорогами достигнуты существенные результаты, и дальнейшие улучшения возможны лишь в связи с технической реконструкцией подвижного состава и железнодорожных устройств, а конечные этапы этой реконструкции лежат за пределами взятого в плане пятилетия.

Материальные расходы, не зависящие или, правильнее, мало зависящие от движения, определяющие собою содержание и ремонт пути и станционных устройств и выражающиеся обычно измерителем на 1 километр пути, согласно предположениям плана, повышаются с 2.917 руб. в 1926/27 г. до 3.290 руб. в 1931/32 г., т.-е. примерно на 12,8%, при росте приведенных тонно-километров на 44,7%. Повышение расходов, не зависящих от движения, отвечает приведенному выше требованию о полноте удовлетворения эксплуатационных потребностей и недопущении дальнейшей запущенности ремонта.

При определении размера главной статьи эксплуатационных расходов—зарплаты—было принято, что контингент работников, составлявший в 1926/27 г. 794 тыс., понижается в 1927/28 г., примерно, до 770 тыс. человек, т.-е. на 3% против 1926/27 г.; в дальнейшем контингент будет повышаться в связи с ростом движения, но темп повышения контингента в виду повышения производительности труда предполагается вдвое меньше, нежели темп прироста движения. Таким путем определен контингент 1931/32 г. в составе 896 тыс. человек. Предположенное повышение производительности труда на железных дорогах характеризуется следующими цифрами. При росте количества работников на 1 километр пути в 1931/32 г. против 1926/27 г. на 3,4%, количество *т/км*, приходящихся на 1 работника, повышается на 28,5%.

План предусматривает непрерывный рост среднего годового заработка рабочего в размере 5% в год. Вместе с тем, предусматривается понижение цен на материалы в размере 26% для 1931/32 г. по сравнению с 1926/27 г.

В зависимости от указанных предположений себестоимость перевозки, определяемая для 1926/27 г. в 1,210 коп. на 1 приведенный

т/км, снижается к 1931/32 г. до 1,125 коп., или на 7,0%, при чем доля себестоимости по рабсиле повышается на 1,6%, а по материалам снижается на 18,7% против 1926/27 г. Здесь необходимо кратко пояснить видимое противоречие между снижением материальной части себестоимости на 18,7% при снижении цен на материалы на 26%. Это противоречие объясняется повышением нормы расходов, малозависящих от движения на 12,8% к концу пятилетия, в связи с необходимостью усиления пропускной способности линий и поддержания их в состоянии, отвечающем густоте движения на сети. Если бы расходы этой категории за период пятилетия не повысились, то при снижении цен норма расхода выразилась бы для 1931/32 г.

$$\frac{2917 \times 74}{100} = 2.159 \text{ руб. на 1 км против принятой планом}$$

$$\frac{2917 \times 112,8 \times 74}{100 \times 100} = 2.434 \text{ руб. Рост нормы расходов понижает эф-}$$

фект снижения цен до 16,5%. К расходам, зависящим от движения, применено снижение и за счет рационализации и за счет снижения цен. В результате материальная часть себестоимости снижается на 18,7%, увеличение же другой части расходов, входящих в себестоимость зарплаты, дает общее снижение лишь на 7%.

Общее улучшение условий эксплуатации дает прогрессирующее понижение коэффициента эксплуатации с 84 в 1926/27 г. до 79,5 в 1931/32 г.

Приведенные данности относятся к отправному варианту. Оптимальный вариант в части расходов эксплуатации построен по тем же измерителям; поэтому, не приводя деталей расчета, отметим лишь, что общая сумма расходов эксплуатации по оптимальному варианту за пятилетие составит 7.809,1 млн. руб., а общая сумма чистого дохода 1.985,6 млн. руб. при коэффициенте эксплуатации 79,7.

Новые работы на существующей сети железных дорог, представляющие собою наиболее крупную долю всех капитальных затрат на транспорт, разбиваются по отдельным отраслям железнодорожного хозяйства следующим образом:

Новые работы на железных дорогах (млн. руб.) с учетом средней величины снижения цен

Наименование отраслей ж.-д. хозяйства	Всего за 4 года 1927/28—1930/31 гг.		Всего за пятилетие 1927/28—1931/32 гг.	
	Первонач. вариант	Отправн. вариант	Отправн. вариант	Оптим. вариант
Путь	987,8	706,1	905,4	990,7
Жилстроительство . . .	190,8	128,1	185,3	186,2
Тяга	1.354,0	1.324,4	1.581,0	2.060,0
Связь	106,5	102,8	141,3	312,1
Электрификация	116,8	115,1	153,4	154,1
Хладотранспорт	35,1	24,5	31,8	34,1
Эксплуатация	43,0	35,6	46,3	46,5
Прочие	5,7	4,6	6,0	6,0
Итого	2.838,9	2.341,2	3.050,5	3.789,7

Увеличение размеров движения против довоенных и современное состояние основного имущества железных дорог, еще не восстановленного вполне до довоенного состояния, требует крупных капитальных вложений в железные дороги, направленных для достижения следующих целей:

а) окончания восстановления разрушенных и поврежденных сооружений и устройств;

б) расширения путевых и станционных сооружений и парка подвижного состава не только для переработки наличного грузооборота, но и для подготовки к его дальнейшему нарастанию;

в) реконструкции основного имущества железных дорог, направленной к повышению эффективности работы и к понижению себестоимости перевозок.

Из общей суммы новых работ по Службе Пути на пятилетие в 1.177,0 млн. руб. лишь около 100 млн. руб. предназначается на ликвидацию запущенности ремонта; все прочие расходы в подавляющей массе направляются на увеличение пропускной способности линий и узлов и на улучшение условий эксплуатации. Расходы на увеличение пропускной способности направляются не на количественное только расширение и усиление линий и узлов, но и на реконструктивные работы. Так, затраты по узлам предназначаются не только на увеличение протяжения и числа станционных путей, но и на перепланировку станций, объединение станций в узлах и другие работы реконструктивного характера.

План не предусматривает полного удовлетворения нужд эксплуатации в части, касающейся технических и служебных зданий и жилищного строительства. В виду громадного размера этих затрат (так, полное удовлетворение потребности в жилищах требовало бы затраты свыше 600 млн. руб.), полное удовлетворение указанных потребностей приходится отнести за пределы пятилетия.

Сумма затрат на новые работы по службе тяги 1.706,0 млн. руб. почти полностью падает на постройку, оживление и оборудование подвижного состава; лишь 160 млн. руб., или менее 10%, падает на оборудование мастерских и разные расходы, в числе которых имеются и мелкие сравнительно расходы по подвижному составу.

Работы по подвижному составу имеют ярко выраженный реконструктивный характер.

Модернизация паровозов включающая работы по устройству пароперегревателей, подогрева воды и т. п., дает громадный эффект в смысле экономии топлива и окупается в весьма короткие сроки порядка 1,5—2 лет. Кредит на тепловозы предназначен на развитие опытного теплового остроения; период плана необходимо рассматривать, как подготовительный к дальнейшему более широкому развитию постройки и эксплуатации тепловозов, сулящих крупные выгоды благодаря экономии топлива и удобствам работы в безводных местностях.

Наконец, планом предусматривается развитие в период пятилетия работ по оборудованию подвижного состава автоматическими тормозами (98 млн. руб.) и автосцепкой (200 млн. руб.). Своеобразие автоматической сцепки железнодорожного подвижного состава заключается в том, что она не может быть использована до тех пор, пока весь парк не будет ею оборудован; если же все-таки попытаться вводить такие переделки в подвижном составе, чтобы можно было использовать автосцепку в процессе ее установки в подвижном составе, то не говоря о дополнительных больших расходах по временному оборудованию вагонов, не имеющих еще автосцепки, являющихся абсолютно потерянными после введения автосцепки на всем подвижном составе, создается еще угроза безопасному следованию поездов, так как характер самой упряжи для вагонов с автосцепкой (несквозная упряжь) существенно отличен от вагонов с обыкновенной стяжкой (сквозная упряжь). Когда весь парк будет подготовлен, переход на автосцепку может быть совершен в течение очень короткого времени. Только к 1935—37 гг. можно ожидать полного перехода к автосцепке; в настоящее время еще не выработан тип автосцепки, что впрочем не мешает начинать подготовку работающего подвижного состава (ходовых рам) и все новые вагоны строятся уже с рамами для будущей постановки автосцепки.

После проведения этих работ получится возможность полностью использовать мощность новых паровозов и получить в дальнейшем крупное повышение эксплуатационных измерителей, приближающихся ныне к пределу, определяемому современной слабой стяжкой. Автосцепка и автотормоза являются необходимой предпосылкой и для другой крупнейшей реконструктивной задачи — сверхмагистрализации железных дорог массового грузооборота, эксплуатационный эффект которых определяется весом поезда.

Тот же реконструктивный, по преимуществу, характер имеют и работы по службе связи, затраты на которые определены в сумме 152,5 млн. руб. на пятилетие. Преследуя задачи организации безопасности движения, указанные работы в значительной части (блокировка и централизация) направлены непосредственно на усиление пропускной способности, при чем эта цель достигается ими наиболее дешевым способом.

Работы по электрификации железных дорог, намеченные планом в сумме 165,5 млн. руб., представляют собой лишь подготовку к дальнейшему более широкому развитию электрической тяги на железных дорогах Союза ССР. Планом предусматривается электрификация пригородных участков Московского и Ленинградского узлов, Минераловодской ветви и Сурамского перевала, а также исследования, проектирование и приступ к работам по дальнейшему переходу наших дорог на электрическую тягу. В ближайшее время будут закончены исследования по электрификации Московско-Курской же-

лезной дороги и в случае благоприятного их результата, за счет кредита, намечаемого планом, может быть осуществлен приступ к указанной работе.

В отношении размеров железнодорожного строительства отправной вариант весьма мало отличается от первоначального; объясняется это тем, что железнодорожное строительство по первоначальному варианту было намечено в ограниченном размере.

СССР, как и довоенная Россия, по сравнению с промышленными и аграрно-промышленными странами Западной Европы и Америки, является весьма отсталой в смысле железнодорожной обслуженности. Между тем, задания плана по всем отраслям хозяйства и по отдельным экономическим районам, предъявляют настоятельные требования к развитию нашей железнодорожной сети путем нового строительства в следующих направлениях:

а) развитие экономических районов СССР и проектируемое повышение их продукции требует улучшения межрайонной связи и снижения транспортных расходов на массовые грузы, т.-е. сооружения межрайонных магистралей и сверхмагистрализации линий массового грузооборота;

б) задачи колонизации, сельского и лесного хозяйства и горного дела в отдаленных районах выдвигают необходимость сооружения пионерных линий в означенные районы;

в) при нашей редкой сети задачи местного хозяйства требуют сооружения местных магистралей и подъездных путей, повышающих общую обслуженность страны железными дорогами и сокращающих стоимость гужевого подвоза.

За последние годы железнодорожное строительство велось непрерывно (наша сеть против сети 1913 г. в пределах СССР увеличилась на 17.700 км), но оно было направлено почти исключительно на достройку железных дорог, начатых в довоенные и военные годы. Достройка части этих дорог не закончена и в настоящее время, и планом ставится задача полного окончания достройки незаконченных линий в течение пятилетия.

Разрешение правительством сооружения Туркестано-Сибирской магистрали кладет начало развертыванию нового крупного железнодорожного строительства.

План предусматривает постепенное развитие железнодорожного строительства до масштаба, отвечающего предположениям генерального плана.

План предусматривает приступ к сверхмагистрализации всех направлений, намечаемых генеральным планом, т.-е. Сибирского (с 1927/28 г. — линия Урал—Курган и достройка линии Казань—Свердловск), постройку линии Н. Новгород—Казань (с 1931/32 г.), Московско-Донецкого (с 1928/29 г., — не предвещая, будет ли сооружаться

новая дорога, переустраиваться существующие, или электрифицироваться Московско-Курская дорога) и Кривой Рог—Донбасс (с 1929/30 г.).

Из числа прочих линий, намечаемых планом, необходимо отметить следующие линии межрайонного значения: Туркестано-Сибирская, уже находящаяся в постройке; выход из Южной Сибири и из Заволжья к портам Азовского моря (Троицк—Орск—Оренбург—Уральск—Саратов—Миллерово); Канеловская—Недвиговская, представляющая собою звено выхода с Северного Кавказа в центр с обходом Ростовского узла и, наконец, Казань—Оренбург, имеющая задачу, помимо местного значения, связать кратчайшим путем (вместе с сверхмагистралью Нижний-Новгород—Казань) Средне-Азиатские республики с Центрально-Промышленным районом.

Все прочие железнодорожные линии, намечаемые планом, имеют характер или пионерных дорог или местных магистралей крупного значения.

Наконец, планом предусматривается также и сооружение более мелких местных линий и ветвей без титульного их обозначения.

Планом предусматривается развертывание строительства на протяжении 15.088 км; из этого количества будет закончено и поступит в эксплуатацию в 1931/32 г. всего лишь 8.318 км., в соответствии с чем эксплуатационная длина сети СССР к концу 1931/32 г. составит 84.824 км.

Существенное отличие отправного варианта от первоначального заключается в том, что начало сверхмагистрализации Московско-Донецкого направления и сооружения линии Саратов—Миллерово перенесено с 1927/28 г. на последующий 1928/29 г.

В оптимальный вариант включено несколько железнодорожных линий, выдвинутых союзными республиками, как-то: Тулун—Усть-Кут, Усть-Сысольск—Котласская ж. д., сверх того, увеличено протяжение сооружаемых местных линий и ветвей, не распределенных по титулам, на 2.000 км.

Размеры затрат на усиление оборотного капитала железных дорог и на доведение его до нормальных размеров определены в сумме 49,2 млн. руб. по отправному и оптимальному вариантам, т.-е. в сумме, значительно меньшей нежели по первоначальному варианту. Возможность сокращения прямых расходов на оборотный капитал получилась в связи с произведенной в 1927 г. консолидацией задолженности НКПС по оборотному капиталу. Принятая в плане сумма получена на основании детально разработанного плана оздоровления состава оборотного капитала и доведения его до установленных СТО норм.

При намеченных планом капитальных вложениях и при учете годового износа основного капитала, не покрываемого ассигнованиями эксплуатационной сметы в размере 1,75%, стоимость основного имущества железных дорог возрастает по отправному варианту с 8.928,5 млн. руб. до 12.106,4 млн. руб. в 1931/32 г., т.-е. на 35,6% за пятилетие.

Общая сводка финансового плана железных дорог показывает что собственные средства железных дорог в виде их чистой прибыли оказываются недостаточными, и для выполнения всех намеченных планом работ и расходов по отправному варианту потребуются дополнительные ассигнования в размере 2.620,4 млн. руб. за пятилетие, в том числе 1.362,3 млн. руб. на новое железнодорожное строительство; по оптимальному варианту потребуется дополнительное ассигнование 3.462,6 млн. руб., в том числе 1.609,3 млн. руб. на железнодорожное строительство.

2. Речной транспорт

По речному транспорту, сверх варианта первоначального, опубликованного в „Перспективах развертывания народного хозяйства“, разработаны, аналогично железнодорожному транспорту, еще два в следующих предположениях.

1) „Отправной вариант“ исходит из предположения несколько замедленного темпа развития воднотранспортного хозяйства в целом, что влечет за собою как снижение финансирования в области водопутей (целиком состоящих на госбюджете), так и уменьшение дотации госпароходствам (предприятиям хозрасчетным и имеющим собственные ресурсы в виде амортизационных отчислений и дохода).

При построении варианта в части капитальных вложений принято: титульный список и объем работ, намеченных в первоначальном варианте, остаются без изменений и лишь срок выполнения их меняется, а именно четырехлетие 1927/28—1930 31 гг. растягивается в пятилетие 1927/28—1931/32 гг.

2) „Оптимальный вариант“ построен в предположении, что темп развития грузооборота на воде будет значительно быстрее, чем в первоначальном варианте; соответственно усиливается и строительная деятельность путем, с одной стороны, сокращения сроков выполнения работ, намеченных по „первоначальному“ варианту, а с другой — путем введения в программу части таких сооружений, которые в последнем были ранее совершенно исключены по соображениям финансовым.

Таким образом, работа водных путей характеризуется в этих трех вариантах цифрами нижеприведенной таблицы, при чем итоги первой строки (первоначальный вариант) несколько отличаются от соответствующих цифр в „Перспективах“, так как год 1926/27 стал уже отчетным, а 1927/28 г. получил контрольные цифры Госплана СССР.

Перевозки по внутренним водным путям
(В млн. тонн)

Варианты	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	За 5 лет
Первонач. . .	13,3	16,3	16,6	19,7	22,0	24,0	26,4	—	108,7
Отправной . .	13,3	16,3	16,6	19,7	22,7	25,7	28,8	32	128,9
Оптимальный	13,3	16,3	16,6	19,7	23,4	27,0	30,5	35	135,6

Перевозки пассажиров
(В млн. человек)

Варианты	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	За 5 лет
Первонач. . .	14,1	15,5	15,9	16,8	17,7	18,5	19,3	—	88,2
Отправной . .	14,1	15,5	15,9	16,8	17,9	19,0	20,1	21,1	94,9
Оптимальный	14,1	15,5	15,9	16,8	18,2	19,3	20,5	22,1	96,9

Средний пробег на внутренних водных путях не имеет отчетливо выраженной динамики; поэтому во всех вариантах он принят в среднем в 840 км для грузов и в 125 км для пассажиров.

На основании этих соображений подсчитана работа водного транспорта во всех вариантах и определен его валовый доход. Средние ставки приняты со снижением за 5 лет от 0,492 коп. т/км в 1927/28 г. до 0,464 коп. в 1931/32 г.

Общий доход выражается цифрами (в млн. руб.):

Варианты	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	За 5 лет
Первонач. . .	69,0	93,7	97,5	106,4	119,0	130,3	143,1	—	596,3
Отправной . .	69,0	93,7	97,5	106,4	122,3	138,4	155,4	171,4	693,9
Оптимальный	69,0	93,7	97,5	106,4	—	—	—	195,7	745,7

В расходной части смет по госпароходствам во всех вариантах сохранены общие директивы о повышении зарплаты по 5% в год и о снижении цен на металлы и топливо. При пересмотре обращено особенное внимание на уплотнение работы и сокращение расходов, что сказалось повышением дохода.

Результат эксплуатации, т.-е. превышение дохода над суммой текущих расходов плюс амортизационные отчисления, представляется в следующем виде (в млн. руб.):

Варианты	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	За 5 лет
Чистый доход за покрытие амортизации									
Первонач. . .	0,2	3,5	2,0	0,6	2,2	3,0	5,0	—	12,8
Отправной . .	0,2	3,5	2,0	0,6	2,4	4,3	9,7	10,9	27,9
Оптимальный .	0,2	3,5	2,0	0,6	—	—	—	19,2	42,6
Отчислено на амортизацию									
Первонач. . .	7,5	14,2	15,5	13,1	14,6	16,0	17,7	—	76,9
Отправной . .	7,5	14,2	15,5	13,1	14,6	16,5	17,9	19,7	81,7
Оптимальный .	7,5	14,2	15,5	13,1	—	—	—	21,7	85,5

Ресурсы, помещенные в предыдущей таблице, назначаются на покрытие капитальных вложений, потребных для реального выполнения программы перевозок; однако, собственных средств госпароходств на покрытие стоимости всех новых работ не хватает и требуются дотации по бюджету (в млн. руб.):

Варианты	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	За 5 лет
Первонач.	25,5	25,2	27,9	18,4	15,3	—	112,3
Отправной	3,7	22	58,4	44,0	29,0	20,3	173,7
Оптимальный	3,7	—	—	—	—	25,7	201,7

В первой строке показаны цифры, первоначально исчисленные, во второй — за 1926/27 г. действительно данные, а 1927/28 г. — контрольные Госплана СССР.

В том числе собственно судостроение потребует:

Варианты	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Всего за 5 лет
Первонач.	16,9	27,0	25,1	27,1	—	104,3
Отправной	17,0	41,8	42,8	37,4	37,0	176,0
Оптимальный	—	—	—	—	52,5	219,2

В вариантах „отправном“ и „оптимальном“ пересмотрен коэффициент вздорожания судов как железных, так и деревянных, и увеличен в целях приближения его к полученному из опыта постройки последних лет.

Таким образом, госпароходства собственными ресурсами покрывают все капитально-восстановительные работы и новые в той части, которая падает на вспомогательное оборудование (пристани, склады, амбары, конторы, затоны, ремонтные мастерские и пр.); доля же расходов по созданию нового транспортного флота должна быть покрыта за счет бюджета почти полностью.

По содержанию внутренних водных путей в порядке варианты построены совершенно аналогично. Доходы Управления внутренних водных путей ничтожны (800 тыс. руб. в год) и состояются из мелких сборов за прописку судов и пр.

Расходы по водопутям в различных вариантах составляют:

Варианты	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Всего за 5 лет
Первонач.	21,6	28,1	35,4	46,9	62,1	79,6	95,3	—	319,3
Отправной	—	—	—	40,0	53,0	66,0	80,1	90,3	329,4
Оптимальный	—	—	—	40,0	—	—	—	108,0	382,2

В том числе капитальные вложения в новые сооружения: гидротехнические, жилищно-строительные, технический и раз'ездной флот, ремонтные мастерские и связь, — составляют (в млн. руб.):

Варианты	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Всего за 5 лет
Первонач.	5,5	6,1	7,0	8,0	13,4	25,3	35,8	—	87,5
Отправной	—	—	—	8,0	14,1	19,7	25,8	30,8	98,4
Оптимальный	—	—	—	8,0	—	—	—	48,5	151,2
Волго-Дон	—	—	—	—	—	—	—	—	111,0

Отправной вариант не заканчивает в пять лет процесс восстановления основных характеристик водных путей Союза в их довоенных нормах (транзитная глубина будет на некоторых плесах меньше довоенной, протяжение освещаемых участков меньше и т. д.; вариант же оптимальный восстанавливает довоенное положение полностью; однако, оба варианта дают значительное улучшение против 1913 г. на путях пионерных, до войны почти или вовсе не обслуживаемых (Селенга, Урал, Кура, Рион, Аму-Дарья, Или, Иссык-Куль).

3. Морской транспорт

План морского транспорта в части морских госпароходств ко времени издания „Перспектив“ не был еще достаточно разработан, поэтому в означенном труде нашла себе место лишь предварительная программа морского судостроения. Ныне означенный план уже более проработан и получил цифровое выражение в основных показателях, главнейшие из которых приведены в следующей таблице:

Показатели	1926	1927	Отправной вариант						Оптим. вариант	
			1928	1929	1930	1931	1932	Всего за 5 лет	1932	Всего за 5 лет
Грузооборот (в млн. тонн)	6,55	7,41	8,11	9,76	10,59	12,03	13,53	54,02	14,68	57,36
Общий доход (млн. руб.)	44,9	45,4	49,5	61,3	67,3	76,4	83,6	338,1	92,5	360,4
Расх. эксплуат. (млн. руб.)	43,25	41,5	45,6	56,7	62,3	69,6	74,6	308,8	79,6	321,8
Чистый доход (млн. руб.)	1,65	3,9	3,9	4,6	5,0	6,8	9,0	29,3	12,9	38,6
Судостроение в СССР	16,2	29,1	52,5	56,0	67,2	69,3	61,3	306,3	71,8	359,0
Судостроение за границей	—	4,5	2,0	4,0	6,0	9,0	12,0	33,0	16,0	33,0
Дотация по бюджету (без заграничн. судостроения)	—	23,1	48,5	52,0	63,2	62,0	48,9	274,6	—	316,0

Грузооборот морских пароходств определяется не ожидаемым спросом на перевозки, а исключительно наличием тоннажа; лишь на Каспийском море, где на Каспар падают все перевозки, грузооборот определен в зависимости от спроса, но с ограничением, вносимым, особенно к концу пятилетия, возможностью расширения тоннажа.

Грузооборот Совторгфлота растет по отправному варианту с 2,32 млн. тонн в 1927 г. до 5,63 млн. тонн в 1932 г., т.-е. на 143%, в то время как по Каспару соответствующий прирост составляет всего 37% (с 5,06 млн. тонн в 1927 г. до 6,92 млн. тонн в 1932 г.). Обновление флота пополнением нового тоннажа сказывается на улучшении общих условий эксплуатации, что может быть иллюстрировано следующим общим показателем. Чистый доход Совторгфлота, составлявший в 1927 г. 4% от валового дохода, поднимается в 1932 г. до 8,1%; то же по Каспару — с 13,7% до 15,3%, при чем тарифная ставка для Совторгфлота принята стабильной, для Каспара же — снижающейся с 1,01 коп. с т/км до 0,99 коп.

Оптимальный вариант характеризуется несколько расширенной программой судостроения, требующей крайнего напряжения наших судостроительных заводов; большим ростом тоннажа определяются и большие размеры работы морских госпароходств.

Расходы по гидрографической службе приняты в размерах, весьма близких к первоначальному варианту, и составляют за пяти-

летие 32,27 млн. руб. по отправному и 36,14 млн. руб. по оптимальному варианту.

Основные показатели плана морских торговых портов приведены в нижеследующей таблице:

Наименование данностей	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Грузооборот (млн. тонн). Отправной вариант	12,89	16,56	18,07	20,4	23,6	26,9	30,5	33,9
В том числе без портов Каспия и Мурманска. Первоначальный вариант	—	—	15,6	18,7	21,9	25,0	28,9	—
В том числе без портов Каспия и Мурманска. Отправной вариант	8,85	11,00	12,06	13,8	16,4	19,1	22,3	25,4
Доход (млн. руб.). Первоначальный вариант	—	—	9,8	11,9	14,2	17,0	20,2	—
Доход (млн. руб.). Отправной вариант	8,47	9,19	9,3	9,7	11,4	13,4	15,5	17,9
Расходы эксплуат. (млн. руб.). Первоначальный вариант	—	—	19,0	22,7	24,4	27,0	29,1	—
Расходы эксплуат. (млн. руб.). Оптимальный вариант	12,66	17,43	19,69	21,3	23,3	25,9	28,9	31,9
Капитальные вложения (млн. руб.). Первонач. вариант	—	—	17,6	32,5	45,1	62,9	68,0	—
Капитальные вложения (млн. руб.). Отправной вариант	8,28	11,3	14,7	22,7	33,7	44,7	49,3	51,7

Как видно из таблицы, грузооборот портов для 1926/27 г. оказался значительно преувеличенным, в связи с чем при проработке отправного варианта приняты значительно сниженные цифры. Понижением грузооборота объясняется уменьшение дохода и расходов эксплуатации. Что касается новых работ, то таковые сокращены как в виду меньших размеров ожидаемого грузооборота, так и в виду определившейся уже необходимости снижения расходов 1927/28 г. При намечаемом размере ассигнований программа расширения и переоборудования портов растягивается на лишний год.

Оптимальный вариант предусматривает несколько больший рост грузооборота (27,5 млн. тонн в 1931/32 г.) и соответственно большее развитие капитальных работ.

4. Шосейные и грунтовые дороги

Общие цифры затрат на шосейные и грунтовые дороги приведены в таблице на стр. 130.

Поправки, внесенные в отправной вариант по государственным дорогам, сводятся к понижению размера ассигнований, обусловленному сокращением намечавшихся ранее затрат в 1926/27 и 1927/28 гг. При этом внесено существенное изменение в расчет эксплуатацион-

Наименование расходов	Первоначальный вариант		Отправной вариант		Оптимальный вариант
	За 5 лет	За 4 года	За 4 года	За 5 лет	За 5 лет
	1926/27— 1930/31	1927/28— 1930/31	1927/28— 1930/31	1927/28— 1931/32	1927/28— 1931/32
По дорогам государственного значения					
Общий расход (млн. руб.)	319,8	293,0	245,3	344,9	439,7
По дорогам местного значения					
Денежные расходы	392,3	335,7	367,0	506,3	506,3
Безденежные вложения	150,0	126,0	105,6	140,0	210,0
Всего по дорогам местного значения	542,3	461,7	472,6	646,3	716,3

ных расходов. Первоначальный вариант намечал достижение довоенных норм ремонтных расходов уже с 1927/28 г.; в пересоставленных вариантах повышение измерителей расхода на 1 километр происходит постепенно и достигает довоенных размеров лишь к концу пятилетия.

По капитальным вложениям, вследствие сокращения годичных ассигнований, объем работ по отправному варианту за 6 лет 1926/27—1931/32 гг., примерно, равен объему работ за пятилетие 1926/27—1930/31 гг. по первоначальному варианту.

Получаемое в результате намечаемых затрат по государственным дорогам улучшение их может быть охарактеризовано протяжением дорог улучшенного типа.

Протяжение дорог (км)	1927	Первонач. вариант 1931	Отправной вариант 1932	Оптимальный вариант 1932
Шосейные	11.531	16.521	16.521	19.386
Гравийные	2.805	4.805	6.305	6.305
Грунтовые профилированные	—	13.000	13.000	16.000
Итого дорог улучшенного типа .	14.336	33.326	35.826	41.691

Поправки по дорогам местного значения, несколько поднимающие денежные расходы и снижающие безденежные (льготный отпуск строительных материалов и трудовое участие населения), объясняются главным образом, уточнением первоначальных расчетов.

5. Общая сводка финансового плана¹

Наименование данных	Первоначальный вариант		Отправной вариант		Оптимальный вариант
	За 5 лет	За 4 года	За 4 года	За 5 лет	За 5 лет
	1926/27— 1930/31	1927/28— 1930/31	1927/28— 1930/31	1927/28— 1931/32	1927/28— 1931/32
А Доходы					
Железных дорог (млн. руб.) . . .	9.496,3	7.877,5	7.309,5	9.463,7	9.794,7
Прочие (млн. руб.)	348,4	291,7	265,1	346,3	360,3
Итого (А)	9.844,7	8.169,2	7.574,6	9.810,0	10.155,0
Б. Расходы эксплуатации					
Железных дорог (млн. руб.) . .	7.271,1	5.990,2	5.909,2	7.622,1	7.809,1
Водных путей (млн. руб.)	224,6	196,2	171,5	231,0	231,0
Портов (б/портов Каспия)	122,2	103,2	99,4	131,3	136,2
Шосейных и грунтовых дорог . .	159,8	139,9	125,9	169,6	184,0
Центр. и местных учреждений . .	60,0	50,0	38,5	50,5	50,5
Гидрографии	19,1	16,1	20,2	25,7	26,4
Итого (Б)	7.856,8	6.495,6	6.364,7	8.230,2	8.437,2
В. Оборотный капитал					
Железных дорог (млн. руб.) . . .	95,0	88,0	44,2	49,2	49,2
Речных госпароходов	2	2	24,0	28,8	28,8
Итого (В)	95,0	88,0	68,2	78,0	78,0
Г. Капитальные вложения³					
Железных дорог	3.041,4	2.838,9	2.341,2	3.050,5	3.789,7
Водных путей	94,8	87,7	67,6	98,4	151,2
Портов (без портов Каспия) . . .	226,1	208,5	109,4	148,8	178,3
Шосейных и грунтовых дорог ⁴ .	160,0	153,1	119,4	175,3	255,8
Гидрографии	8,7	7,6	5,7	6,6	9,7
Постройка и достройка ж.-д. линий	880,0	842,5	952,4	1.362,3	1.609,3
Капит. влож. в морской флот . .	262,0	225,0	246,7	307,6	349,0
Капит. влож. в речной флот . . .	97,0 ⁵	93,4 ⁵	129,4	144,9	172,9
Волго-Дон	88,4	87,6	88,0	111,0	111,0
Итого (Г)	4.858,4	4.543,9	4.059,8	5.405,4	6.626,9
Д. Прочие расходы	303,0	223,2	229,9	297,7	307,0
ВСЕГО (Б, В, Г, Д)	13.113,2	11.350,7	10.722,6	14.011,3	15.449,1
Дефицит	3.266,5	3.181,5	3.148,0	4.201,3	5.294,1

¹ В части требования к госбюджету.

² Включено в капитальные вложения в речной флот.

³ Без капитального ремонта.

⁴ Только дороги государственного значения.

⁵ Включая и пополнение оборотного капитала.

В приведенной сводке весьма показательным представляется сопоставление данностей по первоначальному и отправному вариантам за четырехлетие 1927/28 — 1930/31 гг. Несмотря на значительное понижение цифры ожидаемого общего дохода по транспорту (около 600 млн. руб.), общий дефицит, выражающий собою размер требования транспорта к общему бюджету, несколько сокращается. Этот благоприятный, с бюджетной точки зрения, результат объясняется отчасти сокращением эксплуатационных расходов (на 130 млн. руб.) путем рационализации и повышения производительности труда, но, главным образом, обязан снижению капитальных вложений (почти на 500 млн. руб.), замедлению темпа реконструкции и повышения технического совершенства современных транспортных устройств.

Сельскохозяйственное машиностроение и индустриализация СССР

Роль механизации сельского хозяйства

Путь от сохи к тракторному плугу, от ручного разбросного посева к тракторной многорядной сеялке, от косы и серпа к тракторным косилке и жатке, от цепа к сложной молотилке и т. д., — это путь к индустриализации сельского хозяйства через его механизацию.

В настоящее время преимущественной машинной системой механизации сельского хозяйства является трактор, который вытесняет в сельском хозяйстве паровые локомотивы или, нефтяные и др. механические двигатели. Быстрое развитие тракторов в сельском хозяйстве объясняется возможностью чрезвычайно широкого применения их в разнообразных сельскохозяйственных и других работах, а именно: при пахоте и других почвообрабатывающих процессах, посеве, сенокошении, жатве, молотье, очистке и сортировке зерна, перевозке хлеба с поля, транспорте леса, валке деревьев и пилке дров, корчевании пней, борьбе с вредителями, на электрической станции, на мельнице, на маслобойке, при обработке льна (мялки), для передвижения барок по рекам (работа бурлаков) и прочее. Например, «Азрыба» приобрела партию тракторов «Красного Путиловца» для транспортных работ, а также для вытягивания рыболовных снастей из воды.

Введение в сельское хозяйство механической силы (мотокультура) значительно повышает производительность с.-х. работ. Так, однокорпусным однокорпусным плугом можно вспахать в рабочий день не более 0,5 га, а двухкорпусным тракторным плугом — 2,5 га. Тракторная рядовая сеялка засеет в день до 8 га. При ручной косьбе 1 рабочий скошит в день около 0,25 га, а при помощи косилки с трактором — до 10 га. При ручной работе 1 жнея сожнет в день 0,2 га, а сноповязалка сожнет и свяжет снопы до 5 га. Работая цепами, 5 человек обмолят в день 10 копен снопов ржи, а тракторная молотилка около 100 копен обмолотит, затем очистит и рассортирует зерно.

Требуя укрупненных по размерам земельных площадей, с.-х. мотокультура неизбежно вызывает изменение форм землепользова-

ния. В капиталистических странах это ведет к образованию крупных помещичьих или фермерских хозяйств. В наших условиях мотокультура является стимулом к обобществлению, коллективизации мелких единоличных крестьянских хозяйств.

В самом деле, существует наинизший предел рентабельного применения трактора в сельском хозяйстве, в зависимости от размеров посевной площади. Величина этого предела зависит также от преобладания тех или иных систем земледелия. Этот вопрос до сих пор нельзя считать разрешенным вполне удовлетворительно: наша практика еще бедна и непоказательна, северо-американская — богаче, но очень разноречива.

В отношении систем земледелия, влияющих на усиленное распространение тракторов, мнения не расходятся. Это — наличие экстенсивных систем. Размеры земельных площадей, при которых применение трактора становится выгодным, определяются по американской практике Н. М. Тулайковым,¹ по данным штатов Сев. и Южн. Дакот, в 65 га, Н. П. Макаровым² — в 38 га, инж. Корсунским — в 38 га,³ официальными данными за 1920 год Сев.-амер. департамента земледелия⁴ — в 30 га и т. д. Во всех этих источниках имеются в виду тракторы небольшой мощности, работающие с двухкорпусными плугами.

Наша небольшая еще практика о рентабельности применения тракторов дает результаты, вполне подтверждающие выдающуюся роль этих машин — двигателей в сельском хозяйстве. Так, по сводке Сельскосоюза за 1924/25 г.,⁵ в среднем работа трактора на пахоте обходится дешевле на 10%, а при подеме целины и залежей на 20%, по сравнению с работой лошадьми. Молотьба трактором дает экономию в 50 — 70%. При этом следует учесть благоприятное влияние на урожай, вследствие лучшей и своевременной обработки земли и того обстоятельства, что применение трактора развязывает хозяину руки, давая ему возможность производить своевременно остальные срочные работы. По данным II Всероссийского тракторного совещания 1927 г.,⁶ вопрос о выдающемся значении трактора в сельском хозяйстве разрешен положительно, в результате массовых обследований тракторных хозяйств. На совещании были опубликованы результаты обследования 2.000 тракторных объединений, из которых 96,3% на вопрос о рентабельности трактора ответили в положительном смысле.

Эти данные очень показательны именно для нашего сельского хозяйства, имея в виду относительно дешевую рабочую силу и недостаток персонала по обслуживанию трактора.

Выгодность пользования трактором в сельском хозяйстве обусловливается также обилием обслуживаемых рабочих процессов и, в связи с этим, количеством рабочих дней в году. Если предположить, что в сельском хозяйстве все главные работы (пахота, бороньба, посев, сенокосение, уборка хлебов, молотьба, очистка и сортировка зерна) выполняются при помощи трактора, то и в этом случае его рабочий период в году выражается, примерно, полугодием и притом не непрерывной работы. Для того чтобы трактор не стоял без дела остальное полугодие, нужно наличие в хозяйстве промышленных предприятий, например, мельницы, маслобойного завода, разработки леса, мастерской с механическим оборудованием, электрической станции для освещения и т. д.

Стало быть, для выгодного применения механической силы в сельском хозяйстве, в виде наиболее универсального двигателя — трактора, нужен индустриальный характер этого хозяйства.

Механизация сельского хозяйства в Сев. Америке

До настоящего времени и за границей и у нас сельское хозяйство еще находится на ступени ремесла, в отличие от многих других отраслей народного хозяйства, продукты которых изготавливаются почти исключительно машинным способом. Однако, внедрение механической силы в сельское хозяйство ставит последнее на путь индустриализации, примером чему служат Соед. Штаты, где появились уже предприниматели, задавшиеся целью превратить свои земельные угодья в крупные индустриальные предприятия.

Американские банки, вообще подозрительные и осторожные, когда дело идет о вложении капитала в сельское хозяйство, стали изменять свой традиционный взгляд на эту отрасль, как подверженную большим случайностям, риску по сравнению с фабрично-заводской промышленностью. Уже по имеющимся в Сев. Америке опытам индустриализации (напр., опыт Томаса Д. Кэмпбелла в Монтане) можно судить, что при надлежащем ведении хозяйства эти случайности (неурожай, вредители и т. д.) будут не больше, чем риск в других производствах.

В виду поучительности для нас некоторых выводов, характеризующих сельское хозяйство Сев. Америки, — в дальнейшем, перед тем, как перейти к обзору с.-х. машиностроения и машиноснабжения в СССР, уделяется внимание Соед. Штатам.

¹ См. 1) „Вестник металлопромышлен.“, № 9—12, 1923. 2) „Farm Implement News“, № 44, 1923 г. и №№ 16, 18, 23 и 32, 1926 г. При пересчете 1 доллар принят везде равным 2 рублям.

¹ „К вопросу о тракторах в сельском хозяйстве“. Труды Госплана, книга IV. М., 1923.

² „Условия и применение трактора в сельском хозяйстве“. Берлин, 1922.

³ Инж. Корсунский, „Трактор“. Нью-Йорк, 1921.

⁴ К. Ф. Дудин, „Применение трактора в крестьянском хозяйстве“. М. 1927.

⁵ К. Ф. Дудин, „Применение трактора в крестьянском хозяйстве“. М. 1927 г.

⁶ „Тракторизация нашей деревни“, статья С. Грая, М., 1927.

Соед. Штаты обладают мощным с.-х. машиностроением, развитие которого шло таким образом:¹

Г о д ы	С.-х. машины и орудия	Т р а к т о р ы.	
	Тыс. руб.	Тыс. руб.	Штук
1914	328.174	—	—
1916	—	—	29.670
1919	609.923	—	164.590
1920	677.442	396.448	204.973
1921	549.744	106.338	74 366
1922	312.794	106.486	100.088
1923	542.143	187.565	135.210
1924	480.628	166.106	120.823
1925	521.356	241.117	167.640

Из этого количества экспортировалось Соед. Штатами в разные годы от 10 до 20⁰/₀.

Цифры показывают, что рекордный год по производству с.-х. инвентаря и тракторов в Сев. Америке был 1920 г.; очевидно, это был последний год послевоенного ажиотажа в промышленности, перешедшей на „мирное производство“.

Особенно показателен рост американского тракторостроения за десятилетие 1916—1925 гг. На ряду с развитием производства тракторов, усиливалось изготовление машин и орудий мотокультуры. Так, рост производства тракторных плугов выражался на период 1904—22 гг. такими цифрами: 1904 г. — 1.599 шт., 1909 г. — 2.355 шт., 1914 г. — 3.265 шт., 1919 г. — 98.836 шт., 1920 г. — 143.542 шт., 1921 г. — 23.916 шт., 1922 г. — 44.287 шт. и дисковых — 8.293 шт. В 1922 г. произведено специальных тракторных дисковых борон 24.492 штуки и т. д.

В 1925 г. в Сев. Америке (48 штатов) насчитывалось с.-х. машин и орудий на сумму 7,2 млрд. рублей при площади обработанной земли в 182 млн. га.¹ Стоимость машин и орудий на 1 га обработанной земли был равен в среднем 39 руб.²

В 1920 г. в Соед. Штатах было 246.083 тракторов на 229.332 фермах, т.-е. на 3,6⁰/₀ всех ферм в стране; в 1925 г. насчитывалось 506.745 тракторов на 474.694 фермах, т.-е. на 7,9⁰/₀ всех ферм, которых в этом году было в стране 6.371.617. На тысячу га обработанной земли в 1925 году приходилось около 3 тракторов.³

Следовательно, даже при таких огромных ресурсах в машинах степень механизации сельского хозяйства в Сев. Америке еще не велика. По данным американской статистики, в 1925 г. на американских фермах произведено работы посредством энергии людей и животных 86 млн. лошадиных сил, а при помощи механической силы — 3 млн. лошадиных сил, т.-е. всего около 3⁰/₀ работы от живых

¹ По другим источникам — ок. 200 млн. га.

² Farm Implement News, № 18, 1926 г.

³ Farm Implement News. №№ 16 и 18, 1926 г.

двигателей. При 10 миллионах с.-х. населения Сев. Америки на 1 человека приходится механических 0,3 лошадиных сил. В фабрично-заводской промышленности этой страны, занятой с.-х. машиностроением, на 1 лицо, работающее в предприятии, приходится свыше 2 лошадиных сил. Эти сопоставления дают некоторое приблизительное суждение о степени механизации сев.-американского сельского хозяйства. Необходимо только помнить, что механизация более распространена в районах с экстенсивными формами земледелия (17 штатов из 48), где степень ее значительно выше указанной средней; так, в этих 17 штатах в 1925 г. было по стоимости 74⁰/₀ всех с.-х. машин и орудий в стране.

Сев. Америка с ее обширной земледельческой площадью, исчисляемой в 182 млн. га,¹ и с широким развитием экстенсивных форм земледелия представляет для нас большой интерес по формам и темпу развития сельского хозяйства: она неуклонно идет по пути индустриализации земледелия. За 50 лет — с 1870 по 1920 гг. — количество обработанной земли на одного с.-х. рабочего повысилось с 12,8 га до 18,9 га, т.-е. на 48⁰/₀. Стоимость с.-х. продукции за этот период увеличилась с 4 млрд. до 34 млрд., т.-е. на 750⁰/₀, при изменении стоимости продукции на одного с.-х. рабочего в среднем с 662 рублей до 3.438 рублей, т.-е. на 420⁰/₀. Стоимость продукции на одного индустриального рабочего в с.-х. машиностроении за это время повысилась в среднем с 3 000 руб. до 13.724 руб., т.-е. на 360⁰/₀. Стало быть, производительность труда в сельском хозяйстве дала более интенсивный рост за рассматриваемый промежуток времени, чем в фабрично-заводской промышленности. Продуктивность труда на одного с.-х. рабочего за 1870—1920 гг. в отношении двух главных хлебов дала в Соед. Штатах следующие результаты: ржи на 1 рабочего приходилось в 1870 г. 65 и, а в 1920 году — 92 и.; пшеницы соответственно 14 и и 26 и. На одного с.-х. рабочего приходилось с.-х. машин в 1870 г. на 17,6 руб., а в 1920 г. — на 88,38 руб.²

Такие успехи в развитии сельского хозяйства С.-А. С. Ш. несомненно следует приписать в значительной доле механизации и механизации с.-х. работ.

Сельскохозяйственные машины и орудия в СССР

В настоящее время в СССР насчитывается с.-х. машин и орудий на сумму около 800 млн. руб.³ при посевной площади в 118 млн. га.⁴ Таким образом, на 1 га обработанной земли приходится с.-х. инвентаря на 7 руб. Сравнение с Соед. Штатами приводит к такому вы-

¹ Farm Machinery and Hardware. № 1714, 1926 г. Обработанная площадь примерно вдвое больше, чем в СССР.

² Там же.

³ Это — по подсчету НК РКИ. По другим источникам до 1 миллиарда рублей.

⁴ По данным проф. Н. П. Огановского.

воду: посевная площадь у нас составляет 65% от сев.-американской; стоимость машин на единицу посевной площади у нас равна 18% от американской; стоимость наличных машин в СССР составляет около 11% от стоимости таковых в Соед. Штатах.

Производительность труда с.-х. рабочего в СССР стоит еще на низком уровне: по данным проф. Н. П. Огановского, валовая продукция сельского хозяйства в 1926/27 году оценивается кругло в 10 млрд. довоенных рублей; с.-х. рабочего населения, при 22 млн. сельских хозяйств в СССР, надо считать кругло 50 млн. человек; стало быть, годовая стоимость продукции на одного с.-х. рабочего равна приблизительно 200 рублям.

Из данных о сельском хозяйстве С.-А. С. Ш. и сопоставления с СССР усматривается, что уровень механизации земледелия у нас низок. Достаточно указать, что по с.-х. переписи 1920 года в Центральном районе СССР из пахотных орудий было 45% плугов и 55% сох. За последующие 7 лет положение существенно улучшилось, но еще далеко не так, как этого требуют запросы индустриализации.

Как же шло у нас снабжение с.-х. машинами деревни и какую долю давало внутреннее машиностроение?

Рекордным годом в этом отношении был 1913, когда наши заводы (в пределах СССР) дали с.-х. машин и орудий на 67 млн. пр.-кур. руб. и, кроме того, было ввезено иностранных машин на 41 млн. руб. а всего поступило в сельское хозяйство с.-х. инвентаря на 108 млн. руб. Далее, с начала войны 1914 г., идет снижение внутреннего выпуска и полное прекращение импорта. В ближайшее к нам шестилетие снабжение шло таким темпом:

Г о д ы	Внутреннее производство		И м п о р т		В с е г о
	Тысяч пр.-кур. руб.	0/0	Тысяч пр.-кур. руб.	0/0	Тысяч пр.-кур. руб.
1921/22	6.900	59,5	4.670	40,5	11.570
1922/23	11.800	81,0	2.800	19,0	14.600
1923/24	16.400	81,5	4.100	18,5	20.500
1924/25	40.000	67,0	20.000	33,0	60.000
1925/26	70.000	68,0	33.000	32,0	103.000
1926/27	93.000	82,0	20.000	18,0	113.000

В 1927/28 г. предполагено дать с.-х. инвентаря из внутреннего производства плановых заводов на сумму до 127,8 млн. пр.-кур. руб.

Таким образом, уже в 1925/26 г. мы почти достигли довоенного уровня снабжения с.-х. инвентарем, при чем доля импорта уменьшилась сравнительно с прежней. В указанные цифры не входит продукция внеплановых (местного значения, кустарных) предприятий, оцениваемая, примерно, в 5 млн. руб., а также снабжение сельского хозяйства тракторами.

До революции тракторы в нашем сельском хозяйстве были единственным явлением, тогда как Сев. Америка еще в 1916 г. выпустила 29.670 тракторов,¹ а в 1920 г. в этой стране было уже, как видно из вышеизложенного, около 250 тыс. тракторов.

Только после годов разрухи, начиная с 1922/23 г., мы получили возможность давать сельскому хозяйству механическую силу в виде тракторов. За этот короткий срок и, имея в виду ограниченность денежных ресурсов в стране, перенесшей колоссальные экономические потрясения, деревня, естественно, не могла еще получить большого количества тракторов. В 1927 г. в сельском хозяйстве СССР насчитывается до 30 тыс. тракторов.

В 1925/26 г. было ввезено 14 тыс. тракторов и выпущено заводами СССР — 717 штук; в 1926/27 г. — ввоз 4 тыс. штук и внутреннее производство — 1.215 тракторов.

Нижеследующая таблица (см. стр. 140) показывает, какое количество с.-х. инвентаря по отдельным классам производили в прежнее время и производят теперь заводы СССР. Из этой таблицы видно, что по всем классам, кроме сеялок, в настоящее время наблюдается значительное превышение выпуска, сравнительно с рекордным предвоенным 1913 годом.

Кроме количества, имеет большое значение для дела механизации эволюция типов с.-х. машин и орудий, в частности, повышение их квалификации. В этом отношении последние годы дали много.

Из класса почвообрабатывающих орудий исчезают мелкие плужки с деревянными грядилками, за счет усиления выпуска более совершенных — цельнометаллических висячих и рамных; в программе плановых заводов 1926/27 года деревянных плугов десятков тысяч штук вместо сотен тысяч, производившихся прежде плановыми заводами. Усилился выпуск передковых плугов германского типа, а также двухкорпусных. Завод „Октябрьской революции“ в Одессе выпускает тракторные плуги. Однако, в этом производстве еще не устранены некоторые конструктивные недочеты и затруднения в снабжении завода металлом надлежащего качества, чтобы можно было конкурировать с американскими тракторными плугами — прототипом плугов завода „Октябрьской революции“.

В классе посевных машин совершенно исчезли разбросные сеялки за счет рядовых. На очереди производство специальных тракторных сеялок („Красный Пахарь“ в Киеве и новый Ростовский завод).

В уборочных машинах изменений по типам не произошло: по-прежнему жатка-лобогрейка преобладает среди жатвенных машин.

¹ „Chilton Tractor Index“, т. VII, 1921 г.

² „Тракторизация нашей деревни“. Изд. „Книгосоюза“, М. 1927 г.

Производство с.-х. инвентаря по классам с.-х. машин и орудий

Единицы измерения	Почвообра- бат. орудия	Посевные машины	Уборочные машины	Косы	Молотилки	Конные приводы	Зерноист.- машины	Машины для кормов	Разные	Запасные части	Всего с.-х. инвентаря
1913 г. (в пределах СССР)											
Штуки	768.900	67.750	111.460	78.000	39.120	35.175	45.790	9.230	—	—	—
0/0 ¹	100	100	100	100	100	100	100	100	—	—	—
Тыс. пр.-кур. руб.	15.000	9.250	14.800	46	8.700	6.500	1.940	390	5.494	4.850	67.000
0/0 ¹	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1924/25 г.											
Штуки	631.330	38.110	50.867	2.097.060	24.738	28.054	41.795	9.894	—	—	—
0/0 ¹	82,0	56,5	45,8	2.700,0	63,0	80,0	92,0	107,0	—	—	—
Тыс. пр.-кур. руб.	12.311	3.494	8.034	1.259	3.181	3.293	2.250	365	3.233	2.478	39.899
0/0 ¹	82,0	38,5	54,0	2.700,0	36,8	51,0	116,0	94,0	59,0	51,0	60,0
1925/26 г.											
Штуки	1.229.971	59.396	106.044	3.120.733	43.690	34.878	70.783	18.433	—	—	—
0/0 ¹	160,0	87,5	95,5	4.000,0	112,0	99,0	155,0	200,0	—	—	—
Тыс. пр.-кур. руб.	19.943	7.478	16.572	1.873	7.264	4.883	3.702	690	1.147	6.499	70.001
0/0 ¹	133,0	81,0	110,0	4.001,0	83,5	75,0	190,0	177,0	21,0	134,0	105,0
1926/27 г.											
Штуки	1.374.032	57.238	167.981	4.523.998	54.000 ²	—	99.792	22.446	—	—	—
0/0 ¹	180,0	84,0	151,0	—	—	—	220,0	244,0	—	—	—
Тыс. пр.-кур. руб.	27.893	7.284	26.188	2.700	17.469	—	4.883	806	845	4.575	92.573 ³
0/0 ¹	185,0	79,0	175,0	—	—	—	250,0	206,0	—	93,0	136,0

¹ Процентные соотношения указаны, принимая 1913 год за 100%.

² И, кроме того, около 100 тыс. штук мелких кукурузных молотилок.

³ Округленно — 93 млн. пр.-кур. руб.

Производство сенокосилок усилено развитием Люберецкого завода и постановкой на заводе „Коммунар“ в Запорожье. С 1927/28 г. начнется выпуск сноповязалок Люберецкого завода. Это производство намечено также на новом Ростовском заводе.

В молотилках усилено производство крупных машин, пригодных для обслуживания тракторами; так, вместо строившихся сотен штук молотилки марки БДО34 завода „Красная Звезда“ в 1926/27 г. изготовлено до 3.000 штук.¹ Два украинских завода — „Серп и Молот“ и „Красная Звезда“ — работают над конструкциями тракторных молотилок и с 1926/27 г. начали выпуск их. Небольшой выпуск тракторных молотилок начат заводом „Красный Профинтерн“ в Зиновьевске.²

Из класса зерноочистительных и сортировальных машин строятся в достаточном количестве машины всех основных типов, кроме триеров. Производство триеров только налаживается на Воронежском заводе „Мельстроя“.

За последние два года впервые в СССР поставлено производство молочных сепараторов (Пермский завод), которое в 1927/28 г. доводится до 60 тыс. 60-литровых сепараторов. Кроме Пермского завода „Уралсельмаша“ производство сепараторов организуется на Хортицком заводе УТСМ. В 1927/28 г. будет выпущено до 5 тыс. 60-литровых сепараторов.

В общем, заводы СССР в настоящее время почти полностью удовлетворяют спрос на с.-х. машины и орудия для работы ручной и с конной тягой. Производство машин — орудий для работы с тракторами и др. машин с.-х. мотокультуры находится еще в слабом состоянии и ограничивается пока частичным удовлетворением спроса на тракторные плуги и лушильники, а также тракторные молотилки (заводы „Октябрьская революция“, „Серп и Молот“, „Красная Звезда“, „Красный Профинтерн“). С пуском вновь сооружаемого завода в Ростове на Дону (о нем речь впереди) производство этого с.-х. инвентаря будет значительно расширено и позволит в большей степени удовлетворять запросы механизации сельского хозяйства продукцией заводов СССР.

В запасных частях для с.-х. машин и тракторов внутреннего производства наши заводы полностью удовлетворяют спрос, за исключением режущих частей, дисков и пружин, спрос на которые покрывается лишь частично внутренним производством (заводы Златоустовский, Нижегородский, Таганрогский и др.). В отношении этих частей принимаются меры к организации и расширению производства на заводах — Златоустовском, Люберецком, „Гудок Октября“, „Шестерня-Цитроен“ и др.

На долю импорта в настоящее время остаются, главным образом: а) тракторные плуги для иностранных тракторов; б) плуги спе-

¹ Эта машина заменяет тракторную только при недостатке сложных молотилок.

² В 1927/28 г. заводы „Серп и Молот“ и „Красная Звезда“ начали массовый выпуск тракторных молотилок.

циальные, требующиеся в небольших количествах, например, лесные, дорожные и т. п.; в) специальные культиваторы; г) специальные сеялки и сажалки, например, „Планет“, свеклосажалки и т. п.; д) конные грабли, сноповязалки; е) косы (частично); ж) сложные молотилки (частично); з) триеры; и) сепараторы (частично) и некоторые другие малоходовые машины.

Различаются три категории импорта, а именно: а) машины, изготавливаемые в СССР в недостаточном количестве, б) вовсе неизготавливаемые по непосильности для заводов и в) вовсе неизготавливаемые по невыгодности для заводов. По мере развития нашего с.-х. машиностроения первые две категории постепенно сокращаются и должны совершенно исчезнуть. Третья категория импорта останется при всех условиях, ибо всегда найдется ассортимент машин и орудий, производство которых невыгодно организовать внутри страны; между тем, за границей эти производства на ходу.

Сказанное выше о номенклатуре с.-х. машин и орудий, которыми в настоящее время снабжается деревня, свидетельствует о том, что наше сельское хозяйство переживает еще период механизации, т.-е. такое состояние, при котором происходит замена примитивных орудий более совершенными (напр., сохи на плуг) и развивается применение машин и орудий, ранее мало или вовсе не применявшихся в с.-х. работах (например, в некоторых районах рядовые сеялки, сенокосилки, жатки, крупные молотилки, триеры). Этот процесс не предусматривает, как обязательное условие, использование механической силы, а имеет в виду применение преимущественно живой двигательной силы людей и животных. Механизация — следующий этап в развитии сельского хозяйства. В настоящее время у нас только готовится почва для этого этапа путем развития механизации и начальных шагов по механизации, в виде постепенного внедрения в сельское хозяйство тракторов и прицепных с.-х. машин и орудий.

Ясно, что и период механизации обуславливает в значительной степени коллективизацию землепользования. В самом деле, единоличным крестьянским хозяйствам, особенно в малоземельных и почвенно-тощих районах севера и центра, не под силу рядовые сеялки, жатки, крупные молотилки и т. п. машины, рассчитанные на ежегодную обработку 50 и более гектаров земли. Поэтому неизбежно кооперирование в той или иной форме машинопользования, что является подготовительной стадией к обобществленным формам ведения сельского хозяйства, которые будут введены в жизнь полностью только при механизированном сельском хозяйстве.

И в социальном и в экономическом отношениях наиболее совершенной формой использования машин и тракторов является кооперирование в виде коммун и машино-тракторных товариществ по совместной обработке земли и другим с.-х. работам. Из практики тракторопользования с.-х. кооперации, по материалам II Всероссийского

тракторного совещания 1927 г., установлены следующие примечательные выводы:¹ а) производственный эффект работы трактора находится в прямой зависимости от характера того объединения, которое его использует; б) у коммун и товариществ по совместной обработке земли (по данным с Кубани) производительность трактора — 84%—100%, если принять за 100% возможное максимальное использование трактора на разных работах; у совхозов, машинных товариществ, использующих трактор сдачей в прокат, и единоличников — 62%—84% и т. д.; в) по данным обследования 156 тракторных объединений Центр.-Промышл. района, за весну и осень 1926 года трактор запахал в коммунах 160 га, в совхозах — 130 га, в машинных товариществах, сдающих в прокат, — 90 га, при чем себестоимость вспашки в коммунах оказалась ниже, чем в объединениях других типов.

Стало быть, в товариществах, непосредственно эксплуатирующих машины, естественно ожидать (и это подтверждается практикой) наибольшей производительности машины, при наиболее дешевой себестоимости работ.

Развитие такого рода машинных товариществ — путь к скорейшему внедрению и широкому развитию в сельском хозяйстве с.-х. машин и тракторов. Вместе с тем, эксплуатация машин через упомянутые объединения позволяет полностью осуществлять принцип обобществления трудовых процессов и препятствует развитию в деревне социально-нездоровых способов эксплуатации машин сдачей в прокат и т. п.

В настоящее время машинные товарищества развиты в СССР еще в слабой степени. По данным НКЗемледелия РСФСР, к 1927 г. в республике числилось около 6.500 машинных товариществ, при чем число их утроилось за год, начиная с 1925 г. По всему Союзу их следует считать около 10.000, с числом членов около 120 тыс. человек. Однако, по этим данным нельзя судить, какой здесь процент машинных товариществ по совместной обработке и какой — другого типа, эксплуатирующих машины сдачей в прокат, пользуясь широко наемным трудом, т.-е. социально-вредного типа.

Состояние с.-х. машиностроения и тракторостроения в СССР

Плановое с.-х. машиностроение по местоположению заводов сохранило то же районирование, которое было перед войной, а именно по данным на 1926/27 г.:

Районы	Количество работающих заводов	Число рабочих
Юг (Украина)	12	16.550
Юго-восток	1	1.800
Центр и север	10	5.780
Урал с Приуральем	5	3.500
Сибирь	2	820
Всего	30	30.000

¹ „Тракторизация нашей деревни“. Изд. Книгосоюза, М. 1927 г.

Кроме того, семь плановых заводов частично заняты производством с.-х. инвентаря и запасных частей к нему. Считая и с.-х. цеха этих заводов, в с.-х. машиностроении занято всего, по данным 1926/27 г., 32,5 тыс. человек рабочих. Включая производство изделий не с.-х. инвентаря, общее число рабочих на заводах с.-х. машиностроения в 1926/27 г.—35 тыс. человек.

Удельный вес с.-х. машиностроения отдельных районов виден из следующих данных:

Производство плановых заводов по районам СССР

Районы	1913 г.		1925/26 г.		1926/27 г.	
	Тыс. пр.-кур. руб.	0/0	Тыс. пр.-кур. руб.	0/0	Тыс. пр.-кур. руб.	0/0
Юг (Украина)	41.000	61,3	46.609	59,3	65.000	60,0
Юго-восток (Сев-Кав.) . . .	3.040	4,5	3.438	4,3	7.000	6,5
Центр	19.650	29,3	17.213	22,0	23.000	21,4
Урал с Приуральем	2.560	3,8	9.546	12,1	10.500	9,8
Сибирь	750	1,1	1.837	2,3	2.500	2,3
Всего по СССР	67.000	100,0	78.633	100,0	108.000	100,0
Только с.-х. машин и орудий ¹ .	67.000	100	70.001	105	93.000	136,0

Из этих цифр усматривается, что по сравнению с 1913 г. значительное изменение по удельному весу в настоящее время наблюдается по Уралу. Это произошло за счет крупного расширения Челябинского плужного завода, частичного восстановления работы по с.-х. машинам Воткинского и организации Пермского сепараторного заводов.

В отношении районирования производства с.-х. машиностроения исторически развивалось под влиянием близости сырья и сбыта. До насаждения в России южной металлургии заводы с.-х. машиностроения возникали, преимущественно, в пограничных западных пунктах, в расчетах на иностранное сырье и сбыт в Прибалтике и Польше. Позднее, с 80-х годов XIX века, ядро с.-х. машиностроения переместилось на юг, чему способствовали благоприятные для развития сельского хозяйства в этом районе (пределы нынешней УССР) почвенные и климатические условия и экстенсивные формы земледелия, а также быстрое развитие металлургии и добычи минерального топлива.

Южное с.-х. машиностроение развивалось быстро, и к 90-м годам прошлого века преобладание юга в производстве с.-х. инвентаря было уже значительно. Так, в 1894 г. выпуск с.-х. машин и орудий по районам распределялся следующим образом: Польша—4%, Прибалтика—3%, центр—15%, юг—70% и прочие районы—8%.² Южные заводы стали почти гегемонами в снабжении страны с.-х. инвентарем¹. Продукция этих заводов получила распространение по всей б. империи.

¹ Некоторые заводы, входящие в тресты с.-х. машиностроения, занимаются производством также и не с.-х. машин (напр, двигателей, металлических изделий и др.).

² Е. Измайловская, „Русское с.-х. машиностроение“. М. 1920 г.

Это положение в значительной степени сохраняется и до настоящего времени: поныне не изжиты еще такие ненормальности, как производство одесским заводом плугов, потребляемых преимущественно в РСФСР, харьковским заводом—молотилок, имеющих распространение на севере и востоке, вплоть до Вотской области, сеялок и молотилок Зиновьевским заводом „Красная Звезда“ для всего Союза ССР и т. п.

В отношении районирования производства предстоит большая работа, которая будет осуществляться по мере планового развития существующих заводов, применительно к экономически тяготеющим к ним с.-х. районам, и постройки новых заводов в разных районах СССР.

С.-х. машиностроение в настоящее время состоит из ограниченного, сжатого, концентрированного ряда заводов, большей частью специализированных и значительно повысивших пропускную способность за последние годы. О степени концентрации и повышении мощности заводов свидетельствуют следующие цифры:

Количество предприятий в пределах СССР		Выпуск с.-х. инвентаря в млн. пр.-кур. дов. руб.		Число рабочих	
1913 г.	1926/27 г.	1913 г.	1926/27 г.	1913 г.	1926/27 г.
729	30 и 7 частично занятых	67	93	35.000	32.500

По этим данным в 1926/27 г. предприятия, составляющие по количеству 5% от 1913 г., дают продукции по стоимости ее 136% при 93% рабочих, сравнительно с 1913 г.

Эволюция мощности отдельных заводов дает следующие характерные соотношения:¹

Заводы	Выпуск изделий в тыс. пр.-кур. дов. руб.				
	1913 г.	1925/26 г.	в % к 1913 г.	1926/27 г.	в % к 1913 г.
8 заводов УТСМ	18.400	42.191	230	55.000	300
„Красный Аксай“	2.100	3.428	163	4.770	226
„Красный Пахарь“ в					
Киеве	1.200	1.672	140	1.640	137
Рязанский № 1	500	813	160	875	174
„Красный Плуг“ в Лап-					
теве	500	1.188	240	1.722	345
„Красный Пахарь“ в					
Омске	500	894	178	1.100	220
Люберецкий	7.800	4.954	64	7.323	94
Всего	31.000	55.140	178	72.370	234

При этом необходимо отметить, что производственная программа на 1926/27 г. была разработана с максимальным сжатием, под влиянием затруднений в сбыте отдельных видов с.-х. инвентаря.

¹ В таблице взяты заводы по плану 1926/27 г., действовавшие и в 1913 г.

Производственные ресурсы указанных заводов выше приведенных в таблице. Так, на 1927/28 г. производственная программа заводов УТСМ исчислена в 72 млн. руб., и т. д.

Из поименованных заводов только Люберецкий в 1926/27 г. еще не перешагнул довоенной нормы,¹ что объясняется сравнительно недавним возобновлением работы этого предприятия. Остальные заводы значительно повысили свою мощность.

В связи с жесткой концентрацией, относительные размеры предприятий резко изменились сравнительно с предвоенным временем, а именно:²

Размеры годового производства отдельных заводов	Сумма производства в %/о		Колич. предприятий в %/о	
	1913 г.	1926/27 г.	1913 г.	1926/27 г.
До 10 тыс. руб.	2,3	—	62	—
От 10 до 100 тыс. руб. .	14,0	0,1	27	2,6
От 100 тыс. до 1 млн. руб.	45,0	7,9	10	35,0
Более 1 млн. руб.	38,7	92,0	1	62,4
	100,0	100,0	100,0	100,0

За 1926/27 год в этой таблице учтены только плановые предприятия, без мелких местных, кустарных и частных, которые несколько изменили бы соотношения таблицы. Однако, эти изменения мало повлияли бы на сравнительную характеристику предприятий перед войной и в настоящее время, так как группа неплановых заводов по сумме производства оценивается всего в 5—8% от суммы производства плановых заводов.

Данные предыдущей таблицы наглядно подтверждают сказанное выше о жесткой концентрации с.-х. машиностроения. Большое количество мелких предприятий отпало, оставшиеся изменили свою структуру применительно к требованиям прогрессирующей техники— в сторону механизации производства, более рациональной его постановки.

Основные заводы этой отрасли из полукустарных в большинстве по организации и методам обработки превратились в предприятия массового производства. Введение машинной формовки, широкое применение штамповки, применение многошпиндельных и специальных станков, опыты по карусельной, конвейерной сборке, рациональное изучение производительности труда, организованный контроль над качеством сырья (инспекция, лаборатории), литья и готовых изделий,— все эти мероприятия в значительной степени осуществлены и осуществляются на заводах УТСМ, Люберецком, Челябинском, имени Колющенко, Пермском сепараторном, „Красный Аксай“ и др. Однако,

¹ По производственному плану на 1927/28 г. Люберецкий завод даст продукции на 10,7 млн. руб., т. е. значительно превысит 1913 г.

² Данные за 1913 г. — Е. Измайловская, „Русское с.-х. машиностроение“. М. 1920 г.

до сих пор остаются заводы, не изжившие еще полукустарной структуры (напр., заводы Витебский, Калужский, Тульский и др.), что объясняется недостатком средств, надлежащего технического руководства, организационной распыленностью и т. д. Организованный к началу 1927/28 операционного года трест с.-х. машиностроения Центрального района, объединяющий ряд небольших предприятий Центра и имеющий в своем составе технически и организационно мощный Люберецкий завод, ставит одной из своих задач реконструкцию отсталых заводов.

За последние годы в с.-х. машиностроение вложены крупные средства на пополнение основного капитала. Так, по самому крупному тресту — УТСМ — за период с 1 января 1922 г. и до 1 октября 1926 г. вновь произведено капитальных затрат на сумму свыше 10 млн. руб., что к стоимости первоначального основного капитала треста составляет до 50%. У группы наиболее значительных заводов с.-х. машиностроения сумма основного капитала относится к стоимости годового выпуска продукции, примерно, как 1:2; в частности, для УТСМ это соотношение равно 1:2,2. Перед войной хорошо организованные заводы массового производства (напр., Люберецкий) имели отношение основного капитала к годовому выпуску, как 1:1. В современных нам новых заводах массового производства это соотношение не должно быть меньше. Стало быть, пополнение основного капитала существующих заводов, при некоторых условиях, дает более яркий эффект по размерам производства, чем в новых заводах.

Резкий рост с.-х. машиностроения в последние годы потребовал крупных пополнений рабочих кадров. Так, в 1925/26 г. понадобилось 30 тыс. рабочих вместо 18 тыс. человек в предыдущем году.

Если взять 1925/26 г., то сравнение размеров выпуска с.-х. инвентаря по районам и числу рабочих приводит к следующим показателям выводам:

Районы	Число рабочих в 1925/26 г.	Выпуск изделий в 1925/26 г.
	в %/о	в %/о
Юг	52	59,3
Юго-Восток	4	4,3
Центр	26	22,0
Урал с Приуральем	16	12,1
Сибирь	2	2,3
Всего	100,0	100,0

Эти соотношения констатируют наибольший относительный производственный эффект заводов юга (главным образом, УТСМ), сравнительно с другими районами, особенно с Центром и Уралом. В отношении Урала следует отметить, что в последующие годы указанное соотношение изменяется в благоприятную для Урала сторону за счет заводов Челябинского и Пермского, которые в 1925/26 г. были еще в периоде организации производства.

Основной технико-экономический показатель производства — производительность труда, характеризующаяся выпуском изделий на 1 рабочего, за ряд лет в среднем даст такие результаты:

Районы	Сред.-мес. выпуск на 1 раб. в пр.-кур. дов. рублях				
	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Юг	141	174	222	273	276
Юго-Восток . . .	83	100	139	200	230
Центр	76	90	155	210	214
Урал с Приуральем	—	—	76	195	140
Сибирь	—	155	195	208	236
В среднем	124	157	195	203	219

Неблагоприятные показания для Урала объясняются тем, что в составе заводов имеются косные, с низким выпуском на 1 рабочего, в виду обилия ручных ковочных операций, а также отсталые полукустарные заводы — Юго-Камский, Симский и др.

Производительность труда в с.-х. машиностроении по отдельным заводам достигла значительного уровня, в среднем же еще недостаточно высока, так как имеется еще ряд отсталых по методам производства и организации предприятий.

В отношении цен на с.-х. машины и орудия эти изделия следует признать одними из наиболее дешевых в промышленности. Только при этих условиях с.-х. инвентарь может рассчитывать на широкое распространение. На пути внедрения с.-х. машин и орудий в земледельческое хозяйство препятствием являются такие факторы, как дешевая рабочая сила в деревне, бедность крестьянской массы и ее косность. Эти препятствия могут быть устранены дешевизной и широким кредитом при покупке машин.

Начиная с 1924/25 г., с.-х. машины и орудия отпускаются населению по цене, равной розничному довоенному прейс-куранту, не считая провоза и с надбавкой в 12,5% на торговые расходы и стандартизацию. Для суждения о стоимости машин в настоящее время следует припомнить, что до войны делались скидки с прейс-куранта для оптовой продажи 25—30 коп. на прейс-курантный рубль, да, кроме того, надо учесть предпринимательскую прибыль. Стало-быть, при продаже по прейс-курантной цене без убытка машины будут дороже довоенной себестоимости на 100:65 или 100:60, т.-е. на 55—65%.

Для 1926/27 г. специальной комиссией комитета по регулированию с.-х. машиноснабжения при НКТорговли СССР установлен средний коэффициент вздорожания на с.-х. машины (против довоенного пр.-кур. цен), равным 1,056. Коэффициенты вздорожания не более единицы дали тресты Киевский, Зиновьевский, завод имени Медведа в Орле, Уралсельмаш, Сибирский металлтрест. В настоящее время, на основании отчетных калькуляций за I полугодие 1926/27 г. и предварительных за II полугодие, есть основание предвидеть не-большое повышение коэффициента по сравнению с вышеуказанным.

По данным упомянутой комиссии, средний коэффициент вздорожания с.-х. машин для заводов УТСМ в 1926/27 г. установлен равным 1,038, а фактически он оказался, по отчетным калькуляциям, равным 1,064, что следует признать результатом не вполне благоприятным, имея в виду крупные работы по рационализации, проделанные заводами УТСМ. Очевидно, часть капитальных затрат в этом случае пошла за счет себестоимости; точно также, недостаточно регулируется заработная плата, дороги, сырые материалы и т. п.

Существующий уровень себестоимости с.-х. инвентаря, еще предусматривающий в 1926/27 г., при продаже машин по прейс-курантным довоенным ценам, дотацию промышленности, конечно, не является длительно стабильным уровнем и подлежит в дальнейшем снижению. Это снижение должно быть достигнуто за счет рационализации, ведущейся в настоящее время на заводах с.-х. машиностроения, при условии, что цены на независимые от заводов элементы калькуляции, как сырье, топливо и др., не будут этому препятствовать.

В отношении повышения качества изделий работа идет, но сделано далеко не все. Еще в 1925 г. раздавались жалобы на серьезные недостатки в с.-х. машинах и орудиях разных заводов, вплоть до самых крупных, например, явно плохое литье, разрыв барабанов молотилок, невыдержанный лес, небрежная сборка и т. д. В результате кампании за качество промышленных изделий жалобы на неудовлетворительное качество уменьшились, но не совсем исчезли. Хотя многие заводы достигли уже высокого качества продукции (напр., плуги Одесского, Челябинского, Брянского заводов, уборочные машины Люберецкого завода и др.), но в отдельных случаях недостатки в качестве еще наблюдаются до настоящего времени.

Металлургическая промышленность еще не вполне справляется со снабжением заводов с.-х. машиностроения; так, выше уже указывалось на затруднения в получении надлежащего металла для тракторных плугов, вследствие чего при одинаковых с американскими конструкциях плугов приходится усиливать размеры плужных частей и т. д.; это обстоятельство затрудняет развитие производства с.-х. машин и орудий мотокультуры; не совсем удовлетворительно снабжение калиброванным металлом, болтовым материалом и пр.

Лесоснабжение, бывшее все время напряженным, к 1927/28 г. ухудшилось до серьезнейшей степени (недостаток леса, плохое качество).

Указанное о снабжении, естественно, отрицательно влияет на качество с.-х. машин и орудий.

По инструкциям из центра заводы организовали техническую инспекцию качества с.-х. машин и орудий. За последнее время стали уделять внимание заводским лабораториям, которые имели бы активное воздействие на производство в отношении контроля над качеством материалов, шихты, термической обработки и т. д. Наиболее

крупные заводы (напр., Украинские, Люберецкий, „Красный Аксай“) уже обладают прилично обставленными химическими, механическими и металлографическими лабораториями.

Специальных обособленных тракторных заводов мы еще не имеем. Тракторное производство ведется на заводах „Красный Путиловец (типа „Фордзон“) в Ленинграде, „Коминтерн“ в Харькове (гусеничные), „Возрождение“ в Маркштадте („Карлик“) и „Большевик“ в Ленинграде (крупные гусеничные).

Наиболее крупное предприятие — тракторный отдел завода „Красный Путиловец“ — справляется удовлетворительно с поставленной ему задачей и дает хорошие тракторы с частями, взаимозаменяемыми с оригинальным „Фордзон“. Производство по пятилетнему плану развертывается до 5 тыс. тракторов с запасными частями на 40 тыс. тракторов (при работе в одну смену).

Заводом „Возрождение“ изготовлено к 1927 г. только 10 пробных экземпляров трактора „Карлик“. Вопрос о плане развития производства отложен до результатов испытания этих тракторов в кампанию 1927 г.

Харьковский завод „Коминтерн“ назначен для выпуска 120—150 гусеничных тракторов в год в одну смену. Для сельского хозяйства эти тракторы имеют небольшое значение.

Производство крупных гусеничных тракторов на заводе „Большевик“ (до 100 в год) для сельского хозяйства не представляет существенного интереса.

В настоящее время ведутся предварительные работы по сооружению нового тракторного завода в Сталинграде на 10 тыс. тракторов в год, с возможностью расширения до 15 тыс. штук.

К концу ближайшего пятилетия ожидается годовой выпуск с.-х. тракторов внутреннего производства до 8,3 тыс. единиц (не считая гусеничных). Если припомнить вышеуказанные данные для С.-А. С. Ш., то следует признать эту цифру очень скромной.

Перспективы развития с.-х. машиностроения

По плану проф. Н. П. Огановского рост посевной площади СССР в ближайшее пятилетие представляется в следующем виде: 1927 г. — 118,7 млн. га; 1928 г. — 120,7 млн. га; 1929 г. — 124,7 млн. га; 1930 г. — 128,9 млн. га и 1931 г. — 133,4 млн. га.

Если предположить состояние полной механизации сельского хозяйства при посредстве тракторов, то для обработки указанных посевных площадей с тракторной тягой потребуется огромное количество тракторов и прицепных орудий. Принимая, что при помощи трактора можно обработать 100 га в год, применительно к 1927 году потребовалось бы наличие в сельском хозяйстве 1.187 тыс. тракторов с прицепными орудиями к ним. При десятилетней амортизации тракторного пахотного агрегата¹ ежегодное пополнение

¹ Обычно берут срок амортизации меньший — около 6 лет.

равно 118.700 тракторных пахотных агрегатов на сумму около 200 млн. руб. Соответствующее количество машин потребовалось бы для посева, уборки, молотбы и т. д. Фактически эти теоретические цифры не достижимы по финансовым соображениям и в полной мере вряд ли целесообразны, если учесть, напр., вопрос животноводства и ряд других хозяйственных факторов. Кроме того, они предусматривают такое состояние земельных угодий и такие формы землепользования, при которых вся посевная площадь может быть обработана тракторами, чего на самом деле пока достичь невозможно.

Поэтому при планировании с.-х. машиноснабжения приходится исходить из возможностей реального спроса, т.-е. не из теоретической потребности, а из потребления, обусловленного экономическим состоянием сельского хозяйства, платежеспособностью населения, размерами кредитования при покупке машин и т. п. факторами.

Приведенный ниже план с.-х. машиноснабжения разработан¹, как на исходном материале, на данных доклада проф. Н. П. Огановского в С.-х. секции ОСВОК и Пром.-Экон. Совете ВСНХ СССР.

К цифровым выводам плана машиноснабжения пришлось подойти двумя путями, а именно:

1) Анализ данных проф. Н. П. Огановского показывает, что рост товарной части продукции сельского хозяйства идет быстрее роста валовой продукции: средний за пятилетие годовой прирост валовой продукции — 7%, а товарной — 15%. Доля затрат населения на приобретение с.-х. инвентаря по отношению к товарной части продукции сельского хозяйства в 1913 г. — 4%, а в 1926/27 г. — 7%, при контингенте машиноснабжения в 130 млн. руб. Если считать, что и в последующие годы пятилетия расход сельского населения на покупку с.-х. инвентаря будет не ниже 7% от товарной части продукции сельского хозяйства, то в 1931/32 г., по данным проф. Огановского, емкость рынка по с.-х. машинам будет около 210 млн. руб.

2) К началу 1926/27 г. наличие с.-х. инвентаря в СССР определяется, на основе обследования НК РКИ СССР, суммой в 800 млн. руб., что при 118 млн. га посевной площади в 1927 г. дает около 7 руб. на га. Предполагается, что в течение ближайшего пятилетия этот уровень механизации повысится не менее 25%. При этом условии можно считать, что развитие с.-х. машиноснабжения пойдет: а) в порядке замены инвентаря, выбывающего по амортизации и б) в порядке расширения механизации. При десятилетнем среднем сроке амортизации с.-х. машин и при повышении степени механизации до 9 руб. на гектар, в 1931/32 г. емкость рынка будет равна вышеуказанной, т.-е. 210 млн. руб., не считая тракторных агрегатов. Количество последних учтено в дальнейшем на основании предположений о финансовых и производственных возможностях для осуществления внутреннего тракторостроения и ввоза.

¹ Разработка плана машиноснабжения произведена Сельмашконвенцией.

Снабжение сельского хозяйства машинами на этих условиях даст наличие с.-х. инвентаря в 1931/32 г. на 1.170 млн. руб., что составляет около 9 руб. на гектар обработанной земли. Здесь любопытно сделать сопоставление с С.-А.С.Ш. Выше указывалось, что в 1925 г. в этой стране на 1 га обработанной земли насчитывалось с.-х. инвентаря на 39 руб. Если бы нам задаться целью достигнуть северо-американского уровня механизации 1925 г. в 1931/32 г., то для этого потребовалось бы наличие с.-х. инвентаря на $39 \times 133,4 = 5.202,6$ млн. руб. Это наличие предусматривало бы снабжение в 1931/32 г. машинами на 520 млн. руб. только в порядке амортизации для замены инвентаря, выбывающего по естественному износу.

Из этих сопоставлений видно, какая грандиозная работа предстоит СССР на путях индустриализации.

Размеры построенного на вышеуказанных основаниях плана с.-х. машиноснабжения выражаются следующими количествами:

Годы	В тысячах пр.-кур. дов. руб.		
	С.-х. машины и орудия	Тракторы с плугами	Всего
1927/28	150.000 ¹	20.000	170.000
1928/29	170.000	30.000	200.000
1929/30	185.000	40.000	225.000
1930/31	200.000	50.000	250.000
1931/32	210.000	60.000	270.000

Спрос на тракторные пахотные агрегаты определяется в 1927/28 г. в 10 тыс. штук, 1928/29 г. — 15 тыс. штук 1929/30 г. — 20 тыс. штук, 1930/31 г. — 25 тыс. штук и 1931/32 г. — 30 тыс. штук.

Продукция плановых заводов в СССР за этот период по пятилетнему плану с.-х. машиностроения и тракторостроения ВСНХ СССР будет такова (в тыс. пр.-кур. дов. руб.):

Годы	С.-х. машины		
	и орудия	Тракторы	Всего
1927/28	127.800	5.100	132.900
1928/29	134.000	7.500	141.500
1929/30	144.000	10.600	154.600
1930/31	163.000	13.500	176.500
1931/32	174.000	16.000	190.000

Развитие тракторного производства в СССР предвидится такое 1927/28 г. — 1900 шт.; 1928/29 г. — 3020 шт.; 1929/30 г. — 4620 шт.; 1930/31 г. — 6250 шт. и 1931/32 г. — 8350 шт.

Этот план предусматривает участие новых заводов, а именно: с.-х. машин и орудий в Ростове на Дону, тракторного в Сталинграде и косного цеха Златоустовского завода.

Ростовский завод — комбинат рассчитан на выпуск плугов конных и тракторных, сеялок конных и тракторных, уборочных машин,

¹ Комитет по регулированию с.-х. машиноснабжения при НКТорговли СССР в августе 1927 г. понизил предполагаемые размеры машиноснабжения до 138 млн. руб. Контингент тракторных агрегатов также значительно сокращен.

крестьянских ходов и запасных частей, всего на сумму около 35 млн. пр.-кур. дов. рублей.

Ростовский завод проектируется в составе общих цехов дерево, обделочного, кузницы, литейных ковкого и серого чугуна и стали-инструментального и силовой станции, а также специальных цехов — заводов плужного, сеялок, уборочных машин и ходов.

В основу производства Ростовских заводов положен принцип массового производства при полной механизации производства и межцехового транспорта. Выпуск на 1 рабочего намечен в 7000 руб. в год, т.-е., примерно, вдвое больше, чем в настоящее время на существующих заводах.

Завод предполагает начать выпуск крестьянских ходов в 1928/29 г., тракторных плугов и сеялок — в 1929/30 г., уборочных машин — в 1930/31 г., конных плугов — в 1931/32 г. Полное развитие производства намечено с 1932/33 г. Косной цех Златоустовского завода рассчитан на 2,5 млн. кос в год и начнет выпуск с 1927/28 г.

Кроме этих заводов, сооружение которых уже осуществляется, планомерное и целесообразное по районированию развитие с.-х. машиностроения потребует сооружения еще ряда заводов.

Проблема дальнейшего строительства новых заводов представляется в следующем виде:

1) С развитием в Сибири металлургии Кузнецкого бассейна естественно возникает вопрос о с.-х. машиностроении на базе этой металлургии и именно в части уборочных, молотильных и зерноочистительных машин, так как пахотные орудия представлены существующими Челябинским и Омским заводами. Предполагаемые пункты — Новосибирск или Красноярск.

2) До сих пор лишено с.-х. машиностроения Среднее и Нижнее Поволжье, которое, по условиям транспорта, сырья и готовых изделий и близости к богатым районам сбыта, имеет основания для развития с.-х. машиностроения в части молотилок и зерноочистительных машин. Предполагаемый пункт — Саратов.

3) В районе Полесья напрашивается завод машин, требующих много леса (мелкие молотилки, веялки, сортировки), а также машин для подготовки кормов (соломорезка, жмыходробилки, корнерезки и т. п.), для обслуживания Северо-Западного и Западного районов. Подходящее место для такого завода — Гомель.

Организация этого завода концентрирует производство указанных машин для крупного района, что будет способствовать удешевлению машин и устранению такие ненормальных явлений, как производство мелких молотилок и веялок-сортировок на Украине для Северного и Сев.-Восточного районов.

С целью концентрации и удешевления дефицитного по себестоимости веялочного производства, желательна организация его

еще в одном районе СССР, с дешевым лесом и обширным районом сбыта. Таким пунктом может быть Вотская область с ее лесными массивами, удобством снабжения рабочей силой (Приуралье) и широким рынком сбыта.

4) Окраинные республики Союза, а именно Средне-Азиатские и Закавказские, пользуются преимущественно примитивным с.-х. инвентарем и частично привозным обще-европейских типов, мало подходящих, нередко, к местным условиям. Почти нет снабжения этих районов из внутреннего производства квалифицированным инвентарем для специальных местных культур хлопка, виноградарства, кукурузы и др. Снабжение обще-земледельческим инвентарем этих районов, очевидно, пойдет за счет ростовских и уральских заводов, но производство с.-х. машин и орудий для местных специальных культур должно быть организовано на местах — в Средней Азии в основе применительно к хлопку и кукурузе, в Закавказье — к виноградарству и виноделию.

Из изложенного можно сделать выводы о социальной и экономической роли машины—орудия и машины—двигателя в сельском хозяйстве. Эта роль в главнейшем сводится к следующему: 1) Машина способствует под'ему культурного уровня в сельском хозяйстве. 2) Машина вызывает укрупнение размеров землепользования и, вследствие этого, в условиях нашего строя, — обобществление трудовых с.-х. процессов. 3) Машина повышает производительность труда в сельском хозяйстве и, вследствие этого, поднимает благосостояние деревни. 4) Машина оказывает влияние на улучшение социально-бытовых условий жизни деревни. 5) Машина неизбежно сокращает путь к индустриализации сельского хозяйства.

Темп роста нашего с.-х. машиностроения можно назвать бурным: такие скачки в росте, как 6,9 млн. руб. выпуска в 1921/22 г., 16,4 млн. руб. — в 1923/24г. 93 млн. руб. — в 1926/27г. и 127,8 млн. руб. — в 1927/28 г., не имеют precedентов в истории с.-х. машиностроения. Однако, потребность сельского хозяйства в орудиях производства, при условии осуществления грандиозной задачи индустриализации, настолько велика, что упомянутые размеры с.-х. машиностроения все еще малы. Приведенное выше сравнение с С.-А. С. Ш. подтверждает это.

В заключение необходимо отметить, что процесс индустриализации сельского хозяйства предусматривает не только широкое снабжение деревни механизированными орудиями производства, но и создание планомерной сети предприятий по переработке продуктов сельского хозяйства, как-то: мельницы, маслобойные, консервные, бэконные заводы и др. Организация этих предприятий потребует также снабжения их машинами, как орудиями производства. Это очень большая задача, обсуждение которой должно быть предметом особого очерка.

Контрактация, как кооперативная проблема

Превращение мелкого крестьянского хозяйства в крупное общественное производство требует целой системы мероприятий как технического, так и организационного характера. В основном эти мероприятия направлены к индустриализации сельского хозяйства, кооперированию и коллективизации процессов снабжения, сбыта, отдельных процессов производства, а затем и к производственному кооперированию в целом. При низкой технике с.-х. производства, коллективизация основных производственных процессов в широких размерах затруднена. Поэтому важно создать такие условия, которые позволили бы при современной технике и положении хозяйства создать необходимые связи сельскохозяйственного производства с производством промышленным и тем самым усилить влияние обобщественного сектора на частное распыленное хозяйство. Это означает, что необходимо установить более тесную и глубокую производственную связь до и после акта купли-продажи, воздействуя на производственный процесс планирующим, регулирующим и направляющим образом.

Если сельский производитель свободен производить тот или иной продукт, то мероприятия государственного регулирования не всегда в должной мере могут влиять на это производство в известном направлении.

Для этого потребовалась бы сумма таких мероприятий, проведение которых в короткий период невозможно. Что же касается регулирования производственных связей через обмен и ценностные отношения, то эти последние, являясь в руках планового хозяйства мощным орудием воздействия на производственные устремления частного хозяйства, оставляют, однако, еще действующими много моментов стихийного порядка, усугубляемых иногда неурегулированностью цены. К тому же, если этот интерес частного хозяйства смыкается с государственно-кооперативным хозяйством в моменты обмена (за исключением действия еще тех мероприятий, которые проникают в известную часть крестьянства — машинное, кооперативное, агрикультурное дело и т. д.), то громадная часть производственных процессов и хозяйственные устремления, а иногда стихийные расчеты частного хозяйства до и после актов обмена не испытывают надлежащего воздействия. Другое дело, когда еще до и после

отчуждения продукта между государственно-кооперативным и частным производителями и приобретателями существуют определенные обязывающие и связывающие обоих отношения производства.

Среди факторов смычки промышленности и сельского хозяйства одним из самых центральных являются хлебозаготовки. Положительной стороной хлебозаготовок является организованное и почти монопольное извлечение сельскохозяйственной продукции для внекрестьянского потребителя и в связи с этим возможность регулирования заготовительных цен. Но поскольку обладатель продукта здесь вступает с государственно-кооперативным заготовителем в простые рыночные отношения, этот процесс купли-продажи не может возыметь достаточно глубокого воздействия на остальные процессы производства до и после заготовительных операций. Здесь заготовитель, в учете состояния посевных площадей и урожайности (на которые, кроме общегосударственных положительных мероприятий, оказывает стихийное влияние расчет частного хозяйства, сохранение некультурного ведения хозяйства и пр.), борется за наибольшее извлечение из сельского хозяйства произведенной продукции, действуя организованно в области охвата заготовок и в области политики цен. Но наши задачи не могут ограничиться ни областью заготовительных операций, ни удовлетворяться тем, что и сколько произведет и нам предложит частное крестьянское хозяйство. Дело, конечно, здесь в организации производства сельскохозяйственной продукции, в проникновении вглубь этого хозяйства элементов планирования и регулирования и организации производственных процессов.

Для этого необходимо найти такие пути, такие кооперативные формы, которые давали бы возможность при реальных экономическо-социальных условиях быстрее переходить от простейших коллективных форм к высшим, руководить и направлять хозяйственные процессы мелкого распыленного производителя.

В этом отношении необходимо остановиться на контрактации, возникшей в нашей практике года два тому назад и к 1927/28 г. получившей некоторые более определенные формы и более глубокое содержание.

Контрактация определилась как договор государственных организаций или кооперации с сельским производителем, по которому последний обязуется, например, обсеменить известной культурой определенную земельную площадь и сдать продукцию государству по определенной цене, получая за это подкрепление — аванс для нужд производства. В других случаях это обязательство прямо относится к сдаче продукции. Контрактация была вызвана необходимостью обеспечить промышленность основным сырьем — хлопком, сахарной свеклой и пр. — и притом определенного стандарта и в определенные сроки.

Несмотря на то, что эта форма связи промышленности с производителем основного сырья возникла сравнительно недавно, истек-

ший год дает уже значительные результаты. Так, по данным отдельных видов кооперации и Союза союзов сел.-хоз. кооперации, имеем следующее движение контрактации по шести культурам:

	Число хозяйств (в тысячах)		Посевная площадь (в тыс. га)		Продукция (в тыс. руб.)	
	1925/26	1926/27	1925/26	1926/27	1925/26	1926/27
Сахарная свекла	740	616	405	348	59.307	38.897 ¹
Хлопок	489,6	670	652,5	703,0	201.926	203.000
Чай (кавказский)	—	—	1,27	1,9	350	350
Клещевина	29,5	86,3	11,8	38,2	927	3.090
Кенаф	1,8	2,2	2,5	2,8	351	800
Подсолнух	—	333	—	559	—	24.600

Кроме того, 1926/27 год является годом организации контрактации по ряду других культур — картофеля, ячменя (пивоварение), кукурузы (крахмало-паточная и винокуренная промышленность), пшеницы, бобовой сои и др. Надо заметить, что не все культуры контрактуются в собственном смысле слова. Так, практикуется выдача авансов посевицам льна, кредитование табаководов через табачководческую кооперацию и пр. Наиболее полно, почти на 100%, контрактацией охвачены такие специальные культуры, как хлопок и сахарная свекла.

Заинтересовано ли крестьянское хозяйство в том, чтобы связывать себя обязательствами договора? На этот вопрос надо ответить перечнем того, что получает крестьянин. Во-первых, в счет сдачи продукции хозяйство получает аванс в размере 20—35% (и выше) стоимости продукции, исходя из определенной заготовительной цены. Хозяйство, таким образом, получает в свое распоряжение не только некоторую денежную помощь, особенно необходимую для производства трудоемких культур, но и гарантию определенного дохода. Во-вторых, хозяйство получает за низкую плату или бесплатно (свекла) сортовые семена для обсеменения (чем гарантируется, что продукт будет соответствовать необходимым приемочным кондициям, помимо влияния этих семян на повышение урожайности вообще). В-третьих, кооперация путем организации прокатных пунктов, предоставляет в бесплатное, или за малую плату, пользование (в первую очередь коллективное) орудиями производства. Еще необходимо указать на требование правильной и своевременной обработки земли, сбора продукции и ее сдачи. Ряд агрикультурных мероприятий культивирует производство и поднимает хозяйство. Разумеется, все эти мероприятия не могут не заинтересовать крестьянское хозяйство вступить в тесные производственные связи с промышленностью.

Итак, основное в контрактации заключается в том, что эта форма ведет к производственной организации сельского хозяйства

¹ Падение вызвано состоянием цен на главные культуры.

в порядке плановости и регулирования. Если даже достигнутые успехи еще крайне малы, то в принципе это один из наилучших путей организации коллективного производства; последние требуют, однако, более развитых форм контрактации, по сравнению с существующими в настоящее время. На самом деле, если мы от договора сдачи продукции переходим к условию, определяющему ряд производственных действий, вместе с этим от понятия контрактации остается лишь его значение как первого этапа организации производственных связей. В такой постановке перед нынешней контрактацией стоит ряд весьма важных и сложных проблем.

Основной задачей контрактации должен быть наиболее широкий и вместе с тем наиболее простой охват крестьянских хозяйств, в первую очередь, по основным культурам, — взаимными обязательствами, удовлетворяющими потребности промышленности и крестьянства. Это первый этап. Затем задачей контрактации должно быть внедрение в хозяйство агрикультурных мероприятий и организация ряда производственных процессов на коллективных началах. Это — второй этап, уже далеко шагнувший от первых начал контрактации и превративший ее из более узкой кооперативной проблемы в начале организации, в кооперативную организацию деревни. Это предполагает всестороннюю организацию снабжения, сбыта, производства, при чем, конкретно, уже сейчас производится выдача хлеба в хлопководческих районах.

В дальнейших стадиях контрактация должна охватывать основные культуры, постепенно расширяя, таким образом, сферу своего охвата. С расширением контрактации на зерновые культуры, создается возможность в большей степени регулировать долю изъятия за счет оседающих в хозяйстве масс продукции. Расширение охвата, в свою очередь, требует организации коллективных сдач, коллективных, групповых организаций производителей. Это даст возможность внести плановое и регулирующее начало в расширение посевных площадей под отдельные культуры. Условия контрактации и экономические мероприятия должны воздействовать на определенное использование накопления хозяйств.

При осуществлении этих задач контрактация сталкивается с одной из основных проблем развития сельского хозяйства — с вопросами районирования культур и устойчивости производства. В области районирования сельскохозяйственного производства в плановом порядке еще сделано мало. Эта колоссальная задача должна решаться целой системой государственных мероприятий и ускоренным темпом, исходя из почвенно-климатических условий и районирования промышленности. Этим же будет решено, какие основные культуры в каждом районе должны иметь место. На ряду и в тесной связи с этим должна быть решена проблема цен — соотношение цен на отдельные культуры данного района. Если сейчас цена продукта неоднократно являлась причиной перехода производителя к другой куль-

туре и обратно, то соответствующее регулирование цен и наличие договорных обязательств должны эти явления ликвидировать. В связи с этим будет решен вопрос планирования и регулирования не только в годы нормального развития, но в значительной мере и в периоды нарушения такового, а отсюда — известная гарантия общей устойчивости развития. Если государственно-кооперативные возможности в этой области будут надлежаще использованы, тогда, в условиях подавляющего значения социалистического сектора, эта проблема может и должна быть решена. Районирование культур приведет и к устойчивости сельскохозяйственного производства. Понятно, что такой охват и районирование — длительная проблема, но в очень большой мере она зависит от наших организационных мероприятий. Придется этот охват контрактацией распространить в первую очередь на основные культуры и в основных производящих районах, расширяя эту проблему вглубь и вширь.

Таким образом, авансируя хозяйство необходимыми средствами осуществляя ряд агрикультурных мероприятий, пользуясь улучшенным семенным материалом и поставив широко семеноводство, применяя удобрения и более культурную обработку земли и т. п., можно организовать наличную технику многомиллионных хозяйств и получить сравнительно большой материальный результат. В такой возможности организации низкой техники распыленных хозяйств одна из основных положительных сторон контрактации. Эти же мероприятия противодействуют расслоению и дроблению хозяйств и организуют их для коллективных процессов и под руководством государства.

Какие перспективы расширения контрактации ставила сама кооперация? Если исходить из намеченного охвата контрактацией в 1927/28 г., то к концу пятилетки получится следующий результат (в круглых цифрах; см. стр. 160).

Рост контрактации хлопка определяется возможностью расширения самой посевной площади, оросительными и прочими мероприятиями. Рост посевных площадей сахарной свеклы может быть расширен как в основных, так и в новых районах, и поэтому в большей мере определяется потребностью промышленности. Культуры чая и кенафа требуют мероприятий по их внедрению в сельское хозяйство. Остальные культуры, как „старые“, требуют организационно-финансовых мероприятий по их охвату. Кроме того, необходимо перенести контрактацию с культур, требуемых промышленностью, на экспортно-продовольственные культуры и в широком масштабе.

Если к 1927/28 г. законтрактованные хозяйства имеют удельный вес в растениеводстве по числу хозяйств 15,9%, по посевной площади 3,6%, по товарной части продукции 15,2%, то законтрактованная часть в 1931/32 г. дает по числу хозяйств 38,2%, по посевной площади 9,8%, по товарной части продукции 27%. Число законтрактованных хозяйств возрастает на 158%, посевная площадь на 210%, то-

Культуры	Число законтракт. хоз. (в тыс.)		Посевная площадь (в тыс. га)		Товарная часть прод. (млн. руб.)		Необходимо для заготовки (млн. руб.)		Необходимо для авансиров. (млн. руб.)	
	1927/28	1931/32	1927/28	1931/32	1927/28	1931/32	1927/28	1931/32	1927/28	1931/32
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Хлопок	760	1.344	812	1.390	225,1	489,1	180,2	403,9	54,9	120,0
Лен	609	1.849	391	1.535	25,6	103,3	23,8	96,1	9,0	44,3
Подсолнух	1.250	3.125	1.639	4.097	72,0	186,0	72,0	186,0	12,9	47,2
Сахарная свекла	876	1.237	481	695	67,8	104,7	71,5	110,0	1,8	5,8
Клеверина	135	227	51	76	4,8	8,0	2,9	4,4	1,3	1,6
Чай (кавказский)	—	51	3	20	0,5	1,2	1,2	1,6	0,5	1,2
Кенаф	10	60	10	45	3,5	20,7	3,7	29,3	2,0	19,8
Табак	—	—	40	49	33,6	50,0	33,6	50,0	9,2	11,2
Махорка	—	—	15	20	5,2	7,7	5,2	7,7	1,1	1,4
Соя	27	142	31	164	3,2	15,6	1,2	8,0	0,6	1,8
Картофель	22	254	33	437	4,5	60,0	4,5	60,0	1,5	20,0
Всего техническ.	3.689	8.289	3.506	8.528	445,8	1.046,3	399,8	957,0	94,8	274,3
Кукуруза	38	170	41	186	2,4	13,6	2,4	13,6	0,5	2,5
Ячмень	40	170	44	186	2,5	10,6	2,5	10,6	0,6	2,9
Озимая пшеница	50	500	109	1.092	4,2	42,0	4,2	42,0	1,8	18,0
Яровые хлеба	100	1.000	218	2.185	8,8	88,0	8,8	88,0	2,4	24,0
Всего зерновые	228	1.840	412	3.659	17,9	154,2	17,9	154,2	5,3	47,4
Итого	3.917	10.129	3.918	12.187	463,7	1.200,5	417,7	1.111,2	100,1	321,7

варная продукция на 159%. Процент движения хотя и большой, но абсолютная значимость движения должна быть увеличена.

Что касается средств, необходимых для заготовки законтракованной продукции, то в 1927/28 г. они покрывались: из средств госорганов (промышленности) 272 млн. руб. — 65,1%, кредитной системой 143,2 млн. руб. — 34,3% и средствами кооперации 2,5 млн. руб. — 0,6%. Покрытие необходимых средств к 1931/32 г. намечено: из средств госорганов 567,6 млн. руб. — 51,1%, кредитной системой 534,2 млн. руб. — 48,1% и средствами кооперации 9,4 млн. руб. — 0,8%. Лишь в 1931/32 г. в отношении получения средств работа кооперации становится более самостоятельной за счет расширения кредитования. Но большим минусом является то обстоятельство, что на половину затрачиваемых средств накапливаются накладные расходы в виде процентов за кредит, удорожая продукцию в руках кооперации. Особенно это касается суммы авансов, находящейся, по крайней мере, несколько месяцев в состоянии беспроцентного авансирования производителя. В 1927/28 г. сумма авансов составляла 100,1 млн. руб., или 24% от стоимости законтракованной продукции, а в 1931/32 г. составит 321,7 млн. руб., или 29%.

Расширение задач контрактации от договоров сбыта, обеспечивающих сдачу промышленности основного сырья, к кооперативной проблеме организации производства, сбыта и снабжения, т.-е. к подчинению сельского производства общенародным плановым потребностям, требует увеличения собственных средств кооперации, без коих немислимо оперирование в таком большом деле.

В сумму необходимых для заготовки средств входят также расходы на агрикультурные мероприятия — в 1927/28 г. 9,5 млн. руб., что составляет 2,6 руб. на одно хозяйство, а в 1931/32 г. 32 млн. руб., или 3,7 руб. на одно хозяйство. Если учесть что эти средства бросаются в необобщественный сектор и что кооперация должна воздействовать на направление накопления этим сектором на те же агрикультурные и производственные цели, что определенные условия контрактации предусмотрят использование этого накопления, это даст цифру, более приемлемую с практической точки зрения но, очевидно, еще недостаточную.

Изъятие из кооперативного оборота одной трети миллиарда рублей и передача в крестьянские хозяйства в виде авансов не может быть трактовано ни как уменьшение денежной массы, ни, тем более, как непроизводительное использование денежного капитала. Углубление и расширение законтракованных производственных отношений предполагает собою такое производство, которое требует определенных затрат на его агрикультурное ведение и механизацию, и авансирование, означает передачу известных средств в частный сектор для их материализации в этой области. Это означает увеличение накопления этого сектора, которое должно быть вновь направлено в производство по линии кооперативных задач. Достижение этих задач кооперирования и поднятия сельского хозяйства и большие экспортно-сырьевые и продовольственные массы являются компенсацией за передачу оборотных средств частному сектору.

Улучшенными семенами снабжаются хозяйства сахарной свеклы, выдаются семена хлопка, с 1927/28 г. законтракованные хозяйства, обеспечиваются семенами подсолнуха, клеверины, кукурузы и пр.

В отношении обеспечения производственных процессов дело обстоит хуже, за исключением свеклы. Предусмотрена организация сети прокатных пунктов (подсолнух, хлопчатник, кукуруза) и для хлебов — приобретение зерноочистительных машин.

Если вышеуказанные показатели говорят о значительном росте дела контрактации вообще, как формы заготовок продукции известного стандарта (выдача семян), и способствуют делу увеличения урожайности (в некоторых случаях снабжают удобрениями, определяют порядок обработки земли), словом — вносят и агрикультурные начала в крестьянское хозяйство, то организация производственного процесса и превращение частного производителя в работника коопе-

рации — недостаточно подкреплено конкретными мероприятиями. Эта часть требует серьезной проработки до окончательного составления пятилетней перспективы. Основной установкой здесь должен быть переход от целей заготовочного характера к кооперативной организации производства, сбыта и снабжения, чему способствуют способы контрактации.

Таким образом, контрактация — простейшая форма, объединяющая производственные интересы двух секторов по линии обеспечения производства продукта и его заготовки, — превратится постепенно в связь производственно-кооперированного сельскохозяйственного производства с народнохозяйственным производством в целом. Это же является источником, питающим колхозное движение, развивающееся недостаточным темпом (в отношении абсолютного значения). Это же увеличит продукцию сельского хозяйства, отстающую от роста промышленной продукции. В этой области лежит еще один из ключей, ведущих к интенсификации и товарности сельского хозяйства: достижение большого результата только одними агрикультурными мероприятиями и организацией производства без громадных финансовых затрат. Наши перспективные ожидания могли бы быть значительно увеличены, если бы вместо известной косности, ожидающей результата только от вложения миллиардов, велось более широкое организованное выступление на организационном и агрикультурном фронте.

Необходимо отметить, как положительное явление, самостоятельное выступление кооперации в отношении организации посевов хлопчатника на средства системы сельскохозяйственного кредита. Таких посевов кооперацией было организовано к 1927/28 г. на площади 25 тыс. га и к 1931/32 г. площадь намечено расширить до 229 тыс. га.

Наконец, успех контрактации требует передачи всего этого дела в руки кооперации, изживая распыленное ведение этого дела органами промышленности, трестами, центрами. Средства точно также должны быть сосредоточены в руках кооперации, но отнюдь не в руках кредитной кооперации, ибо это сводит контрактацию к простой форме заготовительных операций, т.е. к операциям купли-продажи. Вопросы районирования культур и политики цен требуют наличия одного центра и согласованных действий по всей низовой сети. Работу районирования надо во всей широте и немедленно поставить перед планирующими органами. Затем необходимо разработать ясный план осуществления намеченных задач.

Кроме контрактации продуктов полеводства, расширяется авансирование и в области продукции животноводства. Так, вместо затрат в 1927/28 г. по зоотехническим операциям (выращивание каракулей, племенного материала и пр.) на сумму 465 тыс. руб., в 1931/32 г. намечается затратить 1.169 тыс. руб., а по заготовке — вместо 3.955 тыс. руб. до 20.956 тыс. руб. в 1931/32 г. В связи с задачей

более быстрого развития овцеводства сильно растет авансирование — в 1927/28 г. заготовка в 21.490 тонн авансируется на 12.272 тыс. руб. и в 1931/32 г. заготовка в 62.416 тонн авансируется на 32.250 тыс. руб. Акционерное общество „Шерсть“ предполагает довести размер аванса с 32,5% заготовительной суммы до 50% и авансировать до 75% количества шерсти (вместо 57,6%) и увеличить сроки выдачи авансов.

Задача интенсификации хозяйств, усиления животноводства и племенного улучшения стада требует расширения обусловленных договорами производственных отношений и в области животноводства. Этим мы наши фиксируемые в планах перспективы внедряем в жизнь, в практику крестьянского интереса.

Эта крупнейшая область действительной смычки социалистического производства с частным хозяйством через этапы контрактации усилит и закрепит правильные взаимоотношения в пользу переделки частного сектора на иной технической базе на коллективных началах.

К вопросу о планировании торговли¹

I

Если в промышленности задачу планирования можно считать разрешенной, — худо или хорошо, но из года в год мы составляем и частно-промышленные, и общепромышленные планы, равно как существенные успехи достигнуты в деле перспективного планирования, — то в торговле общее планирование составляет еще проблему, о которой пока только мечтают, да и частное планирование идет путями, которые требуют серьезной проверки. Объясняют это трудностями, вытекающими как из положения у нас торговли, так и из самой ее природы. Промышленность в основных своих массивах национализирована. Таким образом, главный объект планирования находится в полной зависимости от планирующих органов. С другой стороны, наиболее влиятельные факторы промышленного строительства и развития его — капитал, сырье и рабочая сила — поддаются правильному учету, при чем их значение достаточно изучено, чтобы с наибольшей степенью достоверности можно было говорить об их эффективности в рамках как оперативного, так даже и перспективного плана.

В другом положении находится торговля. Ее задача увязать спрос с предложением. Но производство, являющееся первоисточником предложения товаров, состоит только в одной своей части под непосредственным воздействием планирующих (регулирующих) органов. По контрольным цифрам на 1927/28 г. из 14.201 млн. руб. валовой продукции промышленности на долю госпромышленности и кооперации приходится 12.345 млн. руб., при 1.856 млн. руб. валовой продукции частной промышленности. Если таково же взаимоотношение социальных секторов и в товарной продукции промышленности, то выпускаемые ею на рынок товары распадаются на две части: контролируемую часть в 10.277 млн. руб. (без акциза) и неконтролируемую (товарную продукцию частной промышленности) в 1.545 млн. руб. Сельскохозяйственную товарную продукцию, кроме продукции лесоводства, можно целиком отнести к категории неконтролируемой товарности, ибо место кооперации и совхозов тут не велико; во всяком случае, если товарную продукцию лесоводства отнести целиком

¹ В порядке обсуждения. Ред.

к контролируемому предложению, то с излишком покрывается недоучет контролируемого предложения по остальным отраслям сельского хозяйства. Следовательно, в сельском хозяйстве контролируемому предложению в 750 млн. руб. противопоставляется неконтролируемое предложение в 5.991 млн. руб. К контролируемому предложению отнесем и весь импорт, приняв его в цифре 1926/27 г. В результате мы получаем для 1927/28 г. контролируемое предложение в размере 11.866 млн. руб. и неконтролируемое в 7.536 млн. руб., т.-е. последнее составляет 38,8% всего товарного предложения.

Еще хуже обстоит со спросом, так как весь спрос, вытекающий из личного потребления населения, а также из производственного потребления крестьянского хозяйства и частной промышленности, стоит вне контроля; под контролем находится только товарный спрос обобществленной промышленности, транспорта и государственных учреждений. В своей пятилетке ВСНХ СССР¹ принимает личное потребление продуктов планируемой промышленности в 49,4% ее товарной продукции. Распространив этот процент на всю промышленную товарную продукцию, получаем объем личного потребления промтоваров в 5.840 млн. руб. Остальная товарная продукция распространяется между разными видами производственного потребления. Отсюда к внеконтрольному производственному спросу мы относим товарное потребление неконтролируемой промышленности — около 386 млн. руб. и производственное потребление сельского хозяйства (цифра ВСНХ СССР) — 340 млн. руб. С другой стороны, по расчету того же ВСНХ СССР потребление госпромышленностью сельскохозяйственного сырья составило в 1926/27 г. 38,5% всей товарной продукции сельского хозяйства. Прибавив сюда 27,6% за счет сельскохозяйственного экспорта и государственного потребления, получаем 56,1% контролируемого спроса товарной продукции сельского хозяйства, или 3.782 млн. руб. В итоге контролируемому спросу в 9.877 млн. руб. противопоставляется для 1927/28 г. неконтролируемый спрос в 9.525 млн. руб., т.-е. обе доли спроса почти равны между собою.

Итак, стоя перед задачей планирования, торговле приходится учитывать высокую степень стихийности в предложении и еще более высокую степень стихийности в спросе. Но, кроме того, между спросом и предложением, как полюсами товарообращения, располагается связывающая их сила в виде торгового аппарата, также сохраняющего еще у нас, до известной степени, стихийный вид. Некоторый процент продукции промышленности (правда, небольшой) легально достается частному торговому аппарату, нелегально же он распоряжается еще большим процентом. В отношении же реализации продукции частной промышленности частный торговый аппарат вовсе не ограничен.

¹ „Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР“. М. 1927.

В деле реализации сельскохозяйственной продукции мы вообще находимся еще на первых ступенях к обобществлению торгового аппарата. Всего сильнее последний развернут в хлебных заготовках. Однако, пока он рассчитан лишь на удовлетворение нужд экспорта, городского потребления и отчасти сельского потребления потребляющей полосы. Таким образом, то, что можно назвать внутридеревенским, частью даже внутрирайонным хлебным товарооборотом, играющим большую роль в реализации урожая, остается вне обобществленного торгового аппарата, не говоря о том, что серьезной проверки требует вопрос, в какой мере и обобщественная хлебная заготовка соприкасается непосредственно с крестьянином-производителем, а не проходит некоторой стадии частного посредничества, в лице деревенского скупщика. Обобщественная реализация сильна в отношении льна-волокна, благодаря широкому развитию льняной кооперации, но и здесь значительная доля продукции льна попадает в частные руки. Так называемое экспортное масло все сосредоточено в руках обобществленного аппарата, но оно составляет не более 25—30% всего нашего товарного масла. В остальных отраслях сельскохозяйственной продукции обобщественная заготовка еще более слаба, при чем непосредственные связи ее с крестьянином-производителем вызывают серьезные сомнения; в деле же реализации этой продукции на потребительских рынках место частного весьма значительно.

Учесть силу частного торгового аппарата чрезвычайно трудно, так как он выполняет большую часть функций, не требующие постоянно действующих торговых организаций. Однако, и последние показывают, что роль стихии не мала в нашем торговом аппарате. Более или менее удовлетворительный статистический учет торговых заведений и их оборотов имеется пока только для первой половины 1925/26 г., и вот что он показывает для СССР (без Узбекистана и Казакстана):

	Всего	Частный	%
Торговые заведения			
Оптовые	6.519	1.500	23,0
Оптово-розничные	9.563	3.404	35,6
Розничные	490.669	373.330	76,1
Обороты (млн. руб.)			
Оптовые	4.783	277	5,8
Оптово-розничные	2.109	294	14,0
Розничные	5.328	2.012	37,7

С точки зрения завоевания „командных высот“ торговли табличка рисует не плохую картину. В опте обобществленный сектор стоит вне конкуренции; его сила значительна и в рознице. Но для планирования торговли рисуемое табличкой положение говорит о больших затруднениях. Если и в отношении промышленности мы

не поднимаемся на уровень научного планирования до тех пор, пока не перестанем считать объектом его только то, что непосредственно подчинено общественному регулированию, т.е. государственную и кооперативную промышленность, то тем менее планирование торговли укладывается в рамки непосредственного и прямого регулирования. Торговый оборот — это соотношение спроса и предложения. Так как нельзя увязать спрос и предложение, не имея перед собою как спрос, так и предложение в полном объеме, то всякое частичное планирование будет планированием не торговли, а отдельных ее отправлений, планированием односторонним, малорезультативным, не отвечающим требованиям планируемого народного хозяйства. Когда мы будем говорить о частных наших торговых планах, этой стороны вопроса придется коснуться подробнее. Здесь же констатируем тот факт, что правильное планирование требует охвата всей торговли, т.е. не только обобщественной торговли, но и частной. В этом то и усматривают главные трудности общеторгового планирования, имея перед собою ту роль, которую, как мы показали выше, продолжает у нас играть стихия товарооборота, с одной стороны, и торговая стихия, с другой стороны.

Даже и в среде бесспорных сторонников народнохозяйственного планирования господствует взгляд, что к общему торговому планированию нужно еще „притти“ и что мы придем к нему, как к результату широко разветвленного и углубленного частного планирования, когда суммирование усовершенствованных частных планов, охватывающих разные отрасли товарооборота, механически приведет к единому торговому плану. Неправильность такого взгляда очевидна. С точки зрения узко оперативной, точнее технической, торговля распадается на отрасли. Торгуют не товарами, а мануфактурой, железом, бакалеей и т. д. Но отдельные отрасли торговли существуют потому и постольку, поскольку существует товарообмен, в котором все участвующие в нем конкретные товары неразрывно связаны между собою, находятся в причинной зависимости друг от друга, составляют только элементы единого целого. Очевидно, не только нельзя ждать, чтобы частное планирование привело к общему торговому планированию, но само частное планирование не станет на правильные, прочные рельсы до тех пор, пока общее планирование не сделается его фундаментом. Даже в отдельно планируемых отраслях торговли мы идем от „просчетов“ к „просчетам“, часто выбивающим из колеи всю нашу народнохозяйственную жизнь. Пример плана хлебных заготовок настоящего года не единственный. Значит ли это, что наши плановики плохо работают? Конечно, нет. В рамках частных планов, не имея для своей ориентировки общеторгового плана, самый лучший плановик должен идти ощупью, догадками, „интуицией“, пригодными для анархического, но не планового хозяйства.

II

Частные планы торговли — это, главным образом, планы заготовки сельскохозяйственных продуктов. И вот первый результат того, что это только частные планы, без общеторгового фундамента. На обобществленную торговлю сельскохозяйственными продуктами нэп возлагает весьма ответственную задачу. Помимо планового снабжения городского населения, она должна быть одним из средств социализации деревни. Для этого, прежде всего, необходимо, чтобы обобщественная торговля не только охватывала наибольшую долю товарности сельскохозяйственной продукции, но и воздействовала в максимальной степени на размеры товарности последней. Одно место в социалистическом строительстве занимает крестьянин, превращающий свой лен в самотканную одежду, и другое занимает крестьянин, который видит все экономические выгоды обмена льна на фабричную ткань. Связь его с рабочим — не абстракция, а бьющая в глаза реальность. Для крестьянина, продающего зерно и покупающего муку, потому что на промышленной мельнице помол обходится дешевле и продукт получается лучшего качества, сотрудничество с пролетариатом диктуется самой жизнью.

Коллективизация деревенского труда находит лучшую свою поддержку в товарности крестьянской продукции. От дореволюционного времени мы в этом отношении получили незавидное наследство. Империалистическая война и контр-революция еще более ухудшили положение. Что же делает наша обобщественная торговля для разрешения проблемы, столь важной для эпохи строительства социализма? Ничего. Планы заготовок сельскохозяйственных продуктов вращаются около той их товарности, до которой деревня сама дошла, и вовсе не затрагивают проблемы ее развития и углубления. И, конечно, не частные планы тут виноваты. Развитие товарности в деревне зависит не от одной только торговли. Но и ее роль тут значительна. Хороший, умелый, скажем, сознательный торговый аппарат создает товарность и там, где производственный фактор ей не благоприятствует в достаточной степени, не говоря о способах его воздействия на последний. Однако, проблема товарности деревни разрешима в общем объеме, как проблема товарообмена в целом, а не как проблема товарности зерновой продукции, мясной и т. д. Весь строй, весь уклад крестьянского хозяйства, — и как субъекта производства и как субъекта потребления, — должны быть учтены, чтобы проблема товарности деревни стала реальной задачей экономической политики, в частности, торгового воздействия в условиях планируемого народного хозяйства. Хлебная товарность, товарность молочная, мясная и т. д. составляют, конечно, объект частного планирования. Но место их в крестьянском хозяйстве, их объем и их значение, их реальная сила и потенциальные возможности, их настоящее и будущее, — все это определяется не частными планами, имеющими дело с каждым продуктом в отдельности, т. е. с отдельными элемен-

тами крестьянской товарности, а общим торговым планом. Судьба товарности каждого продукта зависит от судьбы товарности всех других продуктов сельского хозяйства. И даже не от них одних. Ибо свою роль тут играют все без исключения элементы крестьянской доходности (в том числе, например, отхожие промыслы, извоз и т. п.) в их взаимоотношении к крестьянским расходам.

Планы заготовок так, как они ставятся теперь, это — планы извлечения из деревни некоторой доли ее товарной продукции, необходимой для удовлетворения потребности города, обобщественного сектора промышленности и государства. Только эта доля рассматривается как объект обобщественного товарооборота и наполняет содержанием заготовительные планы, как будто в самой производящей сельскохозяйственные продукты деревне нет внутренних торговых операций с ними, нет покупающих эти продукты групп населения, нет местного обмена между группами и т. д. Сельская торговля продуктами местного производства гораздо значительнее по объему и важнее по социальному содержанию, чем это кажется. Маломощные в сельскохозяйственном отношении группы деревни покупают товары местной продукции за счет внесельскохозяйственных заработков. Группы, более состоятельные, продают одно, чтобы покупать другое. В общем, фактические отчуждения деревни превышают то, что выбрасывается из деревни, равно как в потребляющей деревне, нуждающейся в привозе сельскохозяйственных продуктов, имеются группы крестьян, которые эти же продукты выбрасывают в местный товарооборот. Создается большой рынок внутреннего товарооборота продуктами местного производства, рынок, который в деле обобществления торговли важен сам по себе, — хотя бы потому, что он служит арендой для всяческих кулацко-ростовщических манипуляций, — и который, помимо того, не оставляет без своего влияния всей торговли сельскохозяйственными продуктами.

Итак, частное планирование превращает регулирование торговли сельскохозяйственными продуктами из сильного средства содействия социализации деревни в односторонний способ обобщественного извлечения из деревни некоторой части ее товарной продукции. Это — основной порок частного планирования, отрывающий его в сильной степени от задач, разрешаемых нэпом. Однако, и в этой постановке частного планирования мы в его отношении напоминаем собою мольеровского мещанина, который не подозревал, что он говорил „прозой“. Ведь чистое недоразумение, будто оно стоит вне основных построений, которые должны быть главными элементами общего торгового плана, и, следовательно, не зависит от него. Возьмем для примера хлебные заготовки. Чтобы определить излишки, подлежащие заготовке, необходимо, во-первых, исчислить хлебную продукцию и, во-вторых, определить хлебное потребление самой деревни. Получается потенциальная товарность. Отсюда должны перейти к реальной товарности. С одной стороны, выдви-

гается вопрос, сколько хлеба должно быть заготовлено, т.-е. какова потребность в хлебе города, промышленности и т. д. С другой стороны, необходимо выяснить пути извлечения хлеба из деревни. Один путь сравнительно прост — сельхозналог, хотя и тут требуется серьезное „уточнение“ плана, чтобы получить тот хлеб и в том количестве, который соответствует нуждам заготовки. Сложнее другой путь: против той части подлежащего извлечению из деревни хлеба, которая не охватывается сельхозналогом, требуется эквивалент, главным образом, в виде непродовольственных деревней товаров.

Какие товары приемлемы для деревни, в какой сезон и в каком количестве? Какая доля их покроется хлебом и какая другими продуктами сельского хозяйства? Какие товары, в какие месяцы и в каком количестве город может уделить деревне и как они должны быть распределены между отдельными продуктами сельского хозяйства соответственно потребностям города? Далее, требуется выяснение торговых путей продвижения хлеба от производителей к заготовке и от заготовки к потребителю, равно как продвижение эквивалентных товаров в деревню. Серьезный хлебозаготовительный план должен охватить все перечисленные и ряд неперечисленных моментов; иначе план не облегчит, а затруднит заготовку. Но не значит ли это, что частный план хлебозаготовок всеми своими нитями связан с коренными проблемами товарооборота, разрешаемыми в рамках только общеторгового плана, а при его отсутствии требующими своего разрешения специально для хлебозаготовок, т.-е. для каждого частного плана в отдельности, ибо моменты, которые мы отметили, как неминуемые при составлении плана хлебозаготовок, обязательны, с теми или иными особенностями, для всех частных планов. И они, эти моменты, фигурируют в самом деле в каждом частном плане. Но как? Там, где требуется знание и научная обработка, применяются поверхностные, недостаточно проверенные, экономически непроанализированные, часто чрезвычайно спорные, а потому вполне субъективные соображения и догадки.

Одним из основных препятствий к составлению общеторгового плана считают недостаточную изученность проблемы потребления, особенно его динамики. Но без проектировки потребления невозможны и частные планы. И оно проектируется в каждом частном плане, но без серьезной, даже эмпирической базы (нельзя же ради каждого частного плана предпринимать хотя бы эмпирическое изучение столь сложной и мало разработанной проблемы), и это — одна сторона дела. Но не менее важна другая сторона: проектируется потребление каждого продукта независимо от других, хотя зависимость между отдельными статьями потребления, даже бюджета в целом, не требует доказательств ни для города, ни для деревни. И вот результат. Для всех ясно, что в Советской стране потребление и города и деревни должно постоянно улучшаться. И его „улуч-

шают“ в каждом частном плане в отдельности. Получается не улучшение, например, питания, понятное и логическое, как следствие Октябрьской революции, улучшение выражающееся в изменении его структуры, в замене одностороннего питания разносторонним, а разбухание всех продовольственных статей, чаще всего только бумажное разбухание, затрудняющее, разумеется, практическую работу по заготовкам. В тех же случаях, когда разбухание получается реальное, то его следует рассматривать не как правильный прогноз частного плана, а как его порождение. Это преимущественно относится к деревенскому потреблению. По планам в деревне растет потребление и хлеба, и мяса, и яиц, и молочных продуктов, а в соответствии с этим ростом, если не абсолютно, то относительно, сокращается „товарность“ всех этих продуктов. Но в какой мере тут играет роль улучшение питания и в какой сам план заготовки, преувеличивающий рост потребления, следовательно, сокращающий размеры возможных заготовок, приспособляющий соответственно заготавливающий аппарат и тем самым ограничивающий для деревни возможность реализации своей потенциальной товарности, которая искусственно возвращается в резервуар натурального потребления?

То, что мы называем разбуханием потребления, по указанной причине, получает даже статистическую поддержку, которая придает частному плану „полную солидность“. Яркий пример такой „солидности“ дают планы льнозаготовок. За годы частью империалистической, но, главным образом гражданской войны, разрушившей промышленность и лишившей деревню фабричного текстиля, сильно выросло внутрихозяйственное крестьянское потребление льна — с 2.300 тыс. пудов по территории нынешнего СССР в 1909—13 гг. до 5.890 тыс. в 1924/25 г. Если взять большой период довоенного времени, то окажется, что внутрихозяйственное крестьянское потребление льна обратно пропорционально состоянию текстильной промышленности, главным образом, хлопчатобумажной: если накануне войны, как мы только что указали, внутрихозяйственное потребление льна составляло 2.300 тыс. пуд., то для начала 90-х годов прошлого столетия имеется цифра в 3,8 млн. пуд.¹ В связи с увеличением хлопчатобумажной промышленности в два раза за 20 лет, внутрихозяйственное потребление льна сократилось на 65%. Современная наша текстильная промышленность развивается из года в год. Сравнительно с 1924/25 г. в 1926/27 г. производство увеличилось (в %/0):

Готовых хлопчатобумажных тканей	58,5
„ шерстяных тканей	66,7
Льняной пряжи	52,9
Льняных тканей	40,0

¹ „Производительные силы России“, СПб, 1896. Гл. VIII.

Если взять текстиль суммарно, то уже в 1926/27 г. мы превзошли довоенную продукцию, и если текстиль все еще относится к категории „недостаточных“ товаров, то это объясняется только увеличившимся потребительским спросом. Во всяком случае, какое-то влияние рост продукции текстиля, следовательно, и рост снабжения населения, в том числе сельского, должен оказывать в смысле хотя бы некоторого сокращения внутривоспроизводственного потребления льна. И все-таки льняной баланс, на котором строится план льнозаготовок, исходит из растущего из года в год „оседания“ льна в крестьянском хозяйстве:

1924/25 г.	5.890 тыс. пуд.
1925/26 г.	6.015 „ „
1926/27 г.	6.150 „ „

Для 1927/28 г. „оседание“ проектируется уже в размере 6.242 тыс. пуд. Другими словами, одновременно с увеличением снабжения потребления фабричным текстилем около 1,5 раза, „оседание“ льна в крестьянском хозяйстве увеличивают в плане заготовок на 60%, соответственно сокращая потенциальную товарность льняной продукции. При этом увеличение происходит не в каких-нибудь отдельных районах, в которых производство льна носит потребительский характер, а во всех льноводческих районах, в том числе и районах традиционной продукции товарного льна.

Сказанное о потреблении в не меньшей степени относится к оценкам продукции сельского хозяйства, с которыми частные торговые планы вынуждены оперировать без серьезной критики, что, разумеется, невозможно было бы, если бы в их основании лежал общеторговый план. В последнем нельзя было бы без внимания пройти мимо такого факта, что при увеличении посевной площади, восстановленном животноводстве и птицеводстве и улучшенном питании земледельческого населения, в обстановке культурного оживления дореволюционной деревни продуктивность сельского хозяйства теперь ниже довоенной. Статистика, конечно, констатирует факт. Но тут „статистика“ определенно приходит в столкновение с „экономикой“, не говоря уже о том, что и сама „статистика“ теперь другая: в довоенное время она имела дело с объектом, который стоял вне непосредственного внимания фиска, доверяющего над вопросами сельскохозяйственной продукции в настоящее время.

Большие сомнения вызывает учет сбора хлебов, хотя он носит статистический характер. Но еще хуже обстоит с продукцией животноводства. Прямого статистического учета она не имеет. Она выводится на основании нормативных оценок, которые большею частью „интуитивно“ принимаются теперь ниже довоенного. Например, носкость кур, чрезвычайно низкая в дореволюционное время (60 штук в год на голову птицы), теперь принимается в еще более пониженной норме. Почему? Культурные гнезда птицеводства в довоенное время были так редки, что на среднюю носкость кур

они не могли влиять. Все определялось обыкновенной крестьянской курицей, которая сохранилась и до сих пор. Кроме того, следует помнить, что в крестьянском хозяйстве теперь остается больше зерна, и это, разумеется, не может пройти бесследно в деле улучшения кормления кур. С другой стороны, поскольку в самом крестьянском хозяйстве поднялось потребление яиц, постольку оно не может не влиять на усиление их продукции. Что тут „интуиция“ игнорирует „экономiku“, показывает хотя бы ход заготовок в 1926/27 г. В третьем квартале последнего года заготовка яиц одновременно с повышением цен сразу выросла сравнительно с 1925/26 г. в три раза, так что за один только этот квартал 1926/27 г. заготовлено было яиц почти столько же (6.384 вагона), сколько за весь 1925/26 г. (7.062 вагона).

То обстоятельство, что частные планы висят у нас в воздухе, не имея того экономического фундамента, которым может быть только общеторговый план, делает их игрушкой в руках, следует прямо сказать, фантастических „балансов“. В стремлении сделать „балансы“ наиболее „реальными“, выводимая ими потенциальная товарность сокращается явным давлением как на актив (уменьшение цифры продукции), так и на пассив (увеличение цифры внутрисельского потребления). Положив в основание частных планов такие „реальные“ балансы, идут дальше и соответственно планируют заготовительный аппарат, т.е. путем развития внеплановых заготовок делают его неспособным к исправлению на практике ошибок балансов. Тут роль играет и специальный фактор — неправильное понимание того, что следует разуметь под рационализацией заготовительного аппарата. К этому вопросу у нас подходят не экономически, а коммерчески: заготовка централизуется, так как это сокращает заготовительные расходы, но зато влияние заготовительного аппарата сосредоточивается на крупных торговых центрах, а вся распыленная потенциальная товарность, которая имеет такое большое значение в нашей деревне, остается либо в распоряжении частного, либо вовсе вне реализации. Нечего доказывать, что этот взгляд на рационализацию заготовительного аппарата, идущий в разрез и с интересами нэпа и с особенностями нашей деревни, не мог бы удержаться в перспективе общеторгового плана.

То же самое следует сказать о проводимой у нас политике заготовительных цен. Яркую картину этой политики и ее результатов дал тов. Микоян в своей речи на XV съезде партии. Но эта политика цен — не случайность, не плод индивидуальных ошибок. Нельзя строить товарные цены для каждого товара в отдельности, как это делают и не могут не делать при частном планировании. При таком подходе обязательно получаются даже не ошибки, а несуразности, — хотя бы то, что политика цен рассматривается как самоцель, а не как средство, что совершенно не соответствует задачам нэпа. Тов. Микоян показал, как политикой цен мы сократили посевы

ячменя. Политикой цен мы в четвертом квартале 1926/27 года приостановили так блестяще развернувшуюся в третьем квартале заготовку яиц. Таких примеров можно привести не мало. И дело тут не в ошибках. При частном планировании иначе и быть не может, ибо теряется народнохозяйственная перспектива, а вместе с нею ступшевывается, нередко извращается весь смысл и вся сущность нэпа, как одного из фазисов переходного времени.

Вопрос об общеторговом плане у нас не нов. По инициативе Госплана РСФСР он в 1925 г. был поставлен Наркомторгом РСФСР. Этим же вопросом занималось совещание, созванное Торговой секцией Госплана СССР в 1926 г. В октябре 1927 г. в созванном Торговой секцией Госплана СССР совещании вернулись к вопросу. Прошлые неудачи заставили последнее совещание осторожно подойти к вопросу: решено заняться разработкой ряда проблем, которые должны лечь в основание общеторгового плана.

Такой подход имеет известный *raison d'être*. Научное построение общеторгового плана требует предварительной проработки таких слабо затронутых исследованием проблем, как законы потребления, товарооборота, торгового аппарата и т. д. Однако, жизнь не ждет, а с этими проблемами легко можно завязаться *ad calendas graecas*: ведь все это не шуточные проблемы! Не возражая против необходимости заняться указанными проблемами, следует поставить вопрос, нельзя ли одновременно приступить к составлению общеторгового плана в виде предварительного варианта, так как самый несовершенный общеторговый план дает возможность привести в систему то частное планирование, которым мы теперь занимаемся. Неудачи, которые с общеторговым планом имели место до сих пор, не должны смущать. До сих пор всю инициативу по составлению общеторгового плана пытались возложить на места, между тем первый опыт может быть по силам только центральным организациям.

Мы, конечно, не забываем трудности, с которыми придется считаться в вопросе об общеторговом плане. Однако, эти трудности окажутся не непреодолимыми, если ясно себе представить сущность общеторгового плана. Всего менее это оперативный план. Поэтому, между прочим, и ошибочно мнение, что общеторговый план может быть суммой частных торговых планов, хотя бы и исчерпывающего их числа. Его природа и природа последних различны. Если частный торговый план дает систему практической, конкретной торговой деятельности на одном конкретном, изолированном участке товарооборота, то общеторговый план, как зеркало, в котором отражаются процессы товарно-денежного хозяйства в целом, ставит себе целью увязку товарных потоков в соответствии с теми целями и задачами, которые вытекают из хозяйственных условий страны, с одной стороны, и из ее экономической политики — с другой. В частных планах спрос и предложение товаров должны являться не искомыми

а данными, которые должны быть получены из общеторгового плана: имея перед собою всю массу товарного спроса и торгового предложения, в общих их суммах и в составных элементах, общеторговый план распределяет их по отраслям торговли и делает их, таким образом, объектом манипуляций для частных планов. На почве скрещения спроса и предложения — в общей сумме, а также в разрезах по товарному, территориальному и социальному, — общеторговый план намечает и исправляет политику цен в их народнохозяйственном взаимодействии, как систему, в которой отдельные элементы связаны между собою причинной зависимостью; эта система цен, которая в общеторговом плане строится в смысле тенденций, конкретизируется в отдельных своих элементах частными планами, учитывая все изгибы находящейся в постоянном движении реальной действительности. Таким же образом распределяются роли между общеторговым и частными планами в отношении торгового аппарата: систему и пути развития дает общеторговый план и на этой общей канве частные планы, каждый в своей отрасли торговли, вышивают свои практические узоры. В этой объединенной концепции цена и торговый аппарат перестают быть самодовлеющими силами, ареной для импрессионистских упражнений, не содействующих, а вредящих нашему плановому хозяйству; они получают свойственное им место — средств для целесообразного построения товарооборота в соответствии с интересами правильного развития народного хозяйства на почве требований экономической политики переходного времени.

Основными затруднениями при составлении общеторгового плана является конструирование — ретроспективный учет и перспективная наметка — спроса и предложения, из которых, как мы указали выше, первый сохраняет у нас стихийность в размере до 50% всего его объема, а второе — около 40%; к этому необходимо прибавить недостатки в учете и перспективных наметках также и в отношении контролируемых спроса и предложения. Однако, так или иначе и товарная продукция, определяющая торговое предложение, и товарное потребление, определяющее торговый спрос, как-то учитываются и прогнозируются в настоящее время для частных планов. При всех несовершенствах этой работы, как она производится теперь, в общей народнохозяйственной увязке, которая обязательна для общеторгового плана, она сама дала бы несравненно лучшие результаты.

Этим мы не хотим сказать, что для общеторгового плана следует сохранить те кустарные приемы, какими теперь пользуются для частных планов — оценки „на-глазок“, соображения канцелярских „экспертов“ и т. п. Для общеторговых планов они вообще невозможны. Наша мысль сводится только к тому, что даже при настоящих наших знаниях производства и потребления научное их использование, которое возможно только в общеторговом плане, дающем един-

ственно правильное представление о товарообращении, которое подразумевает сцепление отдельных элементов спроса и предложения, а не их раз'единение, как и увязку последних между собою, — научное использование даже недостаточных наших знаний производства и потребления могло бы дать эффект, чрезвычайно ценный для торгового планирования, устранив многие из отрицательных моментов, к которым приводят частные планы.

Само собою понятно, что и для общеторгового плана, так сказать, в первом приближении, придется выполнить большую предварительную работу. Материалов для нее накопилось много. Оценки продукции ЦСУ и ВСНХ, бюджетные обследования, разработка данных о торговой сети и посредническом торговом обороте, отчеты синдикатов и торгов, результаты деятельности заготовительных организаций и кооперативных об'единений, опубликованные и неопубликованные специальные работы, так или иначе затрагивающие вопросы, от которых зависит товарообращение, и многое другое, — все это придется собрать (особенно ценны местные материалы), во всем этом придется разобраться, все это нужно будет привести в систему, раньше, чем приступить непосредственно к составлению самого общего торгового плана. Нужно думать, что если бы Госплан СССР взялся немедленно и серьезно за дело и привлек бы к нему республиканские госпланы, при возможном содействии местных плановых комиссий, — можно было бы получить общеторговый план уже к будущему году. И будущие контрольные цифры имели бы в общеторговом плане не только необходимое свое заполнение, но и проверку для основных своих построений и выводов. Главное, получилась бы возможность поставить перед советской торговлей те задачи, которые диктуются требованиями переходного времени, рассчитанного не на неопределенное число лет, а на кратчайший период времени.

Мы бы не хотели, чтобы нас ложно поняли. Было бы непростительной ошибкой из сказанного нами о частном планировании торговли делать вывод о том, что оно до сих пор было каким-то недо-разумением. Заслуги его значительны. Много оно сделало для планирования нашего товарообращения. Более того — сама идея общего торгового планирования создана практикой частного планирования, при чем на общеторговое планирование нельзя было бы смотреть, как на практическую задачу, если бы не была подготовлена для него почва частными планами. Но этот подготовительный период мы уже пережили. Время „партизанской“ борьбы за плановую торговлю прошло. Тут уже не должно быть места частным торговым планам, существующим независимо друг от друга и от всей системы торгового планирования. Они должны стать надстройками на общем торговом плане, реализующем задания социалистического строительства.

О норме прибыли и ее тенденциях¹

(По поводу статей М. В. Иоффе)²

Экономическая теория, по крайней мере, поскольку речь идет о марксистской теории,— имеет дело с величинами, с отношениями величин и с социальной характеристикой этих величин и отношений. Количественная сторона экономических явлений находит свое измерение в труде, к которому в последнем счете сводятся все ходячие категории политэкономии. Качественная сторона этих явлений выражается в том или ином типе общественных отношений, которые лежат в их основе. Может показаться, что в экономической науке, как и в области естественных наук, мыслимо производить качественный анализ, оторванный от количественного, и наоборот. Такое представление о предмете в самом деле очень широко распространено, и притом не только в среде буржуазных экономистов, но и среди марксистов. Буржуазная наука питает исключительные симпатии к так называемой „чистой экономии“, которая, в конечном счете, сводится к упражнению над голыми количествами, лишенными всякой социальной и исторической окраски. Среди марксистов часто попадаетеся другая крайность: исследователь ограничивается исключительно качественной стороной явлений, не делая попыток их количественного выражения. Очень часто такие экономисты считают свою работу выполненной, если им удалось найти подходящие определения для тех или иных категорий, установить соответствующие им общественно-производственные отношения, проследить социально-экономический механизм их взаимодействия, вообще выразить, так сказать, „социологический эквивалент“ экономической материи. Нечего распространяться на тему о том, что марксизм не допускает такого отрыва качества от количества, которые, как известно, „переходят“ одно в другое, состоят в постоянной и неразрывной координации между собой.

На примере статьи М. В. Иоффе „Закон тенденции нормы прибыли к понижению“ можно иллюстрировать, к каким ошибкам иногда приводит забвение этого элементарного правила марксистского анализа. Автор статьи так характеризует цель и метод своего исследования: „Мы в настоящем очерке пользуемся законом трудовых

¹ В порядке обсуждения. Ред.

² „План. Хоз.“, №№ 7, 8 и 12 за 1927 г.

затрат, как исходным пунктом и незыблемой основой обобщения основных марксовых категорий. В целях такого обобщения мы временно отбрасываем особый специфически свойственный капитализму социальный смысл марксовых категорий и сохраняем лишь основной их стержень — их материально трудовое содержание (разумеется, с учетом количественной зависимости этого содержания от социальной формы, в которой оно конкретно проявляется). И именно это обстоятельство, т.е. то, что преодолевая трудности количественного анализа, мы временно оставляем в стороне специфически свойственное капитализму социально-классовое значение марксовых категорий, именно это и позволяет нам применять их к диаметрально-противоположным по своему типу общественным отношениям. Конкретно, речь идет о том, какие тенденции обнаруживает „норма прибыли“, — если брать это слово в том чисто количественном смысле, о котором говорит М. Иоффе, в условиях советского хозяйства.

Если бы дело шло только о терминах, как думает Иоффе, то, разумеется, нельзя было бы возражать против того, чтобы использовать марксовский термин „прибыли“ и „нормы прибыли“ в условном расширительном смысле, со всеми необходимыми для этого оговорками, — хотя это имеет свои общественные неудобства. И для доказательства правомерности такого обращения с терминологией вовсе не надо было бы тратить так много слов (а у Иоффе этому посвящены целые страницы). Ошибка, по нашему мнению, состоит в другом — в самой постановке вопроса о тенденции нормы прибыли к понижению в условиях советского хозяйства. Норма прибыли с капиталистической точки зрения есть отношение прибавочной стоимости к авансированному капиталу, который включает в себе и средства существования рабочих — зарплату, т.е.

отношение $\frac{m}{c+v}$. Но заработная плата может быть причислена к издержкам производства только в таком общественном строе, где собственник орудий производства и производительный работник — два разных лица, представители двух разных классов, где не производство служит для удовлетворения потребностей производителя, а потребление производителя служит интересам производства наряду с сырьем, машинами и т. д. Капиталист относит свою прибыль ко всему затраченному капиталу потому, что между постоянным и переменным капиталом с его точки зрения нет никакого различия. Но дело коренным образом меняется с того момента, когда производитель соединяется с орудием своего труда, когда рабочий класс овладевает производственным аппаратом, когда объект хозяйства становится его субъектом, товар превращается в человека. Только традиция может в этой обстановке побудить к измерению рентабельности общественного хозяйства формулой $\frac{m}{c+v}$, которая потеряла вся-

кий смысл. Для капиталиста, так же как и для всего класса капиталистов, эта формула представляет собою основную движущую силу процесса производства, ибо весь его интерес заключается в стоимостном приращении капитала. Для планомерно-организованного хозяйства это количественное отношение представляет наименьший интерес. Вернее говоря, общественный интерес здесь прямо противоположен капиталистическому; стоимость есть трудовая затрата, трудовая затрата есть жертва. Поэтому всякое приращение стоимости общественного „капитала“ (взятого в материально-техническом смысле) есть не что иное, как увеличение трудовых затрат общества для поддержания соответствующего уровня продукции, есть минус, а не плюс. Рассуждая абстрактно, можно сказать, что прямой интерес общества, поскольку оно сознательно „воспроизводит свою жизнь“, состоит в неуклонном уменьшении стоимостного прироста капитала, в низведении нормы прибыли даже до отрицательной величины, т.е. в таком увеличении производительной способности орудий производства, при которой все меньшая и меньшая затрата труда на воспроизводство производительного капитала сопровождалась бы все большим и большим ростом продукции предметов потребления, представляющих конечную цель хозяйства. Но, разумеется, такая гипотетическая схема развития нереальна: она взята нами только для того, чтобы еще резче подчеркнуть разницу между капиталистическим и социалистическим отношением к вопросу.

С капиталистической точки зрения издержками производства являются $c+v$. С рабочей точки зрения такими издержками являются $c+v+m$, т.е. вся совокупность мертвого и живого труда, затраченного в течение производственного периода. Поэтому совершенно напрасно было бы в условиях планомерно-организованного социалистического хозяйства искать какого-либо стоимостного избытка над издержками, как мерила рентабельности. Такого избытка нет. Он существует только в капиталистическом сознании, ибо капиталист считает издержками производства то, во что производство обходится ему, а не рабочему. Мерилом рентабельности „с социалистической точки зрения“ может быть только сравнение затраченного труда с достигнутыми результатами, что нельзя осуществить, не учитывая продукцию в ее натуральной форме. С точки же зрения баланса труда работников организованного хозяйства должно интересоваться прежде всего отношение $\frac{m+v}{c}$, а не $\frac{m}{c+v}$, при чем интерес общественного хозяйства состоит в том, чтобы свести это отношение к минимуму, т.е. чтобы наибольшую роль в производстве играл мертвый механизм, а не живой труд. Интересы капиталистического общества состоят, наоборот, в том, чтобы довести отношение $\frac{m}{c+v}$, норму прибыли, до максимума. Что ка-

сается отношения накапливаемой доли чистой годовой продукции к потребляемой доле, т.е. отношения $\frac{m}{v}$, то с точки зрения организованный хозяйства оно само по себе безразлично, если брать его в стоимостном смысле. Уделяется ли большое количество труда для „будущего“ производства или производства предметов потребления в настоящем, — это решается в зависимости от достигнутой ступени технического прогресса и отношения производительности труда в том и другом подразделении.

Таким образом, поставив в центре своего внимания вопрос о движении нормы прибыли на весь общественный капитал в условиях советской экономики или, как он выражается, народной чистой прибыли, М. В. Иоффе тем самым вульгарно отождествляет значение этой величины при капитализме, где она решает все, с ее значением в наших условиях, где она абсолютно ничего не решает. Вместе с изменением социального смысла этой категории изменяются или, вернее говоря, исчезают ее функции. Упражнения над этой нормой, как над простой бескачественной величиной, теряют поэтому свой экономический смысл и превращаются в обыкновенную арифметическую работу над свойствами чисел, как таковых.

Числовые упражнения фактически и составляют добрую половину работы автора.

Все сказанное здесь относится к той постановке вопроса, которая исходит из баланса народного хозяйства, взятого в целом. В этом отношении упражнения над нормой прибыли ничего не дают. Норма прибыли есть „частно-хозяйственная“ или „междухозяйственная“ категория, хотя ее уровень определяется соотношениями элементов хозяйства, взятых в масштабе общественного целого. В этом „частно-хозяйственном“ смысле, как измеритель хозяйственной рациональности отдельных предприятий или их объединений, или даже целых отраслей, она сохраняет свое значение, сильно модифицированное и в наших советских условиях. Если бы автор ставил себе задачу в этом разрезе, она могла бы еще быть теоретически оправдана. Правда, в отношении изолированных хозяйственных объединений или единиц преимущественный интерес должен состоять не в исследовании движения абсолютной величины нормы прибыли, а отношения этой нормы к среднему уровню, величина которого, с точки зрения всего общественного хозяйства, вовсе не является руководящим регулятором. Тем менее, приемлем тот „универсальный“ подход к проблеме, который мы находим в статье Иоффе. Но попробуем отвлечься от этой теоретической путаницы и разобраться в вопросе по существу.

Переходя к тем закономерностям, которые М. В. Иоффе устанавливает в отношении капиталистического хозяйства, мы должны, прежде всего высказать серьезные сомнения по поводу попытки

автора дать новое обоснование закона повышения органического состава капитала. М. В. Иоффе так формулирует проблему: „Что касается физического объема постоянного капитала, приходящегося на единицу живого труда, то его рост есть очевидное и непосредственное выражение роста производительной силы общественного труда. Доказывать необходимость этого роста значило бы ломиться в открытую дверь. Иное дело — увеличение постоянного капитала, приходящегося на единицу живого труда, по стоимости. Этот пункт требует доказательства, ибо рост физического объема постоянного капитала всегда протекает при одновременном удешевлении отдельных его элементов, так что, рассуждая отвлеченно, стоимость его на единицу живого труда может при этом остаться неизменной и даже понизиться. Итак, прав ли Маркс?“ И далее, М. В. Иоффе доказывает, что Маркс прав. Но при помощи таких соображений, которые вряд ли способствуют укреплению марксистской теории. Он полагает, что основной причиной относительного роста стоимости постоянного капитала, — поскольку речь идет об оборотной его части, является более медленный темп роста производительности труда в отраслях, производящих составные части оборотного капитала — сырье, топливо, вспомогательные материалы, по сравнению с ростом производительности труда в обрабатывающей промышленности. Такое различие темпов вытекает из стихийного характера капиталистического хозяйства, которое не оказывает сознательного противодействия ухудшающимся естественным условиям в отраслях добычи сырья и пр. Что касается основного капитала, то и здесь производительность труда возрастала сравнительно медленно, в виду того, что элементы основного капитала тесно связаны с добывающей промышленностью и что в их производстве значительную роль еще играет живая рабочая сила, стоимость которой понижается медленнее, чем развивается общественная производительность труда. Такова вкратце схема М. В. Иоффе.

Если бы эта теория была правильной, то пришлось бы совершенно иначе формулировать самый закон повышения органического состава капитала и вытекающую из него тенденцию к понижению нормы прибыли. По Марксу этот закон и эта тенденция представляют собою специфически-капиталистическое выражение роста производительности общественного труда. По М. В. Иоффе это звучит несколько иначе: повышение органического состава общественного капитала есть следствие неравномерного движения производительности труда в разных отраслях народного хозяйства. Больше того, исходя из схемы Иоффе, можно было бы с таким же успехом доказать, что органический состав капитала должен неуклонно повышаться и при понижении производительности общественного труда, если только это понижение совершается неравномерно в разных отраслях. В самом деле: пусть производительность труда в отраслях, производящих элементы постоянного капитала, снижается ежегодно на 10%,

а производительность труда в обрабатывающей промышленности на 5%. Тогда, очевидно, параллельно с сокращением физических объемов продукции стоимость постоянного капитала будет относительно возрастать, т.е. органический состав капитала будет повышаться, и в соответствии с этим будет происходить понижение нормы прибыли. Подобная теория находилась бы в полной гармонии... но только не с учением Маркса, а с учением классиков, которые понижение нормы прибыли пытались объяснить именно понижением производительности труда, законом убывающего плодородия почвы и т. п. естественными причинами. Рикардо, например, прямо выводил этот закон из условий производства в добывающей промышленности, в земледелии и пр. Идя в одну комнату, М. В. Иоффе попадает, таким образом, совершенно в другую. Его объяснение неприемлемо уже по той причине, что в такой формулировке закон повышения органического состава капитала перестает быть „специфическим“ выражением роста производительности общественного труда: он может выражать с одинаковым успехом и повышение и понижение производительности труда.

Далее, следует отметить, что М. В. Иоффе принимает в данном случае за показатель органического состава капитала отношение постоянного капитала к затраченному живому труду, а не к переменному капиталу, фигурирующему в виде определенной стоимости рабочей силы. Другими словами, он говорит здесь об отношении $c : (v + m)$, а не $c : v$. Хотя между первым и вторым отношением существует известная внутренняя связь, тем не менее это разные вещи. Количество затраченного живого труда непосредственно не связано со стоимостью средств существования рабочих, а переменный капитал есть не что иное, как эта стоимость. Между тем, производительность труда в отраслях, производящих средства существования рабочих, регулируется, повидимому, теми же законами, которые действуют в отраслях, производящих сырье, топливо и прочее, — поскольку речь идет о продуктах сельского хозяйства, например. Таким образом, по крайней мере в одной своей части v имеет тенденцию повышаться в стоимости по тем же причинам, по которым повышается и c . Тут можно попытаться возразить, что другая часть зарплаты состоит из продуктов обрабатывающей промышленности, где производительность растет быстрее всего, и что таким образом недостаточное удешевление предметов потребления земледельческого происхождения компенсируется громадным удешевлением фабрикатов. Это верно, но то же самое соображение можно высказать и в отношении постоянного капитала, известная часть которого тоже состоит из фабрикатов. А с другой стороны, не следует упускать из виду, что снижение стоимости средств существования рабочих сопровождается некоторым увеличением потребления этих средств.

Если бы даже производительность труда изменилась абсолютно одинаковым темпом во всех областях как в производстве сырья

машин, материалов, так и в производстве средств существования, то и в этом случае органический состав капитала должен был бы систематически повышаться. По отношению к основному капиталу, к орудиям производства это совершенно очевидно. Рост производительности в том ведь и состоит, что все меньше труда затрачивается на конечных стадиях производства и все больше — на начальных и промежуточных стадиях. Вот что говорит по этому поводу Маркс: „Возрастающая производительность труда, поскольку она связана с машинами, тождественна с уменьшением массы рабочих в отношении к числу и объему применяемых машин. На место одного простого и дешевого орудия выступает целая коллекция таких орудий, хотя и видоизмененных. А к ней прибавляется еще целая группа машин, которая производит и перемещает для нее энергию, затем материалы, топливо и пр., которые необходимы для производства двигательной силы, например, пара. Наконец, постройки... Степень снашивания машин имеет отношение только к товару, рабочий же противостоит всей совокупности машин, как стоимость капитала, вложенного в труд, к стоимости капитала в машинах. Не подлежит никакому сомнению факт удешевления машин, которое произошло по двум причинам: благодаря применению машин в производстве сырых материалов, из которых состоят машины; благодаря применению машин при превращении этого материала в машины. Но этим сказано только следующее, во-первых, что и в этих обеих отраслях стоимость капитала, вложенного в машины, увеличивается в отношении капитала, вложенного в труд — сравнительно с отраслями производства, инструментами, которые употреблялись при мануфактуре, во-вторых, удешевляется только единичная машина и ее составные части. Но зато развивается система машин... И она содержит элементы, которые не содержались в старом орудии и т. д. Несмотря на удешевление отдельных элементов, колоссально возрастает в цене общая масса машин, и рост производительности состоит в постоянном расширении этой общей массы“.¹

Вот этот решающий момент — передвижка труда с развитием техники и пр. в сторону подготовительных стадий производства, в связи с чем обязательно должна изменяться пропорция между живым и мертвым трудом — не учитывается нашим автором. Его ошибка состоит, во-первых, в том, что он переносит явления, свойственные изолированным отраслям хозяйства, на все народно-хозяйственное целое, во-вторых, в том, что он не связывает динамики основного капитала с динамикой оборотного капитала.

С точки зрения отдельной отрасли производства дело, действительно, обстоит так, что рост постоянного капитала в его оборотной части объясняется относительным вздорожанием его элемен-

¹ См. соответствующее место в т. III „Теории прибавочной стоимости“, стр. 294—295 русского издания.

тов. Если, например, в ткацком производстве по мере увеличения производительности труда растет доля капитала, затрачиваемого на прядильное сырье, то это может быть объяснено исключительно тем обстоятельством, что производительность труда в прядильном производстве отстает от производительности в ткацкой индустрии. То же самое можно сказать и на счет взаимоотношений между прядильной индустрией и хлопководством. Если бы производительность труда росла одинаково повсюду, то в текстильной промышленности, несмотря на рост потребления сырья в смысле физического объема, постоянный капитал — поскольку он определяется затратами на сырье — не должен был бы увеличиваться за счет переменного (предполагая постоянство технических коэффициентов). Но что служит предпосылкой роста производительности в ткацкой индустрии? Увеличение массы и качества применяемого к ней основного капитала, которое обязательно должно сопровождаться и увеличением его стоимости, хотя и в более слабой степени, чем растет масса капитала, даже в том случае, когда в отраслях, производящих основной капитал, производительность растет так же, как и в текстильной промышленности. Пусть производительность труда в металлургии, машиностроении и ткацкой индустрии растет одинаковым темпом, так что одинаково быстро происходит удешевление единицы продукции во всех этих трех отраслях. Сохранится ли в этом случае одинаковое отношение между основным капиталом и переменным в текстильной индустрии? Ни в коем случае, ибо рост производительности в ней предполагает относительное увеличение массы металла и машин, приходящееся на единицу продукции, а следовательно, и соответствующее увеличению доли стоимости представляющей постоянный капитал. То же самое надо сказать и о топливе, потребление которого должно пропорционально расти, быстрее роста производительности в той индустрии, которую оно обслуживает: энергия, доставляемая топливом, потребляется в увеличенном размере не только в непосредственном производственном процессе, но и для внутреннего обслуживания всей системы машин, транспорта и пр., объем которых растет относительно быстрее, чем объем конечной продукции. Наконец, если даже допустить, что между стоимостью пряжи и ткани сохраняется постоянное отношение, так что капитал, затрачиваемый на непосредственное сырье, не увеличивается, то не следует забывать, что сырье нужно и для основного капитала, что оно должно увеличиваться не только количественно быстрее, чем растет масса конечной продукции, но и качественно в смысле увеличения его разнообразия, появления новых видов сырья и пр. Таким образом, общественный оборотный капитал, включающий в себе не только сырье для продуктов непосредственного потребления, но и сырье, материалы и топливо для производства средств производства, должны расти относительно быстрее

даже при том условии, что производительность труда одинаково развивается повсюду. Больше того! Именно равномерный рост производительности был бы в данном случае предпосылкой неравномерного роста постоянного и переменного капитала, взятых в масштабе общественного целого.

Для того чтобы между обоими этими подразделениями общественного капитала сохранялось постоянное отношение, т.е. для того, чтобы органический состав капитала сохранялся на неизменном уровне — требовалось бы неравномерное движение производительности в производстве средств производства и средств потребления, а именно: производительность труда в первом подразделении должна была бы настолько обгонять рост производительности во втором подразделении, насколько рост физического объема средств производства обгоняет рост физического объема средств потребления. Но такая гипотеза представляет собой абсурд, внутреннее противоречие, ибо, как мы уже выяснили раньше, подобное гигантское повышение производительности в первом подразделении должно было бы повлечь за собою такой колоссальный рост объема применяемого здесь основного капитала, который неизбежно вызвал бы дальнейшую передвижку в сторону повышения органического состава всего общественного капитала.

М. В. Иоффе считает, что повышение органического состава общественного капитала не имело бы места, если бы производительность труда в отраслях, добывающих первичное сырье и пр., сравнивалась с производительностью труда в обрабатывающей промышленности. Это утверждение верно только в отношении капитала, вложенного в обрабатывающую промышленность. Разумеется, с удешевлением сырья здесь прошло бы снижение или задержка в повышении органического состава капитала. Но такая задержка была бы куплена ценой еще более быстрого повышения органического состава капитала в добывающей индустрии: ведь для того чтобы обеспечить одинаковый с обрабатывающей промышленностью темп роста производительности, здесь пришлось бы употребить относительно большую долю основного капитала, принимая во внимание противодействие естественных факторов, влияющих в сторону понижения производительности. Если верно, что отставание добывающей промышленности от обрабатывающей есть закон стихийного производства и что организованное общественное хозяйство будет планомерно осуществлять ликвидацию этой отсталости, то такая ликвидация приведет не к понижению органического состава общественного капитала, как думает М. В. Иоффе, а к еще более быстрому его повышению. Таким образом, отпадает один из „законов“, который М. В. Иоффе устанавливает для советской экономики. К подобному „закону“ автора привели две коренные теоретические ошибки, уже отмеченные нами. Во-первых, предположение о том, что рост органического состава капитала

выражает собою не рост производительности общественного труда, а неравномерное движение производительности; во-вторых, неправильное представление о функциях нормы прибыли в условиях переходной экономики, представление о том, будто организованное общественное целое заинтересовано в повышении нормы прибыли и в этих целях будет ставить своей задачей выравнивание производительности труда в добывающей и обрабатывающей промышленности.

В такой же мере надо отвергнуть мнение автора о том, будто в вопросе об эволюции органического состава Маркс придавал решающее значение оборотному, а не основному капиталу. Оборотный капитал Маркс выдвигал на первое место там, где речь шла об изолированных отраслях (хлопок — пряжа — ткань). И здесь же он попутно говорит о разном темпе роста производительности. Там, где он анализирует движение всего общественного капитала, он выдвигает на первое место именно основной капитал. С другой стороны, было бы чистейшей метафизикой, если бы мы пытались в масштабе общественного целого отделить китайской стеной основной и оборотный капиталы. Они не только существуют рядом, но переплетаются между собой, взаимно обуславливают движение друг друга. Рост основного капитала есть в то же время и рост оборотного, и притом в двух смыслах: во-первых, должна увеличиваться добыча сырья, топлива и пр. элементов, служащих для производства основного капитала. Во-вторых, та часть основного капитала, которая ежегодно снашивается, а она растет вместе с ростом всего капитала, — фигурирует в общественном производстве, как оборотный капитал. Таким образом, совершенно нелепа попытка противопоставить их друг другу в том отношении, в котором это делает М. В. Иоффе.

Количественный анализ тенденции нормы прибыли при капитализме изложен автором весьма туманно и неуклюже с точки зрения чисто математических приемов (обозначение разных величин с помощью одних и тех же символов, например, m' выражает у автора, с одной стороны, долю прибавочной стоимости в каждой сотне общественного капитала, с другой стороны — отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу, $ж$ — представляет одновременно и единицы труда и единицы стоимости, и т. д.). Рабочая сила и живой труд приводят у автора в движение не постоянный капитал, фигурирующий в средствах производства, а весь общественный капитал, куда включаются и средства существования. За этой путаницей довольно трудно уловить общий ход мыслей автора, который представляется нам в следующем виде.

Прежде всего, автор заменяет марксову формулу нормы прибыли — $\frac{P}{K} = 100$ путем целого ряда, довольно не сложных, впрочем, ма-

нипуляций „развернутой“ формулой: $p'(\text{норма прибыли}) = (1 - z') \frac{v' h}{z'}$,

где 1 представляет собой единицу затраченного живого труда, z' — стоимость рабочей силы на единицу живого труда, v' — переменный капитал, приходящийся на 100 единиц общественного капитала, h — число оборотов этого переменного капитала, $v' h$ — стоимость всей рабочей силы, израсходованной в течение года на сто единиц общественного капитала (включая и средства существования, $\frac{v' h}{z'}$ — общую сумму живого труда, затраченного в течение года на

сто единиц того же капитала. Это разложение первоначальной формулы понадобилось автору для того, чтобы в расчлененном виде разобрать взаимозависимости названных величин. Однако, все то „новое“, которое ему удастся установить при помощи развернутой формулы, состоит в демонстрации связи нормы прибыли с числом оборотов переменного капитала, который у Маркса не выделен особо. Но эти выводы можно легко сделать и без математических упражнений. Все остальное (а М. В. Иоффе насчитывает целых девять пунктов, выражающих внутренние зависимости величин) гораздо проще можно вывести из первоначальной формулы, данной в „Капитале“. Но помимо внутренних зависимостей автор устанавливает также и числовые тенденции. Прежде всего — тенденцию движения нормы прибавочной стоимости при разной стоимости рабочей силы. Здесь оказывается, что, во-первых, прибавочная стоимость (на единицу труда) растет тем более, чем меньше ее величина и чем больше стоимость рабочей силы. Во-вторых, норма прибавочной стоимости растет быстрее, чем ее абсолютная величина (этим, чисто арифметическим выводам автор придает „огромное практическое значение“). Так как на начальных ступенях развития капитализма стоимость рабочей силы относительно велика, а прибавочная стоимость относительно мала, то уже отсюда следует, что наибольшие тенденции к росту прибавочной стоимости имеет на начальных ступенях развития, ибо всякое удешевление рабочей силы вызывает значительно большее увеличение прибавочной стоимости, а тем более ее нормы. На высших ступенях капитализма происходит обратное. Далее, такая же арифметическая зависимость существует между величинами c и v . Они изменяются в разных темпах: когда c меньше половины, то увеличение c вызывает сравнительно более медленный темп уменьшения v , потом темпы выравниваются, затем, когда c начинает превышать половину размеров капитала, v падает быстрее, чем растет c , и, наконец, когда c приближается к 100, происходит опять замедление темпа движения обеих величин вверх и вниз. „ v “, таким образом, движется диалектически: сначала убывает медленнее, чем растет производительная сила общественного труда, потом быстрее, потом опять медленнее. Число оборотов переменного капитала — h — автор склонен принять

за постоянную величину на всем протяжении капиталистического развития, полагая, что противоположные тенденции, ускоряющие и замедляющие оборот, уравнивают друг друга.

Стоимость рабочей силы на единицу живого труда — z' изменяется диалектически: вначале она снижается несколько быстрее роста производительности общественного труда (т.е. понижается реальная зарплата), затем темпы выравниваются, затем в периоды хозяйственного оживления темп снижения несколько отстает от роста производительности (рост реальной зарплат), наконец, в период загнивающего капитализма он снова начинает обгонять рост производительности.

Установив движение составных элементов формулы, легко проследить, таким образом, общие тенденции той величины, которая выражается формулой в целом, а также ее комбинированными частями.

Норма прибыли определяется движением двух множителей, из которых один ($1 - z'$) выражает собою абсолютную величину прибавочной стоимости на единицу живого труда, а другой $\frac{v'h}{z'}$ — количество живого труда, приходящегося на каждую сотню общественного капитала. Первый множитель на заре капитализма растет быстрее роста производительности общественного труда (принимая во внимание то, что сказано относительно z'), затем темпы выравниваются, потом он начинает отставать от роста производительной силы труда, а в последний момент разлагающегося капитализма опять проявляет тенденцию ускорять свой рост.

Второй множитель — $\frac{v'h}{z'}$ с развитием капитализма должен постепенно убывать, принимая во внимание, что h остается постоянным, — v' , как правило, при капитализме снижается быстрее, чем растет производительная сила труда, а z' — в общем и целом снижается в том же темпе и даже медленнее, чем растет общественная производительная сила труда. При этом скорость снижения должна все более обгонять темп прироста производительной силы общественного труда.

Если из двух множителей один растет, а другой падает, то изменение произведения будет зависеть от относительных темпов роста и падения. В общем и целом норма прибыли принимает колебательный характер, при чем на ранних ступенях развития капитализма побеждает тенденция к росту, а в дальнейшем — тенденция к падению. Тем не менее, М. В. Иоффе придает в согласии с Марксом решающее значение второй тенденции, так как эпоха, при которой возможен рост нормы прибыли, характеризуется чрезвычайно низким органическим составом капитала, который не может быть типичен для капитализма.

По поводу этих закономерностей мы должны заметить следующее. Сам автор говорит, что это схематическое изображение

процесса движения нормы прибыли, при котором не приняты в расчет все противодействующие тенденции, отмеченные Марксом (внешняя торговля, удешевление элементов постоянного капитала, повышение степени эксплуатации труда и пр., и пр.). Вместе с тем, он считает возможным на основе этой схемы наметить особенности движения нормы прибыли в условиях советской экономики в течение ближайших 10—15 лет. Но ведь такая попытка требует исследования вопроса во всей его конкретности, а не схематически. Схема годится для длительных периодов, она действует „in the long run“, как говорят англичане. Для коротких периодов она недействительна, и притом по двум причинам: во-первых, те основные тенденции изменения составных величин формулы, которые влияют на норму прибыли, сохраняя свое значение для длительных периодов, могут на коротких отрезках времени не проявиться вовсе, поскольку вообще процесс этих изменений совершается медленно (например, изменение нормы прибавочной стоимости, органического состава капитала и пр.); во-вторых, хотя противодействующие обстоятельства представляют собою второстепенные влияния по сравнению с основной тенденцией, но на протяжении конкретно-исторических отрезков времени они могут получить временное преобладание, и тенденция к снижению нормы прибыли может смениться тенденцией к ее повышению даже на высших ступенях развития капитализма. Эту возможность отмечал и Маркс. Игнорирование этих обстоятельств совершенно обесценивает попытку противопоставления советской капиталистической экономики в ближайший исторический период. Совершенно невозможно, например, игнорировать в отношении новейшего капитализма влияние монополии, повышение эксплуатации труда наряду со снижением зарплат, всестороннюю рационализацию производства и обращения, которую проводит современный капитализм, разумеется в доступных ему размерах, взаимоотношения империалистических и колониальных стран и т. д. Достаточно одного примера для иллюстрации нашей мысли. Всем известно, что производительный аппарат современной капиталистической индустрии превышает больше, чем когда бы то ни было возможности действительного производства, вследствие понижения покупательной способности, сокращения рынков сбыта и пр. Эта недогрузка производственного аппарата ведет за собою повышение издержек производства, снижение производительности и пр. Если бы капитализму удалось на ближайший период частично разрешить проблему рынков (радикальное решение этой проблемы, конечно, утопия при капитализме), то это привело бы к громадному росту производства и производительности труда на основе понижения, а не повышения органического состава капитала (увеличилось бы количество занятых рабочих при данных размерах основного капитала) а это дало бы временное преобладание второстепенной тенденции

к повышению нормы прибыли. Вообще, при рассмотрении коротких периодов нельзя отвлекаться от конъюнктурных колебаний, смысл которых в том именно и состоит, что периоды снижения нормы прибыли сменяются периодами ее повышения, при чем, разумеется, сохраняется действие основной тенденции. Обращаясь непосредственно к схематическим положениям автора, необходимо прежде всего указать на необоснованность его попытки исключить из капиталистической эпохи тот период, при котором органический состав общественного капитала характеризовался пропорцией $c:v=1$ или ниже. М. В. Иоффе считает, что при таком составе общественного капитала невозможно еще господство капиталистических отношений. Исключение этого периода нужно автору для того чтобы доказать, что на протяжении всей эпохи капитализма преобладает тенденция к снижению нормы прибыли. Однако, здесь автор стал просто жертвой своей „количественной“ теории. Он берет в расчет состав всего общественного капитала, в который включается и крестьянское и ремесленно-кустарное хозяйство, где состав „капитала“ значительно ниже среднего уровня. А это значит, что капитал капиталистических предприятий имеет в эту эпоху значительно более высокий состав. Средняя величина затушевывает в данном случае действительную картину. Несмотря на более высокий органический состав, капиталы этих предприятий могут приносить и действительно приносят более высокую норму прибыли, чем „капитал“ низкого состава крестьянского ремесленного производства, главным образом, благодаря так называемому не эквивалентному обмену с некапиталистической средой, который совершенно игнорируется автором. Вместе с тенденцией к более быстрому — на ранних ступенях капитализма — росту нормы прибавочной стоимости, извлекаемой из непосредственно эксплуатируемых рабочих, это приводит к росту нормы прибыли на капитал. Отрицать господство капиталистических отношений для этой эпохи было бы по меньшей мере неосторожно. Идя таким путем, можно было бы ведь отрицать господство капитализма в современном мировом хозяйстве, ибо средний состав всего мирового общественного капитала безусловно ниже единицы. В отношении к этому раннему периоду автор делает еще одну ошибку противоположного свойства. Отрицая за ним капиталистический характер, он вместе с тем переносит на все общественное хозяйство того времени закономерности, свойственные исключительно капитализму. Он полагает, что взаимоотношения между постоянным и переменным „капиталом“, между стоимостью рабочей силы и количеством живого труда и проч. складываются в масштабе общественного целого именно так, как это свойственно капитализму: быстро растет прибавочная стоимость, стоимость рабочей силы снижается быстрее, чем растет производительность общественного труда, и т. д. В условиях мелкого производства вряд ли можно с такой категоричностью устанавливать такие законы.

По отношению к развитой капиталистической эпохе автор делает ошибку другого рода. Он полагает, что оборот переменного капитала остается более или менее постоянным. Это не оправдывается фактами и не доказано теоретически. Основная тенденция — ускорение оборотов переменного капитала: она вытекает из усовершенствования условий производства и транспорта. Противодействующая тенденция вытекает из процессов обращения, которые в конечном счете подчиняются производственной сфере: рост расстояний перекрывается развитием транспорта, рост товарных запасов — ускорением процесса их производства и т. д.

Пустопорожним „арифметизмом“ является попытка автора установить цифровые пределы капитализма: он полагает, что капитализм начинается при $c=50\%$ общественного капитала и кончается при $c=70-90\%$. Мы уже показали несерьезность первого положения. Опыт нашей революции, положивший конец капитализму задолго до достижения последним положенного ему автором предела, — убедительно свидетельствует против второго положения. В общем ничто не может сильнее скомпрометировать математический метод, который при осторожном применении дает богатейшие результаты, чем эти вульгарные попытки использовать его для всеобъемлющих социологических построений и пророчеств.

Автор уделяет очень много внимания сравнительному последованию темпов движения основных величин. Все выводы формулированы им в относительных выражениях: основным мерилом он выбирает движение производительности общественного труда и изменения остальных величин сравниваются с изменением производительности. Но все, что можно сказать после длительных и утомительных соображений, сводится только к весьма неопределенному выражению „больше“ или „меньше“, без точного указания меры этих количественных различий. С другой стороны — не исследовано движение самой производительной силы труда и даже не дано сколько-нибудь серьезное определение этой сложной категории, — а ведь от нее все зависит. Как же можно при таких неопределенных в арифметическом смысле выводах давать категорические прогнозы: капитализм кончается при $c=90\%$? Эта сплошная вульгаризация и компрометация теории.

Большинство математических упражнений автора имеют только математическую внешность, сводясь фактически к чисто произвольным прикидкам „на-глаз“. Так, например, зависимость движения c' от производительности труда оказывается вообще неопределенной; движение v' построено на соображениях большей или меньшей вероятности и т. д. По существу все это можно было бы сделать гораздо легче без формул. В частности, автор уделяет очень много места доказательству того, что с ростом производительной силы общественного труда отношение живого труда к каждой сотне общественного капитала ($c+v$) должно прогрессивно убывать. В такой

формулировке этот закон представляет собою только слегка видоизмененную перефразировку закона возрастания органического состава капитала. Попытка же выяснить соотносительность темпов движения живого труда и производительности труда лишена всякой убедительности, тем более, что М. В. Иоффе совершенно не принимает в расчет таких вещей, как повышение интенсивности труда, удлинение рабочего дня и проч. обстоятельства, которые, ведь, имеют некоторое отношение к количеству живого труда, всасываемого капиталом.

Об особенностях движения нормы прибыли в советских условиях М. В. Иоффе говорит очень кратко, а так как мы выяснили ошибочность его взглядов в общей части, то мы и здесь можем ограничиться еще более короткими замечаниями. М. В. Иоффе считает, во-первых, что и в советских условиях сохраняется общая тенденция к снижению нормы прибыли, которая имеет преобладание над противодействующими тенденциями, в частности, благодаря тому, что ей не оказывает противодействия повышение нормы прибавочной стоимости, свойственное капитализму. Однако, он полагает, во-первых, что снижение нормы прибыли будет у нас совершаться медленнее, чем при капитализме, по следующим причинам: 1) Благодаря сознательному регулированию хозяйства у нас будет уменьшаться расстояние, отделяющее темп роста производительности в добывающей и обрабатывающей промышленности. Это должно вести к относительному удешевлению элементов оборотного капитала и, следовательно, задерживать повышение органического состава капитала. 2) Благодаря устранению конкуренции, сбытовых затруднений и пр. у нас ускоряется оборот, уменьшаются размеры запасов, а это также ведет к уменьшению размеров оборотной части общественного капитала, соответственно отражаясь и на органическом составе. 3) Плановое хозяйство позволяет лучше использовать наличный и вновь строящийся основной капитал, так что одинаковый с капитализмом уровень производительности может быть у нас достигнут при меньшем объеме основного капитала. Всем этим тенденциям противодействуют, помимо указанной уже нами тенденции к сохранению в ближайшие 10—15 лет постоянства нормы прибавочной стоимости, еще наличие распыленного крестьянского хозяйства со слабым коэффициентом использования основного капитала, а также усиленная индустриализация страны, которая сопровождается именно в ближайший период крупными вложениями в основной капитал. В общем балансе, по мнению Иоффе, у нас перевешивают те факторы, которые вызовут замедление темпа снижения нормы прибыли сравнительно с капитализмом.

Из приведенных доводов, прежде всего, необходимо отбросить утверждение о том, что увеличение производительности труда в добывающей индустрии может способствовать снижению органического состава капитала и повышению нормы прибыли. Оно не может

этого сделать по тем же причинам, по которым при капитализме неравномерность роста производительности вовсе не есть причина понижения нормы прибыли на общественный капитал. Мы подробно выяснили этот вопрос в другом месте. С другой стороны, требуется еще доказать, что экономический интерес планового хозяйства диктует нам на ближайшем отрезке времени сосредоточие усилий и средств именно в этом направлении. Для нашей экономики не менее настоятельной задачей в данное время является необходимость повышения производительности труда и в обрабатывающей промышленности, продукты которой устанавливают непосредственную связь нашей индустрии с деревней. Далее, при всей правильности соображений о свойственных нашей системе преимуществах в отношении экономии на оборотном и основном капитале автором упущено очень важное обстоятельство, которое обуславливает тенденцию к усилению удельного веса основного капитала, вообще „техники“ в широком смысле слова, по сравнению с капитализмом в нашем хозяйстве. В основном это вытекает из иного типа отношений между работниками и общественными орудиями труда — с одной стороны, и из иной формы организации производства — с другой стороны. Мы знаем, что эксплуатация труда — высокая норма прибавочной стоимости и ее повышение — не только арифметически, так сказать, задерживает темп снижения нормы прибыли, но и оказывает прямое задерживающее влияние на рост органического состава капитала, делая невыгодным применение машин дальше известных пределов. Известно, что степень распространения машин при капитализме находится в обратном отношении к уровню эксплуатации рабочих и норме прибавочной стоимости. Эта важная экономическая взаимозависимость величин упущена автором, который ограничивается исключительно количественной стороной дела — поэтому он проходит мимо нее и при анализе советских условий. Между тем, именно в наших условиях этот закон должен менять свое значение. Во-первых, сама норма прибавочной стоимости у нас должна быть меньше, чем при капитализме, и обнаруживать скорее тенденцию к уменьшению, чем к увеличению. Это само по себе должно вести к расширению сферы приложения машин, т.-е. к росту основного капитала. Во-вторых, техника должна получить у нас более широкое распространение и независимо от величины нормы прибавочной стоимости, благодаря тому, что все отрасли промышленности сосредоточены в одних руках. Последний пункт требует раз'яснения. Особенность капиталистического подхода к техническим вопросам вытекает не только из классовых отношений между капиталистом и рабочим. Другой причиной, вызывающей специфическую оценку технических средств, является раздробленность процесса производства между самостоятельными предприятиями, в результате которой средства производства, машины и пр. превращаются в товар, должны быть куплены, чтобы получить

применение в другом предприятии. Покупая машину, капиталист оплачивает ее по полной стоимости. „Покупая труд“, он оплачивает только стоимость рабочей силы, которая всегда меньше, чем стоимость, созданная рабочей силой в действии, т.е. трудом рабочего. Отсюда „раздвоенность“ расчетов. Машина оценивается по полному количеству заключенного в ней труда, затрата живого труда—только по издержкам на рабочую силу. Если машиностроение находится в руках того же предпринимателя, который применяет машины, то эта двойственность исчезает, ибо затраты труда на машину оплачиваются тогда не по полной стоимости, создаваемой трудом, стоимости рабочей силы. Таким образом, установка одной и той же машины может оказаться хозяйственно выгодной, если машина производится в пределах капитала комбината, потребляющего ее, как орудие производства, и невыгодной, если ее приходится приобретать во внешней хозяйственной сфере. То, что верно для комбината, еще более верно для ВСНХ, который распоряжается как производством машин, так и их применением.

Из этих соображений, которые можно было бы в другом месте развить подробнее, следует, что нашей экономической системе, поскольку речь идет о планомерно-организованной ее части, свойственна тенденция к более быстрому повышению удельного веса основного капитала, чем это было бы возможно при капитализме. В какой мере она перекрывается более экономным и рациональным использованием основного капитала—об этом трудно сказать что-либо определенное.

Наконец, если принять во внимание, что органический состав капитала у нас находится на более низком уровне, чем в капиталистических странах и что чем ниже уровень, тем быстрее совершаются изменения, но и с этой стороны приходится ожидать более быстрого повышения органического состава капитала у нас, чем в соседних с нами капиталистических странах.

В общем и целом можно так характеризовать выводы автора: 1) он, несомненно, переоценил тенденции нормы прибыли к понижению в капиталистических условиях (в чем он признается в конце); 2) он недооценил ту же тенденцию в условиях советской экономики; 3) поэтому его основное заключение о том, что у нас норма прибыли будет понижаться медленнее, чем при капитализме, надо считать не верным. Понижение нормы прибыли есть специфическая форма выражения роста производительности общественного труда. Поэтому норма прибыли должна обнаруживать у нас более ярко выраженную тенденцию к падению, чем при капитализме, разумеется, при том условии, если нам удастся обеспечить более быстрый рост производительности труда. Все сказанное здесь характеризует, конечно, только главные линии движения, не касаясь всевозможных пересекающихся, перекрещивающихся, взаимно компенсирующих друг друга движений, анализ которых потребовал бы совершенно самостоятельного исследования.

Протекционистские уклоны в послевоенной торговой политике капиталистических стран

Несмотря на утверждения капиталистической печати, несомненно, что в послевоенные годы экономические противоречия между различными государствами не только не ослабли, но, наоборот, приобрели значительно более острый характер. Это обостряющееся противоречие интересов находит свое выражение не только в той невероятно ожесточенной борьбе, которую ведут наиболее крупные и индустриализированные капиталистические державы за те или иные мировые рынки для сбыта своей продукции, но и в том остром протекционизме, который красной нитью проходит через всю послевоенную торговую политику большинства буржуазных государств. В виду этого представляется целесообразным и актуальным остановиться вкратце на послевоенном протекционизме и попытаться показать те сдвиги, которые были произведены протекционистской идеологией в послевоенной торговой политике старых и вновь образовавшихся государств. Оговорим при этом, что мы не претендуем на исчерпывающий анализ и полноту, ограничиваясь лишь выявлением наиболее характерных фактов, штрихов и тенденций. Начнем с Англии.

1. Эволюция английской таможенной политики

Одним из наиболее характерных последствий империалистической войны являются безусловно те сдвиги, которые произошли в торговой политике Великобритании.

Являясь до самого последнего времени крупнейшим экспортером фабричных товаров и не менее крупным импортером пищевых продуктов, эта мировая капиталистическая держава была всегда той страной, где, как выражаются буржуазные экономисты, „традиции свободного товарообмена пустили наиболее глубокие корни“. Правда, эти же экономисты не скрывают, что чрезвычайные, об'ективные обстоятельства не раз вынуждали Англию делать те или иные „временные отступления“ от принципов свободного товарооборота, но, в общем и целом, Великобритания оставалась верной своей традиционной доктрине в области внешней торговли.

Не углубляясь в историю торговой политики Англии и оставляя в стороне относительно давнишнюю протекционистскую кампанию старика Чемберлена, нельзя все же не указать, что еще сравнительно недавно, а именно в сентябре 1915 года, Мак-Кена ввел ряд пошлин (названных его именем) на целую группу товаров, как-то: автомобили, часы и будильники, музыкальные инструменты, фильмы и т. д. Но эти тарифы, кстати весьма высокие, преследовали, как указывал сам автор этих пошлин, цель не столько защищать английскую промышленность от иностранной

конкуренции, сколько ограничить непроизводительные затраты на роскошь, которые в военный период могли бы иметь тяжелые последствия для экономики воюющей страны.

После окончания мировой войны в Англии делались кое-какие попытки возвратиться к традиционному режиму свободного товарообмена.

Однако, Англия, как, между прочим, и все остальные европейские капиталистические державы, принимавшие участие в империалистической войне, вступила, вскоре после окончания последней, в полосу сильного экономического кризиса, расшатавшего не только народное хозяйство страны, но и сильно затронувшего государственные финансы, а также поколебавшего устойчивость национальной валюты. Из нашей печати уже известны те невероятные усилия, которые прилагала впоследствии Англия к стабилизации фунта стерлингов, при чем надо указать, что стабилизировать фунт на уровне золотого паритета удалось лишь в 1924 году. Экономические последствия этой внезапной валоризации не заставили себя долго ждать. В частности, следует отметить, что внутренний английский рынок стал наводняться иностранными фабричными товарами и в особенности товарами стран с низкой или обесцененной валютой, или где себестоимость продукции по целому ряду причин была ниже, нежели в Англии. В то же время реализация английских товаров на внешних рынках начала наталкиваться на большие и все возрастающие затруднения вследствие высокой стоимости этих товаров.

Безработица, свирепствовавшая в стране и до этого, начала принимать грандиозные и угрожающие размеры, что и вынуждало тогдашнее консервативное правительство принять ряд мероприятий в целях предотвращения дальнейшего расширения кризиса. Само собой разумеется, что, как и следовало ожидать, в первую очередь консервативное правительство стремилось отвоевать для английских товаров значительно более крупное место на внутреннем рынке, а затем найти новые внешние рынки сбыта, могущие бы компенсировать те, которые Англия потеряла в странах с низкой валютой.

В целях осуществления этого, отнюдь не нового и оригинального плана, тогдашние руководители экономической политики Великобритании пытались в первую очередь расширить и углубить экономические связи между метрополией и доминионами.

Иллюстрацией этой политики служит решение имперской конференции о введении предпочтительных тарифов, имевших целью создать привилегированный режим для английских товаров при их ввозе в доминионы.

Параллельно этому, в бюджет 1925 года были включены большие суммы, специально предназначенные для расширения всеми доступными методами и силами внешних рынков сбыта для товаров, вырабатываемых в пределах английских владений и для побуждения клиентуры отдавать предпочтение этим английским товарам. Более того, для проведения в жизнь всех этих и аналогичных мероприятий была создана специальная междуимперская комиссия.

Среди мероприятий, осуществленных этой комиссией, видное место занимают усиленное рекламирование английских товаров, обязательный товарный знак, указывающий на английское происхождение товара и т. д., при чем все это сопровождалось сильнейшей агитационной кампанией, в которой принял участие даже сам королевский двор.

„Покупайте лишь английские товары“ — таков был лозунг, который распространял галльский принц во время его поездки в Австралию.

На ряду с этими „психологическими“ методами был осуществлен ряд чисто практических актов. Трудно перечислить все те ограничительные мероприятия, которые были реализованы британским правительством. Однако, в качестве иллюстрации можно назвать наиболее характерные, как-то: запрещение ввоза синтетических красящих веществ, живого скота и т. д.

Одновременно с этим была значительно усилена помощь, оказываемая экспортерам со стороны государства в виде долгосрочных экспортных кредитов, при чем установленная для этих целей сумма составляет на период от 15 июля 1926 г. до сентября 1929 года 20 млн. фунтов стерлингов.

Помимо всего этого была установлена целая система гарантий известных под именем Trade Facilites, которая позволяла фирмам, желающим предпринять работы или передать заказы, получать кредиты на выгодных условиях, если эти заказы или работы в состоянии дать работу английским предприятиям и английской рабочей силе.

Совокупность этих мероприятий получила свое подкрепление во все возрастающем количестве таможенных такс, несмотря на то, что даже многие видные члены консервативной партии опасались окончательного разрыва с традиционными принципами свободного товарообмена.

Наметившееся уже в 1921 году движение нашло свое отражение в бюджете 1925 года в виде целой серии таможенных пошлин, которые пытались иногда представить в качестве необходимых фискальных мероприятий, но которые в действительности имели в виду защитить английскую промышленность от опасной иностранной конкуренции.

Подтверждением этого служит тот факт, что через несколько месяцев за этими таксами последовал так называемый охранительный регламент, который позволяет тем или иным отраслям прибегнуть, после предварительной анкеты, к помощи защитительных прав, если эти отрасли считают свое положение угрожающим из-за иностранной конкуренции.

В то же время, как мы уже указывали, с 1 июля 1925 г., Великобритания восстановила мак-кеновские пошлины. Этими пошлинами, составляющим $33\frac{1}{3}\%$ ad valorem, облагаются автомобили, музыкальные инструменты, часы, фильмы и т. д. Была введена также пошлина в размере от 26% до 40% ad valorem на шелк, в $33\frac{1}{3}\%$ на ножевые изделия, кружева и перчатки, в $17\frac{1}{2}\%$ на картонаж и оберточную бумагу и т. д.

С другой стороны, к некоторым товарам была применена пошлина так называемая Industries Cles. Эта такса, установленная в размере $33\frac{1}{3}\%$ ad valorem, применяется к оптическим стеклам, точным инструментам, ректификаторам для беспроводного телеграфа, к химическим синтетическим товарам (не краскам).

Как видно из изложенного, если английское правительство и „выполнило“ свое обещание не вводить общий защитительный тариф, то, тем не менее, оно прибегло к мероприятиям, имеющим явно протекционистский характер. И сколько бы ни старалось консервативное правительство придать этим мероприятиям временный характер, оно не может скрыть того, что эти мероприятия, тем не менее, были значительно усилены в

1926 году. Охранительный закон был возобновлен 19 августа 1926 года на десятилетний период, а с 1/1 1926 года пошлины на оптические стекла и оптические инструменты были подняты (с 1 мая 1926 года) до 50 % ad valorem, тогда как отдельные части научных инструментов, электроды и т. д. обложены пошлиной в $33\frac{1}{3}$ %. Суммируя все вышеизложенное, приходится констатировать, что Великобритания под давлением последствий, вытекающих из ее валютной политики, должна была отказаться от своего традиционного принципа свободного товарообмена и стать на путь самого неприкрытого капиталистического протекционизма. В этом факте кроется одно из наиболее крупных достижений империалистических группировок и классов Великобритании. По последним сообщениям великобританской печати и специальных органов других европейских стран, протекционистский уклон торговой политики Великобритании принимает все более острый характер, заставляя почти забыть о принципах свободного товарооборота, считавшихся когда-то гордостью английского либерализма и экономической системы Великобритании.

2. Американский протекционизм

В отличие от новой послевоенной таможенной политики Англии, американский протекционизм не является нововведением. Но все же нельзя отрицать того, что в послевоенные годы протекционизм в Соед. Штатах значительно усилился, приняв весьма резкий характер.

Порожденные отчасти благодаря финансовым потребностям, вызванным войной за освобождение, тарифы Мак-Кинлея (1891), Динглея (1897) и закон Пузон-Альдрих (1910) еще до мировой войны значительно усилили протекционистские начала в американской торговой политике.

Специфическое географическое положение заатлантической республики позволяло ей постепенно усиливать свои протекционистские мероприятия, не особенно опасаясь при этом ответных репрессий со стороны заинтересованных держав. Такая политика была тем более возможна для С. Ш., что последние, как известно, ввозят из Европы, главным образом, второстепенные товары, выдерживающие большие пошлины, тогда как старый контингент вывозил из Америки сырье или пищевые продукты, облагаемые в ввозящих странах невысокими пошлинами, а иногда эти продукты ввозятся совершенно беспошлинно. Благодаря всему этому каждый раз, когда Вашингтонское правительство вступало в переговоры с какой-либо державой на предмет заключения торгового договора, оно находилось в значительно более выгодном положении, нежели противная сторона.

И, действительно, как вполне правильно указывает экономическая печать капиталистических стран, начиная с 1910 года, Соед. Штаты применяли в своей торговой и договорной политике так называемую систему „прокламаций“, под которой подразумевается правительственный акт, имеющий целью освободить продукты той страны, которой этот акт касается, от сверхтаксы, которой облагаются товары стран, не получивших такой привилегии. А как известно „прокламация“ разрешается лишь после получения гарантий в том, что получающая такую привилегию данная страна и не будет применять в отношении американских товаров худших условий и что Соед. Штаты будут немедленно получать все преимущества, разрешенные другим странам, т. е. право наиболее благоприятствуемой нации.

Некоторые политические деятели и экономисты рассчитывали, что американский протекционизм несколько смягчится после войны, при чем основанием к такому предположению служили следующие соображения. Во время мировой войны американская промышленность, превратившаяся в крупного поставщика Европы, разбухла, будучи благодаря этому вынуждена ориентироваться на заатлантические рынки. Все симптомы указывали тогда на то, что американская промышленность пожелает сохранить за собой в дальнейшем эти рынки. А для этого она вынуждена будет придать своей торговой политике более глубокий и эластичный характер. С другой стороны, некоторые экономисты допускали мысль, что скопленные в Соед. Штатах запасы золота расплытся путем закупок на внешних рынках, т. е. путем увеличения импорта. Наконец, многие либеральные деятели полагали, что американский протекционизм сделает некоторые уступки тем „высокогуманным и демократическим принципам“, проповедником которых являлся в Европе покойный Вильсон.

В действительности же эволюция американской таможенной политики в послевоенные годы вскоре уничтожила все эти иллюзии и надежды. Президентские послания конгрессу, а также различные мероприятия тарифной комиссии возвестили несомненное усиление протекционизма, несмотря на то, что каждое из этих протекционистских мероприятий сопровождалось обычно трафаретным уверением в преданности Соед. Штатам, принципу „коммерческого равенства“. В переводе на практический язык янки это означало не что иное, как оградить себя от всего остального мира высокой таможенной стеной.

Нет надобности подчеркивать, что эта строго выдержанная протекционистская политика Соед. Штатов знала и некоторые незначительные исключения, но только в отношении таких стран, где этого требовали политические интересы, как, например, Канада или Куба. Но как бы то ни было, несмотря на эти незначительные отступления и на либеральную фразеологию американских дельцов, Соед. Штаты значительно увеличили свои довоенные таможенные тарифы.

Первое увеличение таможенных тарифов было реализовано Emergency Tariff act от 27 мая 1921 г., за которым последовал закон от 21 сентября 1923 г., введший вызвавший столько шума и споров в Европе тариф Фордней Мак Кюмблер. Известно, что этот тариф предоставлял возможность изменять в случае необходимости базисные тарифы некоторых пошлин согласно системы American Valuation. Означенная система заключалась в том, что в таможенных целях принимается во внимание себестоимость импортных товаров в вывозящей стране путем проверки, по мере надобности, деклараций иностранных купцов, на основании их бухгалтерских книг или аналогичных документов. При появлении вышеизложенного закона, в коммерческих сферах полагали, что эта система совершенно противоречащая устоявшимся коммерческой практике и традициям, не сможет получить нормального практического осуществления.

Однако, из печати уже известно, какое широкое применение эта система получила в европейско-американских торговых взаимоотношениях и какую резкую полемику она вызвала на страницах французской, немецкой и английской печати и, наконец, какие затруднения она породила в экспортных операциях этих европейских стран.

Несомненно, что тариф Фордnea является рекордным даже по сравнению с предыдущими протекционистскими тарифами Соед. Штатов.

Согласно этому тарифному закону, повышение, как и уменьшение, таможенных ставок находится всецело в ведении тарифной комиссии и президента, при чем обе эти возможности должны в принципе базироваться лишь на производственной себестоимости импортируемых товаров в том виде, в каком эта себестоимость представляется *American Valuation*. Иначе говоря, учитывая сложность последней, нет возможности ожидать в ближайшем будущем эволюции американской таможенной политики в сторону ослабления того ее резко выраженного протекционистского уклона, который она приняла в послевоенные годы.

Встреченный, в общем, весьма хорошо промышленными и финансовыми кругами Америки тариф Фордnea получил одобрение и со стороны самого бывшего президента Гардинга, который заявил, что закон Фордnea является „наиболее крупным шагом вперед за последний век“ в области тарифной политики Соед. Штатов.

Однако, при практическом проведении в жизнь тариф Фордnea нашел себе много врагов и противников и, в частности, в лице президента тарифной комиссии доктора Тамиса, который, будучи сам убежденным протекционистом, признал все же, что „этот текст является путанным и непонятным и весьма трудно оправдываемым“.

На последних выборах, где протекционистские лозунги играли крупную роль, они все же не вызывали того энтузиазма у избирателей, на который рассчитывали сторонники протекционистской доктрины. При этом необходимо отметить характерное явление, что осторожный и критический подход к протекционистской программе наблюдался больше всего в среде избирателей фермеров, являющихся обычно наиболее яркими сторонниками протекционистской политики.

Тем не менее, протекционистские лозунги и принципы продолжают играть руководящую роль в торговой политике Америки. Подтверждением чего может служить хотя бы тот факт, что в открывшейся уже избирательной кампании высокие таможенные пошлины на иностранные товары обещают быть тем именно боевым пунктом политической платформы, который вызывает меньше всего возражений со стороны двух борющихся за власть политических партий американской буржуазии: республиканской и демократической.

Что это так, подтверждает также недавний таможенный конфликт между Соед. Штатами и Францией.

3. Японский протекционизм

Общеизвестно, что за последние 30—40 лет Япония пережила период необычайно бурного экономического развития, при чем даже страшная катастрофа 1923 года не приостановила этого экономического роста, а лишь несколько замедлила темп его. Для характеристики в нескольких словах экономики Японии следует указать, что территория, пригодная к расселению жителей, составляет 620.000 кв. км, тогда как население Японии превышает уже ныне 77 млн. человек, не говоря уже о ежегодном приросте в 800.000 человек.

Для пропитания такого огромного и методически возрастающего населения Япония объективными условиями была вынуждена вступить на путь мощной индустриальной экспансии.

Но, как известно, в Японии, производящей много шелка, железа и угля, отсутствуют другие сырьевые товары и ресурсы, необходимые для ее промышленности и индустриализации страны, и, в частности, Япония вынуждена покупать за границей шерсть, хлопок, а также большие партии пищевых продуктов. Однако, эту весьма острую сырьевую проблему Японии удалось разрешить более или менее удовлетворительно, при чем чрезвычайная активность ее населения позволила ей создать за сравнительно короткий промежуток времени мощную индустрию, обеспечив последнюю такими рынками сбыта, которые одно время свели дефицит японской внешней торговли до минимума. Иллюстрацией последнего может служить хотя бы тот факт, что в 1925 году импорт достиг суммы в 2.572 млн. иен, тогда как экспорт выразился цифрой в 2.305 млн. иен, что дает, таким образом, незначительный дефицит всего в 267 млн. иен. Для достижения таких результатов и в надежде на улучшение положения в дальнейшем, Япония вынуждена была прибегнуть к различным мероприятиям, которые, невзирая на утверждение японских правительств и японских экономистов, все же носили явно протекционистский характер. Действовавший до самого последнего времени в Японии таможенный закон это тариф 1910/11 года, который, благодаря своему относительно умеренному характеру, позволил Японии завоевать ее таможенную автономию. Инспирированная необходимостью пропуска на ее территорию различных дефицитных сырьевых и пищевых товаров, Япония не имела в ту эпоху никакого интереса в том, чтобы создавать таможенные рогатки и преграды, которые удорожали бы стоимость жизни внутри страны.

Но с тех пор экономические условия сильно изменились. Стоимость товаров значительно повысилась, промышленность достигла в своем развитии небывалых размеров, так что в один прекрасный момент перед Японией выплыла первоочередная проблема о необходимости начать борьбу с затратами японцев на приобретение за границей предметов роскоши. Осуществление этого мероприятия представлялось руководителям японской торговой политики тем более необходимым, что импорт предметов роскоши принял одно время большие размеры, значительно увеличив внешнеторговый дефицит, не говоря уже о том, что ввоз иностранных предметов роскоши мог, по мнению японских правительственных кругов, „привить японцам вкус и стремления к роскоши“. А это последнее должно было неминуемо вызвать требование об увеличении зарплаты и, следовательно, привести косвенным образом к удорожанию стоимости продукции национальной промышленности.

Совокупностью этих фактов и обстоятельств и объясняется то, почему на завтра после принятия Соед. Штатами в 1924 году *Immigration Bill*, имевшего своим последствием задержку внутри Японии значительного количества эмигрантов, не могущих отныне получить доступа в Соед. Штаты, японское правительство решило повысить таможенные тарифы на 100% в отношении 250 предметов роскоши.

Приводимые для объяснения этого мероприятия мотивы, поскольку это видно из выступления тогдашнего министра финансов Хамагуши (кабинет Като), могут быть охарактеризованы так.

Делая предметы роскоши, путем высоких пошлин, недоступными, японцы обойдутся и без них; тогда, как путем сокращения импорта наиболее дорогих и бесполезных предметов, можно уменьшить разницу между импортом и экспортом. Но наряду с этими двумя мотивами существовал и третий, тайный мотив, который заключался в желании защищать национальную индустрию, начавшую уже также выпускать предметы роскоши.

Несколькими месяцами позже протекционистские тенденции токийского правительства получили новое и притом неопровержимое подтверждение.

Мы имеем в виду ту поощрительную политику, которую японское правительство начало проводить активно в отношении целого ряда отраслей национальной промышленности и в особенности закон об «экспортных картелях», вошедший в силу 1 ноября 1925 года.

По существу, этот закон сводился к выдаче субсидий промышленным группировкам и объединениям, при чем для получения таких субвенций эти объединения должны были выполнить целый ряд формальностей.

Конкретно говоря, объединенные фирмы должны были сотрудничать под контролем правительства в выборе их продуктов, в выработке типа и способа упаковки, хранения на складах и транспорта. Кроме того, эти фирмы должны были притти к определенному соглашению в случае необходимости ограничения их продукции насчет улучшения качества последней, принять на себя обязательство о передаче всех спорных дел на рассмотрение арбитражной комиссии, а также быть всегда готовыми к осуществлению мероприятий по снижению расходов, цен и т. д.

И, наконец, эти объединенные фирмы должны были согласиться на контроль разрешаемых им различных привилегий и сотрудничать в совместной организации ярмарок, выставок и т. д. Из всего этого видно что созданные таким путем картели, пользующиеся поддержкой со стороны государства в виде дешевостоящих займов и кредитов, субвенций и различных поощрительных мероприятий, являются, в конечном итоге, не чем иным, как своеобразной формой японского «уэмпинга». Наконец, необходимо отметить, что в 1926 году был опубликован новый таможенный тариф, основные моменты которого могут быть охарактеризованы следующими положениями: 1) уничтожение или значительное уменьшение пошлин на необходимые для японской промышленности сырьевые товары; 2) сокращение пошлин на предметы широкого потребления; 3) повышение такс на некоторые фабричные товары в целях защиты соответствующих отраслей японской промышленности; 4) введение, по возможности, специальных тарифов вместо тарифов *ad valorem* для предотвращения сложных и бесполезных процедур оценки стоимости.

Новый тариф вошел в силу с 1 апреля 1926 года. Поскольку можно судить на основании более годового результата, применение этого тарифа вызвало, с одной стороны, сокращение импорта, а с другой стороны — значительно увеличило, по сравнению с предыдущими годами, цифру таможенных сборов, поступивших в казначейство.

Такова в самом сжатом виде характеристика таможенной политики Японии.

Как мы видели из всего вышеизложенного, эта японская таможенная политика преследует двойную цель: с одной стороны — до-

биться активного внешнеторгового баланса путем сокращения ввоза фабричных товаров и оказания помощи национальной индустрии, а с другой стороны — дать возможность национальной индустрии расширить свой экспорт, что, по мнению японских экономистов, должно дать возможность все возрастающему населению жить и находить применение своего труда на относительно бедной японской земле.

Так или иначе, но факт таков, что Япония углубляет систематически свою протекционистскую политику, хотя нужно подчеркнуть, что этот протекционизм принимает у нее иногда несколько иные формы, нежели в капиталистических странах европейского и американского континентов.

4. Ориентация таможенной политики Чехо-Словакии

Разгром австро-венгерской империи и последовавший вскоре раздел территорий последней на ряд самостоятельных государств — наследников бывшей Австро-Венгрии, внесли сильную пертурбацию в экономическую жизнь и деятельность народов Центральной Европы.

Справедливость, однако, требует отметить, что среди наследников бывшей Австро-Венгрии, Чехо-Словакия оказалась тем государством, которому скорее, нежели другим, удалось не только организовать, но и занять в экономическом отношении одно из первых мест среди государств Центральной Европы.

Правда, такому быстрому темпу восстановления содействовало, несомненно, крайне выгодное географическое положение Чехо-Словакии, а также тот факт, что на территории современной Чехо-Словакии было сконцентрировано до 80% всех промышленных предприятий бывшей австро-венгерской монархии. Тем не менее, из всего этого не следует делать вывода, что вновь образовавшееся государство, как, между прочим, и другие государства, созданные грабительским Версальским договором, восстанавливало свое хозяйство нормально, т.-е. без особых затруднений и препятствий.

Наоборот, восстановительный процесс в Чехо-Словакии протекал весьма болезненно, при чем одной из основных причин последнего являются финансовые проблемы и валютные неурядицы.

Как известно, Пражское правительство порвало 26/II 1919 г. свои финансовые связи с б. Австро-Венгрией путем наложения печати на австрийские бумажные деньги и создания банковского департамента, выполнявшего временно функции эмиссионного банка. Но этим не ограничивались попытки чехо-словацкого правительства валоризировать национальную валюту.

Политика министра финансов Разена базировалась на дефляции, но результаты этой политики начали выявляться лишь в 1922 году, в течение которого курс 100 чешских крон достиг в среднем 12,78 швейцарских франков против 7,25 в 1921 году. С тех пор были сделаны новые усилия проведения к стабилизации курса чешских 100 крон на уровне 3 долларов.

Отметим, что тем временем бумажно-денежное обращение, превышавшее 13 мрд. крон к концу 1921 г., было сокращено до 8 мрд. к концу 1925 г., тогда как гарантийное покрытие банковского департамента в драгоценных металлах и иностранных деvisaх превысило 2 мрд. крон.

Продолжая свою финансовую и восстановительную политику, чехо-словацкое правительство ликвидировало банковский департамент, заменив его на основании декрета от 1 апреля 1926 г. национальным эмиссионным банком Чехо-Словацкой республики, при чем крона была стабилизирована на уровне 2,90—3,03 долл. за 100 бум. крон.

Излишне будет доказывать, что такая жесткая финансовая политика должна была вызвать резкие экономические последствия тем более, что в то время как чехо-словацкое министерство финансов прилагало чрезвычайные усилия к валоризации национальной валюты, Германия усиливала свою инфляционную политику.

Если до войны чехо-словацкая промышленность находила большой сбыт своим товарам на внутренних рынках б. Австро-Венгрии, то после перемирия Чехо-Словакия столкнулась с совершенно новой экономической ситуацией, не говоря уже о том, что другие государства, наследники Австро-Венгрии и соседи Чехо-Словакии, стремясь создать и развить во чтобы то ни стало свою собственную промышленность, дабы тем самым эмансипировать себя от экономической зависимости в отношении других стран, установили у себя явно протекционистскую таможенную политику.

В силу этих сложных обстоятельств Чехо-Словакия вынуждена была уделить много внимания организации своей внешней торговли под контролем государства созданием специального департамента по внешней торговле. Этот департамент объединял в своем аппарате специальную секцию по выдаче лицензий по импорту и экспорту, таможенную организацию и секцию торговой политики.

За сравнительно короткий промежуток времени этот департамент заключил конвенции с наиболее крупными странами и подготовил новый таможенный тариф, проводя в то же время постепенное уничтожение системы лицензий. По утверждению чешских экономистов, вся политика департамента преследовала, якобы, цель предостеречь Чехо-Словакию от крайнего протекционизма, однако, практика показала, что эти намерения и указания департамента внешней торговли не были приняты во внимание.

В 1921 году, т.-е. как раз в начале осуществления ревалоризационной политики, в Чехо-Словакии разразился сильный экономический кризис, вызванный повышением курса кроны, каковое повышение привело к сокращению экспорта и обесценению большого количества готовых товаров, с одной стороны, и к увеличению производственных расходов и, следовательно, себестоимости промышленной продукции — с другой.

Задетые кризисом промышленные предприятия и целые отрасли начали сильно нажимать на правительство, требуя осуществления ряда защитительных мероприятий и высоких пошлин. При этом надо подчеркнуть, что нажим со стороны промышленных магнатов был настолько силен, что тогдашний министр торговли Готвец, известный, как сторонник свободного товарообмена, вынужден был подать в сентябре 1921 года в отставку, лишь бы не подписывать декрет, увеличивающий на много таможенные пошлины на некоторые иностранные товары и, в частности, автомобили, моторы и т. д.

В конце того же года были введены новые дополнительные таксы к старому тарифу, сильно увеличившие последний. Поэтому правы те

пражские органы печати, которые утверждают, что благодаря протекционистскому таможенному режиму и запретительным мерам в области импорта, чехо-словацкие промышленники являются настоящими монополистами на внутреннем рынке.

Если весь таможенный тариф не был до сих пор пересмотрен, то все же новые торговые соглашения были заключены с различными государствами, при чем в большинстве случаев эти соглашения имеют в своей основе принцип наиболее благоприятствуемой нации, каковая политика привела, в конечном итоге, к некоторому смягчению крайне протекционистской политики, проводимой Чехо-Словакией.

Тем не менее, последняя еще не отказалась окончательно до сих пор от системы лицензий. И если последняя изменялась неоднократно, то все же она сохранилась до сих пор.

Как указал недавно бывший министр торговли Новак, эта лицензионная система дает, якобы, Чехо-Словакии экономическое оружие в руки на тот случай, ежели таможенные пошлины окажутся недостаточными для защиты чехо-словацких товаров. Практически же, на протяжении последних двух лет некоторые пошлины были немного понижены, тогда как другие были значительно повышены, не говоря уже о том, что за этот период времени был введен ряд новых пошлин и такс, среди которых имеется такса на искусственный шелк.

За последнее время Чехо-Словакия вела переговоры с различными государствами в целях уточнения ранее заключенных торговых договоров и в то же время производила ревизию своего таможенного тарифа.

Из обзоров чешской печати трудно установить, когда точно будет закончен пересмотр этого тарифа, но имеются все основания к утверждению, что новый тариф, который частично уже осуществлен и полностью будет осуществлен в начале 1928 года, реализует максимальную пошлину на сельскохозяйственные продукты, импорт которых в Чехо-Словакию был до самого последнего времени совершенно свободен.

Нельзя отрицать того, что в условиях современной капиталистической Европы, Чехо-Словакия находится в специфическом положении, будучи вынуждена, с одной стороны, экспортировать свои промышленные товары, а с другой — защищать свою промышленность от иностранной конкуренции, благоприятствуемой и облегчаемой валоризацией чешской валюты и целым рядом других чисто-объективных условий.

Чтобы понять эту весьма сложную ситуацию, достаточно будет вспомнить, что до раздела Австро-Венгрии промышленность, находящаяся на территории современной Чехо-Словакии, имела в своем распоряжении рынок с населением в 52 млн. человек (б. Австро-Венгрия). С основанием же самостоятельной Чешской республики, промышленность последней обслуживает внутренний рынок с населением всего в 14 млн. человек.

В силу этих обстоятельств Чехо-Словакия вынуждена искать внешних рынков для сбыта своей промышленной продукции. Однако, крайне протекционистская политика чешских промышленных магнатов и аграриев не только не содействует достижению этой цели, но значительно отдалает разрешение этой проблемы, приобретающей для развитой чешской промышленности весьма острый и актуальный характер.

(Окончание следует)

Экономическое положение Индии и английская политика¹

В первый раз в истории Индии, для смягчения тамошнего кризиса, одновременно назначаются две комиссии, одна под названием Королевской агрикультурной комиссии, другая — Королевской статутной комиссии.

Аграрный кризис. Королевская агрикультурная комиссия, несмотря на все свои громкие слова и предполагаемое сочувствие европейскому направлению капиталистического развития индийского сельского хозяйства, не может сколько-нибудь облегчить положения среднего и беднейшего слоев крестьянства. Главным требованием этих крестьян является земля; между тем, в задачи Комиссии не входит даже исследование существующих в Индии систем землевладения. Не принесет она никакой помощи также буржуазному и высшему слоям крестьянства, поскольку полномочия ее сводятся лишь к исследованию и улучшению положения иностранных рынков индийского хлопка и пшеницы, страдающих от конкуренции Канады и Африки. Единственное, чего Комиссии удастся достигнуть, это усиления роли феодалов и крупных землевладельцев, а также некоторого улучшения экономического положения интеллигенции, 95% которой в индийских условиях являются мелкими земельными собственниками и ростовщиками. Она выполнит рационализацию земледелия, чтобы, во-первых, приспособить его к проводимой британским империализмом общей политике экономической реорганизации, во-вторых, облегчить Индии конкуренцию с Канадой и Восточной Африкой, где финансовый капитал вкладывает огромные суммы в хлопковые плантации и т. п., и, наконец, для того, чтобы индийской интеллигенции обеспечить большую долю участия во внутренней торговле Индии. Самый состав Комиссии указывает на такое направление ее деятельности. Председателем ее является маркиз Линглитоу, крупный землевладелец в Шотландии, а членами — раджа Панагала, полуфеодал индийский землевладелец, два представителя от интеллигенции, два от британской бюрократии и один от индийских ростовщиков. Комиссия приступила к деятельности с навязчивой идеей, что „представители кредита составляют полезнейшую секцию индийских сельских общин“ (утверждение сэра Гангарамы, одного

из членов комиссии (см. „Bombay Chronicle“, 3/X 1925 г.) и что „первым долгом Комиссии явится смягчение безработицы среди индийской интеллигенции“ (заявление другого члена комиссии, проф. Гангули, Times 25/VII 1925). Общая политика империализма направлена к усилению в Индии власти и могущества феодальных элементов, и комиссия эта предназначена для выполнения подготовительной работы для более важной Королевской статутной комиссии.

„Bombay Chronicle“ — главный орган индийских промышленников, иронически называющий членов этой комиссии „апостолами земледелия“, в номере от 15/VII 1925 г. писал следующее: „Необходимо разоблачить неискренность изъятий заботливости об интересах сельских хозяев, изъятий, которые, сверх всяких ожиданий, приходится слышать из уст людей, не находящих ответа на справедливые обвинения по поводу экономических последствий британского управления в Индии... Все согласны с тем, что нищета в этой стране подавляющая... Но не принимаются во внимание истинные причины нищеты Индии, коренящиеся в преднамеренной политике правительства: искусственное повышение на 12,5% иностранного курса индийской валюты, закрывающее индийскому хлопку доступ на иностранный рынок; лесные законы, лишаящие земледельца возможности свободно получать топливо; законы о пастбе, согласно которым пастба скотины на подножном корму общественных и открытых площадей превратилась в уголовное преступление; увеличение налогов... Деньги, которые должен был бы получать земледelec, перехватываются высокими фрахтами для поддержания жизни 20.000 европейских железнодорожных чиновников на таком уровне, о котором уроженец этой страны не смеет и мечтать... Создали Департамент земледелия, являющийся убежищем для предоставления теплых местечек европейским бездельникам... Усиленное подчеркивание Биркенхедом нужд земледелия представляется просто политическим ходом для отвлечения внимания от торговли и промышленности... чтобы насильственно сохранить Индию в качестве рынка для изделий британских фабрик, вопреки интересам предприятий этой страны“.

Теория деколонизации. В действительности, все это затеяно для того, чтобы остановить индустриализацию Индии, которая быстрыми шагами подвигалась вперед за время мировой войны. В настоящее время конкуренция индийского хлопка и пшеницы с канадскими и африканскими не уступает конкуренции между тяжелой индустрией Индии и Англии. Вот настоящий ключ к пониманию индийской политики. В известных кругах соперничество это отрицается и вместо того распространяется теория, что в Индии развивается процесс деколонизации... и нынешняя политика империализма направлена к тому, чтобы Индия „превратилась в современную промышленную страну и заняла место в Британском союзе в качестве свободной нации“. По этой теории империализм собирается предоставить Индии „положение доминиона, подобно Канаде и Австралии“, при котором индийским капиталистам не на что будет жаловаться, и т. п. И нет ничего более ошибочного, чем эта теория деколонизации, провозглашающая под'ем независимого индийского капитализма. Это не согласуется с учением Маркса и Ленина.

Индия и политика британских парламентских партий. Главным источником этого заблуждения является излишняя вера в старую легенду о том, что Индия, якобы, стоит вне политики британ-

¹ Печатаемая статья тов. Мухарджи, редакция имеет в виду ознакомление читателей с современным экономическим положением Индии (по последним данным) и политикой английского империализма в этой стране. Редакция, однако, считает необходимым отметить, что положения автора по вопросам, выходящим за пределы характеристики экономического положения Индии, являются дискуссионными. Статья переведена с английского. Перевод А. М. Зака.

ских партий. Политика либералов в довоенное время стремилась способствовать индийской промышленности, и сторонники теории деколонизации не могут заметить разницы между этой политикой и политикой Болдуина во время наступившего после 1920 г. кризиса, — только потому, что придают слишком много веры вышеупомянутой легенде. В индийской политике либералы и консерваторы всегда стояли на разных полюсах. Основным пунктом политики либералов было развитие покупательной способности Индии путем содействия ее торговле и промышленности, между тем как политика консерваторов в основе своей сводилась к удушению промышленного развития Индии во что бы то ни стало и к поддержанию ее феодальных элементов. Политика либералов в течение первого пятидесятилетнего их правления от 1845 до 1895 гг. принесла Индии товаризацию продуктов сельского хозяйства, железные дороги, телеграф, полупенсовую почту и машинную индустрию, существующую с 1851 г. Кроме того, они ввели в Индии западное образование и университеты. Наконец, они привлекли индийских купцов к участию в качестве помощников в индийской и западной торговле, особенно в индо-китайской торговле опиумом. Короче говоря, благодаря своей прогрессивной политике, либералы школы Гладстона, уйдя от власти в 1895 г., оставили после себя в Индии довольно хорошо организованные слои буржуазии. По словам сэра Теодора Мориссона, „превращение Индии из страны чисто земледельческой в страну отчасти промышленную и торговую началось в 1892 г.“ („Indian Industrial Transition“, стр. 178). С другой стороны, Индия сделалась обширнейшим рынком для сбыта британских товаров, а дешевизна индийского хлопка и пшеницы способствовала сохранению низкого уровня британской прожиточной стоимости.

Иной была политика консерваторов. Подчиняя ее хлопчатобумажным интересам Манчестера, они смотрели с подозрением на промышленный прогресс Индии, направлявшийся в сторону развития хлопчатобумажной промышленности. Они пользовались всякой возможностью для того, чтобы приостановить индустриализацию Индии. Так, в 1860 г. они установили подходящий налог, весьма обременительный для зачаточной индийской буржуазии; в 1877 г. ввели покровительственный тариф в пользу Манчестера, направленный против интересов индийской фабричной продукции; наконец, при падении либерализма, придя к власти в 1896 г., они обложили индийскую фабричную продукцию 3,5% налогом, а после этого, в 1899 г., стремясь в корне подрезать накопление индийского капитала, поставили себе целью ограничение индийского экспорта путем повышения иностранного курса индийской рупии от номинальной стоимости в 1 шилл. 2 пенса в серебряной монете до мнимого золотого курса в 1 шилл. 4 пенса. Это было проведено несмотря на сильнейшую оппозицию со стороны индийской буржуазии. Основной характер индийской политики консерваторов лучше всего выражен в немногих словах сэра Джона Стрэчи, консервативного министра финансов Индии. „Нам часто говорят, — заявил он, — что долгом правительства Индии является забота только об индийских интересах и что если страдают интересы Манчестера, то нас это не касается. Интересы Манчестера, над которыми смеются глупцы... это интересы англичан... А по моему мнению, нет более высокого долга, нежели долг по отношению к своей родной стране“ (P. Pillai, „Economic Conditions of India“, 1921, стр. 41). Консерваторы

всегда старались поддерживать в Индии феодальные элементы, желая привлечь их в свой лагерь для совместной борьбы с индустриализацией и общим буржуазным развитием.

Итак, мы видим, что теория, по которой „Индия стоит вне политики партий“ является сплошным вымыслом. Есть две политики, два пути эксплуатации Индии, друг другу полярно противоположные.

Беря статистические отчеты о состоянии торговли за два типичных периода либерального и консервативного правлений, по 13 лет каждый, мы находим там следующие цифры:¹

	Рост внешней торговли (в % 0/0)	
	1879—1892	1895—1907
	(при либералах) Всего За год	(при консерваторах) Всего За год
Экспорт готовых изделий	211 16	100 7,7
„ сырых материалов	43 3,3	40 3,07
Импорт готовых изделий	39 3	93 7,15
„ сырых материалов	91 7	65 5,0

Приведенная таблица показывает общее падение экспорта за время консервативного правления, при чем экспорт готовых изделий уменьшился более, чем на половину. Упал также и импорт сырых материалов. В то же время импорт готовых изделий возрастал необычайно усиленным темпом. Однако, невозможно увеличивать импорт до бесконечности, если одновременно с этим искусственно понижать покупательную способность страны. Результатом этого явился кризис 1905 г., приведший вскоре к зарождению индийского революционного движения.

В 1899 г., когда пост вице-короля Индии занял лорд Керзон, на политической арене Индии появился новый фактор — финансовый капитал. С 1885 г. финансовый капитал проникал в Индию непрерывно. Теперь же имелось в виду оказать ему государственную поддержку для более глубокого его проникновения в горную промышленность, чайные плантации и т. д., что значительно способствовало бы смягчению кризиса. Этот толчок капиталистическому развитию предполагалось дать, не ослабляя в то же время нажима на индийскую капиталистическую промышленность и не внося каких-либо изменений в прежнюю консервативную политику. Чтобы облегчить финансовому капиталу доступ в Индию, был создан новый департамент — Департамент промышленности и торговли, — и произведено тщательное исследование минеральных богатств Индии. В результате последовало сильнейшее развитие горной промышленности и плантаций. Но так как для проведения этой работы не хватало средств, то правительство ввело новый налог на экспорт — чайный налог 1904 г. и, наконец, обратилось к выкачиванию денег у помещиков (раздел Бенгалии).

Консервативная политика удушения капиталистического развития Индии вызвала сильную оппозицию со стороны буржуазии; с 1897 года начали организовываться профессиональные союзы, что указывало на недовольство в среде рабочих; падение экспорта сырья явилось причиной недовольства крестьян; увеличение налогов достигло своего высшего предела, заставив, в конце концов, и бенгальских землевладель-

¹ Pillai, цит. работа, стр. 32.

цев присоединиться к другим недовольным группам индийского населения. Объединение всех этих сил привело к возникновению движения „свадеш“, т.-е. к бойкоту английских товаров 1905—11 гг. Понижение покупательной способности индийского населения и, следовательно, огромное падение торговли с Индией, этим некогда крупнейшим, рынком сбыта британских изделий, создали не меньший кризис в Англии. В результате этого, консерваторы должны были в 1906 г. уступить власть новым либералам, во главе с Асквитом. Однако, еще при консерваторах, в интересах финансового капитала, индусам был открыт доступ к техническому образованию, что принесло Индии огромную пользу. Толчок к развитию металлургии вызвал приток в эту отрасль промышленности индийского капитала. Так, проект ныне знаменитого „Тата Айерн анд Стил Уоркс“ был создан еще в 1905 г., хотя фактически был осуществлен лишь после 1908 г., когда либералы отменили установленное консерваторами в отношении индийских капиталистов эмбарго.

Новое либеральное правительство видело беспрецедентное промышленное развитие Индии. Хлопчатобумажная промышленность, 98% которой принадлежит индийскому капиталу, насчитывала в 1897 г. 136 фабрик с капиталом в 116 млн. рупий. За 13 лет консервативного правления темп ее роста выразился в увеличении числа предприятий на 5,6% и капитала на 3,4%. Между тем, в течение следующих 9 лет либерального правления — с 1906 по 1914 гг. — количество предприятий увеличилось на 6%, а капитал на 9%. В 1913/14 г. насчитывалось 241 текстильных фабрик, с капиталом в 211 млн. рупий, выпускавших 689 млн. фунтов пряжи и 1.164 млн. ярдов ткани против импорта в 52 млн. фунтов пряжи и 3.197 млн. ярдов ткани (Commercial Statistics, 1921, pp. 55, 59, 67, 130). При этом индийский капитал уже не ограничивался хлопчатобумажными предприятиями; следуя по стопам британского финансового капитала, он распространил свои предприятия во всех других отраслях промышленного производства. В 1911 г. было 7.113 фабрик и железнодорожная сеть протяжением в 33.000 миль; обслуживалось это 2,5 миллионами рабочих. Наиболее значительным предприятием являлся железоделательный и сталелитейный завод „Тата“ (Tata Iron and Steel Works).

Война и рост промышленности Индии. По совету либеральных правителей, весь капитал завода „Тата“ был собран среди индейцев, которые также и управляли им, придавая ему национальный характер, чтобы тем самым обеспечить особое покровительство государства. Потом разразилась мировая война, и с нею для Индии наступило бурное развитие промышленности.

„Я с трудом могу представить себе, — пишет вице-король Индии, лорд Чельмсфорд, — что бы мы делали, если бы „Тата Айерн анд Стил Уоркс“ не снабдил нас стальными рельсами, которых хватило бы не только для Месопотамии, но также и для Египта, Палестины и Восточной Африки“ (Chirole, India New und Old, p. 248).

Таков был дух, внесенный в индийскую политику под давлением военной необходимости. Находясь в этом благоприятном положении, Индия получила „такое развитие в течение немногих лет, для какого при других условиях потребовался бы период одного поколения“ (Balfour Committee Report on World Trade and Industry, p. 279). В 1921 г. в Индии насчитывалось 15.606 фабрик и 37.300 миль жел.-дор. пути, что вместе

давало работу 4,5 млн. рабочих, которые со своими семьями составляли 30% всего населения. До войны все промышленные предприятия Индии нуждались в поставках из-за границы не только в отношении машинного оборудования и инструментов, но также и для складов и для получения материалов, необходимых в повседневной работе. Во время войны, когда поставки из-за границы прекратились, индийские предприятия, благодаря особому покровительству правительства (Департамента снабжения), были поставлены в независимое положение. Кроме того, Индия впервые получила собственные паровозные линии с тоннажем приблизительно в 60.000 тонн. Но самое важное, в чем выразилось ее промышленное развитие, — это баснословные прибыли промышленности, превысившие даже традиционный ростовщический процент. Общие прибыли бомбейских текстильных фабрик, составлявшие в довоенное время 37 млн. рупий, достигли в 1917 году 67 млн., а в 1920 г. — 165 млн. рупий (Vanguard, Vol. IV, № 6). И эта высокая прибыль, в которой концентрировалось все капиталистическое накопление, направлялась на нужды дальнейшего развития промышленности. Продукция индийских хлопчатобумажных фабрик в 1921 г. дошла до 722 млн. фунтов пряжи и 1.700 млн. ярдов ткани, помимо 1.000 млн. ярдов продукции ручных станков, против импорта в 38 млн. фунтов пряжи и 1.127 млн. ярдов ткани (Statistical Abstract, 1925, p. 579). При этих обстоятельствах Индия получила политические реформы 1919 г., т.-е. выборную центральную законодательную палату, с правом строить собственную фискальную политику. Кроме того, Индии было обещано создание „Имперского комитета промышленности“, предназначенного содействовать дальнейшему развитию индийских промышленных предприятий (Balfour Report, p. 280). Когда это вызвало жалобы представителей манчестерской промышленности, то тогдашний либеральный министр, Монтэгу, ответил им следующими словами:

„Я решительно стою за то, чтобы правительству Индии было предоставлено право заботиться прежде всего об Индии... и проводить такую тарифную политику, какую оно считает наиболее соответствующей собственным нуждам страны“ (Indian Fiscal Commission Report, 1923, p. 4).

Это было кульминационным пунктом индустриального развития Индии.

Новая фискальная политика в Индии. Так как Индия соперничала теперь не только с Манчестером, но в такой же степени и с британской тяжелой индустрией, то английские фабриканты были напуганы таким заявлением, и в коалиционном правительстве произошел раскол. Либеральные министры, Монтэгу и Ллойд-Джордж, принуждены были уйти в отставку, после чего было образовано чисто консервативное правительство, во главе с Болдуином. Первым шагом нового кабинета был отказ от обещанного ранее создания „Имперского комитета промышленности“, после чего последовало ограничение независимости индийской фискальной политики. В 1922 году, когда общая импортная пошлина в Индии была повышена с 11% до 15%, для текстильного импорта был сохранен прежний тариф. Таким образом, было положено начало новой политики, которая является возвратом к старой консервативной тактике, в ее синтетической форме. Синтетической она является потому, что вместо удушения индустриального развития Индии в целом, новое консервативное правительство поддерживает некоторые отрасли промыш-

ленности; особенно текстильную и отчасти горную, подавляя в то же время основную тенденцию к развитию, и прежде всего тяжелую индустрию; при этом оно стремится создать единый фронт с индийскими феодалами и представителями интересов хлопчатобумажной промышленности, в расчете найти у них поддержку своей политики.

Новая экономическая политика британского империализма. До мировой войны преобладающее положение в британском производстве занимала не тяжелая, а текстильная промышленность. В результате войны, давшей толчок развитию текстильной промышленности во всех колониальных и отсталых странах, Англия пострадала экономически сильнее, чем Германия. Придя к власти, консерваторы сделали трезвый анализ сложившейся мировой ситуации. Анализ этот показал, что в странах, бывших прежде английскими рынками, в том числе и в Индии, обосновалась своя текстильная промышленность, которая при национальной поддержке сможет легко развиваться. Однако, международная торговля от этого не сократится. „Новая промышленность,— говорится в отчете комиссии Бальфура,— создает новый спрос на машины и материалы... Новые текстильные фабриканты производят грубые товары, и непосредственным результатом этого является не сжатие нашей международной торговли, но переход на все более тонкое качество продукции“ (там же, стр. 11, 12). „Торговля,— говорится в заключительной части отчета,— направится по другому пути, и при условии полной реорганизации промышленности Британия сможет занять свое прежнее преобладающее положение, поскольку она представляет кредитующую нацию с неограниченным полем для вложения капиталов... Нью-Йорк соперничает теперь с Лондоном в качестве международного центра, предоставляющего капитал для вложения... Но Лондон остается вне конкуренции, как банковский центр, как мировой рынок учета и страхования... Такое положение уже само по себе показывает, что наше коммерческое преобладание утеряно нами не в столь сильной степени, как это принято думать“ (Round Table, № 67). Возрождение промышленности предполагается осуществить путем сосредоточения текстильного производства на более тонкой продукции, превращения тяжелой индустрии в важнейшую отрасль промышленности, электрификации промышленных предприятий и увеличения их технической производительности и, наконец, создания новых отраслей производства, как-то: электрической, химической и т. д. Комиссия допускает, что такая реорганизация является слабым утешением для старых производителей, не могущих извлечь из нее никакой выгоды для себя лично, но в то же время признает благотворность ее с точки зрения интересов нации в целом (Balfour Report, p. 12).

Таково содержание новой экономической политики правительства Болдуина, и по такому именно направлению развивалась британская политика с 1922 г.

В частности, производство стали и железа развивалось следующим образом:

Средне-месячное производство чугуна и литой стали ¹		
(В тыс. тонн)		
	Чугун	Сталь
1913	355	638
1924	609	706
1927 (январь—сентябрь)	618	710

¹ The Statist, 15 октября 1927 г.

Точно также и продукция электротехнической промышленности поднималась с 13 млн. фунт. стерл. в 1917 г. до 64,5 млн. фунт. стерл. в 1924 г. и 80 млн. фунт. стерл. в 1926/27 г. Доля экспорта в отношении ко всей продукции увеличилась за последние несколько лет с 25% до 40%. „В организационном отношении эта отрасль развивалась на основе „комбинирования“ в большей степени, нежели все другие... Британская электротехническая промышленность в настоящее время идет впереди всех своих соперников“ („Economist“, 15/X 1927 г.). Комментируя общее экономическое положение британского империализма, „Economist“ пишет: „Положение угольной и хлопчатобумажной промышленности значительно улучшается... В Англии развились новые отрасли производства, как-то: моторостроительная, электротехническая, искусственно-шелковая и химическая; они компенсируют потери в хлопчатобумажной промышленности“ (15/X 1927 г.). Итак, мы видим, что благодаря этой новой экономической политике консерваторы достигают относительной стабилизации. Дальнейшему и более быстрому прогрессу способствует наблюдаемое нами слияние банков и амальгамирование таких мощных концернов тяжелой индустрии, как Виккерс и Армстронг. Благодаря происшедшему недавно слиянию Ливерпульского и Ланкаширского банков, Англия превратилась в сильнейшее в Европе финансовое агентство, под контролем которого находится сосредоточенный в одних руках банковский капитал на сумму свыше 100 млн. фунт. стерл. („Economist“, 3/XII 1927 г.). Англия чувствует себя сильнее Соед. Штатов и в области торговли. Так, тот же „Economist“ (15/X 1927 г.) пишет:

„Курс доллара нам благоприятствует и достиг уже высшего, после 1914 г., предела... Не впадая в преувеличение, мы можем рассчитывать на передвижение золота с западного побережья Атлантического океана на восток. Все это является, прежде всего, следствием дешевизны денег в Соед. Штатах. Эта дешевизна денег объясняется тем, что американская торговля расширяется не столь быстро, как это наблюдалось в течение последних лет, и в настоящий момент находится в довольно неподвижном состоянии“.

Империалисты видят выход из послевоенного хаоса. И является азбучной истиной, что на всякий фактор, противодействующий этой экономической политике, будет обрушена вся сила британского империализма.

Индо-британская конкуренция. Ключ к пониманию нынешней индийской политики Англии следует искать не в речах и не в политических декларациях, а в области экономики, в том, насколько индустриальное развитие Индии является препятствием для британской политики реорганизации и стабилизации.

Несмотря на то, что развитие индийских предприятий наблюдалось преимущественно в текстильной промышленности, первая протекционистская мера была принята в отношении тяжелой индустрии, изданием в мае 1924 г. акта о покровительстве стальной промышленности. Результатом его явилось необычайное развитие тяжелой индустрии. Этот акт был принят лишь на период трех лет, при чем было вычислено, что в течение этого периода он будет способствовать увеличению индийской продукции с 46.000 тонн до 264.000 тонн, при уменьшении импорта лишь на 118.000 тонн (Balfour Report, p. 280). Действительность превзошла все ожидания и показала, насколько жизненны заложенные в Индии про-

мысленные возможности и к какому она способна развитию, если будут устранены все внешние стеснения. Так, завод „Тата-Уоркс“ почти удвоил свои размеры и обслуживается сейчас 55.000 рабочих. Кроме того, созданы: „Полуостровное паровозостроительное акционерное общество“ с 5.000 рабочих, „Бенгальский железодельный завод“ с 12.000 рабочих, „Южно-индийские железнодорожные мастерские“ для производства паровозов и вагонов, с 5.000 рабочих, „Индийский железодельный завод“, с 8.000 рабочих, „Мисорский железодельный завод“, „Индийское производство стали“ „Русса Айерн Уоркс“ и т. д.

Общее количество рабочих, занятых в металлической промышленности, составлявшее в 1911 г. только 71.045 человек, в 1921 г. достигло 170.000, а в 1926 г. — 250.000. Следующие цифры показывают, как развивалось производство (в тыс. тонн):¹

	1924/25	1925/26	1926/27
Чугун	884	875	956
Сталь	370	471	530
Готовый стальной продукт .	248	320	374

Средняя месячная производительность одного лишь завода „Тата-Айерн Уоркс“ в 1927 г. составляла: чугуна — 47.565 тонн, литой стали — 46.245 тонн, твердой стали — 32.673 тонны („Capital“, 18/XII 1927 г.).

Общий импорт промышленных изделий в Индию, составлявший 76,6% всего импорта в довоенное время, понизился до 74,3% в 1925 г. и 72,8% в 1926/27 г. Общий экспорт промышленных изделий из Индии, составлявший в довоенное время 23,1% всего ее экспорта, повысился в 1925 г. до 23,9% и в 1926/27 г. до 28,3% („Capital“, 22/IX 1927 г.). Это внезапное повышение промышленного экспорта, при одновременном понижении импорта, находится в прямой связи с толчком, полученным тяжелой индустрией в результате покровительственного акта 1924 г. До 1921/22 г. общий экспорт Индии по всем металлам составлял едва 127.000 тонн (Statistical Abstract, 1925, p. 431). Благодаря этой покровительственной политике, в 1925/26 г. Индия экспортировала 382.000 тонн одного лишь железа и стали, из которых 156.000 тонн пошло в Соед. Штаты, 140.000 тонн в Японию, 20.000 тонн в Англию, 11.000 тонн в Германию, 27.000 тонн, в Италию и Францию и 28.000 тонн во все прочие страны. В то же время импорт железа и стали в Индию упал с 1.028.000 тонн в 1913/14 г. до 750.000 в 1926/27 г. Доля же в этой торговле Соединенного Королевства понизилась с 59,8% довоенного времени до 50% в 1926/27 г. „Импорт чугуна, — пишет „Capital“ 29/IX 1927 г., — составляет в настоящее время почти незаметную величину“.

Количество продукции, выпускаемой индийской тяжелой индустрией, само по себе не имеет столь большого значения, чтобы это могло привести к такому же соперничеству с британскими фабрикантами, какое в довоенное время существовало между ними и Германией. Важнее всего здесь были потенциальные возможности индийской промышленности, ее огромная прибыльность (средняя годовая прибыль компании „Тата-Айерн Уоркс“ за 1921 — 26 гг. составляла 15,5%) и те заманчивые перспективы, которые она представляла для привлечения в Индию иностранного капитала.

¹ „Capital“, 29/IX 1927 г.

Опасения британских фабрикантов вызывались не столько количеством фактически выпускаемой продукции, сколько темпом ее роста. Однако, железо, взятое вместе с другими быстро развивавшимися отраслями индийской промышленности, как-то: олово, свинец, джут, спичечное производство, кожевенные изделия, цемент и т. д., в каждой из которых Индии приходилось конкурировать с британскими производителями, представляло уже фактор совершенно иного значения. Благодаря индустриализации Индии, Британия понесла в индийской торговле огромные потери, которых нельзя не заметить. В довоенное время доля Британии в индийском импорте составляла 64,1% всего импорта. Между тем, в 1925/26 г. она понизилась до 51,4%, а в 1926/27 г. составляла уже только 47,8%.

Антииндустриальная политика Болдуина в Индии. „Влияние индустриального развития Индии, — пишет д-р Мик, директор Индийского коммерческого бюро, — отражается на импортном деле“ („Capital“, 29/IV 1927 г.). С этим господствующая политика не могла мириться. Это было прямым вызовом Англии, препятствием той самой стабилизации, которая является для британского империализма столь жизненной необходимостью. Итак, мы наблюдаем непосредственный конфликт между индийскими и британскими промышленниками. Поддерживая последних, Болдуин и Биркенхед обрушились на Индию с политической удушения индийской индустриализации. Вот что пишет по этому поводу „Bombay Chronicle“ (15/VII 1925 г.): „Индийская промышленность задевает интересы английского рынка. Англия, очевидно, решила насильственно сохранить Индию, как рынок для изделий своей собственной промышленности, вопреки интересам нарождающейся промышленности этой страны... В Англии есть направление, рассматривающее развитие в Индии промышленности как ошибочный ход, который в конечном счете приведет к потере Индии... К этому направлению принадлежит Биркенхед“.

Новая политика и должна была явиться ударом молота по голове индийской индустриализации. Это было сделано, прежде всего, отказом от создания „Имперского комитета промышленности“, затем отказом от обещанного уже предоставления государственной помощи новым, пробивающим себе дорогу предприятиям, несмотря на то, что в 1922 г. законодательное собрание ассигновало для этой цели 1.500 млн. рупий. Правительство отказалось даже выполнить конкретные обещания, данные им по прежним поводам, и все предприятия, которые были вызваны этим к существованию, должны были попросту закрыться. Наиболее выдающиеся примеры этого рода представляют „Джамшедпурская компания производства стальной проволоки“, „Полуостровная паровозостроительная компания“ и „Мадрасские бумажные фабрики“. Но наиболее пагубным оказался раскол законодательного собрания, которого правительству удалось добиться путем использования земельных интересов во вред промышленным предприятиям. После тщательного рассмотрения дебатов законодательного собрания по поводу билля о покровительстве стальной промышленности 1924 г., комиссия Бальфура наметила для британской дипломатии следующий путь:

„Покровительство индустрии железа и стали является для британских фабрикантов делом жизненной важности... Недавние дебаты по поводу акта о покровительстве стальной промышленности ясно показы-

вают, что законодательное собрание отнюдь не единодушно в своих симпатиях к протекционизму... Это чувство еще более усиливается по отношению к более мелким предприятиям, особенно же к таким, хозяевами или управляющими которых являются европейцы. Представляется вероятным, что применение системы покровительства к этим предприятиям встретит гораздо более резкую оппозицию... Правительство Индии едва ли даст свою санкцию на крайние меры протекционизма... ибо на нем попрежнему лежит обязанность защищать интересы огромных групп земледельцев... Есть основания полагать, что после нескольких лет протекционистской агитации представители народа (читай: помещиков) придут к заключению, что важнейшие их интересы заключаются не в искусственном поощрении промышленных предприятий, которые поглощают их труды в больших городах и притязание которых на покровительство, в случае его удовлетворения, привело бы к вздорожанию жизни во всей стране" (Balfour Report, p. 283).

Следуя этому указанию, консерваторы сразу же превратились в „апостолов земледелия“. Мы уже видели, что это в действительности означает. Несомненно одно, что в продолжение этой политики разделения Индии на две группы: сторонников и противников индустриализации, правительство намеренно разжигало гибельную „индо-мусульманскую“ религиозную рознь, беспощадно опустошающую Индию к великой опасности для будущего прогресса. Результат этой политики оказался для промышленности гибельным именно в той мере, в какой это требовалось. При поддержке землевладельцев, особенно мусульман-землевладельцев, в марте 1927 г. правительство провалило билль о покровительстве стальной промышленности и, вместо того, провело билль, устанавливающий привилегированный тариф для британской продукции. Подобным же образом, оно провело билль о валюте, направленный к тому, чтобы в корне подрезать капиталистическое накопление Индии путем удорожания индийского хлопка, пшеницы и прочих предметов экспорта на 12,5% и, тем самым, лишения их иностранных рынков. Оно провело целый ряд других подобных же актов, которые, как мы увидим в дальнейшем, прямо противоположны интересам индийской буржуазии, а также и пролетариата. Гибельные последствия этого для промышленности лучше всего выясняются из следующей таблицы, показывающей состояние зарегистрированных в Индии акционерных компаний по годам (по данным „Capital“, 22/IX 1927 г.; см. табл. на стр. 219).

Картина эта станет яснее, если мы рассмотрим, какова природа компаний, зарегистрированных в настоящее время и в 1921 г. Из компаний, зарегистрированных в 1921 г., 55% составляли промышленные концерны, 25% банки и кредитные товарищества, 18% торговые предприятия, в том числе железнодорожные и пароходные, и 2% все прочие. В состав компаний, зарегистрированных в первой половине 1927 г., входило 8% индустриальных предприятий, 6% горнопромышленных, 7% банков, 40% кредитных товариществ и 39% торговых и прочих („Capital“, 18/VIII 1927 г.). Гибельнее всего отразилась эта политика на тяжелой индустрии.

„Нерешительная политика Железнодорожного комитета, — пишет „Capital“ (29/IX 1927 г.), — имела своим последствием то, что производство паровозов в этой стране откладывается на целое поколение. Однако, вопреки всем капризам бюрократизма, некоторым вагоностроительным

Г о д ы	Число зарегистрированных компаний	Индекс	Совокупн. осн. капитал (в тыс. руп.)	Индекс	Средний капитал на кажд. комп. (в тыс. руп.)
1913/14	356	100	669.153	100	1.879
1920/21	1.037	292	1.480.370	221	1.424
1921/22	717	201	808.375	121	1.127
1922/23	496	139	344.177	51	694
1923/24	430	124	264.978	40	618
1924/25	416	115	212.325	31	509
1925/26	473	133	300.004	45	634
1926/27	437	121	191.390	29	356

Фирмам удалось сохранить свое существование, и следовало бы оказать всестороннее и сильное давление на правительство Индии для использования максимальной производительности этих концернов“. Эти строки, принадлежащие перу либерально-настроенного империалиста, дают самое точное представление о положении и судьбах индийской тяжелой индустрии. Одновременно с этим мы наблюдаем сильнейшее сокращение иностранного рынка для индийского чугуна и стали. Вследствие обусловленного валютной политикой 12,5-процентного повышения цен, Америка, являвшаяся главным покупателем индийского железа, сократила свои закупки на 74%. В 1926/27 г. заказы Соед. Штатов уменьшились с 156.000 тонн до 41.000 тонн. Подобным же образом, германские закупки упали с 8.000 тонн до 3.000 тонн, а британские сократились на 4.000 тонн (Capital, там же). Размеры кризиса таковы, что вызвали вынужденную ликвидацию таких предприятий как „Полуостровная паровозостроительная компания“, „Южно-индийские железнодорожные мастерские“, „Компания производства стальной проволоки“, а также ряда других мелких концернов. Правительство купило первый из упомянутых концернов, другие же распродают строения и машинное оборудование по цене, составляющей 40% их настоящей стоимости. Акции „Тата-Айерн Уоркс“ упали со 100 рупий до 53 рупий; акции „Русса Энджиниринг“ до 19 рупий; „Компаний производства стальных изделий“ до 8 рупий; „Кумардуби Энджиниринг“ до 42 рупий и т. д. Избежать этой участи удалось лишь Бенгальскому и Индийскому железнорудным заводам: они принадлежат иностранному капиталу и управляются фирмами, которые владеют собственной обширной сетью железных дорог, обслуживающих эти предприятия.

Все вышеупомянутые концерны вынуждены ликвидироваться потому, что не могут соперничать с британской промышленностью, пользующейся покровительством привилегированного тарифа, а также потому, что Железнодорожный комитет (правительственная организация, уполномоченная для закупки всех материалов для индийских железных дорог) упорно покупает британские товары предпочтительно перед изделиями индийских предприятий, если бы даже последние и могли с ними конкурировать. С одной стороны, мы читаем: „Железнодорожный комитет пришел к заключению, что индийские железные дороги в состоянии успешно выполнить при существующем составе все перевозки, которые могут

представиться в 1928/29 г., а возможно и в течение еще нескольких лет" („Capital“ 8/IV 1927). Между тем, несколькими месяцами позже мы узнаем, что правительство разместило ряд крупных железнодорожных заказов между британскими фирмами. Так, 47 паровозов заказаны заводу „Вулкан Уоркс“ в Глазго, 26 — Армстронгу, подобные же заказы фирме „Рэнсом и Рэпьер“ и нескольким другим британским фирмам („Capital“, 29/IX 1927). Не указывает ли это на политику, сознательно направляемую к подавлению индийской индустрии в британских интересах? М-р Субедар, директор-распорядитель „Полуостровной паровозостроительной компании“ в своем интервью по вопросу о причинах ее ликвидации сообщает следующее:

„Я не должен указывать на общественную сторону этого вопроса, иначе говоря, на безответственное разрушение производства в Индии паровозов и вагонов и на препятствование развитию железнодорожных предприятий, учреждение которых было прямо обещано правительством Законодательному собранию, санкционировавшему программу на 1.500 млн. рупий. Правительство не смогло дать в собрании ответ на запросы относительно своей бессмысленной покупки, которая и вызвала создавшееся положение. Тарифный департамент также отказался дать ответ на запрос о покровительстве вагоно-и паровозостроительным предприятиям“ („Capital“, 8/IV 1927).

Правление Акц. общ. производства стальной проволоки, находящегося в состоянии ликвидации, объясняет, что предприятию этому благоприятствовало оживление военного периода и покровительство правительства во время действия „акта о государственной помощи промышленным предприятиям“. Без этого покровительства предприятие не могло существовать и ликвидируется именно в силу отказа правительства от дальнейшей его поддержки („Capital“, 10/XI 1927 г.). Не в лучшем положении находятся и все другие производства, за исключением некоторых сортов хлопчатобумажной пряжи. Экспорт марганца уменьшился в 1926/27 г. на 46.000 тонн, вольфрама на 50% прежнего размера, хрома на 40%. Свинцовое и типографское литейное производство, недавно процветавшее, находится теперь под непосредственной угрозой. „Владельцы бомбейских типографских литейных, — сообщает Bombay Chronicle, — заявили индийскому правительству протест против сделанного последним предложения предоставить 27,5-процентную премию иностранным импортерам типографских шрифтов, свинца и других предметов, применяемых для печатных станков“ (5/IX 1927). Цементная промышленность, отлично процветавшая и без всякого покровительства, конкурировавшая своими ценами с британским цементом, находится теперь также под угрозой, так как правительство намеревается передать заказ на 150.000 тонн британским производителям, под тем предлогом, что „если контракт будет заключен с индийскими производителями, то они сразу повысят цены, а это будет противоречить интересам налогоплательщиков“ („Capital“, 2/XI 1927 г.). Добыча индийского угля, доходившая в 1921 г. до 22,5 млн. тонн, уменьшилась на 5 млн. тонн. Благодаря 12,5-процентному повышению курса рупии, индийский уголь не только не может конкурировать с пользующимся привилегиями углем Натала (Южная Африка), но с трудом сохраняет свое место даже на бомбейском рынке, куда он доставляется из Бен-галии.

Экспорт индийского угля, составлявший в довоенное время свыше 700.000 тонн в среднем, не доходил в 1924 г. и до 100.000 тонн, тогда как импорт его поднялся от незначительного количества в 30.000 тонн в 1919/20 г. до 1.501.000 тонн в 1922 г. и продолжает подниматься (Statistical Abstract, pp. 419,429). Хотя в 1924 г. Центральное законодательное собрание приняло резолюцию о покровительстве этой отрасли промышленности путем установления низких железнодорожных тарифов и обложения импорта пошлинами, эквивалентными получаемым натальским углем премий или субсидий, — однако, это не было полностью осуществлено. Благодаря таможенному протекционизму в Индии сильно развилось производство оцинкованного листового железа, вопреки интересам британского рынка. Для предотвращения этого и следуя намеченной политике подавления промышленности Индии, правительство уменьшило покровительственный тариф с 85 рупий до 42 рупий за тонну (Bombay Chronicle 13/I 1927 г.).

В джуто-текстильной промышленности, на 100% находящейся под контролем европейцев, несмотря на то, что половина вложенного в нее капитала принадлежит индийцам, — сильнейшим конкурентом Калькутты является Дунди (город в Шотландии).

Нисколько не лучше положение индийской бумажной промышленности. Количество бумажных фабрик сократилось с 9 в 1917 г. до 6 в 1926 г., а продукция упала с 32.000 тонн до 25.000 тонн. В первую очередь предстоит ликвидация тех фабрик, которые пользовались поддержкой правительства, а именно, Мадраасских бумажных фабрик и других предприятий того же рода (Statistical Abstract, p. 539, и „Capital“, 20/X 1927). Шерстяная промышленность, прогрессирующая во время войны и в годы, непосредственно за нею следовавшие, переживает тяжелый упадок. Если старые кондерны кое-как еще поддерживают свое существование, то все новые предприятия пришли к ликвидации, в том числе такие хорошо финансируемые, как „Бомбейские шерстяные фабрики“, имевшие оборотный капитал в 10 млн. рупий. Убытки, понесенные в 1925—27 гг. держателями акций, в результате этих ликвидаций одних лишь крупных кондернов, составили в общей сложности приблизительно 100 млн. рупий; а в одной лишь тяжелой индустрии — 25 млн. рупий. Помимо того, это лишило работы 150.000 квалифицированных рабочих.

Перед лицом таких цифр, кто может еще отстаивать теорию „де-колонизации“ Индии?

Единственная промышленность, которая производит впечатление процветающей, это хлопчатобумажная. Но хлопкоочистительная отрасль этой промышленности, дававшая работу 118.000 рабочим, переживает сейчас большую депрессию в связи с упадком экспорта хлопка. В 1926/27 г. количество выработанной хлопчатобумажными фабриками пряжи превысило довоенный уровень на 18%. Количество выработанной ткани возросло по сравнению с предыдущим годом на 16%. Ниже приводится сравнительная таблица продукции и импорта, начиная с 1901 г. (в млн. ярдов):¹

¹ „Capital“, 16/VI 1927 г.

Годы	Импорт	Индийская продукция	Всего
1901/02	2.190	511	2.701
1913/14	3.197	1.164	3.361
1921/22	1.090	1.732	3.822 (ручн. способом 1.000)
1922/23	1.593	1.725	3.318
1923/24	1.486	1.702	3.188
1924/25	1.823	1.970	3.793
1925/26	1.564	1.954	3.518
1926/27	1.766	2.259	4.025

Теоретики деколонизации ухватываются за эту таблицу, показывающую благосостояние Индии, поскольку последняя цифра продукции превысила все предыдущие. Они указывают также на рост экспорта индийской пряжи и ткани в Месопотамию, Персию, Аравию и Восточную Африку, а кроме того, на меры, принимаемые правительством для содействия индийскому вывозу в эти страны. Но они не видят, какой ценой все это покупается. Количество ярдов само по себе еще мало значит. Необходимо принять во внимание качество индийской продукции и ее отличие от манчестерской. Прежде чем делать из экономических данных политические выводы, необходимо изучить природу существующего противоречия, потребности империализма и их значение для колониальной страны. Мы уже указывали на то, что британская политика в текстильной промышленности сводится к отказу от выделки грубых сортов и сосредоточению всех сил на производстве изделий тонкого качества, которые являются также и наиболее дорогими, а потому и лучше оплачиваемыми. Развитие индийской промышленности несколько обнаруживает противоречит, напротив, при внимательном рассмотрении обнаруживается полное подчинение индийских интересов интересам империализма и, вследствие этого, тяжелые убытки для индийских производителей.

До 1921 года индийская хлопчатобумажная промышленность обнаруживала тенденцию к выработке преимущественно тонких товаров, тогда как сейчас наблюдается тенденция к усилению производства грубой продукции, для того чтобы Манчестеру было выгодно торговать тонкими сортами. А к этому именно и стремится империалистическая политика. За период с 1914 г. по 1919 г. производство грубых номеров пряжи, ниже 40, упало с 652 млн. фунтов до 615 млн. фунтов и продолжало падать еще в 1924 г. После этого, в соответствии с империалистической политикой, производство тех же сортов постепенно увеличивалось и в 1926/27 г. достигло цифры в 796 млн. фунтов. Подобным же образом, темп роста производства номеров пряжи выше 40 за время 1914—1925 гг. определяется в 300%, тогда как за два последующих года он упал до 83,5%¹ („Commercial Statistics“, 1921, р. 66, и „Capital“ 16/VI 1927).

По поводу качества изготавливаемой материи „Capital“ (там же) приводит выдержку из декларации „Комитета тарифов“: „За последние два года характер индийской продукции заметно изменился, и тонкие сорта в значительной степени вытеснены грубыми“. Далее следует комментарий: „Сравнение импорта с продукцией индийских фабрик в 1926/27 г. указывает на усиление этой тенденции“.

¹ Теоретики деколонизации неправильно относят грубые сорта пряжи к номерам от 1 до 20, в то время как в Манчестере они относятся к номерам от 1 до 40. Таким образом, они затемняют истинное положение вещей.

Возникает вопрос: что выиграли от этой перемены индийские капиталисты? Ответом могут служить следующие данные ассоциации бомбейских фабрикантов („Capital“, 20/X 1927). Хотя цифры эти относятся только к бомбейским фабрикам, но они достаточно показательны и для всей индийской хлопчатобумажной промышленности в целом.

Годы	Первоначальная стоимость зданий, земли и машинного оборудования	Амортизация оборудования на 5% и зданий на 2,5% (в млн. рупий)	Прибыль или убыток с учетом амортизации
1917	17,98	0,73	+ 3,14
1918	19,54	0,80	+ 2,35
1919	20,94	0,85	+ 6,74
1920	33,50	1,27	+ 10,46
1921	38,08	1,46	+ 8,81
1922	42,94	1,67	+ 3,56
1923	46,54	1,81	— 1,28
1924	46,76	1,83	— 2,42
1925	46,72	1,85	— 1,87
1926	44,82	1,77	— 1,88

Итак, мы видим, что несмотря на увеличение продукции, эти компании несут только убытки. Объясняется это тем, что индийские фабрики вынуждены производить грубые сорта, не дающие такой прибыли, как тонкие товары. Отчет о состоянии торговли за шесть месяцев, с апреля по сентябрь 1927 г., показывает, что хотя индийский экспорт количественно вырос, стоимость его неуклонно падает. Так, с 8.471.860 рупий за январь—сентябрь 1925 г. она упала до 6.538.593 рупий за тот же период 1926 г. и до 6.046.231 рупий в 1927 г. С другой стороны, импорт за тот же период, уменьшаясь в количестве, увеличивался в стоимости. С 331¼ млн. рупий в 1925 г. стоимость его возросла до 347¼ млн. рупий в 1926 г. и до 351 млн. рупий в 1927 г. („Capital“, 10/XI 1927 г.). Перед лицом этих цифр никто не сможет утверждать, что индийская хлопчатобумажная промышленность находится в цветущем состоянии. Здесь наблюдается такой же острый кризис, как и в других отраслях. Манчестер фактически вернул себе индийский рынок ценою существования индийской промышленности, отнюдь не способствуя тому, чтобы Индия „могла занять место в Британском союзе в качестве свободной нации“. Стоимость ввозимого в Индию из Англии искусственного шелка увеличилась с 1,3 млн. рупий в 1922/23 г. до 7,5 млн. рупий в 1925/26 г. и 10¼ млн. рупий в 1926/27 г. „В торговле штучными товарами сообщает „Capital“, Соединенное Королевство достигло значительных успехов, увеличив за истекший период 1926/27 г. свои поставки на 6,5 млн. ярдов“.

Обеспечив, таким образом, интересы Манчестера, империалисты увидели, что в области грубых товаров Индии приходится выдерживать сильную конкуренцию со стороны Японии и Китая, что если в этой конкуренции Индии не будет оказана поддержка, то разовьется кризис, а вместе с ним недовольство рабочих и большевистская опасность. В 1925/26 г., когда бомбейские фабриканты сделали попытку понизить издержки производства путем урезки заработной платы на 11,5%, разразилась всеобщая забастовка, охватившая 155.000 рабочих. Эта забастовка послужила

для империалистов наглядным уроком. Они сразу же поспешили оказать поддержку индийской хлопчатобумажной промышленности, отменили прежнюю 3,5-процентную пошлину на вырабатываемую индийскими фабриками ткань и наконец, провели „Акт о покровительстве бумагопрядению“ 1927 года. Манчестерская торговая палата и Федерация мастеров-бумагопрядильщиков, контролирующая политику империализма в хлопчатобумажной промышленности, в совместно выработанной декларации, поддерживая эту протекционистскую политику, в то же время со всей ясностью говорят о том, что Индия должна быть готова заплатить за это хорошую цену. „Следует надеяться,— говорится в декларации,— что при ныне создавшейся ситуации мы можем прийти к такому положению, когда нужды индийского рынка будут покрываться производителями самой Индии и Ланкашира, путем выработки того типа товаров, на котором она естественно сосредоточит свое производство“ („Times“, 2/XII 1926). Уступка, которой требовали Манчестер и империалисты от индийских хлопчатобумажных фабрикантов, заключалась в том, чтобы последние предоставили им свой рынок в отношении тонких товаров и оказали общую поддержку тарифу имперского предпочтения на весь английский импорт. Ассоциация бомбейских фабрикантов и часть буржуазии согласились на это, к несчастью для индийской промышленности. Отсталая индийская буржуазия за чечевичную похлебку продала свое право на развитие. Сэр Н. Вадиа и д-р Хидар, индийские делегаты на Всемирной экономической конференции в Женеве, заявили, что „наступило время положить конец увеличению тарифов и пойти по противоположному направлению“ („Capital“, 13/X 1927 г.). Наконец, ассоциация бомбейских фабрикантов на банкете, устроенном в честь представителей бюрократии 13 декабря 1927 г., заявила устами своего представителя, что „пришла пора объявить перемирие в борьбе с правительством, которая ведется за усиление покровительства хлопчатобумажной промышленности“. „Исходя из общих соображений,— гласил официальный тост,— ассоциация относится сочувственно к идеи имперского предпочтения и не считает, что, согласившись на него, Индия потерпит сколько-нибудь заметный экономический урон“ („Times“, 14/XII 1927 г.). Однако, эта сдача буржуазии, или, вернее, части ее, не приводит к смягчению кризиса, который мы наблюдаем в ежедневно возникающих забастовках и в недовольстве рабочих, в текстильной промышленности, на железных дорогах и во всей промышленности в целом.

(Окончание следует)

Современное положение проблемы железнодорожных выходов из Донбасса на север¹

Развитие Донецкого бассейна и добычи угля в нем было весьма тесно связано с развитием железнодорожной сети как внутри бассейна, так и вывозных из него железнодорожных направлений. Уголь, как тяжелый груз, занимая значительную долю в пропускной способности железнодорожных направлений, прилегающих к Донецкому бассейну, быстро заполнял их пропускную способность, требуя их усиления или постройки новых выходов.

За промежуток в тринадцать лет с 1900 по 1913 гг., когда добыча Донецкого бассейна возросла с 11.320 тыс. до 23.280 тыс. тонн, т.-е. немного более чем в два раза, был построен целый ряд линий, выходящих из Донецкого бассейна, главнейшим обоснованием которых являлась преимущественно идея облегчения вывоза минерального топлива.

Назовем только линии: Попасная — Никитовка, Купянск — Белгород, Лихая — Лиман — Харьков — Льгов, Лозовая — Полтава — Киев, 2-ая Екатерининская, Миллерово — Луганск.

Здесь не говорится о целом ряде линий, построенных внутри бассейна, и об усилении вторыми путями многих ранее построенных дорог, выходящих из Донецкого бассейна.

Только такое значительное железнодорожное строительство позволило развить добычу угля до указанных размеров и расширить рынок его потребления. Совершенно необходимым окажется, чтобы и в ближайшие 15 лет, когда добычу донецкого угля предполагается увеличить почти в три раза против 1913 года, транспортному вопросу бассейна и особенно выходам из него было посвящено не меньшее внимание, чем раньше.

В дореволюционное время был сделан даже подсчет, правда, очень приблизительный, который, основываясь на бывшем в то время темпе развития углепромышленности, показывал, что Донецкий бассейн является такой мощной грузосозидающей единицей, которая требует для своего беспрепятственного развития, говоря теоретически, постройки по одной новой однопутной дороге ежегодно.²

Не мудрено поэтому, что и в последнем плане железнодорожного строительства 1916 г. вопросу железнодорожных выходов из Донбасса было уделено не мало внимания.

¹ В порядке обсуждения. Ред.

² См. Ю. И. Успенский, "Будущее железнодорожное строительство, его размеры и порядок осуществления". Птр., 1916 г., стр. 17.

Действительно, кроме начавшейся уже во время войны постройки линии Гришино—Ровно, представляющей собою выход из Донбасса на запад, в плане 1916 г. мы находим линии: а) Лиман—Орел—Петроград, Донбасс—Москва и Донбасс—Тамбов—Муром—Нижний-Новгород, представляющие собою выходы из Донбасса в Северо-Западный и Центрально-Промышленный районы; б) Выходы из Донбасса на восток нашли отражение в проектах линий Саратов—Миллерово и Саратов—Славянск; в) из Донбасса на юг проектировались линии: на Цареконстантиновку, Мариуполь, Таганрог и Ростов.

Из этого краткого перечня видно, какое внимание уделялось Донбассу в плане 1916 года.

Это окажется неудивительным, если вспомнить, что главные затруднения в перевозках до войны и во время ее оказывались на путях, выходящих из Донбасса.

При рассмотрении плана 1916 г. выясняется, однако, одна главная особенность. В нем отсутствует идея концентрации грузового потока, выдвинутая впервые ГОЭЛРО, идея, преследующая снижение себестоимости перевозок в известных направлениях, что, в свою очередь, может позволить снизить тарифы на некоторые грузы и увеличить район их распространения.

Причины этого лежали, прежде всего, в параллельном существовании в то время частного и казенного железнодорожного хозяйства. Снижение тарифа на некоторых направлениях и таким образом привлечение на них груза имело бы следствием отвлечение груза с параллельных линий и существенное нарушение частных интересов.

Кроме того, оно вносило бы известную неопределенность в будущих предположениях эксплуатации каждой новой линии и делало бы затруднительным финансирование ее частным капиталом. При довоенном положении финансирования нашего строительства, когда две трети нашей сети были построены частными обществами и когда привлечение частного капитала в железнодорожное строительство составляло главнейшую заботу правительства, — всякая идея, существенно нарушающая интересы частного капитала, была заранее обречена на неудачу.

Только революция, следствием которой оказалось полное обобществление железнодорожного хозяйства, — позволила выдвинуть на очередь идею возможной концентрации грузового потока, каковую мы и находим решительно поставленной в плане ГОЭЛРО, выдвинувшем ее в первую очередь для западного и северного выхода из Донецкого бассейна.

В послевоенный период особенно выявляется значение северных выходов из бассейна, что видно из следующих цифр (в тыс. тонн):

Годы	Общий вывоз из бассейна	Из них вывезено на север
1913	19.720	4.550
1925/26	15.320	5.210

Под северным направлением здесь разумеется суммарный вывоз по Курскому, Львовскому, Елецкому и Воронежскому направлениям.

Из приведенных цифр видно, что в то время как в 1925/26 г. общий вывоз из бассейна еще не достиг цифры 1913 г., вывоз на север уже значительно превзошел эту цифру.

Правда, необходимо указать, что цифра вывоза на север в 1925/26 г. хотя и превосходит 1913 г., но еще не является очень угрожающей, так как во время войны закрытие балтийских портов для ввоза иностранного угля значительно подняло эту величину.

Действительно, за военный период вывоз на север определился следующими цифрами: 1914 г. — 6.670 тыс. тонн, 1915 г. — 7.390 тыс. тонн и 1916 г. — 7.800 тыс. тонн

Соответственно с этим за время войны была поднята и пропускная способность вывозящих на север направлений. Пропускная способность главного выхода Москва — Курск была увеличена на 50%, Витебск — Петроград на 51% и т. д.

Хотя во время гражданской войны многие устройства, сделанные раньше для поднятия пропускной способности, и были разрушены, но в настоящее время они почти все уже восстановлены.

Из этих цифр мы видим, что по отношению к вызову на север мы еще имеем некоторую передышку, но передышка эта скоро кончится, а НКПС в своих предположениях считает, что пропускная способность северного выхода из Донбасса уже сейчас требует немедленного увеличения.

Сравнение грузовых потоков за 1913 и 1925/26 гг., выходных к северу из бассейна, показывает, что главнейшие направления Лиман — Курск — Москва, Лиман — Льгов — Ленинград в настоящее время работают значительно выше довоенного.

Дальнейшие перспективы грузового движения этих направлений, прежде всего, зависят от перспектив вывоза по ним донецкого угля, которые и должны быть здесь рассмотрены.

По плану, разработанному Топливной секцией Госплана, распределение угля по районам, зависящим от интересующих нас железнодорожных направлений, предположено в таких цифрах (в тыс. тонн):

Наименование района	1925/26	1926/27	1930/31	1935/36	1940/41
Центр.-Промышл. район	2.200	2.960	4.360	6.540	8.920
В %/о	100	136	199	304	411
Северо-Западный район	1.486	1.930	3.490	3.750	4.460
В %/о	100	127	230	246	255
Итого	3.686	4.890	7.850	10.290	13.380
В %/о	100	—	212	—	364
Западный район	770	870	1.280	1.920	2.130
В %/о	100	113	166	243	276

Уголь в Центрально-Промышленный район попадает преимущественно через Курское направление, и только незначительная его часть (17%) через Воронежское. В Северо-Западный район на Ленинград в настоящее время уголь идет через Льгов — Брянск — Витебск, хотя это направление короче Курского в действительности меньше чем на 10 верст.¹ Уголь, идущий в Западный район, всецело останется за Витебским направлением.

¹ Тарифное расстояние от Дебальцево до Ленинграда через Москву длиннее такового же через Витебск на 29 км, но при этом длина пробега в Московском узле принята более действительной на величину около 21 км.

Из таблицы видно, что один только рост перевозок угля, который к 1930/31 г. превысит более чем вдвое то количество, которое имеется сейчас, а к 1940/41 г. в 3—3,5 раза, неминуемо заставляет ставить немедленно вопрос об усилении северных выходов из Донбасса. С этим положением все согласны, но способы, предлагаемые для этого весьма различны.

Прежде чем перейти к рассмотрению существующих проектов разрешения вопроса выходов из Донбасса на север, необходимо указать на две идеи, выдвинутые современной технической мыслью при решении вопросов большого товарного движения.

Первая — идея концентрации грузового потока, дающего удешевление себестоимости перевозок, вторая же — совместимость пассажирского и товарного движения.

Остановимся в нескольких словах на освещении второй идеи.

В эксплуатационном отношении существует значительное противоречие между товарным и пассажирским движением. График пассажирского движения имел всегда естественное предпочтение перед графиком товарного. На каждой линии всегда наносится сначала график пассажирского движения и только в оставшиеся свободные промежутки времени наносятся товарные поезда.

Движение пассажирских поездов и их график подчинены своим законам, резко отличным от движения товарных поездов. Распорядитель пассажирского движения значительно более стеснен, чем распорядитель товарного. Требования обязательного согласования пассажирских поездов скрещивающихся линий, требования приурочивания прихода пассажирских поездов в большие центры в утреннее время и ухода отсюда в вечернее (скорые и курьерские поезда из Москвы и Ленинграда, Киева, Харькова), различная скорость пассажирских поездов в зависимости от их назначения (курьерские, скорые, почтовые, товаро-пассажирские), — составляют совершенно особые условия для их движения. При густом пассажирском движении график их занимает значительное время суток и притом зачастую разбросанное. В графике линии пассажирских поездов, благодаря их большей скорости, идут значительно более круто, чем линии товарных поездов. Товарные поезда, для пропуска пассажирских, должны простаивать на станциях и тем терять коммерческую скорость.

Главнейшее условие наиболее выгодного движения товарных поездов, — это минимум простоя на промежуточных станциях, что достигается параллельностью графика товарных поездов.

Чем большее количество пассажирских поездов проходит по участку, тем больше будет количество задержек для товарных поездов и тем больше будет падать коммерческая скорость товарных поездов. В этом заключается главнейшее противоречие между товарным и пассажирским движением на одном и том же участке.

Поэтому при наличии большого пассажирского и большого товарного движения лучшим решением для урегулирования движения и его удешевления — будет разделить эти два рода движения и окончательно выделить то и другое на самостоятельные пути.

Эта цель может быть достигнута или выделением на одной и той же линии товарного от пассажирского движения на отдельные пути (постройка третьих и четвертых путей, чему мы имеем многие примеры в Америке)

или специализация отдельных параллельно идущих линий под то или другое движение.

Так как в направлении выходов из Донбасса на север имеется наряду с товарным и большое пассажирское движение, то при рассмотрении каждого из предложенных решений придется коснуться и этого вопроса.

В настоящее время предложено четыре решения вопроса усиления в период генплана северных выходов из Донбасса.

Первое решение — ЦУЖЕЛа — оперативного органа НКПС, который считает, что будущему вывозу удовлетворит соответственное усиление существующих железнодорожных направлений и введение более мощных паровозов, предложенных в период генплана, именно серии „Т“, мощность которой считается на 30% более существующего в настоящее время наиболее тяжелого паровоза „Э“, и серии „А“, мощность которой проектируется в два раза больше „Э“.

Предположения ЦУЖЕЛа не имеют в виду концентрацию грузового потока и строятся на полном использовании пропускной способности каждого направления с возможным его усилением.

Для направления Донбасс — Москва предположено:

Усиление направления Лиман — Курск — Москва, со смягчением профиля до 0,06, оценивающееся в	100 млн. руб.
То же для направления Попасная — Купянский — Валуйки — Елец — Москва	79 „ „
Итого	179 млн. руб.
За вычетом стоимости снимаемых рельсов	160 „ „

Сравнивая указанную стоимость со стоимостью постройки новой магистрали, которую НКПС принимает в 165 млн. руб., ЦУЖЕЛ приходит к заключению о предпочтительности усиления существующих направлений перед постройкой новой дороги.

Не касаясь подробно расчетов ЦУЖЕЛа, которые вызывают большие сомнения в исчислении стоимости отдельных устройств, следует отметить, что приблизительная проверка роста грузооборота с расчетом удовлетворить этот грузооборот введением тяжелых паровозов „А“ и „Т“, использование которых возможно только при введении усиленной тяжки и автотормозов, — заставляют сомневаться, чтобы постройка тяжелых паровозов и введение тяжелой тяжки поспели к тому сроку, когда грузооборот будет требовать введения этих тяжелых паровозов.

Для удовлетворения вывоза на Ленинград НКПС выдвигает два предположения: 1) усиление Витебского направления с укладкой второго пути от Льгова до Навли, смягчение профиля участка Основа — Брянск и восстановление второго пути от Брянска до Витебска с введением на этом направлении паровоза „А“, 2) достройку линии Унеча — Ворожба и постройку второго пути Люботин — Ворожба. В том и другом случае предполагается необходимым устройство второго пути на всем протяжении от Витебска до Ленинграда.

Стоимость исполнения работ первого предположения определяется в цифре 12 млн. руб. (при чем стоимость смягчения профилей не подсчитана), стоимость второго пути Витебск — Ленинград около 25 млн. руб., т.-е. всего свыше 37 млн. руб., стоимость второго предположения не выявлена.

Стоимость необходимого усиления Витебского направления не вошла в сравнение со стоимостью устройства новой магистрали, но если приплюсовать таковую к тем 160 млн. руб., в которые оценивается приспособление направления Москва — Донбасс, то общая сумма приспособления существующих дорог, очевидно, окажется выше стоимости постройки новой магистрали.

На ряду с такими предположениями в перспективный пятилетний план НКПС внесена постройка вторых путей на участках Белгород — Купянск и Кашира — Павелец, — всего около 373 км, что должно обойтись не менее 17 млн. руб.; эти вторые пути, очевидно, служат также к разрешению вопроса вывоза из Донбасса на север, и должны отпасть при решении вопроса о принципе концентрации грузового потока.

Главнейшей неясностью проекта ЦУЖЕЛ является отсутствие подсчета себестоимости перевозок, которая при раздроблении грузового потока по нескольким направлениям должна оказаться более высокой, чем при концентрации его.

Единственное же преимущество усиления существующих направлений перед постройкой новой дороги ЦУЖЕЛ видит в возможности постепенного вложения средств и их использования.

Вторым решением вопроса выходов из Донбасса на север является электрификация линии Лиман — Харьков, Курск — Москва.

Так как этот проект получил в печати достаточное освещение, то останавливаться на его детальном изложении нет надобности.

Положительной стороной этого проекта является возможность постепенного вложения средств и их использования, начав с электрификации наиболее трудных участков.

Принятая система сдвоенного электровоза, могущего везти или легкие товарные поезда или тяжелые, также позволит постепенно использовать введение усиленной тяжки.

Однако, соединение большого пассажирского и товарного движения заставило группу составителей проекта электрификации¹ прибегнуть к составлению проекта пачкообразного графика тех и других поездов, с установлением промежутка времени между двумя следующими друг за другом пассажирскими поездами в 10 мин. и между товарными в 15 мин. Принимая во внимание всегда возможную задержку как пассажирских, так и товарных поездов по разным причинам и те коренные противоречия пассажирского и товарного движения, которые изложены выше, никогда нельзя рассчитывать на возможность практического выполнения теоретического графика, а следовательно, и на ту пропускную способность, на какую рассчитывают авторы проекта. Кроме того, повидимому, авторами взят слишком скромный расчет пассажирского движения.

Эти соображения заставляют смотреть на электрификацию Курского направления не как на коренное решение проблемы выходов из Донбасса на север, а как на некоторый промежуточный его этап.

Третьим решением вопроса выхода из Донбасса на север является сооружением новой магистрали Донбасс — Воронеж — Коломна — Москва, по техническим условиям сверхмагистрали.

Этот проект является коренным и, пожалуй, лучшим решением всей проблемы.

¹ Таковой является проектная группа при правлении Московско-Курской жел. дор.

Транзитное пассажирское движение останется на старых линиях. Новая линия будет иметь только местное пассажирское движение, которое может идти по графику товарного. При этом все поезда идут параллельным графиком, и таким образом получается наивысшая коммерческая скорость. Узловых станций, которые, главным образом, задерживают товарные поезда и понижают их коммерческую скорость, — предвидится только три.

Профиль проектируемой линии весьма благоприятен и позволит иметь наименьшую себестоимость перевозок.

Однако, в современных условиях, этот проект едва ли должен быть принят к немедленному исполнению по причинам, которые будут освещены ниже.

Четвертое решение усиления выходов из Донбасса на север заключается в предложении инж. Заорского о переделке под сверхмагистраль существующего Купянск — Елецкого железнодорожного направления. Этот проект эскизно разработан группой инженеров Днепростроя. Изучая профиль существующих линий и карту в горизонталях, инж. Заорский пришел к заключению о возможности переделки всего направления под сверхмагистральные условия, с некоторыми достройками и отклонениями существующих линий. Проект предлагает: а) постройку участка Лиман — Купянск по долине Оскола, около 80—90 км; б) переделку существующей линии Купянск — Валуйки и Валуйки — Елец на уклон 3‰, что до Старого Оскола на протяжении 203 км не представляет никаких затруднений; в) далее, автор проекта считает возможным с некоторыми, весьма небольшими отклонениями от существующей линии, дойти до ст. Астапово. Далее, строится новый участок до ст. Кремлево, используется участок существующей дороги до ст. Михайлово, строится новый участок Михайлово — Коломна и, далее, линия выходит на трассу магистрали Москва — Донбасс.

Инж. Заорский полагает, что предлагаемое им направление возможно пройти с руководящим уклоном 3‰, за исключением двух участков с местными уплотнениями: Старый Оскол — Касторная и Михайлово — Кремлево.

Инж. Заорский предлагает, строя новую линию по указанному направлению, не трогать существующую линию, а в местах предполагаемых смягчений уклонов идти по берме существующей дороги, или в близком от нее расстоянии. Тогда существующая линия может служить вторым путем и может быть использована на протяжении 456 км, как второй путь. При таком способе постройки может быть использована некоторая часть существующих искусственных сооружений, путевых и станционных устройств.

По исчислению автора проекта стоимость его без подвижного состава составит 141 млн. руб.

Для сравнения результатов, какие окажутся для перевозок, авторы взяли грузовой поток 1930/31 г. и подсчитали себестоимость перевозок в трех предположениях:

а) При отсутствии сверхмагистрали	101,1 млн. руб.
б) При постройке сверхмагистрали Родаково — Воронеж — Коломна — Москва	95,3 " "
в) При постройке Лиман — Купянск — Елец — Коломна — Москва	89,8 " "

Себестоимость перевозок, включая процент на затраченный капитал, по исчислению составителей проекта соответственно составит 0,52; 0,36 и 0,35 коп. с тонно-километра.

Как видно из приведенных данных, проект перестройки направления Купянск — Елец является чрезвычайно заманчивым. Он еще более является интересным, если принять во внимание возможность постепенного проведения его в жизнь.

Однако, в настоящее время проект этот является только кабинетным, и возможность проведения его в жизнь должна быть проверена полевыми изысканиями.

Все указанные проекты и предложения в настоящее время далеко не в равной степени обработаны и готовы. Если одни из них, как, например, проект электрификации Курской ж. д. и проект новой магистрали Москва — Донбасс, уже достаточно продвинуты и близки к окончательному выявлению будущих результатов исполнения, — то, наоборот, другие, как предложения НКПС или предложения инж. Заорского, находятся в стадии только первоначальной технической мысли, нуждающейся или в основательных полевых изысканиях (переделка Купянско-Елецкого направления), или в дальнейших подсчетах соответствия предполагаемых работ нарастающему грузовому потоку (предположения НКПС). Но во всех проектах является неразработанным вопрос обследования переходного периода между существующим положением и сроком окончания того или иного цикла работ. Несомненно, что для удовлетворения растущим нуждам движения в этот период придется делать те или иные работы, класть те или иные заплатки, которые после окажутся или совершенно ненужными, или будут использованы в очень малой степени. Задачей наиболее рациональной проектировки окажется возможное сокращение этих ненужных работ и комбинирование мероприятий таким образом, чтобы наибольшее количество вложенных средств не оставалось мертвым капиталом в дальнейшем.

Разработка переходного периода отсутствует во всех проектах и по заданию Госплана СССР находится в дальнейшем изучении различными органами. Кроме того, и различные элементы уже разработанных проектов проделаны при различных предположениях и пока не поддаются сравнению (напр., развитие станции различных направлений).

С этой точки зрения в настоящее время едва ли можно высказаться определенно за тот или иной проект, и характер оценки различных предложений может носить только личный и индивидуальный характер.

Исходя из сказанного, позволяем себе высказать свое личное мнение о всех имеющихся предложениях, поскольку они выявлены в настоящее время.

Прежде всего, казалось бы, следует окончательно отвергнуть предложение НКПС о возможном усилении уже существующих линий укладкой вторых путей и достройкой некоторых западных линий, — как задачу разрешения вопроса о выходе из Донбасса на север.

Это предложение, базирующееся на идее раздробления грузового потока, а не его концентрации, совершенно расходится с идеей наимень-

ших расходов эксплуатации. Укладка вторых путей на таких трудных участках, как Белгород — Купянск, Павелец — Кашира, Харьков — Львов даст очень дорогую эксплуатацию. Переделка и смягчение профилей этих участков без изменения трассы едва ли окажется возможным, а без этого придется пользоваться поездами малого веса, т.е. работать в будущем дорого. Разнообразие профилей, входящих в общее направление движения, вызовет необходимость усиленного развития сортировочных станций, что весьма удорожит общую стоимость работ. Наконец, трудные профили участков дадут их общую ограниченную пропускную способность и, весьма возможно, что в конце периода генерального плана, или тотчас же по его истечении, станет вновь вопрос о коренном решении всей проблемы, при чем неуклонно придется все-таки прибегнуть к сооружению новой магистрали. Однако, в этом последнем случае, большинство ранее построенных вторых путей окажутся уже совершенно ненужными и будут или разобраны или останутся для потомков памятником технико-экономической неадаптивности современного поколения в решении важных железнодорожных вопросов, чему, к сожалению, имеется много примеров в истории нашего железнодорожного строительства.¹

Из остальных проектов необходимо рассмотреть отдельно проект электрификации Курского направления и отдельно проект устройства новой магистрали или переделки Елец — Валуйского направления.

Несомненным достоинством первого проекта является сравнительно быстрое его исполнение, возможность постепенного вложения средств и громадное общекультурное значение всего проекта для всей страны, позволяющее электрифицировать не только самую линию железной дороги, но и всю полосу территории, прорезаемую более чем на тысячу верст железной дорогой.

Однако, соединение громадного пассажирского движения и не менее громадного товарного движения дает весьма существенные ограничения пределу пропускной способности этого направления. Необходимость установления параллельного пачкообразного графика для того и другого движения также должна существенно понизить предполагаемую пропускную способность всего направления. К тому же надо заметить, что трудный профиль всего направления, понижение коммерческой скорости товарного движения вследствие соединения товарного и пассажирского движения и присутствия многих узлов не позволит иметь той дешевой себестоимости перевозок, которую можно достичь при исполнении других проектов.

Эти обстоятельства, вероятно, не позволят пропускной способности электрифицированного направления оказаться достаточной вплоть до 1945 или 1950 года, как то предполагает проект Московско-Курской ж. д.; и может оказаться, что уже к началу следующего за генпланом периода или даже в конце его придется вновь ставить вопрос о коренном решении проблемы, которая заключается в создании самостоятельного грузового направления с легким профилем и без большого пассажирского движения.

¹ Достаточно вспомнить совершенно нелепое сооружение двупутной линии Никитовка — Очеретино, закрытой за ненужностью тотчас после своего сооружения. Ненужные вторые пути, напр., Орел — Брянск и мн. др.

Таким образом, электрификация Курского направления окажется не коренным решением проблемы, а только промежуточным звеном этого решения.

Является вопрос, не окажутся ли, в случае создания отдельного грузового направления, как и в предыдущем случае, напрасными те затраты, которые будут сделаны для электрификации Моск.-Курск. ж. д.?

На этот вопрос следует ответить совершенно отрицательно. Потребление электрической энергии в районе, прорезываемом дорогой к тому времени, несомненно, настолько вырастет, что централи, сооруженные для питания дороги, конечно, не останутся без работы. Не окажутся напрасными и затраты на чисто железнодорожные сооружения, так как даже со снятием всего угольного транзита дорога, согласно схеме грузооборота, разработанного Моск.-Курской ж. д., будет иметь грузооборот свыше 5.720 тыс. тонн на километр, при колоссальном пассажирском движении, что будет вполне оправдывать электрификацию этой дороги, а громадное пассажирское движение этого направления будет пользоваться преимуществами скорости, которую дает электрификация.

Создание нового исключительно грузового направления охватывается двумя проектами: созданием самостоятельной магистрали Москва — Донбасс или переделкой Елец — Валуйского направления. Общность того и другого проекта заключается в возможности свести к минимуму пассажирское движение на том и другом, и таким образом, исключив возможность задержки товарных поездов пассажирскими, достигнуть наибольшей коммерческой скорости, следствием чего явится удешевление эксплуатации. Благодаря этому же обстоятельству, в связи с легким профилем дороги, предполагается очень высокий предел пропускной способности, вполне обеспечивающий все направление на возможно доступный учету период времени.

Однако, за весьма малой разработанностью предложения о переделке Валуйско—Елецкого направления в настоящее время возможно говорить только о проекте новой дороги Москва — Донбасс.

Этот проект, имея за собой все преимущества в смысле технического и эксплуатационного решения основной задачи — вывоза угля из Донецкого бассейна на север в Центрально-Промышленный район и Ленинград, не имеет, однако, того значения для прорезываемого района, как электрификация. Местное значение этой дороги охватывается только южной ее частью, до Воронежа; вторая же, северная ее часть, никакого местного значения не имеет, так как идет по местности, вполне обслуженной железными дорогами.

К недостаткам этого проекта следует отнести: во-первых, некоторое удорожание себестоимости перевозок по сравнению с другими проектами вследствие того, что грузооборот этой дороги, как самостоятельной, вновь сооруженной, должен будет оплачивать расходы, не зависящие от движения, которые являются новыми по сравнению с электрифицируемым направлением, где они все равно уже существуют; во-вторых, самое главное — это достаточно продолжительный срок исполнения сооружения, обусловливаемый нашими финансовыми и производственными возможностями, необходимость полностью вложить в предприятие весь капитал, чтобы начать извлекать из него пользу. По самым скромным подсчетам этот срок должен определяться в 6—7 лет, в продолжение каковых

окажется совершенно невозможным оставить без усиления нашу сеть и придется произвести те или иные, быть может впоследствии ненужные затраты.

Электрификация позволит скорее извлечь пользу из затрачиваемого капитала, так как электрифицировать дорогу можно будет постепенно, начиная с наиболее затрудненных ее участков.

В окончательном выводе, по моему мнению, надо остановиться на проекте электрификации Московско-Курского направления, как на современном способе разрешения проблемы выходов на север из Донбасса, но следует иметь в виду, что это решение временное, не более как на 15 лет, и потому коренное решение проблемы, в смысле создания самостоятельного, исключительно грузового направления, никоим образом не должно забываться, а наоборот, должно изучаться самым тщательным образом, чтобы быть совершенно готовым к началу исполнения в любой момент, когда развитие движения поставит его на очередь.

При этом во всяком случае нельзя отвергать без тщательных технических изысканий предложение о постепенном приспособлении под большое товарное движение Елецко — Валуйского направления, как сулящее слишком много выгод при сравнительно небольших затратах и при возможности постепенности вложения средств для своего исполнения.

В заключение необходимо сказать, что с решением вопроса необходимо всемерно спешить. Жизнь не терпит и всякое промедление вызовет только излишние расходы. Это следует помнить работникам НКПС. До сих пор работа по проектировке северных выходов из Донбасса ведется ими весьма разрозненным фронтом и вяло.¹

¹ См. заметки по этому поводу в „Экон. Жизни“ от 26 ноября 1927 г.

Некоторые впечатления от германской рационализации¹

Среди многих фактов, относящихся к „рационализаторскому“ движению в Германии, наибольшего внимания заслуживает, на мой взгляд, не столько привнесенный из Америки метод „поточного“ производства, не столько деятельность центров по стандартизации и нормализации, не столько любопытные начинания анкетной парламентской комиссии, сколько развитие и именно организация развития новых отраслей производства.

Именно здесь лежит, на мой взгляд, центр тяжести действительно серьезных хозяйственных перспектив Германии и именно здесь можно найти вещи, имеющие наибольшее практическое значение для нашего советского будущего.

Не многим известно, в какой мере сказочное развитие электрической промышленности обязано сочетанию в одном лице и глубоких теоретических знаний и изобретательского таланта и деловой умелости. И не многим известно, что несмотря даже на это сочетание нужны были десятки лет упорной работы, чтобы довести некоторые изобретения до широкого практического распространения. Десятки лет работал в неизвестности и среди насмешек Дизель, десятки лет боролся Крупп, десятки лет конструировал свой автомобиль Форд. Больше десяти лет понадобилось самому Сименсу, чтобы осуществить замысел электрического трамвая, да и то начать пришлось с игрушки — с маленьких вагончиков, которые конкурировали с каруселью на промышленной выставке в 1879 г. (эти исторические игрушки до сих пор хранятся в Галле под стеклом). Почти не было крупного изобретения, которое не проходило бы этого долгого и часто мучительного пути. Естественно, что не всегда сочетается в одном лице все необходимое многообразие дарований и не всегда изобретатель встречает необходимую техническую моральную и финансовую среду, чтобы довести свой замысел до осуществления. Мы знаем только историю победивших.

Творческая мысль изобретателя — это ценнейшее из сокровищ, которыми обладает человечество. Но в эксплуатации этого сокровища человечество находится еще почти в той стадии культуры, на которой находилось человечество до изобретения полеводства: умели с'едать то, что выросло само, но не умели обрабатывать поле и сеять.

И вот то, что происходит в последний десяток лет в германской электрической промышленности (и, как я потом расскажу, в химиче-

ской) — это формирование оазисов культурного взращивания изобретательской и конструктивной мысли среди пустыни хищнического ее потребления.

Несколько лет тому назад был закончен постройкой исследовательский институт Сименса. Он находится в городе Сименса, посреди его заводов. Этот институт отличается не только тем, что он оборудован всем, что может понадобиться исследователю, что каждая лаборатория имеет под руками вожжи от всех стихий природных: электричество любых напряжений и силы, газ, тепло, воду, вакуум, давление, холод, а также всевозможные измерительные приспособления и т. д. (А если чего недостает, то будет изготовлено на любом из заводов.) Этот институт замечателен тем, что он, вопреки доминирующей тенденции эпохи к дифференциации, универсален. На ряду с работами чисто электрическими там идут работы в области оптики и фонетики, и металлургии, и химии и т. д. Чтобы характеризовать диапазон работ этого института, достаточно указать, что там разрабатывается новый способ выплавки стали путем использования так называемых „паразитных“ токов и одновременно испытывается тончайшая осциллографическая установка для анализа человеческой речи, которая позволяет сфотографировать каждую отдельную слышимую волну человеческого голоса. Это — пара примеров из того, что о работах института известно. Но главные работы держатся в строжайшем секрете, и мы не знаем еще, какие сюрпризы готовят нам ближайшие годы.

Этот институт по своему составу не является замкнутым учреждением. Там работают сотни исследователей, которые приходят и уходят. Туда приходят известные профессора, и там работают люди, которые потом занимают кафедры в университетах. Любой исследователь может притти туда, и если он докажет, что результат его исследований может иметь практическое применение, — он получит и лабораторию и содержание, хотя бы для его работы нужны были годы и сама по себе его работа носила абстрактный характер. Так, в „Известиях“ Сименса опубликована работа с упомянутым осциллографическим аппаратом, которая пытается новым методом дать решение старому теоретическому спору между Гельмгольцем и Германом о физической природе гласных, спору, который, казалось бы, не имеет никакого отношения к производственным трудам (но эта работа была необходима для усовершенствования громкоговорителей!).

Содержание этого института по тем данным, которые мне сообщили, обходится около 7 млн. марок в год, что составляет около одного процента от годового оборота Сименса.

Надо иметь в виду, для оценки этой суммы, что институт ведет свои исследования независимо от степени их непосредственной применимости для производства. Его исследования — обычно инициативного типа. Для исследований же непосредственно-прикладных, т. е. для исследований, связанных с уже поставленным производством, а также для исследований относительно производственной осуществимости выработанных институтом предложений, существуют специальные лаборатории при каждом отделе. Наконец, в каждом цеху имеются свои, уже чисто производственные измерительно-испытательные лаборатории.

¹ В порядке постановки вопроса. Ред.

Все это, отнюдь, не рассматривается, как благотворительность или роскошь. Предприятие, которое выросло из изобретений своего основателя, а не из ловкого использования чужих патентов, знает цену и смысл и изобретений и условий для их осуществления. Эта исследовательская организация — родник будущего для промышленности. И на мой взгляд — в этом главный источник мирового значения предприятия. Конечно, можно высказать не мало сомнений по поводу организации и социального характера всего этого дела. Но нельзя отрицать его значения для всего будущего развития промышленности.

Одной из интереснейших новинок в германской металлургической промышленности является нержавеющая сталь. Из этой стали делают не только мелкие вещи, в роде перьев для вечных ручек, зуботехнических принадлежностей и хирургических инструментов, зеркала, из нее делают также котлы и сосуды для химической промышленности, не раз'едаемые кислотами. Почему, не будут ли в недалеком будущем покрывать крыши нержавеющей сталью. Дальнейшее развитие этого производства, удешевление его приведет к столь широкому применению нержавеющей стали, которые сейчас нам трудно даже вообразить.

Возможностью развития этого нового производства Крупп обязан специальному исследовательскому институту при заводах, директор которого входит в состав дирекции заводов.

Еще более заметную роль, чем у Сименса и у Круппа, играет исследовательский институт (или, вернее, институты) в промышленности химической. Для характеристики этих институтов приводят тот факт, что при Баденских содоанилиновых фабриках финансировалась работа 200 исследователей, которые через 9 лет исканий выработали дешевый способ фабрикации искусственного индиго. В настоящее время в одном только центре работает несколько сот человек в лабораториях. Химическая промышленность настолько полна новых производственных возможностей, что она перешла уже к продаже самих патентов.

Чтобы оценить действительную роль широкой, исследовательской, работы для индустриально поставленной химической промышленности, надо принять во внимание тот поразительный переворот, который происходит в ней сейчас.

Химическая промышленность была значительна в Германии и до войны. Ее сила заключалась в том, что при мировом расцвете текстильной промышленности, она снабжала мир дешевыми красителями. Средняя стоимость немецких красителей была в $4\frac{1}{2}$ раза ниже, чем американских. Один только вывоз немецких красок до войны достигал нескольких сот миллионов марок в год. Но во время войны выросла химическая промышленность и в других странах, особенно в Америке. Вывоз красок из Германии в 1926 г. составлял всего 40% довоенного — по весу. И вот, внутренняя сила германской химической промышленности сказала в том, что несмотря на эту мировую конкуренцию она не только не сузилась, не только выросла сейчас больше чем вдвое (свыше 350 тысяч рабочих против 155 тысяч в 1907 г.), но и стоит, несомненно, на пороге расцвета, невиданного и по размеру и по глубине народного хозяйственного значения. Чему обязана германская химическая промышленность этой своей силой? Тому, что она сумела исследовать

ски разработать и производственно осуществить новые отрасли производства.

Я знаю, что мне могут возразить относительно использования прибылей военного времени, относительно займов, полученных во время войны от правительства и оплаченных затем, во время инфляции, по курсу в 10 раз ниже. Все это верно. Но также верно, что и английская и американская химическая индустрии не испытывают недостатка в финансировании и в государственной помощи. Однако, нигде с мире химическая промышленность не стоит так высоко, как в Германии. Нигде в мире химическая промышленность не поднимается так быстро по волне новых производств.

Новые отрасли производства — это главный источник промышленного расцвета последних десятилетий и один из могущественнейших путей промышленного накопления вообще. Если в былые времена способом накопления был прямой грабеж, военный или невоенный, если к концу XIX века на первый план выступила коммерческая и финансовая политика трестов, как путь накопления, то в последние десятилетия наряду с этим путем, иногда совмещаясь с ним, а иногда конкурируя, выступает новый метод накопления — использование технического взлета, эксплуатация новых отраслей производства. Суть этого метода заключается в том, что технические усовершенствования дают такое падение себестоимости, которого хватает и на сильное удешевление фабриката (и, значит, резкое расширение сбыта) и на порядочную прибыль, невозможную для отраслей старых, где уже есть конкуренция, а с нею и вся обычная механика ценнообразующих законов.

Это снятие сливок новизны занимало весьма видное место в истории накопления таких гигантов, как Крупп, Карнеджи, Сименс и Форд. Преобладание финансово-коммерческих путей типично для методов Рокфеллера, Моргана, а в Германии, повидимому, для Тиссена.

То, что является новым для нынешнего времени, — это то, что не просто снимаются сливки новизны, но сознательно и систематически разрабатываются родники этих сливок.

Еще во время войны Германия развернула производство азотистых соединений из воздуха. Сейчас одна эта отрасль продукции равняется всей довоенной продукции красок. Уже в 1925 г. стоимость азотистых фабрикатов, произведенных германской промышленностью, составляла около 375 млн. марок. И эта продукция настолько важна для сельского хозяйства и она настолько хорошо конкурирует со старыми довоенными удобрениями из чилийской селитры, что сбыт растет непрерывно, несмотря на то, что цены повышаются и несмотря на то, что эти цены в $2-2\frac{1}{2}$ раза превышают себестоимость. (Это свидетельство, как и многие другие данные о химической промышленности, я заимствую из новой книги проф. Баллода, в высшей степени интересной и важной, о которой я в дальнейшем еще не мало имею сообщить.)

Правда, азотное производство своим расцветом в значительной мере обязано войне, — когда вследствие блокады Германия лишилась чилийской селитры. Но вот сейчас на очереди две новые гигантские отрасли производства: оживление угля и синтетический каучук.

Смысл „оживления угля“ в том, что из дешевого, неглубоко в земле лежащего и сравнительно малокалорийного бурого угля 15% превращается в моторное топливо, 20% в топливо для дизелей, 6% в смазочные масла, 8% в отопительные масла, остальные почти целиком превращаются в газ и кокс. Стоимость получаемого таким образом топлива для автомобилей и тракторов составляет около 100 марок за тонну (меньше 80 коп. за пуд!), т.-е. примерно в 4 раза дешевле средней нынешней немецкой цены на ввозное топливо!

Что это означает в смысле капиталонакопления? Потребление моторного топлива в Германии уже теперь превышает миллион тонн в год. Нет сомнения, что с ростом промышленности, с развитием автомобилем (а Германия еще весьма отстала в этом отношении от Америки!) и при условии некоторого удешевления топлива, потребление это возрастет во много раз. Производители этого топлива имеют возможность продавать его вдвое дешевле нынешнего и все-таки получать 100% прибыли, т.-е. многие сотни миллионов в год!

Стоимость же оборудования при этом исчисляется немногим выше 150 марок на тонну минерального топлива!

Я не располагаю, к сожалению, цифровыми данными для освещения возможного экономического эффекта от продукции синтетического каучука. Но судя по тому, что каучук стал в последние годы предметом экономического соревнования между Америкой и Англией, судя по тому, что продукция каучуковой промышленности в Америке уже несколько лет тому назад перевалила через миллион долларов, судя по тому, что американцы затрачивают сотни миллионов долларов на каучуковые плантации в Африке и центральной Америке, нужно думать, что речь идет не о пустячке. Не случайно, вероятно, об этом упоминается в публикации по поводу выпуска химическим трестом новых облигаций на 250 млн. марок в качестве мотива выпуска (и мотива для приобретения облигаций!). Но рядом с упоминанием об оживлении угля были упомянуты затраты на каучуковые заводы, несмотря на то, что окончательных массово-производственных результатов разработка вопроса еще не дала.

Это последнее обстоятельство тоже не лишено интереса для характеристики основной установки на новые производства, свойственной этому тресту.

Я не знаю, сколько затратила химическая промышленность на разработку этих новых производств. Но какие затраты можно было бы считать слишком высокими для подобных результатов? И кто знает, какие еще новые отрасли производства готовятся или могут готовиться в этих исследовательских тайниках? И это — только в одной из отраслей народного хозяйства! А что, если бы во всех отраслях изобретательская мысль культивировалась так же?

Мне могут ответить: все это хорошо, но при чем же здесь рационализация? Что с того, что немцы это относят к рационализации? Это — попросту техника.

Да, конечно, если ограничивать рационализацию проторенными путями конвейеров и норм — это не рационализация. Но если понимать под рационализацией замену стихийных организационных проб сознательным изучением и использованием организационных факторов успеха,

то это как раз самая доподленная рационализация, и притом важнейший и плодотворнейший тип ее. Ибо здесь речь идет об организации для продуктивнейшего использования не мускульных трудовых процессов, вымирающих в современной промышленности, и не реактивно-регулятивных даже процессов (обреченных на вымирание развитием современной техники), а высших психических процессов изобретения, конструирования, экспериментирования.

Но суть не в названии, конечно. Суть в том, что это есть поднятие исследовательской и изобретательской работы с кустарного уровня на уровень индустриальный, суть в том, что это есть первый шаг от хаотического и свинского поедания готовых желудей изобретения к планомерной эксплуатации изобретений плантаций, и суть в том, наконец, что здесь заложены источники капиталонакопления и богатства — накопления более мощные, чем какие-либо другие в мире.

Если германской промышленности еще предстоит будущее, несмотря на гигантские успехи Америки, то это будущее будет завоевано не пересаживанием приемов „поточной“ работы и не трестированием на американский лад металлургии, — а именно этими родниками новых отраслей, которые немцы научаются ценить, вводить и использовать.

Смысл и значение очерченных мною германских рационализаторских мероприятий нельзя, однако, оценить полностью, если только описывать их и если не подойти к ним критически.

Здесь будет полезно небольшое отступление в область теории, чтобы условиться относительно критериев для этой критики.

Два основных критерия спорят здесь за верховенство. Критерий, унаследованный от эпохи первоначального накопления, — наименьшая трата сил, — и критерий эпохи зрелого индустриализма, — продуктивнейшее использование. Первый предполагает цели, стоящие вне обсуждения, и ищет легчайших путей к этим целям, второй исходит из ресурсов наличных и потенциальных, и ищет путей продуктивнейшего использования этих ресурсов, включая сюда и постановку новых целей, если понадобится.

Тенденция к продуктивнейшему использованию ресурсов, наличных и потенциальных — это социально-биологический корень всех отдельных принципов и подходов современной американской рационализации. Продуктивнейшее использование оборудования — полная загрузка, массовая продукция; продуктивнейшее использование пространства — плановое и компактное расположение станков и материалов; продуктивнейшее использование рабочих усилий — хронометраж, точная инструкция работы; дифференциация функций, механизация обработки и внутреннего транспорта; продуктивнейшее использование сырья, использование рафинированных сортов стали — утилизация отходов и побочных продуктов; продуктивнейшее использование топлива, — теплосиловые комбинаты; продуктивнейшее использование оборотного капитала, — ускорение оборота, избегание работы на склад; продуктивнейшее использование основного капитала — увеличение эффективности затрат; продуктивнейшее использование технически-творческой мысли — окружение ее возможностью плодотворнейшего развития в специальных промышленно-исследовательских институтах.

Принцип продуктивнейшего использования теснейшим образом связан с широтой кругозора использования. Использование может быть продуктивнейшим с точки зрения отдельной мастерской или завода в целом или отрасли хозяйства, или класса, или страны, или человечества. Особенность тенденции к продуктивнейшему использованию в том, что она быстро обнажает границы и ограниченность кругозоров, в то время как для принципа экономии любой кругозор хорош: цели приняты, уже заранее поставленные, для принципа продуктивнейшего использования узость кругозора становится препятствием для самой возможности его осуществления. Чем в большей мере „продуктивным“ стремится стать использование ресурсов, тем яснее становится, что подлинно продуктивнейшее использование — это то, которое продуктивно не для отдельного человека или группы, а для все более и более широких кругов, в конце концов для всего человечества.

Отсюда та, сравнительно большая и на первый взгляд непонятная широта кругозора, которая позволяет, например, американцам ценить высокую заработную плату. С точки зрения принципа экономики в кругозоре предприятия, — конечно, платить надо поменьше. С точки зрения более широкой, американской — высокая плата дает лучшую производительность (более полное использование рабочей силы) и увеличивает покупательскую силу населения (возможность расширения продукции, более продуктивного использования оборудования и т. д.). Отсюда и знаменитое „привлечение рабочих к капиталовладению и прибылям“. Отсюда и та неизбежность, с которой крупные деятели „рационализации“ и экономики в Америке приходят к осознанию необходимости общегосударственной точки зрения (Гантт, Митчел, Гувер), отсюда ряд американских мероприятий последних лет по обобществлению рационализаторского опыта и по регулированию хозяйства, — мероприятий, в которых нашло бы для себя не мало поучительного и плановое социалистическое хозяйство (гуверское исследование факторов производительности или „потерь“, исследование реальной емкости рынка, мероприятия по борьбе с кризисами, последние начинания в области механизации фермерского хозяйства). В соответствии с этим можно было бы сказать, что основная тенденция зрелого индустриализма, тенденция к продуктивнейшему использованию всех ресурсов, наличных и потенциальных, — тенденция организационного развития, — и есть критерий так называемой „рациональности“. Чем выше хозяйственное развитие, тем шире кругозор этой продуктивности. В Америке этот кругозор начинает перерастать кругозоры предприятий и групп. В социалистическом обществе широта кругозора охватывает государство или даже человечество в целом. В этом отличие критерия социалистического от критериев капиталистических.

Как обстоит дело с точки зрения этих критериев в Германии? Очень плохо.

Самоочевидная для американца выгода высокой зарплаты для немцев до сих пор совершенно непонятна. Я говорил на эту тему со многими немцами. Непонятно. „Но ведь тогда придется и цены поднять?“ Даже иным коммунистам немецким это было непонятно.

Но всем очень хорошо понятно, что для рационализации необходимо расширение сбыта. Где же его искать? Если не повышается зарплата, если не понижаются цены, — остается только один путь для расширения сбыта — путь империалистической экспансии.

Ставка на расширение емкости внутреннего рынка, на рост зарплаты, рост народного благосостояния и экономическую замкнутость хозяйства, — это пока еще превышает организационно-хозяйственный кругозор Германии. Ни понижения цен, ни повышения зарплаты. Цены в трестированной промышленности, а за нею и в других, растут, а не падают. Реальная заработная плата падает.

Каковы же перспективы роста в таких условиях?

Я вижу только одну перспективу: борьба за внешние рынки. И не случайно именно в этом направлении идет сдержанная, но упорная обработка общественного мнения в Германии.

Пока положение не переменится коренным образом, имеются только два выхода: или подготовка новой империалистической вылазки (и мы быть может не знаем, какое новое оружие выводится для этой цели в тайниках германских лабораторий и производств...) или тупик, кризис сбыта, безработица и жесточайшие внутренние потрясения.

Принцип рационализации, принцип продуктивнейшего использования имеет свою внутреннюю логику. Он не терпит сохранения старых кругозоров. Только исключительная удача может отвести тупик. Достаточно привести один пример для иллюстрации этой чудовищной узости народнохозяйственного кругозора немцев. Я уже приводил выше данные проф. Баллода об отношении цен на удобрения и их себестоимости. Нет никаких оснований думать, что эта себестоимость повышается. Между тем, цены на удобрения повышаются, а крестьянству в виде компенсации бросаются покровительственные пошлины на хлеб. Результат: вместо подъема сельского хозяйства и освобождения от импорта хлеба, отставание сельского хозяйства (Германия до сих пор имеет посевную площадь процентов на 10 меньше довоенной для той же территории, по урожаю еще не достигла довоенного уровня и ввозит около 40% потребляемой ею пшеницы и ячменя, при чем ввоз растет, а не падает), — и повышение цен на сельскохозяйственные продукты (за 1926 г. индекс от 120 поднялся до 140), около какого уровня с небольшим понижением и оставался в 1927 г. Вместо использования драгоценнейших удобрительных веществ на увеличение урожая, удешевление хлеба, рост народного богатства и, значит, спроса — нелепейший, вреднейший хозяйственный результат.

Еще ярче выступает истинная природа нынешней рационализаторской мудрости в Германии, если взглянуть на нее не на фоне американских критериев, а на фоне критериев социалистических.

Такая возможность имеется у нас, правда, не благодаря деятельности германских социал-демократов, а благодаря исключительно интересному труду упомянутого уже проф. Баллода. Проф. Баллод — это тот самый Атлантикус, книга которого о „Государстве будущего“ в первом издании была переведена на русский язык еще вскоре после революции 1905 г., во втором ее издании около 1920 г. Во время войны он имел возможность знакомиться с немецким хозяйством, участвуя в знаменитых комиссиях по мобилизации хозяйства, после революции он участвовал в покойной памяти комиссии по социализации, много лет работал в центральном статистическом управлении.

В 1927 г. вышло четвертое издание „Государства будущего“, полностью переработанное. Ценность этой замечательной книги двойная. Во-первых, она дает блестящее и убийственное разоблачение „практической деловитости“ целой серии режимов, начиная от бисмарковского и кончая послереволюционным и нынешним. Эта критика полна не только ярких конкретностей, но и глубокого понимания основных фактов. Во-вторых, эта книга дает обоснованный технический, экономический и социологический эскиз социалистического хозяйства для Германии в его целом. Эскиз, очень сжатый, сухой, но полный волнующих цифр.

Беря за основание реальные производительные силы, реальный технический уровень и реальные размеры потребления, Баллод делает подсчеты относительно того, что можно было бы получить при действительно рациональной организации всего хозяйственного комплекса. Основная концепция Баллода такова: укрупнение и полная механизация почти всего сельского хозяйства, снабжение его удобрениями, производимыми по лучшим современным методам (а не по господствующему Габер-Бошевскому), перевод производства во всех отраслях на уровень технически лучших современных „научно-организационных“ производств, перевод текстильной промышленности с хлопка на лен и искусственное волокно, передача хозяйственных постов руководителям, правильно подобранным по их знаниям и по их способностям. Какой результат дают подсчеты?

При условиях не экспроприации, а выкупа средств производства (на что уходит около 10% годовой продукции), при высокой оплате руководителей хозяйства, а также деятелей науки, искусства, учителей и т. д. (на что уходит тоже около 9% продукции) — полное обеспечение всего рабочего населения всем необходимым на уровне, значительно превышающем нынешний (комфортабельные квартиры в городах-садах), освобождение от ввоза хлеба, хлопка и нефти, — и для всего этого понадобилось бы установить всего лишь восьмилетний рабочий век (8 часов в день, 3—3,5 недели отпуска притом). (Так разрешается у Баллода пугающая некоторых наших экономистов проблема „избытка рабочей силы.“)

В других выражениях это означает, как указывает сам Баллод, реальную заработную плату на 30% выше фордовской. Еще иначе это можно было бы выразить, как повышение народнотрудовой доходности, примерно, раз в пять.

Можно, конечно, смеяться над некоторыми наивностями Баллода, в вопросе о путях осуществления такого хозяйства. Баллод — хорошо просвещенный статистик, с конструктивно-хозяйственным укладом ума, но не политик. Жизненные отношения, разумеется, не складываются так легко по линиям рациональных расчетов. Но цифры остаются цифрами.

На мой взгляд, выводы Баллода скорее говорят об осторожности его расчетов, чем о фантастичности: производительность труда в насквозь рациональном хозяйстве всего на 30% превышает у него зарплату (не производительность, а зарплату) рабочих в реально существующей Америке.

Но в этих цифрах — приговор, Приговор „деловой серьезности“ современного германского „рационализирующегося“ капитала.

Нельзя преуменьшать того, что действительно достигнуто и может быть достигнуто германской рационализацией. У немцев есть много, чему поучиться. Но нельзя не видеть и тупиков, в которые их заводит узость кругозора индустриально отсталого капитала. Слепая аграрная политика, реакционность в политике цен и зарплаты — ярчайшие проявления этой узости даже с точки зрения критериев передового капитализма. При сохранении этого кругозора не видно серьезной перспективы роста. Конкуренция с Америкой за счет дешевой рабочей силы, даже если она удастся, не будет означать хозяйственной победы. Только новые отрасли производства, в которых Германия оказалась бы мировым монополистом и к которым ей удалось бы приспособить все свое остальное производство, могли бы открыть для Германии сколько-нибудь серьезные перспективы даже при нынешнем кругозоре германского капитализма.

Теперь о возможных выводах для нас: существенное отличие положения рационализации в Советской России в том, что здесь и социалистическая широта кругозора обеспечена и властная воля к подлинной рационализации выражена, так что речь может идти лишь о конкретизации задач и путей их осуществления, а также о путях борьбы с крупнейшим врагом рационализации у нас — с нашим бескультурьем. Минувшие несколько лет были годами нащупываний и исканий в рационализации. Теперь мы подходим к широкому новому строительству. Если еще рано говорить о генеральном плане рационализации, то все же, на мой взгляд, уже пора говорить о широкой, теоретически обоснованной программе рационализации.

И здесь тоже можно двояко понимать рационализацию: рационализация текущая и рационализация коренная. В рационализации текущей, т. е. той, которая имеет в виду непосредственное практическое применение и эффекты ближайших лет, нам ничего не остается, как только использовать известные западные методы. Сюда можно отнести и этот самый „поточный“ процесс (не увлекаясь сразу самодвижущимися лентами и стремясь, как и немцы, к обеспечению возможной эластичности системы), и стандартизацию, и заводские испытательные лаборатории, и повышение квалификации персонала, и комбинированное использование сырья и топлива, и механизацию, и упорядочение складского хозяйства и — что особенно важно — углубление учета и т. д. Все это у нас известно и делается уже, недостает только правильного аналитического учета того, что делается, обобщения опыта и использования обобщенного опыта.

Параллельно с учетно-обобщающей и систематизирующей работой полезно было бы, быть может, сосредоточить рационализаторские усилия на базе того опыта, который уже сложился, на нескольких типических организационных участках, мобилизовать на эти участки человеческие силы и материальные ресурсы, обеспечить методологически тщательную регистрацию всего, что делается и получается и, таким образом, ускорить выработку формул рационализации, которые могли бы заменить собою рационализаторские рецепты. Конкретно — это означало бы создание образцов рационально поставленной организации. В качестве объектов можно было бы указать: завод с-х. машин, завод электрических принадлежностей, механизированный совхоз, торговую сеть большого города.

Если бы нам удалось сосредоточить все усилия и средства, создать за пару лет один завод чуточку лучше Ланца, одну фабрику мелких моторов или т. п. чуточку лучше, чем у АЕГ, один совхоз, чуточку лучше фермы Кембела, одну городскую торговую сеть чуточку лучше американских универмагов, — это было не так уж мало, чтобы заложить школу для дальнейшего распространения этого вида рационализации.

Мне кажется, при крепком решении и при сосредоточении всех сил и ресурсов на нескольких небольших участках — очагах рационализации, — эта задача не оказалась бы для нас непосильной.

Если бы за несколько лет нам удалось организовать на современной технической базе образцовый аналитический учет на нескольких заводах и одном — двух трестах и образцовую постановку нормирования — это было бы уже совсем не плохо, даже по германскому масштабу. Предпосылки же для этого имеются, и при надлежащих усилиях задача реальна.

Но это — о рационализации текущей, т. е. более или менее непосредственно доступной. Гораздо существеннее, конечно, проблемы рационализации коренной. Здесь речь идет о проблемах планового порядка, относящихся к самым первоисточникам хозяйственного успеха. Первое, что, мне кажется, надо было бы здесь сделать, это внести больше ясности в содержание плановых доминант. Под плановыми доминантами в отличие от плановых директив я понимаю основные цели, к которым и все планирование и самые директивы направлены.

До сих пор наше планирование направлялось двумя доминантами: 1) обеспечение хозяйственного равновесия; 2) обеспечение индустриального фундамента дальнейшего хозяйственного развития и экономической независимости страны. В связи с разговорами о многолетних планах стала выдвигаться третья доминанта: подъем народного дохода. Мне кажется, своевременно поставить на очередь четвертую и пятую доминанту: плановое формирование народного потребления и плановая активация технического творчества. Вопрос о первых двух доминантах (равновесие и индустриальный фундамент) наиболее разрабатывался до сих пор. Вопрос о формировании потребления представляет самостоятельную большую тему. Я попробую отчасти коснуться здесь доминанты подъема народного дохода и ее связи с доминантой активации технического творчества.

Подъем народного дохода. Предварительные изыскания по этому поводу касались у нас до сих пор, главным образом, масштаба повышения народного дохода, каковой следует иметь в виду. В качестве такого масштаба намечалось удвоение. Обоснования такому масштабу я не знаю. Если бы надо было этот масштаб количественно устанавливать, то скорее подходила бы цифра 15, чем 2, ибо, примерно, в 15 раз выше нашего народный доход современной Америки, которая является пока образцом того, чего бесспорно можно достигнуть при нынешнем уровне техники. Однако, суть вопроса надо искать не в этих, конечно, абстрактных соображениях насчет желательной высоты подъема, а в установлении наиболее надежных и наиболее быстро действующих подъемных сил.

Если бы мы обладали необходимыми техническими знаниями и опытом и если бы мы располагали необходимым начальным оборудованием, мы

могли бы разрешить эту задачу сравнительно просто. Мы могли бы попросту разработать инженерный проект полностью реконструированной индустрии, соответствующей современной технике, с одной стороны, и размеру народных потребностей, с другой стороны. Так как в рабочей силе у нас недостатка нет и прокормить эту рабочую силу тоже найдется чем, то мы строили бы заводы и фабрики до тех пор, пока проект не нашел бы своего полного осуществления и, по мере их окончания, постепенно переходили бы на новый уровень народного дохода. Повидимому, в этом именно духе и представляет себе пути перехода для Германии Баллод.

Но так как мы не имеем в необходимых для этого масштабах ни знаний и опыта, ни оборудования, то задача усложняется проблемами импорта и экспорта и проблемами выбора последовательности капитальных сооружений. Основное затруднение, еще не вполне у нас осознанное, заключается здесь в противоречии двух тенденций: тенденции к обеспечению индустриальной базы для дальнейшего строительства и тенденции к ускорению накопления. В этом противоречии отличие нашего положения от положения Германии и Америки в конце XIX века. Для этих обеих стран создание базисных отраслей хозяйства являлось одновременно и созданием отраслей, наиболее доходных, наиболее быстро накапливающих капитал, ибо как раз эти области были тогда новыми отраслями производства (металл, электричество). Сейчас эти отрасли уже не так новы, сейчас их доходность меньше, чем в некоторых других важных областях. Мы немного, так сказать, исторически опоздали для быстрого развития по этой линии.

И если, тем не менее, эти базисные отрасли (металлургия, машиностроение, электрификация) для нас необходимы, то не меньшее значение имеют для нас и отрасли, более быстрые в смысле капиталонакопления, т. е. новые хозяйственные отрасли.

В этом смысле экономически вопрос стоит для нас совершенно так же, как выше было очерчено для Германии. Нам, конечно, нужно и все другое, но главной нашей надеждой могут быть только крупные отрасли новых важных производств. Нам необходимы отрасли производств, которые сыграли бы для нас ту же роль, какую в свое время сыграли для Америки металлургия, электричество, нефть, автомобили, какую играют сейчас для Германии ее производства химические.

Положение осложняется здесь тем, что разработка и подготовка новых отраслей сама требует и времени и еще кое-чего, о чем я скажу дальше.

Некоторым временным выходом отсюда явилось бы промежуточное решение: развитие таких отраслей производства, которые технически были бы уже сейчас подготовлены и более или менее нам доступны экономически и которые политически и экономически имели бы шансы у нас осуществиться, если не раньше, то хотя бы не позже, чем на Западе. Одна из таких отраслей новой продукции была предложена, и сейчас идут опыты по ее внедрению, достаточно обнадеживающие. Это — промышленность полеводства. Как я уже упоминал, Баллод считает механизацию полеводства необходимым условием также и для социализации Германии (и любой другой страны). А сейчас есть сведения, что

в Америке вопрос этот выдвинут буржуазным американским правительством, как единственный выход из жестокого аграрного кризиса.

Значение полеводственной промышленности заключалось бы прежде всего в повышении урожая (в степях за счет паров, — пудов до 30 на десятину, на севере — за счет площадей, освобождаемых от прокорма лошадей). В сочетании с широкими мерами по фабрикации дешевых минеральных удобрений полеводственная промышленность означала бы и подъем народного богатства и подъем нашей экспортно-импортной способности. Как я уже не раз показывал, особенность этой меры в том, что она не требует особенно крупных вложений, так как эта отрасль новая, технически обусловленный сверхдоход высок, и оборудование быстро окупается. Здесь нужно положить небольшое начало, остальное будет расти само. Механизация полеводства не только повышает урожай, она освобождает рабочие руки. Для обработки полей она требует в десятки раз меньше людей, чем теперь. При повышении урожая и освобождении рабочей силы крестьянства от полевой заботы, надо было бы ожидать неизбежного повышения скотоводства, огородничества и подъема общехозяйственной предприимчивости крестьянства. Кроме того, здесь мы имеем отрасль, оборудование для которой легко может изготавливаться внутри страны. Мы имеем уже довольно развитую продукцию с.-х. машин, которую надо только приспособить для изготовления прицепов тракторных вместо лошадиных. На мой взгляд, нам вполне по силам, если только не будем спешить, где не надо, за несколько лет развернуть завод, который будет изготавливать не плохие тракторы и не дороже, чем американские, если продукция его будет достаточно велика.

В качестве второй отрасли такого же переходного типа мне пришлось уже не раз упоминать переустановку текстиля с хлопка на лен. Механизация посева и уборки льна, улучшение его сортов и культивировки и механизация обработки волокна открывают, судя по опытам Форда, достаточно убедительные перспективы. Это мероприятие, будучи широко проведено, могло бы освободить значительную часть платежного баланса от хлопкового бремени в пользу повышения импорта машин и одновременно подняло бы благосостояние крестьянства как раз в тех областях, где по условиям климатическим об экспортных хлебах говорить не приходится.

Обе эти отрасли, вместе взятые, помимо сравнительно быстрого повышения народного дохода вообще, немало содействовали бы и ускорению строительства в других областях, так как обеспечивали бы растущие ресурсы для импорта необходимого оборудования.

И полеводственная зерновая промышленность, и льняная промышленность, — как я уже сказал, — отрасли условно новые. Технически они уже подготовлены на Западе. Здесь мы окажемся не в худшем положении, чем Запад, но, возможно, и не в лучшем. Никто не поручится, что Америка не осуществит аграрной технической революции быстрее, чем сумеем это сделать мы. Тогда опять единственным нашим преимуществом при экспорте зерна останется дешевизна наших рабочих рук.

Между тем, нам много еще нужно, чтобы догнать по уровню благосостояния Запад. И поэтому придавая очень большое, для ближайшего времени даже решающее значение указанным мероприятиям, я одновременно считаю, что фундаментальные надежды нашего генерального

планирования этими отраслями ограничиться не могут. Чтобы подняться на уровень действительной современной техники, нам недостаточно ввозить готовые плоды ее. Нам надо ввозить семена, и научиться культивировать эти семена самим.

Если близорукие германские капиталисты научаются понемногу понимать, что техническую мысль надо не только использовать, но и возрастить, если они находят выгодным тратить на это в течение годов многие миллионы, то тем более это необходимо нам. И мы должны сделать это, конечно, с иными целями и в ином масштабе.

Я знаю, что у нас за последние годы основано не мало исследовательских промышленных институтов. Но я имею в виду нечто совершенно иное. Я имею в виду не воспроизведение каких-либо, хотя бы и очень хороших отдельных учреждений исследовательского типа, а создание специальной системы широких мероприятий, вытекающих из ясного понимания и роли технического творчества в хозяйственной жизни, и особенностей и требований самого процесса технического творчества.

К сожалению, процесс технического творчества освещен наукой еще не в такой мере, в какой освещены некоторые другие биологические процессы, и поэтому требования этого процесса мы не можем еще удовлетворять настолько, насколько можем удовлетворять требования, скажем, процесса произрастания пшеницы. И одной из необходимых мер здесь явилась бы посылка группы молодых ученых, с умом, восприимчивым к живым реальностям, в места, где сосредоточены материалы и документы относительно технического развития („Дейтчес Музеум“ в Мюнхене, Conservatoire National de Arts et der Metières в Париже, Кэнсингтонский музей в Лондоне, некоторые учреждения в Вашингтоне, немецкое „Патент-Амт“ и т. д.). Там они могли бы поработать несколько лет, собрать материалы если не для открытия законов творчества, то хотя бы для эмпирической иллюстрации живой обстановки его, реальных затруднений и условий победы. Этот материал принес бы не малую пользу в качестве учебного материала во всех вузах и в качестве материала для внешкольного просвещения значительного числа наших администраторов.

Одному товарищу, занимающему ответственный пост, мне как-то пришлось сообщить об успехах некоторых хороших американских машин, которые до их окончательного выпуска разрабатывались 14 лет. „Да, — ответил он с горечью, — а у нас за один год уже 14 раз засудили бы таких экспериментаторов“. Ему было хорошо видно с высоты его поста, что таков наш быт. Но что означает такой быт?

Он означает то же самое, как если бы было в обычае вырывать ростки тех семян, которые кажутся недостаточно быстро растущими. Оценить подобный обычай в отношении пшеницы не затруднится сейчас ни один человек. Ибо планомерная культура пшеницы — дело привычное человечеству в течение тысячелетий. Планомерная же культура ростков технического творчества, — это то, что почти еще не начато.

Это наследие дикарского быта должно быть преодолено. И один из первых путей к тому — широчайшее просвещение о реальных трудностях и особенностях творческого процесса. Основные требования

и темпы технического творчества должны стать для масс столь же ясными, как ясны теперь требования удобрения или орошения полей.

Нельзя ждать, конечно, пока наука осветит эти процессы полностью. Кое-что мы знаем уже и теперь. Мы знаем, что для технического творчества, прежде всего, нужны головы, но что для успеха его недостаточно голов. Мы знаем, что изобретения не рождаются сразу зрелыми, что голова изобретателя должна сначала крепко зарядиться задачей, что эта задача часто кажется окружающим нелепой или ненужной, что требуется большое упорство этого заряда иногда на годы и десятилетия, что ни упорства, ни дарования иногда бывает недостаточно, что даже при отыскании верного решения задачи нужны ресурсы, материальные и технические, для построения прибора модели и установки и т. д., что изготовленная модель не всегда сразу оказывается удачной, что на пути к успеху находятся тысячи препятствий, что эти препятствия становятся все сложнее и разнообразнее по мере усложнения техники, что современные крупные открытия требовали уже не единичных кустарных работ, а коллективного труда сотен компетенций и сотен исследователей, что разработка открытий и многие отрасли научной работы вообще требуют теперь такой же дифференциации и индустриализации, как и само производство.

Что же можно сделать, чтобы облегчить творческому исканию его путь через все эти барьеры? Надо расчистить дорогу всякому, кто может участвовать в техническом творчестве, и надо обеспечить ему такую среду, — техническую, научную, материальную, моральную, — в которой его природные данные привели бы к скорейшему и продуктивнейшему эффекту. Это сделать можно. И особенно это можно сделать у нас. Надо, прежде всего, чтобы каждая творческая голова была уверена, что есть такое место, где ее оценят, где над ней не станут глумиться, где ей дадут необходимый простор для проявления своих потенций. Это уже одно будет огромно. Это создаст гигантский подъем бодрости, уверенности и энергии у творческих сил. Уже одна надежда пробиться к этому манящему месту будет окрылять.

Во-вторых, нужно, чтобы это место действительно было подходящей средой для взращивания изобретений.

Вряд ли позволительно сомневаться, что творческие силы у нас есть. Вряд ли стоит перечислять открытия, которые у нас зачинались, но не у нас осуществлялись: в роде свечи Яблочкова, радио-телеграфа Маркони, радио-взрывателя Филиппова и т. д. Совсем недавно в Институте Сименса я говорил с человеком, разрабатывавшим производственный метод, который создаст переворот в промышленности: это был русский. Я уже имел случай сообщать, что Поверс, изобретатель машин, несущих переворот в статистических, бухгалтерских работах и некоторых организациях исследовательских методов, происходил из России.

Этой осенью большой шум наделали и в Германии и в других странах демонстрации изобретения Теремина, которое, повидимому, означает величайший переворот в истории музыки. И мне до сих пор не совсем ясно, почему Теремину оказались необходимыми для его работ немецкие мастерские.

Наконец, не всем еще известно, в какой мере обязаны работам русских ученых даже те самые производственные процессы, которые лежат сейчас в основе грандиозных успехов и еще более грандиозных надежд германской химической индустрии. И не всем известно, что даже в самое последнее время немецкая химическая промышленность пригласила к себе одного из крупнейших наших химиков.

Почему бы не быть обратному? Если русские изобретатели могут работать за границей, почему иностранцы не могли бы работать в России? Разве капиталистический мир дает, может всем им дать условия, необходимые для работы? Если даже такая величина, как химик Клод, должен был публично жаловаться на слепоту правительств, жалеющих пары сотен миллионов на создание лабораторий, которые облагодетельствовали бы народы! Или нет таких великих задач, которыми горят и болеют десятки исследователей, не находя возможностей для надлежащей их разработки? Вот небольшой перечень, который приводит Баллод: синтетический белок, усовершенствование искусственного шелка до качества настоящего шелка, уничтожение прядения и тканья путем изготовления тканей наподобие бумаги, изготовление сахара из угля, с'едобных жиров из нефти... А мало ли задач могло бы быть поставлено, еще никем не тронутых? История знает примеры, когда об'явление задачи правительством толкало мысль изобретателя и приводило к успеху. Так, например, об'явление Наполеоном премии воодушевило Жирара на его изобретение в области льнопрядения. Так был решен целый ряд военных технических задач.

Разве невозможна у нас организация учреждения, которое поощряло и обеспечивало бы разработку технических задач от момента их точной формулировки до установления всего необходимого для массового производства?

Разумеется, во главе подобного учреждения должны стоять люди, вполне авторитетные в науке и технике, а на ряду с ними — и в государственных делах, — люди ясного, смелого ума и большого кругозора, которые являлись бы надежными судьями перспективности и реальности предлагаемых изобретений. Но каковы бы ни были личные достоинства этих людей, нужен, повидимому, еще и какой то специальный корректив к их суждению. История знает, к сожалению, случаи, когда люди бесспорного авторитета, знания и ума делали крупнейшие ошибки в оценке реальных возможностей. Так, Наполеон отлично понимал возможное значение парохода в войне с Англией, но, несмотря на рекомендацию самого Лапласа, он прогнал Фультона, как шарлатана, после его первых неудач. Вряд ли среди руководителей этой будущей цитадели технического творчества часто будут стоять такие люди, как Ньютон, но и Ньютон в 1704 году доказал, что расщепление света в линзе не может быть устранено в силу законов природы. И так этому верили, пока через 50 с лишним лет не была изготовлена ахроматическая линза Долондом. Я уже упоминал о новом производстве нефтяных продуктов из угля в Германии. Значение этого производства для будущего так велико, что нам трудно даже оценить его по настоящему. Но когда изобретатель этого процесса Бергиус предложил свое изобретение — он получил отказ. Повидимому, ни знания, ни гений, ни кругозор, ни деловитость от подобных промахов не страхуют.

Как выйти из этой трудности? Я думаю, в будущем разовьется особая профессия, наподобие адвокатской, для состязательного разбора подобных казусов, при чем методом для доказательства будет, конечно, не допрос свидетелей, не экспертиза, не пледирование, а эксперимент, и для непризнанных изобретателей эти адвокаты будут добиваться права на постановку соответственного эксперимента. Гарантии объективности в этих вопросах, во всяком случае, не менее важны для человечества, чем гарантии справедливости решений по спорам имущественным в обычных судах.

Далее, эта цитадель должна не только привлекать на свой огонек искателей со всего мира, воодушевлять их хозяйственно важными задачами и давать им все необходимое оборудование, инструменты, материалы для опытов. Изобретатель должен находить там не только все известные современной науке виды энергии, вещества, температуры, давления, вакуум, измерительные приборы и т. д. Он должен находить там также исчерпывающие собрания экспонатов изобретений удачных и неудавшихся, а также отдельных деталей. Неудачи Бенца не остановили Даймлера. Неудачи их обоих не остановили Форда, и мы еще не знаем в точности, насколько важно было каждому из них знать об опытах предшественников, даже неудачных. Галлилей мог долго иметь мысль о телескопе, но и ему нужно было узнать об изобретении некоего голландца, чтобы построить свою трубу. Ум, заряженный задачей, не всегда может найти необходимые пути и средства из собственной памяти и изобретательности. Случай помогает ему. Но можно не томиться по случаю, а закидывать широкие сети для уловления его, как делал Эдиссон, испробовавший тысячи видов бамбука, чтобы найти нужный ему сорт для построения лампы накаливания. Чем больше количество технических мыслей, приемов, путей, воплощенных в изобретениях, удачных и неудачных, и в их деталях, будут окружать изобретателя, — тем больше шансов натолкнуться во-время на этот счастливый „случай“. Форд считал свой автомобиль самым лучшим, но он всегда рассматривал со вниманием все детали различных автомобилей и это давало иногда ценнейшие толчки его собственной мысли.

Я имею в виду здесь сооружение чего-то в роде Мюнхенского Дейтчес Музеум (учреждение, которым Германия законно может гордиться), где собраны и хранятся в годном для демонстрации и для действия виде образцы изобретений всех времен во всех областях техники, а равно и подлинные приборы исследователей (например, подлинные магдебургские полушария, параболические зеркала и проволоочные детекторы, при помощи которых открыл волнообразную природу электричества Герц, Фраунгоферов рефрактор, через который удалось увидеть предсказанный Леверье Нептун, а также подлинный первый дизель, Уаттовский котел и т. д.). Конечно, мы не сможем похвастать пока таким большим количеством исторических подлинников, но вряд ли в этом суть. В том же музее сооружена огромная, в натуральную величину, модель паровоза машины Джемса Уатта, которая движется (и немцы удовлетворяются тем, что оригинал в Кэнсингтонском музее не движется).

Подобный музей имел бы значение, конечно, не только в качестве творческого индуктора для изобретателей. Его огромное значение широко-просветительное (особенно для просвещения относительно природы и

условий технического творчества, в котором так нуждается наша страна) — не требует доказательства.

Вообще эта цитадель отнюдь не должна быть учреждением замкнутым ни в каком смысле. Должна быть организована специальная служба экскурсий и демонстраций, миллионы людей должны проходить через это учреждение, чтобы не только глазете на занимательные экспонаты, но и улавливать действенный смысл того, что в этом учреждении совершается. Открытость характера учреждения заключалась бы и в том, что оно не имело бы замкнутого постоянного состава ни работников, ни даже обслуживающего персонала. Каждый должен иметь доступ туда и, — если докажет серьезность своих замыслов, — возможность работы там. Быть может, тысячи людей будут участвовать в росте этой цитадели, принося туда изготовленную модель, копию, предмет обстановки и т. д. Нужно думать, что подобное учреждение не будет в росте своем ограничено тем, что сможет уделить ему государство.

Возможность работы в этом учреждении, даже возможность одного лишь посещения его должна стать предметом для премирования способнейших учеников в школах. При этом, цитадель не должна ждать пассивно пока к ней придут. Она должна сама сообщать о себе по всей стране и непрерывно и всеми средствами, от плакатов, брошюр, книг, кино-фильм до филиальных отделений включительно. Не должно быть человека в стране, который не знал бы о существовании этого учреждения и о его задачах и смысле.

Только при такой широкой открытости может цитадель быть не только местом для использования творческих потенций, но и магнитом для их выявления и взращивания. Эта сеть щупальцев цитадели могла бы быть потом развернута еще глубже и связана с системой учебного выдвижения при помощи психологических испытаний.

Еще одно: здесь не должно быть ни в коем случае узкой специализации. Цитадель должна быть универсальной. Величайшие успехи современной химии связаны с выходом за пределы традиционных специально-химических методов. Современные химические лаборатории полны физических приборов: гидравлических, барических, термических, оптических, рентгеноскопических и т. д. Наоборот, при электрических заводах Сименса институт сочетает в себе и химию, и оптику, и акустику, и металлургию, — как я уже упоминал. Именно в этой широте и универсальности залог плодотворности, источник новых возможностей. Цитадель не должна быть, конечно, местом, где каждый изобретатель стремится к своему и где нет собственных основных исканий. Независимо от того, что принесет инициатива изобретателей, можно было бы поставить специальные отделы для разработки проблем, особенно важных для государства.

Таковыми могли бы быть, например:

- 1) Проблема строительного материала, дешевого, прочного, огне- влаго- крысо- холодо- упорного и достаточно пластичного для индустриальной штамповки крупных элементов строения.
- 2) Проблема растительного горючего, которое заменяло бы керосин для наших тракторов.
- 3) Проблема эластификации станков и заводских конструкций, т.-е. организации таких заводов, которые совмещали бы с преимуществами

массового автоматизированного производства возможность легких переустановок с одних фабрикатов на другие.

4) Проблема емкого дешевого аккумулятора и т. д.

Как приступить к осуществлению? Конечно, такого рода учреждение нуждается для своего осуществления в тщательной разработке подробного проекта. Это потребует многих людей, компетенции и времени. Нужны будут специальные командировки для изучения подобных учреждений (и для более тщательного изучения проблемы рационализации вообще) за границей и т. д., и т. п.

Но вряд ли достаточный проект подобного учреждения может быть изготовлен отдельной комиссией, хотя бы самой компетентной и воодушевленной.

Я думаю, что уже одна декларация государственная о признании высшего значения за культурой технического творчества и о намерении подобный центр создать вызвала бы широкий отклик и у нас и за границей. Если делу сразу будет дан должный тон и размах, приток предложений сотрудничества, общих и специальных проектов и т. д. неизбежен, ибо задача эта назрела, назрела во всем мире, об этом мечтают, по этому болеют. В этом притоке откликов выдвинулись бы и лица, которые потом стали бы осуществителями и руководителями учреждения.

И не так страшно обстоит дело со средствами. Если Сименс может тратить 7 миллионов марок в год, т. е. 1% от оборота на свой институт, имеющий узкое, частно-хозяйственное значение, то почему наше государство не может тратить 2—3% от своего промышленного оборота на разрешение задачи гигантского культурного, хозяйственного и социально-исторического значения? 2—3% — это не превысит вероятной погрешности наших плановых расчетов, это неизмеримо меньше убытков от просчетов планирования. А это дало бы уже несколько десятков миллионов в год, что для начала бы, пожалуй, хватило.

И еще могут сказать: для осуществления изобретений мало их разработать, нужны средства для осуществления. Наивное и невежественное возражение. Что может решительнее привлечь средства, чем убедительная перспектива хорошо разработанного нового производства?

Естественно ожидать тысячи возражений и насмешек. Но не всегда будут смеяться над этим...

Я не представляю себе сейчас начинания, которое имело бы большее значение для рационализации, чем это учреждение для продуктивнейшего использования продуктивнейшего из ресурсов, каким обладает человечество — технического творчества.

Сельскохозяйственные районы РСФСР и мероприятия сельскохозяйственной политики по ним¹

II

Землеустроенность. Землеустройство в экстенсивных районах выступает в качестве особенно крупного фактора, который компенсирует недостаток средств производства как орудий, так, в особенности, силы тяги, устраняет растрату средств и сил на преодоление расстояния, позволяет поднять технику и производительность зернового хозяйства в целом и, следовательно, доходность, товарность и мощь хозяйства.

Но неорганизованность территории в форме дальнеполосицы является еще большим бичом в районах более интенсивных, какими, например, являются ЦЧО и северная часть Приволжского и часть губерний Западного района. Здесь в конфликте с дальнеполем находятся интенсивные культуры, ибо внутри хозяйственный транспорт для них является особенно большим накладным расходом и исключает их расширение. Вместо того, чтобы сосредоточиться на усилении интенсивных отраслей, хозяйство вынуждено бросать даже обычное более экстенсивное хозяйство. Так, в Воронежской губ. хозяйства с наделом до 6 дес. имели:]

При размере села:	% хозяйств необработ. земли	Скота на 1 хозяйство
10—50 дворов . . .	6,0	4,5
101—250 . . .	17,9	3,4
Свыше 1000 дворов .	57,4	1,0

В остальных интенсивных районах и во всей нечерноземной полосе расширение незерновых культур и интенсивных отраслей животноводства и поднятие их товарности имело препятствие в крайней многополосице, которая требует обязательной комассации.

Дальнеполосица и многополосица доходят до крайних пределов при неразмежеванности селений, т.е. при наличии межселенной чересполосицы. Ликвидация ее, особенно при не крупных селениях, является средством сокращения дальнеполя, в особенности, в нечерноземной полосе при мелкости селений.

Что касается распространенности обеих форм, дезорганизованности территории, то от многополосицы в нечерноземной полосе теряют с.х. районы, где она достигает обычно до 50—80 и больше полос на один двор и несколько меньше, до 20—30 полос, в лесостепной черноземной полосе. В степных с.х. районах многополосица минимальна. Дальнеполосица же, связанная с крупностью селений, свойственна черноземным районам как экстенсивным, так и интенсивным. Здесь селений, имеющих свыше 100 дворов, насчитывается от $\frac{1}{3}$ до $\frac{3}{4}$ по отдельным губерниям и областям. Село же больше 100 дворов имеет дальнеполосицу выше

¹ Окончание. См. „План. Хоз.“, № 1 за 1928 г.

того предела, который, при средней землеснабженности, допустим для хотя бы небольшого улучшения парозернового хозяйства, не говоря уже о более интенсивных типах организации сельского хозяйства. Распространенность крупнодворных селений со 100 и выше дворами от всего числа селений означает, что подавляющее число хозяйств в губернии является жертвами этого дальнеполюя. Так, например, в Самарской губ., где имеется 36,1% селений свыше 100 дворов, число хозяйств в них составляет более $\frac{8}{10}$ всего числа хозяйств в губернии. А о степени удаленности полей в крупных селениях может показать пример из губернии ЦЧО; дальний конец земельного отвода свыше 5 километров находился у следующего числа общин:

При числе дворов в общине	Воронежская губ. (север)
50	3,2%
50—100	10,8%
101—300	40,8%
Свыше 300	80,9%

Насколько велика дальнеполосица по отдельным губерниям с.-х. черноземных районов, показывает следующая таблица (в %/о) числа селений для настоящего времени со 100 и более дворами в каждом:

Вятско-Урал. южн. округ	23—55	1	Немреспублика	30,6
а) Башреспублика	23,0		Чуваш. респ.	28,0
Оренбургская	37,9		Сев. Кавказ ²	22—49,5
б) Сталинградская	25,3		ЦЧО Курская	51,5
Астраханская	27,3		Тамбовская	46,0
Калмыцкая респ.	33,0		Воронежская	35,6
Татреспублика	76,8		Орловская	22,7
Ульяновская	48,3		Рязанская	39,6
Саратовская	38,3		Пензенская	52,6
Самарская	36,1		Тульская	17,3

Надлежащий рост товарной зерновой продукции в экстенсивных районах и потребная быстрота переорганизации хозяйства в интенсивных районах, как ЦЧО, а также северной части Волжского, — не могут реализоваться при неустраненности крайнего дальнеполюя. Культура сахарной свеклы, картофеля, табака, молочное скотоводство и свиноводство, с более интенсивными формами летнего и зимнего кормодобывания и проч. может развиваться лишь с устранением крайности дальнеполюя и частью многополосицы.

Не меньший гнет неорганизованности территории в смысле дальнеполюя имеется для Брянской и Гомельской губ. Западного района, где крупнодворных селений (свыше 100 дворов) имеется 25,0% в первой и 35,9% во второй.

Товарные прогрессивные отрасли сельского хозяйства во всех остальных с.-х. районах наталкиваются на неорганизованность территории и в некоторых других отношениях, кроме крайней многополосицы, а именно в смысле неурегулированности пространственного распределения угодий, в особенности гнезд малоходного леса, заболоченных пространств и т. п.

Рост и рационализация льняной культуры, картофеля для заводской переработки и сбыта в потребительские центры, молочной продукции, базирующейся на более дешевом и совершенном кормодобывании в виде посева трав на сено и зеленый корм и культуры кормовых корнепло-

¹ Кроме Троицкой, где 14,4%.

² Кроме двух северных округов, где 13—14%.

дов, — не могут реализоваться без устранения многополосицы и принудительного общественного севооборота.

Снабжение улучшенными оборотными средствами производства. Здесь в разделе оборотных средств сельского хозяйства кроется возможность больших достижений. На первое место должно быть поставлено улучшение и массовое распространение семян основных товарных и потребительских культур хлебов при помощи госсемфонда селекционных сортов для экстенсивных районов и частью интенсивных. Такое же значение имеет улучшение и распространение сортаментов интенсивных культур: льна, картофеля, свеклы, кормовых корнеплодов, подсолнечника, кормовых трав, главным образом для соответствующих интенсивных районов. И то и другое предполагает значительное усиление мер по выявлению, улучшению и распространению улучшенных семян; основной формой их является работа репродукторов опытных станций и семхозов и семенных товариществ. Незначительные до сих пор размеры этих мероприятий, получая мощную финансовую поддержку, будут крупнейшим средством подъема продукции.

Искусственные удобрения для интенсивных районов под незерновые товарные культуры, а также под травы, составляющие базу расширения товарной молочной продукции, являются другим видом сильнодействующего капиталовложения с очень быстрым оборотом. В этом отношении, до настоящего времени, кончая 1926 г., положено лишь начало. Так, по наиболее интенсивным районам количество туков было распространено за два последних года в тоннах (1924/25 и 1925/26 гг.):

С.-х. районы	Всех минер. удобрений	На 1000 га посева
Сев.-Запад	12.915	7,2
ЦПО	9.303	1,1
Западн.	15.413	6,4
ЦЧО (4 губ.)	25.912	3,3
Вятск.-Урал.	1.210	0,08

Таким образом, принимаемые теперь меры по продукции и распространению минеральных удобрений могут быть крупным средством поднятия с.-х. продукции по специальным отраслям интенсивных районов. Для этого необходимо расширить эти меры в несколько раз. Роль их тем более значительна, что туки повсеместно оказываются более рентабельными под незерновые культуры.

Агроперсонал и с.-х. кооперация. Для проведения всех мероприятий с.-х. политики повсюду констатируется недостаток сил. Усиление количественного состава и поднятие квалификации агроперсонала для проведения комплексно-увязанных мероприятий на местах являются общей положительной предпосылкой к усилению темпа подъема сельского хозяйства. Надлежащее пространственное размещение и органическая увязка всех мероприятий между собой на местах силами агроперсонала обеспечат распространение их полезного действия на большую часть хозяйств, например, до $\frac{3}{4}$ всего их числа. Вместе с тем, поднимется эффективность всех денежных вложений в сельское хозяйство со стороны государства. Столь же большую роль играет с.-х. кооперация. Она охватывает теперь пока 30% всего числа хозяйств; перед ней еще громадные возможности. Поэтому ее дальнейшее количественное развитие и изживание организационных дефектов делается мощным фактором производственного подъема, а вместе с тем обобществления сельского хозяйства и смягчения этим путем той депрессии, которая имеет место в мелких хозяйствах от социальной зависимости. Охват с.-х. кооперацией все более широкой массы крестьянских хозяйств означает углубле-

ние и расширение начал обобществления в с.-х. производстве, распыленном в 25 миллионов измельченных хозяйств.

Все перечисленные отрицательные моменты в производственной обстановке сельского хозяйства играли свою роль в замедлении темпа восстановления и развития сельского хозяйства в целом и соответствующих, в каждом с.-х. районе, товарных отраслей. В устранении их и в выявлении действия положительных причин из числа указанных выше, государство имеет средства радикального подема сельского хозяйства и его товарности.

Порайонные мероприятия в связи с желательными перспективами сельского хозяйства. Сделавши сводку по районам основных условий, объясняющих наличное состояние и тенденции развития сельского хозяйства, мы можем наметить характер дальнейшего желательного развития сельского хозяйства, но одновременно мы должны указать по районам и ту систему мероприятий, которые являются необходимой предпосылкой осуществления намеченных перспектив развития сельского хозяйства и усиления его товарности. Намечая эти мероприятия, мы должны учесть их реально-возможный размах в связи с средствами и силой их положительного действия на сельское хозяйство. В соответствии с этим представляется целесообразным далее определить очередность самих мероприятий. При чем мы будем иметь в виду мероприятия в области рыночной политики, в области переработки продуктов при помощи с.-х. индустрии, в области снабжения силой тяги и обычном с.-х. инвентарем, улучшенными средствами производства (семенами, туками, улучшенным скотом), в области переселения и устройства переселенцев, землеустройства со всеми его разновидностями, мелиорации, развития агроинструктажа и с.-х. кооперации.

В I Северном районе возможно и необходимо расширение товарной продукции масла и льняного волокна. Оно может совершаться еще в значительной степени экстенсивно за счет расширения с.-х. площади (лугов и пашен за счет лесов) и частью посевной площади за счет остатков перелогов в наиболее глухих уездах. Экстенсивное расширение сельского хозяйства будет и должно быть, потому что район редко заселен и обширные пахотно-способные площади, в том числе и лесные, еще не выявлены и не использованы под сельское хозяйство. В связи со всем этим в число мероприятий по сельскому хозяйству района должны быть поставлены:

а) Расширение с.-х. продукции района за счет колонизации, которая тем более необходима, что лесные богатства этим путем будут использованы также полнее.

б) Использование земельных ресурсов в виде лесных площадей под сельское хозяйство местным населением, в связи с чем должна определиться в иных контурах лесоаграрная политика. Ограничение отвода лесов, под с.-х. угодия должно быть снято и приняты организационные меры для осведомления населения о рациональных приемах расчистки леса путем механизации и т. п.

в) Следующим видом мероприятий является землеустройство, главным образом, уничтожение дальнеполосицы, затем регуляция и изменение пространственного расположения угодий, перелогов, разбросанных по лесам кусков пашен и лугов и уничтожение межселенной чересполосицы, вызывающей эту разбросанность с.-х. угодий.

г) Сгущение сети и рационализация маслозаводов.

д) Усиление зоотехнических мероприятий.

II Северо-Восточный район. В нем речь идет о количественном восстановлении и экстенсивном расширении сельского хозяйства с

введением сравнительно небольших изменений в его организации, а именно — усиление роли масла, молочной продукции и в Предуралье товарной культуры льняного волокна. В более заселенных и распаханых частях южной половины Вятской и Марийской — это расширение товарного масла и льна предполагает расширение начавшегося здесь паротравополя. Между тем, в лесостепном и южном Зауралье речь идет об экстенсивном расширении зерновой продукции и производстве товарного масла в экстенсивной форме крупного рогатого скотоводства (сибирского типа). В связи с этим в этом районе необходимы следующие мероприятия:

а) В первых частях района, подобно предыдущему району, колонизация и расширение с.-х. площади за счет лесов для местного населения. В южном Зауралье выявление и отмежевание колонизационного земельного фонда и устройство многих десятков тысяч переселенцев.

б) Усиление и рационализация сбыта масла и льняного волокна; для первых значительное сгущение и рационализация сети маслозаводов с кооперативным охватом их и техническое обслуживание их членов.

в) Землеустройство, решающее задачу, прежде, всего, ликвидации межселенной чересполосицы, затем раздел крупных селений и повсеместный выход на широкие полосы. Уничтожение дальнеполосицы здесь является особенно крупным мероприятием при значительной недоснаженности рабочим скотом и орудиями.

г) Рационализация сбыта и заготовки зерна усилением элеваторной сети в южном Зауралье и рационализация заготовки свинины и работы баковых фабрик.

д) Усиление снабжения товарных зерновых подрайонов этого района с.-х. инвентарем.

е) Марбласть требует по ее перенаселенности выделения в район, обслуживаемого специальными фондом.

III Северо-Западный район стоит перед задачей расширения товарно-молочной и товарно-масляной продукции, затем частичного восстановления довоенной товарной продукции льняного волокна. Это может и должно быть сделано за счет продолжения реорганизации сельского хозяйства путем севооборотного клеверосеяния и интенсивного кормодобывания, с одной стороны, а с другой — за счет экстенсивного расширения сельского хозяйства и пахотных площадей от расчистки лесов и мелиорации заболоченных пространств. Использование выгодного рыночного положения при редкости населения делает необходимой значительную сельскохозяйственную колонизацию этих менее населенных частей района.

Таким образом, здесь, как и в предыдущих районах, необходимо:

а) Решение лесоаграрной темы и плановое расширение пахотных и посевных площадей как местным населением, так и колонизацией.

б) Рационализация сбыта молочных продуктов и льняного волокна; для первых значительное расширение числа и рационализация маслозаводов.

в) Усиление и удешевление снабжения района зерновыми продовольственными и кормовыми продуктами.

г) Вкладывание значительно больших, чем теперь, кредитов на мелиорацию и осушение заболоченных пространств.

д) Землеустройство, имеющее в виду регуляцию и пространственное перемещение с.-х. угодий, вызываемое осушением и расчисткой малодоходных лесов.

е) Снабжение улучшенными средствами производства, кредитование по снабжению минеральным удобрением, финансирование снабжения се-

менами трав и кормовых корнеплодов и производство и снабжение улучшенным молочным скотом.

ж) Усиление аграрного инструктажа, обеспечивающего массовое осуществление и использование сказанных мероприятий.

з) В виду обострения с.-х. кризиса в Псковской губ. для нее необходимо усиленное ассигнование и выделение ее в состав ниже упоминаемых усиленно обслуживаемых западных губерний.

IV район — ЦПО, весьма пестрый по природным и историко-хозяйственным условиям. В нем две тенденции: травопольно-льняно-молочная и картофельно-огородно-молочная. И та и другая предполагают, во-первых, интенсивную форму кормодобывания в виде травопольной, а во-вторых, известную степень экстенсивного расширения с.-х. площади за счет малопродуктивных лесов, запусков пустоши и мелиорируемых лугов и выгонов, главным образом, под пашню. В основном, раздел мероприятий и их очередность та же, что и в предыдущем районе, за исключением возможности колонизации многолесных, малонаселенных частей района, которые здесь редки и ограничиваются в значительной мере частями Костромской и Нижегородской губ., но все же включение в колонизационную зону последних необходимо.

В противовес практике землеустройства, дающей, главным образом, поселковую широкополосную форму, необходимо подчеркнуть настоятельность поселково-отрубного землепользования в связи с требованиями большей интенсификации сельского хозяйства, чем это рисовалось до сих пор, в основной массе крестьянских хозяйств, внимание которых от этого приема расширения с.-х. дохода и его товарности отвлекалось в прошлом более выгодными неземледельческими промыслами. При рационализации индустрии ЦПО, не поглощающей всего прироста неземледельческих рабочих, эта мера повышения дохода от сельского хозяйства особенно должна иметься в виду.

V район — Западный. Картофельно-травопольно-молочно-свиноводный и в части льноводно-травопольно-молочный, имеет в перспективе усиление масляно-молочной, льноводной, картофельной для переработки продукции этих культур и экспортной свинины.

Выявить в большей мере эту потенцию здесь может прежде всего:

а) Рационализация сбыта каждого из указанных продуктов. Для льна прочные и достаточные ценовые эквиваленты, механизация обработки льняного волокна. Для масла достаточная сеть маслозавода, по свинине — беконные фабрики и надлежащая ценовая политика, по картофелю — восстановление и расширение картофельно-винокуренных и картофельно-крахмальных заводов.

б) Продолжение мер по большому удешевлению снабжения зерном, зерновыми и мучными продуктами, принятых правительством в интересах форсирования товарных с.-х. отраслей, в том числе и льноводства.

в) Землеустройство в более радикальных формах участково-поселковых и с допущением практики мелких крестьянских хуторов для широких бедняцких и середняцких масс; эта форма землеустройства как нельзя более гармонирует с выявлением травопольно-плодосменного типа организации сельского хозяйства с указанными товарными отраслями.

г) Расширение с.-х. землепользования за счет мелиорирования заболоченных пространств и также допущение широкой практики расчистки маловыгодных пахотно-способных лесов под посевы. Другими словами, широко проводимая рационализованная мелиорация, расчистка и корчевка лесов.

д) Значительное усиление снабжения минеральным удобрением и усиление финансирования по производству и снабжению семенами кор-

мовых растений и кредитования на расширение производства улучшенного молочного скота и свиней.

е) Усиление агроинструктажа и агросети в видах большей степени и потребности интенсификации сельского хозяйства в районе.

ж) Считаясь с наличием в Гомельской и Брянской губ. обостренной аграрной перенаселенности их надо выделить на счет особого фонда и особого усиления по ним всех сказанных мероприятий.

VI район залежный или парозалежно-зерновой, экстенсивно-скотоводный район, состоящий из двух подрайонов Башкирско-Оренбургского и Сталинградско-Астраханского, стоит перед задачей, прежде всего, расширения зерновой продукции путем восстановления прежде бывших посевов и дальнейшего их расширения за счет обращения в пашню и посев пахотноспособных площадей и многолетних перелогов. Одновременно он должен увеличивать средние размеры крестьянского хозяйства, как важнейший способ экономического страхования от периодических засух. В этом же направлении должна реализоваться техника засушливого земледелия, обеспечивающая, с своей стороны, большую устойчивость и высоту средних урожаев хлеба путем более рациональной и своевременной обработки почвы, рядовых посевов, частичного расширения пропашных культур и чередования с ними хлебов и распространения засухоустойчивых сортов хлебов. Такое расширение товарной зерновой продукции будет сопровождаться усилением, главным образом, крупного рогатого мясного скотоводства и, следовательно, товарной мясной продукции, а на базе абсолютных непахотноспособных солончаковых пространств еще расширением шерстного овцеводства.

а) Первой предпосылкой реализации этих перспектив является до-снабжение силой тяги — лошадьми и тракторами и необходимым мертвым инвентарем во главе с пахущими орудиями, а при невозможности по существующим государственным ресурсам сделать это сколько-нибудь полно — содействие более полному использованию имеющегося у крестьянских хозяйств живого и мертвого инвентаря.

б) Это последнее должно быть осуществлено при помощи массового землеустройства, направленного на устранение дальнеполюя; при дороговизне выселков, связанных с переносом усадеб, а следовательно, и медленности осуществления их, это массовое уничтожение дальнеполюя предполагает менее совершенную, но гораздо более дешевую форму — раздел многодворных селений на части в большинстве случаев без расселения.

в) В довольно частых случаях при образовании выселков нужно обводнение лишенных воды участков, но при недостаточности государственных средств мелиорация (трубчатые колодцы, пруды и т. п.) должна быть ограничена требованием преведения лишь массового землеустройства.

г) Следующий раздел — это доведение до нормы сети элеваторов и улучшение практики элеваторной системы, позволяющей без ущерба для выгоды экспорта и хлебоснабжения всех потребляющих центров Союза повысить местные цены на хлеб путем стандартизации и поднятия качества хлебов.

В отношении же товарной животноводственной продукции необходимо некоторое сгущение сети масло-сыро-заводов и хладобоев.

д) Наконец, последний раздел мероприятий — скорейшее выявление территории для колонизации и организации этой последней. Привлечение нескольких десятков тысяч хозяйств колонистов даст в ближайшее же время дополнительное и значительное расширение товарной, зерновой и мясношерстной продукции.

VII район, разделяющийся по степени теперешней интенсивности и возможности дальнейшего экстенсивного расширения зерновой продук-

ции (как за счет невосстановленной посевной площади, так и за счет расширения ее путем распашки и засева новых площадей) на три подрайона: Северный, состоящий из Татреспублики, Чувреспублики и Ульяновской губ. с изжитыми возможностями экстенсивной товарно-зерновой экспансии; остальные два подрайона Саратово-Самарский и Немреспублика, в которых эта последняя возможна еще в большей мере.

В первом из подрайонов может продолжаться расширение зерновой продукции лишь за счет дораспашки части пахотно-способных угодий, но, главным образом, за счет рационализации техники полеводства, которая здесь может осуществляться лишь с одновременным расширением незерновых культур и кормовой базы в виде полевой культуры кормов, на базе которой должно произойти некоторое увеличение молочных стад, повышение размера свиноводства и яичного птицеводства до значения крупной товарной отрасли. Из интенсивных культур здесь реально можно говорить о товарной конопле и картофеле на переработку в крахмал и спирт.

Для двух последних подрайонов должно иметь место еще значительное расширение товарной зерновой продукции за счет распашки заброшенной и недосеянной пашни, затем сокращения, где есть, залежей, а в самых многоземельных и редкозаселенных — значительная распашка остальных с.-х. угодий. Параллельно идет расширение мясного крупного рогатого скотоводства, которое лишь частично может быть заменено товарной продукцией масла и сыра, отчасти товарным свиноводством и птицеводством. Но все эти отрасли имеют вспомогательную по сравнению с зерном роль, тем более, что расширение зерновой продукции здесь возможно реализацией техники засушливого земледелия, т.-е. своевременной обработкой чистых паров, рядовых посевов, засухоустойчивых сортов хлеба, а также чередования хлебов с пропашными. Основным товарным хлебом здесь является пшеница, что придает перспективам роста зерновой продукции района особое значение.

Реализация этих перспектив сельского хозяйства предполагает:

а) Восстановление средств производства, т.-е. снабжение силой тяги и средствами производства, особенно плугами, а частью рядовыми сеялками, молотилками и зерноочистителями.

б) Уничтожение дальнеполюя того же типа, что и в предыдущем районе и служащего главным средством повышения производительности существующих орудий; оно должно сопровождаться в самых необходимых случаях расселением и связанным с ним мелиораций обводнения.

в) Рационализация сети и работы элеваторов и реализация стандартных улучшенных сортов хлеба, что, как и в предыдущем районе, позволит поднять местные цены на хлеб за счет его качества и тем стимулировать быстрее расширение товарного зерна.

г) Быстрейшая колонизация свободного земельного фонда в тех же видах требующая немедленного окончания отграничения его, и одновременно проведение необходимых мер по обводнению.

д) В части района, в особенности в северном подрайоне с более изжитым расширением зерновой продукции и обнаруженными сдвигами незерновой интенсивной животноводственной продукции — меры рационализации сбыта незерновых продуктов, а именно индустриальные установки по переработке картофеля (крахмально-паточные и винокурные заводы) маслозаводы и обеспечение свинохладобойнями и в особенности технические установки по сбыту и транспорту яиц.

е) В местностях аграрной перенаселенности (Чувреспублика и Ульяновская губ.) организация переселения и расширения крестьянского с.-х. землепользования путем пересмотра пропорции лесов и с.-х. угодий

как на переданных в трудовое пользование, так и на переданных, в особенности на территории бывших удельных лесов.

ж) Введение более благоприятных ж.-д. тарифов для скоропортящихся продуктов бахчеводства и плодоводства.

з) Чувреспублика, Ульяновская и северные кантоны Татреспублики требуют выделения особого фонда для усиленного проведения мероприятий.

VIII Северо-Кавказский район имеет, прежде всего, рост товарной продукции зерна (пшеницы и ячменя) как за счет невосстановленной площади, так и распашки новых земель и сокращения залежи; в восточной и северной части эта возможность имеется в большей мере, чем в западной и южной. В этой последней, составляющей второй подрайон, рост зерновой продукции сопровождается расширением товарной продукции подсолнечника, кукурузы, бахчей, а также некоторых монопольных южных культур, в том числе южных сортов плодов и в предгорье — южных табаков. Экстенсивное расширение зерновой продукции должно и может быть усилено проведением техники засушливого земледелия: чистые пары, своевременная вспашка, засухоустойчивые семена и чередование с пропашными. Рост продукции товарного зерна будет сопровождаться восстановлением и расширением крупного рогатого мясного скотоводства, а на солончаковых непахотноспособных пространствах — шерстного овцеводства и производства верховой лошади. Во втором подрайоне расширение этих двух видов продукции будет ограничено и должно заменяться товарной продукцией масла и сыра и, в особенности, свиноводства и яичного птицеводства.

Для реализации этих возможностей необходимо:

а) Рационализация ценовой, а также и экспортно-заготовительной для подсолнечника, кукурузы и табака политики. Достаточная сеть элеваторов и рационализация их работы, как средство поднятия местных цен на зерно без ущерба для остальных государственных задач. Техническая рационализация сбыта устройством пунктов хранения и переработки продуктов, кукурузо-сушилок, свинохладобоев, холодильников для яиц и плодов, масло-сыродельческих заводов.

б) Экстренное и усиленное доснабжение средствами производства, — силой тяги, рабочим скотом, а за недостатком его — тракторами и важнейшим с.-х. инвентарем, как и в предыдущем районе.

в) Поскольку это последнее при ограниченности государственных средств не может быть полным, необходимо усиление использования существующих средств производства путем уничтожения дальнеполюя простейшими видами землеустройства, которые охватили бы в ближайшее время всю массу селений.

г) Финансирование производства и снабжение улучшенными средствами производства, селекционными семенами зерновых и незерновых культур, посадочным материалом виноградных и плодовых растений, улучшенным видом скота (последнее, главным образом, для второго более интенсивного подрайона).

IX Центральнo-Черноземный район может поднять доходность и расширить товарность сельского хозяйства по зерновой линии лишь отчасти; главным же образом, он может и должен делать это по линии продукции для сбыта в свежем и переработанном виде следующих продуктов: сахарной свеклы, картофеля, конопли, подсолнечника, табака, свинины и свиней, птиц и яиц, молочных продуктов, овощей и плодов, а в отдельных гнездах — улучшенных лошадей. Рост же зерновой продукции возможен путем реорганизации земледелия в сторону сокращения чистых паров и повышения урожайности усилением начала плодосмена

и уваживания за счет расширяющегося товарного интенсивного скотоводства. Это последнее может расширяться при наличии рационализированного сбыта лишь при интенсивной полевой кормовой продукции, главным образом, за счет корне- клубнеплодов и отбросов их технической переработки на картофелеперерабатывающих и свеклосахарных заводах. Сгущение сети и рационализация работы и тех и других является, таким образом, предпосылкой не только расширения этих важнейших в ЦЧО товарных культур, но и технической реорганизации целого сельского хозяйства по линии усиления полезного технического взаимодействия земледелия и животноводства и, в частности, расширения товарной продукции зерна, вследствие повышения этим путем урожайности.

Технический аспект давнего кризиса и аграрной перенаселенности ЦЧО состоит в задержке реализации тех начал земледелия и животноводства плодосменного типа организации, которые лишь одни могут вывести район из кризиса. А они сами не реализовались в силу недостаточности сельского хозяйства и индустрии и неурегулированности рыночных условий. Продолжение этого кризиса в настоящее время и выше указанная непрочность основных здесь интенсивных отраслей сельского хозяйства за последние 2—3 года обязаны тому, что ненормальности рыночной и сельскохозяйственно-индустриальной обстановки не устранены. Поэтому под'ем доходности и общей товарности сельского хозяйства в ЦЧО предполагает, прежде всего, значительное увеличение и равномерное распределение по территории в соответствующих природных зонах с.-х. индустриальных установок и рационализации их работы.

Сюда относятся:

а) Сахарные заводы, сеть которых должна быть распространена в северо-восточной части Курской губ. и в особенности в Воронежской и на юге Тамбовской; установление и увеличение картофеле-крахмальных и винокурных заводов, свинохладобоев, солилен и коптилен, базисов и холодильных складов для яиц и битой птицы и маслозаводов. Планы общей индустриализации должны быть, таким образом, скорректированы для ЦЧО в сторону значительного расширения легкой индустрии, в виде сказанного раздела с.-х. индустриализации. По сахарной индустрии эта линия политики должна выйти за рамки усмотрения сахаротреста.

б) Установление достаточно устойчивых и оправдывающих расходы производителя цен на указанные продукты и сверх того на коноплю, махорку, подсолнечник и садово-огородные культуры; последнее предполагает пенько- и коноплеобрабатывающие механизированные пункты, табачно-махорочные фабрики, маслодельные заводы и улучшенные пункты хранения и технической переработки неликвидных частей урожаев плодов и овощей.

в) Решительное улучшение условий расчета, авансирования, контрактации и всех отношений сельского хозяйства с государственной с.-х. индустрией.

г) Рационализация товарно-экспортной политики в направлении технического совершенства быстрого и удешевленного сбыта на внутреннем и внешнем рынках всех продуктов, особо скоропортящихся; после революционный разрыв технической и экономической связи с внешним рынком особенно тяжело отражается на ЦЧО с ее интенсивно-незерновыми отраслями.

д) Следующей предпосылкой реализации этих перспектив является более, чем где-либо необходимое кооперирование на базе товарных отраслей свеклосево, картофелеводо, табаководо, птицеводо и т. п. Это является предпосылкой достаточного технического совершенства продукции сырья и конечного продукта.

е) Следующая предпосылка технической реализации этого переходного плодосменного типа организации сельского хозяйства — решительная и сплошная ликвидация дезорганизованности территории в виде дальнеполю и части многополосицы, а также наследий старого времени в виде принудительного севооборота и частых общинных переделов. По возможности сплошное внутриселенное землеустройство по типу, главным образом, выделов частей селения, а где есть средства у населения — и поселков; главная форма землеустройства в малоземельных свекловичных районах это поселково-участковая форма землеустройства, подобно тому, как это решила сделать в соответствующих местах своих свекловичных зон — Украина.

ж) Обеднение крестьянских хозяйств, выражающееся в повышенном числе безлошадных и безынвентарных хозяйств, требует продолжения форсирования снабжения необходимыми средствами производства, а при ограниченности лошадей — тракторами и тракторными базами, а также финансирование снабжения улучшенными средствами производства, семенами трав, в особенности, минеральными удобрениями, умножения улучшенного племенного скота и производства посадочного материала.

з) В виду сложности взаимосвязи технических и экономических моментов реорганизации массы крестьянских хозяйств, ЦЧО необходимо значительное усиление агроинструктажа, а следовательно, и агросети.

и) Ускорение переселения из малоземельных гнезд, а где есть возможность, дополнительная передача госземимущества в трудовое пользование. Это последнее диктуется для юго-западной половины Курской губернии, сохранившей латифундии сахаротреста, средний размер которых, по расчету на один завод, в три раза превышает таковой в Украине и отодвигает от заводов крестьянских свеклосево.

к) Наконец, в отношении Сибири имеется продолжение роста, прежде всего, товарной зерновой продукции путем распашки и засева новых площадей и параллельное умножение стад крупного рогатого скота масляно-мясного направления, товарного коневодства и овцеводства. Этот процесс сильнее выражается в степной и лесостепной зонах Сибири. В северной подтаежной части экстенсивное расширение сельского хозяйства должно выявиться, главным образом, в виде прироста стад крупного рогатого мясного и экстенсивно-молочного скотоводства. Ближе к западу к сказанным товарным отраслям прибавляется льняное волокно в нечерноземной и подсолнечник в черноземной полосе, а также в обеих из них товарное свиноводство для бэкфабрик. Происходящий теперь быстрый сдвиг сельского хозяйства в сказанном направлении далеко не охватывает всей территории; для этого нехватает населения. Отсюда и наибольшая распространенность найма сроков, годовых и поденных рабочих по сравнению со всем Союзом. Поэтому широкая колонизация не только необжитых, но и полуобжитых пространств путем выделения в них колонизационного земельного фонда даст дальнейшее значительное повышение товарной сельскохозяйственной продукции и, прежде всего, по линии зерновой и экстенсивно-масляной продукции. Проведение Семиреченской дороги и поддержание теперешних выгодных тарифов на хлеб даст новый толчок к товарной зерновой экстенсивной экспансии. Улучшение ныне примитивной техники зерновой культуры также усилит эту экспансию.

В соответствии со сказанным, для усиления с.-х. продукции и ее товарности должны послужить:

- а) колонизация, распространяющаяся и на полуобжитые пространства;
- б) доснабжение с.-х. инвентарем, поднимающим производительность работы людей и упряжной силы, которой здесь достаточно, что не

исключает, однако, более расширенного тракторопользования в колони-
зуемых многоземельных южных подрайонах Сибири;

в) землеустройство по линии, во-первых, отграничения земельных
отводов в целях большего выявления колфонда и, во-вторых, уничтожения
дальнеполюя, позволяющего более полно распахать и засеять пахотно-
способные площади, лежащие ныне в громадном проценте под целиной
и залежами;

г) добавочное строительство линейных и терминальных элеваторов;
сгущение и рационализация, а местами—укрупнение маслозаводов, радио-
нализация работы и условий заготовок на бэкфабриках, устройство
добавочных хладобоен по вывозу говядины, усиление и рационализация
заготовительной и ценовой политики по льняному волокну для западных
нечерноземных округов и, наконец,

д) рационализация аграрной и лесной политики в интересах устра-
нения препятствий для расширения с.-х. площади за счет пахотно-спо-
собной лесной площади.

Таковы первоочередные мероприятия и их комплекс по всем сель-
скохозяйственным районам, отличным по господствующим типам орга-
низации сельского хозяйства. Как видим, их состав и удельный вес
в пределах района и назначение каждого из мероприятий по различным
районам существенно различны. В этом можно было бы убедиться, про-
смотревши еще каждое отдельное мероприятие по всем районам (что
из экономии изложения здесь не делается).

Удельный вес с.-х. районов, количественное
установление комплекса мероприятий по районам.
Для того чтобы иметь основание к количественному распределению
мероприятий по районам, необходимо узнать удельный вес каждого
из сельскохозяйственных районов. Их роль по размерам и составу
товарности (экспортного, сырьевого и потребительского назначения),
по значению как обладателей природных ресурсов и рабсилы, по
степени кризисности сельского хозяйства и степени хозяйственного
благополучия населения указана выше. К этому надо прибавить еще
роль их с.-х. продукции в целой стране. Ибо при прочих равных усло-
виях район должен привлекать средства и мероприятия по их размеру
пропорционально удельному весу по с.-х. продукции.

Валовая продукция сельского хозяйства крестьянских хозяйств за 1924/25 г.
в млн. черв. руб. и в % к итогу по всему СССР¹

С.-х. райо- ны	Губернии, округа РСФСР	Млн. черв. руб.	%
I	Архангельская	10,9	0,13
	Карельская авт. область	9,3	0,11
	Автономная область Коми	7,4	0,09
	Вологодская	51,7	0,60
	Северо-Двинская	35,2	0,41
		114,7	1,34
II	Уральская область	423,6	4,93
	Вотская авт. область	38,5	0,45
	Вятская	142,9	1,66
	Марийская	31,0	0,36
		636,1	7,40

¹ Приемы калькуляции указаны выше. Цифры, не претендуя на точность абсо-
лютных размеров, годны для установления веса районов.

С.-х. райо- ны	Губернии, округа РСФСР	Млн. черв. руб.	%
III	Новгородская	51,5	0,60
	Псковская	89,2	1,04
	Череповецкая	30,9	0,36
	Ленинградская	52,7	0,61
		224,6	2,61
IV	Владимирская	79,0	0,92
	Иваново-Вознесенская	41,7	0,48
	Калужская	78,7	0,91
	Костромская	40,4	0,47
	Московская	120,2	1,40
	Нижегородская	133,0	1,54
	Ярославская	69,2	0,80
		562,5	6,52
V	Брянская	85,1	0,99
	Гомельская	78,4	0,91
	Смоленская	128,3	1,49
		292,0	3,39
VI	Башкирская АССР	107,6	1,25
	Сталинградская	69,1	0,80
	Оренбургская	22,5	0,25
	Астраханская	16,8	0,19
	Калмыцкая авт. область	—	—
		216,1	2,49
VII	Чувашская	35,1	0,40
	Татарская	104,1	1,21
	Ульяновская	87,9	1,02
	Самарская	140,2	1,63
	Саратовская	164,5	1,91
	Немцев Поволжья АССР	47,5	0,55
		625,1	6,72
VIII	Донская	135,1	1,57
	Кубано-Черноморская	318,8	3,70
	Терская область	58,3	0,68
	Ставропольская	80,0	0,93
	Дагестанская	40,4	0,50
	Чеченская авт. область	22,6	0,26
		655,2	7,64
IX	Крымская АССР	67,5	0,78
	Воронежская	181,6	2,11
	Курская	217,0	2,52
	Орловская	134,2	1,56
	Пензенская	125,5	1,46
	Рязанская	190,2	2,21
	Тамбовская	181,7	2,11
	Тульская	127,7	1,48
		1.158,3	13,45
X	Сибирский край	41,6	4,67
	Бурято-Монгол.	34,7	0,40
	Якутская	20,6	0,24
	Дальне-Восточный край	101,1	1,18
	Казах. Киргиз.	413,5	4,81
	УССР	2.149,8	23,00
	БССР	243,1	2,82

С.-х. районы	Губернии, округа	Млн. черв. руб.	%/о
Узбекская ССР		210,5	2,45
Туркменская ССР		28,7	0,33
		239,3	2,78
ЗСФСР		397,7	4,62
	Всего по СССР	8.607,3	100% ₀

На первом месте стоит ЦЧО, затем Сев. Кавказ, Волжский район, Вятско-Уральский и ЦПО, составляющие $\frac{2}{3}$ всей с.-х продукции РСФСР и 43% от всей с.-х. продукции СССР (в %/о):

РСФСР	63,80
УССР	25,98
БССР	2,82
Узбек. и Турк. ССР	2,78
ЗСФСР	4,62
Всего по СССР	100,0

Местонахождение важнейших товарных с.-х. продуктов по с.-х. районам. В заключение отметим на основании раньше изложенного, в каких районах можно прежде и больше всего рассчитывать на расширение товарной продукции каждого из важнейших с.-х. продуктов, служащих как для экспорта, так и для снабжения индустриальных и потребительских центров Союза.

В отношении зерна, в частности пшеницы, на первую очередь в пределах РСФСР стоит Северо-Кавказский район, затем Средне-Волжский и Нижне-Волжский, Заволжский, Башкиро-Оренбургский, Южное Зауралье, Сибирь. В этих районах расширение продукции зерна помимо довосстановления прежних посевных площадей возможно за счет расширения пахоты и, следовательно, посева, путем расширения распахки целин и многолетних залежей и вообще сокращения площади краткосрочных залежей. Во-вторых, при помощи рационализации, сильно упавшей сейчас по недостатку средств производства (рабочего скота и инвентаря), урожайности хлебов. В остальных избыточно-зерновых районах, как ЦЧО, возможно рассчитывать на медленный прирост товарного зерна, так как здесь посевная площадь восстановлена и расширение ее возможно за счет сокращения паров, что требует переорганизации хозяйства. Повышение урожая связано также с введением плодосменного режима, улучшением унаваживания, усилением применения туков и реорганизацией пастбищного режима кормления скота на полях. Вместе с тем, необходимо предусмотреть усиление потребности завоза хлебов во все нечерноземные товарные с.-х. районы.

Второй важнейший продукт земледелия — льняное волокно — может получаться в расширенном против теперешнего и частью даже довоенного уровня количестве в теперешних районах товарного льноводства — в Западном, Северо-Западном и губерниях ЦПО. Однако, это расширение здесь связано с расширением пахотной и посевной площади за счет непахотных угодий (и особенно расчистки малопродуктивных площадей леса); это позволит крестьянскому хозяйству расширять посевы льна, не сокращая площади зерна. Расширению посевов льна в этом районе будет содействовать расширение севооборотного клеверосеяния в интересах молочного скотоводства. Но положительное действие клеверосеяния на рост продукции льна, в свою очередь, предполагает известное увеличение пахотной

и посевной площади за счет остальных угодий. Даже достаточный завоз хлебных продуктов и ценовые эквиваленты не позволили бы, по нашему мнению, рассчитывать на более значительное расширение культуры льняного волокна без увеличения среднего размера пахоты и посева на один двор (путем сказанного расширения с.-х. угодий). При таких перспективах льняной продукции в старых районах тем сильнее должны быть подчеркнуты молодые льняные районы, как Северный, Вятско-Уральский и Западно-Сибирский, где лен является элементом интенсификации земледелия и где он встречается благоприятное место при наличии расширяющегося здесь клеверосеяния, которое начало вводится в севооборот; в особенности благоприятны перспективы в Вятско-Уральском районе с наличием небольших хлебных избытков в крестьянском хозяйстве.

Третий товарный продукт — подсолнечник, — сильно расширившийся после военного времени, обещает расширение, как элемент рационализируемого зернового хозяйства в многоземельных районах в качестве составной части пропашно-зерновых севооборотов. Поддержанию его в больших чем до войны размерах содействует и измелеченность по сравнению с довоенным положением среднего размера крестьянского хозяйства, здесь подсолнечник компенсирует известную степень недобора дохода в виде зерна. К таковым районам, прежде всего, нужно отнести расширяющуюся зону массовой культуры подсолнечника на Сев. Кавказа, юго-восточную часть ЦЧО. Приволжский район в составе Саратовской, Самарской губ. и частью Немецкой республики, затем Степное Заволжье — Оренбургскую губ., а также Юго-Западную часть черноземной степной Сибири.

Четвертый товарный продукт земледелия — волокно конопли — обещает восстановление довоенных размеров избытков ее в старых гнездах конопляной культуры Западного района и западных губерний ЦЧО при подлежащих предпосылках цени удешевления первоначальной переработки механизацией переработки а также при изменении технико-организационной обстановки культуры конопли (вывод ее с усадеб на приусадебный севооборот). Но на значительное расширение товарных избытков конопляного волокна в этих старых конопляных районах рассчитывать нельзя, и тем сильнее выдвигаются на более видное место более молодые районы: восточная часть ЦЧО (Тамбовская, Пензенская) и продолжающаяся к востоку северная черноземная зона — северная часть Средне-Волжского района (Чувреспублика), Ульяновская губ., Татарская и частью Башкирская, в этих районах конопля является элементом интенсификации земледелия на фоне однообразного уже отсталого, подлежащего ликвидации трехпольного зернового хозяйства и при отсутствии здесь на ближайшее время предпосылок более значительных размеров с.-х. индустриализации, которая бы обеспечила внедрение в здешнее земледелие значительной доли, например, картофеля или других полевых незерновых культур.

Следующий товар — картофель и продукты его переработки: спирт и крахмалопатока — обещает очень большое расширение во всех интенсивных нечерноземных и лесостепных черноземных районах во главе с ЦПО, западным ЦЧО; другими районами меньшего, но все же очень большого расширения производства этого продукта является Сев.-Западный, северная часть Волжского, Вятско-Ветлужская часть второго с.-х. района, лесостепные части Сев. Кавказа. Это расширение обеспечивается ростом неземледельческого потребления, переработки его в молоко и свинину, в особенности переработки на крахмал и спирт за счет внешнего рынка; кроме того, его прямое и косвенное положительное агрикультуртехническое значение обещает его расширение как приема, понижающего себе-

стоимость всех остальных с.-х. продуктов. В итоге картофель и его переработки есть крупнейшее средство изживания и предупреждения аграрной перенаселенности.

Сахар в пределах РСФСР, как продукт переработки сахарной свеклы, может быть удвоен в пределах ЦЧО постройкой новых 28—30 заводов. Здесь его продукция есть основной метод изживания перенаселенности. Прочие районы, как Сев. Кавказ, могут рассматриваться, как хозяйственно-пионерные. Что же касается Сибири и Средне-Азиатских районов, то там культура свеклы есть лишь технически пионерное начинание, не имеющее в настоящее время рентабельности.

Что касается товарных продуктов животноводства, то относительно основного из них, коровьего масла, надо считаться с послереволюционными переменами центров его производства. Кроме сибирского маслодела, которое в дальнейшем имеет все данные к значительному расширению при помощи расширения посевной площади, умножения стад и частичной рационализации техники молочного скотоводства, выдвигается на более видное чем до революции место Вятско-Уральский район при соответствующих предпосылках роста и рационализации маслозаводов. Затем предстоит значительное усиление масляной продукции в Северном районе, Северо-Западном и ЦПО и частью Западном. Отстававшая в большинстве этих районов в послереволюционное время масляная продукция легко может быть усилена соответствующим усилением сети и рационализацией маслозаводов. Если в Сибири, частью на Урале, товарная масляная продукция может быть расширена на базе побочно получаемых от земледелия кормов, то в остальных нечерноземных европейских районах рост товарного маслодела означает реализацию и расширение всего сельского хозяйства, так как расширение скотоводства вообще (а здесь оно мыслится только в виде молочного) есть техническая база, и расширение посевных площадей и повышение урожайности всех культур (льна, картофеля), а также имеющих здесь большое продовольственное и кормовое значение хлебов.

Кроме того, должна постепенно выявляться масляная продукция, отчасти по тем же соображениям, что в нечерноземных районах, еще в районе ЦЧО и Приволжья. Можно ожидать и реализовать также усиление масляносырной товарной продукции в многоземельных зерновых районах в европейской части РСФСР, а именно Среднем Поволжье, Заволжье, Нижнем Поволжье и, в особенности, на Северном Кавказе. Здесь замена использования кормов мясным рогатым скотоводством делается ради продукции масла и сыра, возможной и нужной в связи опять-таки с измельченностью среднего размера крестьянского хозяйства, при котором молочное стадо занимает более видное место в сравнении с мясным, чем это было до революции.

Товарная продукция следующего из животноводственных продуктов — говядины и мясного крупного рогатого скота — играет подчиненную роль во всех районах, кроме многоземельно-зерновых европейской части страны и азиатских районов. Это находится в связи с измельченностью среднего размера хозяйства, меньшего чем до революции. Кроме того, все кормовые ресурсы, которые остаются в хозяйстве этих менее земельных районов за покрытием корма молочному скоту в настоящее время, подлежат в дальнейшем использованию в молочном скотоводстве, равно как и те корма, которые будут увеличиваться вследствие рационализации и расширения полевой кормовой продукции (клеверосеяния, виконого сена, посева корнеплодов и т. д.). Но с тем большей четкостью выделяются районы говяжьей и мясо-скотной продукции и многоземельные районы, а именно, Сев. Кавказа, Заволжья и особенно Сибири и Кавка-

стана; в этом последняя рационализация кормодобывания и кормоиспользования в зимнее время, а частью и в летнее дает основание рассчитывать на поддержание мясной продукции на уровне близком к довоенному. Рассчитывать на большую продукцию мяса в экстенсивных масляных районах едва ли возможно в связи с успешной конкуренцией молочного использования стад сравнительно с мясным.

Баланс мясной продукции для внутреннего рынка и для экспорта больше чем до революции, должен покрываться интенсивной мясной продукцией в виде свиноводства, только свиноводство может обещать большие перспективы продукции мяса. Что касается размещения товарной продукции свиней и свинины по с.-х. районам, то она больше всего имеет предпосылки в пределах РСФСР в интенсивных черноземных районах и затем в Западном, т.-е. в старых центрах товарной свиноводной продукции.

Кроме того, при надлежащих ценовых предпосылках, при усилении сети и рационализации работы бэконных фабрик она может быть передвинута к востоку, в Приволжский район, и в более интенсивную часть Северного Кавказа. Свиноводство во всех этих районах получает выгодную прочную кормовую базу в виде картофеля, а на юге — кукурузы. Как составной элемент интенсифицирующий с.-х. свиноводство технически имеет прочное, основание задерживаемое в прошлом лишь ненормальностью цен и недостатком свинохладобоев и изотермических складов.

Что касается свиноводства в более экстенсивных районах — Вятско-Уральской области, Сибири, а также степных многоземельных местностях Европейской части, то, являясь видом переработки зерна и отброса молочного скотоводства (молочного обрата), свиноводство здесь обеспечено кормовой базой, но база эта непрочна, поскольку она связана с ценами на зерно, и некоторое поднятие последних уже может свернуть свиноводство. Большее упрочение последнего будет иметь место в вятско-ветлужской части второго района в меру распространения картофеля и реализации внехозяйственных предпосылок в виде достаточных по высоте и по прочности цен на свинью и, следовательно, сети свинохладобоев.

Что касается яиц и птиц, то имеются данные говорить о легком восстановлении товарных избытков яиц в довоенном размере и возможности дальнейшего увеличения по всем прежним яйцеизбыточным районам, а именно по районам: ЦЧО, Приволжскому Нижне-Волжскому, Башкиро-Оренбургскому, Сев. - Кавказскому, Вятско-Уральскому и Сибири. На увеличение довоенных размеров можно рассчитывать в связи с повышением удельного веса с.-х. продукции крестьянских хозяйств с измельченными против довоенного уровня размерами. Но реализация этих возможностей предполагает соответствующие ценовые эквиваленты на местах, которые для заготовительных организаций могут быть выгодными лишь при сохранении надлежащего качества яиц, а это последнее предполагает, с одной стороны, достаточно густую рациональную сеть яйцескладов, яйцехолодильников и, в особенности, расширение изотермического транспорта, а с другой — осуществление быстрого сбора и ответственности производителя за качество яйца, что требует обязательно кооперативной самостоятельности.

Следующий важнейший продукт овцеводства — шерсть, — являющаяся предметом исключительных забот правительства, — может производиться как товарный продукт лишь в районах самых многоземельных — экстенсивно-зерновых. Все районы нечерноземной полосы, затем интенсивные черноземные, как ЦЧО, Северное Поволжье, более интенсивная часть Северного Кавказа, уже исключают по структуре своего сельского хо-

зяйства шерстное овцеводство, как основную товарную отрасль сельского хозяйства. Оно в этих интенсивных районах имеет потребительское вспомогательное значение, и при дальнейшей интенсификации сельского хозяйства будет и должно количественно свертываться. На расширение и рационализацию шерстной продукции можно рассчитывать в восточной половине Сев. Кавказа, Сталинградско-Астраханском районе, по Калмыцкой республике, временно части Крымской республики, южной части Башкиро-Оренбургского района и южной части Сибирской степи, повсюду при повышенном проценте солонцеватых, абсолютно выгонаемых пространств. Но в центре шерстной продукции должен остаться Казакстан. Необходимо иметь в виду, что, удовлетворяя требованиям доставления соответствующей земельной ренты, овцеводство не может выдерживать конкуренции с зерном везде, где под основные массовые пастбища отводятся пахотно- и посевнспособные площади. Занятие таких земель под пастбищно-овцеводное хозяйство требует особой мотивировки, так как в таком случае овцеводство было бы связано с добавочными накладными расходами для государства в виде потери этой ренты; это сохраняет силу как для советского хозяйства, так и для крестьян, объединяемых в овцеводные кооперативы. Только наличие летних абсолютных пастбищ и временно свободных от колонизации пахотно-способных земель в многоземельных районах оправдывает занятие части пахотноспособных годных для зерновой культуры пространств под овечьи стада. Колонизация их с неизбежной, хозяйственно более рациональной распашкой земель под зерно будет ограничивать умножение овечьих стад.

О размещении остальных продуктов — табака, плодов, винограда, огородных овощей, семян их и др. — по районам кратко можно сказать, что их расширение вполне обеспечено при надлежащей ценовой и с.-х. индустриальной политике, с одной стороны, в самых интенсивных районах, как ЦПО, ЦЧО, Западном, а с другой — в монопольных по природным условиям южных районах. При этом они являются то составной частью с.-х. производства, то с его обычными в районе отраслями земледелия и животноводства, то в виде плантаторства, представляющегося прочной формой товарной специализации сельского хозяйства.

Процессы обобществления в промышленности РСФСР по пятилетнему перспективному плану

I

В 1926/27 г. завершился процесс восстановления промышленности СССР. Правда, в отдельных отраслях довоенная норма еще не достигнута (металл), зато в ряде других она заметно превзойдена; в общем, можно без особой ошибки принять, что в ценностном выражении промышленная продукция в настоящее время близко совпадает с таковою в 1913 г., немного даже превосходя ее.

Попутно заметим, что приводить цифровые сравнения с довоенным временем представляется бессмысленным, в виду отсутствия точных данных за этот период. До сих пор в подобного рода сопоставлениях фигурировала цифра ЦСУ — 5.346 млн. руб. (стоимость валовой выработки цензовой промышленности в 1913 г.), но эта цифра, всегда возбуждавшая сомнения, ныне признана преуменьшенной; окончательного же расчета еще не произведено.

Однако, для нас важен в данном случае не этот факт количественных совпадений, — важно нечто другое. Восстановление промышленности СССР есть восстановление на совершенно новой, принципиально отличной от довоенной — базе. Это отличие сказывается как в техническом, так и в социально-экономическом характере промышленности. С точки зрения технической (вернее экономико-технической) показательны внедрение новейших методов производства; широкое культивирование электроэнергии; насаждение многих производств, доселе в России не развивавшихся, промышленное развитие окраин, на ряду с рациональным районированием промышленности и т. д. С точки зрения социально-экономической характерно сосредоточение подавляющей массы предприятий в руках государства. Из этого вытекает целый ряд кардинальных особенностей советской промышленности, сказывающихся в специфических взаимоотношениях между промышленными организациями, в особом подходе к установлению цен, в роли рабочих в производстве, в политике заработной платы, в условиях снабжения и т. д.

Частный сектор, гораздо менее значительный по своим абсолютным размерам, находится в свою очередь, в специфических условиях как экономических, так и организационно-правовых.

Трудность позиции государства в отношении к частному сектору заключается в том, что задача ослабления частников сталкивается с положительной ролью частного промышленного капитала, как добавочного производителя материальных ценностей и, главным образом, как добавочного производителя некоторых, недостаточных товаров. Отсюда вытекает необходимость гибкой политики в отношении частного капитала, дифференцированной по различным отраслям промышленности. Особенно сложна проблема ремесленно-кустарного производства, поскольку здесь

Как видно из приведенных данных, обобществленными предприятиями вырабатывается — 87,7% всех изделий. Оставшиеся 12,3%, однако, не производятся полностью на предприятиях капиталистического типа. В сфере мелкой промышленности надо различать простое товарное производство, в котором не применяется наемный труд, и капиталистическое производство, в котором заняты наемные рабочие. Число заведений, применяющих наемный труд, составляет лишь 5% всего числа заведений и промысловых хозяйств в нецензовой промышленности (см. „Статистический Справочник“ за 1927 г.), доля же их в валовой выработке гораздо значительнее и достигает 26—27%. Таким образом, к капиталистическому сектору должно отнести лишь цензовую частную промышленность (продукция коей показана в 195 млн. руб., или 2,3% от всей продукции) и капиталистическую часть мелкой промышленности (продукция около 260 млн. руб., или 3,1%). К этому нужно прибавить продукцию, посылаемую на рынок раздаточными конторами (около 3,5% общей стоимости) и, наконец, продукцию лжекооперативов (в размере около 1,3%). В результате получим удельный вес капиталистической части в валовой продукции промышленности РСФСР в 1926/27 г. — 10,2%.

Цифра эта, повидимому, совпадает с действительностью — во всяком случае в условиях нашего современного значения промышленности. Аналогичные расчеты, произведенные по СССР для 1925/26 г. тов. Ю. Лариным¹ привели его к цифре порядка 11,7 — 12%. Но надо учесть, во-первых, значительное уменьшение в 1926/27 г. частной цензовой промышленности, сказавшееся в снижении ее удельного веса на 1% против 1925/26 г., во-вторых, ошибку, допущенную тов. Лариным при учете продукции лжекооперативов.

Принимая — с достаточным основанием, — что лжекооперативами вырабатывается $\frac{2}{3}$ продукции „производственной промысловой кооперации“ (см. стр. 117—118 его книги), он, далее, пытаясь определить реальный размер этих „двух третей“, пишет: „В таком случае из всей валовой продукции промышленных предприятий кооперации (6,7%), принимая во внимание долю в том числе и промысловой кооперации, придется на долю капиталистического производства во лжекооперативных формах около 2% всей валовой продукции, всей цензовой и нецензовой промышленности СССР“.

В этом рассуждении кроется явная ошибка: большая часть продукции кооперативной промышленности вырабатывается предприятиями системы потребкооперации (подробнее об этом мы скажем ниже), доля же промысловой кооперации сравнительно невелика. Так, по расчетам, произведенным автором этих строк, при разработке пятилетнего плана кооперативной промышленности, — стоимость выработки предприятий промысловой кооперации составляла в 1925/26 г. 115 млн. руб.; по некоторым другим исчислениям она составляет до 150 млн. руб. Если вспомнить, что продукция в 1925/26 г. выразилась: по цензовой в 9,928 млн. руб. и по мелкой в 1,975 млн. руб., т.е. всего в 11,903 млн. руб., то легко заметить, что указанные тов. Лариным 2% составляют около 240 млн. руб., т.е. гораздо больше, чем вся продукция промысловой кооперации. В действительности, две трети продукции промысловой кооперации, при условии всяческих натяжек, могут исчисляться в сумме, примерно 100 млн. руб., т.е. около 1% от всей продукции, а не 2%, как то принимает тов. Ларин.

В вышеприведенном расчете мы приняли удельный вес лжекооперативов не в 1%, а в 1,3%, учитывая, что в 1926/27 г. эта форма веро-

ятно возросла в связи с вытеснением частников из цензовой промышленности.

Однако, если в валовой продукции значение капиталистического сектора невелико и составляет всего 10 с лишним процентов, то иная картина получается при выяснении роли этого сектора в продукции предметов широкого потребления. Частнокапиталистический сектор вырабатывает почти исключительно предметы широкого потребления; далее, здесь почти отсутствует внутривыпускной оборот. Под влиянием этих причин доля капиталистического сектора в снабжении широкого рынка достигает 15%, а доля всего необобществленного сектора равняется, примерно, 30% (для краткости мы воздерживаемся от приведения соответственных расчетов).

III

Вряд ли нужно в пределах настоящей статьи останавливаться на развитии государственной промышленности, поскольку этому вопросу уделено много внимания в целом ряде сборников и статей. Поэтому, мы обращаемся непосредственно к второстепенным формам промышленности.

Наиболее ясно обстоит вопрос с кооперативной промышленностью; сперва потребительская кооперация в лице „Центросоюза“, а теперь и прочие кооперативные центры налаживают правильный учет и планирование подчиненной им промышленности. Осознательных результатов достиг пока „Центросоюз“, на плане которого мы, главным образом, и остановимся. Кооперативная промышленность делится на четыре основных группы, соотношение которых между собой по стоимости валовой продукции рисуется в следующем виде: потребительская кооперация — 61%, промысловая кооперация — 18%, сельскохозяйственная кооперация — 13% и прочая — 8%.

Кооперативная промышленность — это, в подавляющем большинстве, пищевкусовая промышленность. Помимо пищевой сюда входит лишь самое незначительное число отраслей с относительно ничтожной суммой выработки (полиграфическая, кожаная, швейная и некоторые другие).

Наибольшее значение принадлежит отраслям: хлебопечению, мукомолью и чайно-кофейной, последняя вообще служит предметом монополии кооперации.

Пятилетний план развития кооперативной промышленности построен в направлении еще большего развития ныне преобладающих отраслей; прочие отрасли сохраняются на прежнем уровне, либо даже свертываются.

К числу поощряемых отраслей относятся: хлебопечение, общественное питание, колбасная, консервная, чайно-кофейная, рыбная, мукомольная, масложировая, кондитерская. К этим „пищевым“ группам следует присоединить еще мыловаренную, в которой децентрализованное производство весьма выгодно.

Относительная стабильность намечается в отраслях: махорочной, обувной и полиграфической; оборудование в этих отраслях находится на низком уровне, рентабельность очень мала, кооперации эти производства менее присущи, чем пищевые и конкурировать со все растущей госпромышленностью нет никаких оснований. Поэтому не исключается даже передача предприятий госпромышленности. Исключение должна составить, на наш взгляд, швейная промышленность: госпромышленность далеко не в состоянии обслужить рынок, между тем, наряды частника достигают именно в этой отрасли особенной величины; в силу этого, целесообразно было бы укрепить кооперативную швейную промышленность.

¹ См. „Частный капитал в СССР“, 1927 г., стр. 12.

Наконец, группа отраслей, заведомо обреченных на ликвидацию, да и сейчас крайне мизерных, состоит из металлической, химической, горной, деревообрабатывающей и пр.

В целом прирост продукции в течение пятилетия (1931/32 г. к 1926/27 г.) составит по всей кооперативной промышленности, расположенной на территории РСФСР, около 80 %.

Остановившись более детально на промышленности потребкооперации, можно отметить следующие, представляющие интерес моменты: основной капитал (без амортизации) возрастет с 78,8 млн. руб. на 1/X 1926 г. до 95,2 млн. руб. на 1/X 1931 г. Капитальные вложения составят 74,7 млн. руб., при чем по годам они распределяются следующим образом (в млн. руб.):

1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.
13,8	17,5	14,1	15,2	14,2

Наибольшие вложения предположены по линии общественного питания (22 млн. руб.), далее — по хлебопечению и мукомолью.

Финансирование капитальных затрат происходит за счет собственных средств потребительской системы; исключением служат хлебозаводы и механизированные столовые, частично финансируемые за счет долгосрочного кредита, фонда улучшения быта рабочих и т. д.

Ограничимся этими краткими замечаниями о росте кооперативной промышленности и обратимся к гораздо более сложному вопросу — о развитии частной промышленности.

IV

1925/26 год ознаменовался не только абсолютным, но и относительным возрастанием доли частного в общей промышленной продукции. Причина столь стремительного роста кроется, во-первых, в благоприятной рыночной конъюнктуре, стимулировавшей максимальное напряжение производственных возможностей, во-вторых, в сравнительно ослабленном нажиме на частный капитал (как экономическом, так и административно-регулирующем), в-третьих, наконец, в том, что частные изделия повысились в цене значительно, чем государственные.

Нездоровая конкуренция частного, развившаяся в ряде отраслей, с недостаточными ресурсами сырья, побудила принять меры к сокращению частной деятельности. Следствием этого явилось закрытие целого ряда заведений и резкое падение выработки в 1926/27 г. по наиболее крупным отраслям частной промышленности: мукомольной и кожевенной, а в связи с этим значительное уменьшение общих размеров частной промышленности; в относительном же выражении доля этой формы снизилась приблизительно на 1 %.

По данным патентной статистики НКФ РСФСР можно нарисовать следующую динамику численности частных предприятий различной величины:

Разряды	Число предприятий		Разряды	Число предприятий	
	II полугодие 1925/26 г.	1926/27 г.		II полугодие 1925/26 г.	1926/27 г.
I	43.147	38.133	VII	144	82
II	4.847	4.801	VIII	65	59
III	3.782	2.893	IX	37	29
IV	1.798	1.950	X	16	17
V	1.074	416	XI	5	15
VI	421	347	XII	7	4

(XII разряд соответствует предприятиям, в которых занято от 300 до 500 рабочих.)

Небезынтересно, что число крупных предприятий сократилось в меньшей степени, чем мелких. Мелкий предприниматель не в состоянии оплачивать высокую зарплату и высокие налоги в моменты неблагоприятной для него обстановки. Зато он сполна компенсирует себя в „хорошие“ дни.

Так, например, в одном из крупных частных акционерных предприятий в 1925/26 г. зарплата слесаря составляла 262 руб., подмастерье получал 180 руб., ткач — 124 руб. и т. д. И несмотря на это (а также на изъятие значительной доли частной прибыли в порядке подоходного обложения) дивиденд на акцию составил чрезвычайно высокий процент (65 %).

Не последнюю роль здесь играет весьма быстрая оборачиваемость капитала в частных предприятиях. В том же благоприятном для частных промышленников 1925/26 г. в одном из акционерных обществ капитал обернулся 14 раз; таким образом, чистая прибыль, составившая к продажному обороту всего 4,5 %, выразилась к основному капиталу в 56 %.

Вытеснение частного производилось, как указано выше, преимущественно за счет кожевенной и мукомольной отраслей: первой — по сырьевым условиям, второй — в силу нежелания допустить тесную экономическую связь частного с деревней. Каковы же должны быть задачи в этом вопросе в ближайшее время?

Руководствуясь экономическими интересами народного хозяйства, мы скленимы делить вопрос на 2 части: на задачи политики в отношении частной промышленности в течение всего пятилетнего отрезка и на задачи этой политики в ближайший период, т. е. вплоть до изменения хозяйственной конъюнктуры в смысле иного соотношения между спросом и предложением, а также финансовыми возможностями.

Рассматривая проблему капиталистической промышленности в масштабе более или менее длительного промежутка времени, следует ставить прямую цель постепенного вытеснения частного, ослабления (относительного — к обобществленному сектору) его роли. При этом процесс вытеснения отнюдь не должен носить огульного характера; в некоторых производствах значение частного целесообразно сохранить на долгое время (напр., требующие тонкой отделки изделия, в особенности годные для экспорта); в ряде производств желательное осязательное расширение участия предпринимателей, хотя бы даже ценою возрастания удельного веса их продукции (производство строительных материалов, стекольная, некоторые отрасли химической промышленности и т. п.). Основной курс на вытеснение (главным образом, относительное) должен строго корректироваться конкретными условиями района и данной отрасли. Но все же этот курс, как основную тенденцию экономической политики в данной области, нужно постоянно иметь в виду и, соблюдая необходимую осторожность, планомерно проводить в жизнь.

Обращаясь к числовым проектировкам пятилетнего перспективного плана в области частной ценовой промышленности РСФСР, можно остановиться на следующих цифрах (валовая продукция в червонных рублях, включая концессию).

1926/27 г.	1931/32 г.	% прироста
195	278	42

Принимая во внимание, что обобществленные формы промышленности возрастут гораздо быстрее, удельный вес частной группы (во всей ценовой) снизится с 2,4 % (1926/27 г.) до 1,7 % (1931/32 г.); если же учесть, что в связи с введением добавочной смены темп роста госпромышлен-

ности окажется еще интенсивнее—падение доли частной группы выявится еще в больших размерах и значение ее будет к концу пятилетия совершенно ничтожно.

Это обстоятельство позволяет реально осуществить ту дифференциацию политики в отношении частной промышленности, о которой шла речь выше. В течение ближайшего периода пятилетки, на ряду с ограниченными мероприятиями к некоторым отраслям частной промышленности (кожевенная, мукомольная, отчасти маслобойная и шерстяная)—следует способствовать интенсивному росту отдельных отраслей ее, сохраняя при этом бдительное наблюдение за формами и методами деятельности частных.

Причины этого частично-поощрительного курса лежат: а) в товарном голоде, б) в безработице, в) в недостатке у обобществленного сектора капиталов, г) наконец, в необходимости найти целесообразное применение для довольно значительных частных капиталов, вытесненных за последний период из торговли.

Процесс вытеснения частного капитала из сферы торговли, в которой занята небольшая доля этого капитала, происходил в 1926/27 году особенно интенсивно.

Освобождающийся из торговли капитал обычно уходит в комиссионерство, беспатентную деятельность, в торговлю дровами и пр., иногда наблюдается нелегальный вывоз ценностей за границу. Лишь в незначительной части освободившиеся средства вкладываются в выигранные займы или в промышленное производство. Между тем, этот последний вид деятельности является, конечно, самым полезным для народного хозяйства, потому что только здесь происходит действительное создание материальных ценностей.

Таким образом, учитывая, с одной стороны, неотложные нужды текущего хозяйственного момента, с другой—что энергичный рост отдельных отраслей вряд ли грозит повышением даже на короткий срок удельного веса всей частной ценовой группы; вследствие сокращения ряда других отраслей и быстрого темпа роста всей массы продукции обобществленного сектора, нам представляется целесообразным проведение для ближайшего периода пятилетия мероприятий, способствующих усиленному развитию некоторых отраслей частной промышленности (цементная, кирпичная, стекольная, лесная, бумажная, некоторые текстильные производства, группа химических производств).

V

Проблема мелкой промышленности является, на наш взгляд, одной из самых жизненных и кардинальных в ряду задач, стоящих перед промышленностью.

Нельзя, разумеется, строить план промышленного развития страны, делая одинаковый упор на крупное и мелкое производство. Конкурировать с Западом возможно лишь во всеоружии современной техники. Неверно, однако, и та точка зрения, по которой неценовая промышленность есть лишь придаток к ценовой, обреченный уже в ближайшее время на отмирание.

Каковы те объективные факторы, которые создают в настоящее время базу для существования и развития мелкой и кустарно-ремесленной промышленности?

Прежде всего, надо повторить о тех основных причинах, которые отмечались выше и которые на сей раз имеют гораздо больший вес: товарный дефицит, безработица и недостаток капиталов. В 1926/27 г.

в мелкой промышленности РСФСР было занято 230.000 человек, стоимость изделий, выброшенных ею на потребительский рынок, достигала 1.300 млн. рублей. При наличии соответствующей системы мероприятий мелкая промышленность РСФСР сможет поглотить в течение пятилетия до 400.000 человек, принять на себя покрытие доли потребительского спроса и освободить значительные государственные капиталы для инвестирования их в другом участке промышленности.

В пользу форсирования мелкой промышленности говорят далее, еще и другие обстоятельства.

Так, в ряде случаев усиленное развертывание крупных производств оказывается невозможным, вследствие специфического характера данного района, позволяющего рассматривать его скорее как сырьевую базу для госпромышленности. В то же время кустарная продукция находит твердый спрос на местном, а отчасти и более отдаленных рынках.

Развитие мелкой промышленности зачастую служит переходным этапом к постепенной индустриализации края. Оно же способствует усилению товарно-денежного направления в крестьянском хозяйстве. Наличие специально женских промыслов позволяет найти работу значительным кадрам женского населения города и деревни.

Весьма показательны в этом отношении данные, относящиеся к национальным республикам и автономным областям РСФСР (по сведениям ВСНХ РСФСР).

Население этих республик и областей составляет свыше 18 млн. человек, из коих 92%—это сельское население. В некоторых республиках городское население почти вовсе отсутствует (Калмыцкая, Ойратская, Адыгейская). Почти всюду имеется аграрная перенаселенность, отход сельского населения достигает больших размеров, снижаясь лишь в меру распространения кустарных промыслов; напр., в Немреспублике, с весьма развитой кустарной промышленностью, он падает до минимума.

Общая стоимость продукции кустарной промышленности в рассматриваемых областях составляет 172 % против местной государственной промышленности и почти равняется всей госпромышленности (местной и республиканской). По числу занятых лиц кустарная промышленность превышает местную в 9 раз.

Сырьевые запасы в национальных республиках—весьма значительные по своим размерам—утилизируются госпредприятиями лишь в малой степени; в остальном они используются кустарной промышленностью, но так как последняя не везде достаточно организована и крепка, то большое количество сырья (в том числе такого ценного, как кожи) пропадает непроизводительно. Естественно, что в этих районах неценовая промышленность должна привлекать не меньшее внимание, чем крупная.

Однако, на ряду с положительным эффектом от развития мелких форм промышленности, нельзя упускать из вида и отрицательных сторон. К числу последних нужно отнести ухудшенное качество кустарных изделий; трудность регулирования кустарной промышленности, в частности, по линии установления цен; создание на базе мелких производств своего рода „питательного пункта“ для частнокапиталистических элементов и пр.

Подробное выяснение всех этих факторов завело бы нас слишком далеко от непосредственной темы настоящего очерка.

Равнодействующая из всех противоречивых фактов и возможностей в этой области должна, на наш взгляд, сводиться к следующему: решительная поддержка на протяжении всего пятилетия кустарной промышленности, дифференцированная для различных районов и отраслей промышленности, в зависимости от сырьевых ресурсов, финансовых и производственных возможностей госпромышленности; включение в пер-

спективные и оперативные планы вопросов, относящихся к развитию кустарных промыслов, к рациональному удовлетворению производственных и финансовых нужд кустарной промышленности и к регламентации ее; одновременное энергичное осуществление кооперирования кустарей, сопровождаемое подготовкой достаточного контингента инструкторов для правильной постановки кустарных производств.

В частности, протекционистская политика должна проводиться, по нашему мнению, в отношении следующих трех категорий кустарно-ремесленной промышленности: а) производства, изготавливающие экспортные продукты, б) производства, вырабатывающие изделия с особенно тонкой отделкой, не поддающиеся машинной обработке, в) производства, специфически присущие кустарной промышленности, могущие при условии расширения самостоятельно покрыть потребительский спрос, позволив тем самым высвободить значительную часть занятых в аналогичном крупном производстве государственных капиталов (напр., валяльное производство, овчинно-шубное, шорно-седельное и др.)

Переходя к цифровой проектировке в области мелкой промышленности на ближайшее пятилетие, приведем сперва некоторые данные, иллюстрирующие современное состояние ее:¹

	Число завед.	Число занятых лиц	Валовая продукция
Вся промышленность	1.562.637	2.130.708	1.308.920
В том числе:			
Горная	46.049	75.974	19.428
Обраб. с.-х. сырья	610.703	912.972	803.481
Обраб. промсырья	905.885	1.141.760	486.011

К группе горной относятся: добыча и обработка минералов. К группе обработки с.-х. сырья: обработка дерева, пищевая, кожевенная, текстильная. К группе обработки промсырья — металлическая, химическая, швейная, бумажная, полиграфическая.

Перспективы роста на период 1926/27—1931/32 гг. запрктированы Госпланом РСФСР в следующем виде:

	Вся нецензурная	Государственная	Кооперативная	Частная
1926/27	1.308	58	265	987
1931/32	1.842	93	466	1.283
% роста	41	60	76	30

Таким образом, мелкая промышленность возрастет по этому варианту на 40%, при одновременном росте цензовой на 80%. Если же учесть переработку пятилетнего плана крупной промышленности в сторону увеличения темпов роста, в связи с введением дополнительной смены, то расхождение в темпах между крупной и мелкой станет еще ощутительнее; удельный вес нецензовой, падающий даже по теперешнему варианту с 13,1% до 10,6%, снизится еще больше.

В соответствии с высказанными нами выше взглядами, мы полагаем необходимым запрктировать несколько больший рост мелкой промышленности; однако, представить конкретные расчеты в этом направлении в настоящих строках еще не представляется возможным.

Останавливаясь вкратце на вопросе о процессах кооперирования кустарей, следует, прежде всего, указать, что позиции обобщественного

¹ Данные относятся к 1926/27 году по территории РСФСР. По экспертной оценке ЦСУ РСФСР.

сектора в мелкой промышленности крайне слабы, фактический охват промысловой кооперацией мелких производств составляет по I/X 1927 года около 12%. При этом наблюдается несоответствие в размерах кооперирования между отдельными отраслями, а также между отдельными районами. В хлопчатобумажном производстве процент охвата достигает 80%, в металлическом и кожобушном — 25%, зато в ряде других производств он совершенно ничтожен; та же картина — в порайонном распределении. Из общего числа членов низовой периферии промкооперации РСФСР на 1/I 1927 г. на долю ЦПО приходится 48%, а на долю ЦПО совместно с С.-Западной областью — 64%. В Немреспублике кооперировано около 60% кустарей, а в большинстве прочих нацреспублик — 5%, 10%.

В настоящее время в системе Всекопромсоюза насчитывается около 300.000 человек, к концу пятилетия предполагается довести число членов до 730.000 человек, т.е. на 145% больше исходной цифры. Около 1/4 имеющихся ныне членов (и около 1/2 первичных объединений) относятся к „диким“ организациям, т.е. к артелям и товариществам, не охваченным союзами по причине недостаточной для них материальной заинтересованности, либо вследствие спекулятивных тенденций. В этой области перед промкооперацией лежит большая и серьезная работа, требующая напряжения финансовых и организационных ресурсов.

На протяжении пятилетия промкооперация произведет довольно крупное капитальное строительство, общей стоимостью до 70 млн. руб. (из коих половина — за счет бюджетных ассигнований), работы коснутся, главным образом, ткацкотрикотажного промысла (22,6 млн. руб.) и производства строительных материалов (22,2 млн. руб.). Техническая реформа кустарной промышленности явится орудием для придания соответствующего социально-экономического облика мелкому промышленнику.

VI

Нам остается коснуться общих сопоставлений динамики социальных групп промышленности РСФСР на протяжении пятилетия, в согласии с вышеприводимыми цифровыми проектировками. Подобного рода расчеты могут преследовать, впрочем, лишь цели некоторой иллюстрации, потому что, ожидать точного выполнения в течение пятилетия конкретных предначертаний по всем формам весьма трудно.

В области производства наиболее вероятны следующие изменения (в %/0/0):

	Темпы роста 1931/32 к 1926/27 гг.	Удельные веса 1926/27 г. 1931/32 г.	
Госуд.	86	79,4 ¹	82,2 ¹
Коопер.	80	5,4	5,4
Частная	42	2,1	1,6
Вся ценз.	85	86,9	89,4
Неценз.	41	13,1	10,6
Вся пром. шл. РСФСР	79	100,0	100,0

Таким образом, предстоит увеличение доли цензовой промышленности, а из отдельных элементов ее — рост доли госпромышленности; кооперативная промышленность остается на неизменном уровне, частная — понижается.

В целом, следовательно, значение обобщественного сектора в общей массе выпускаемой продукции возрастет, вследствие относительного

¹ Без учета добавочной смены.

понижения частной цензовой, понижения доли всей мелкой промышленности и, наконец, внутри этой последней — усиления кооперированных производств.

Здесь уместно остановиться на вопросе, весьма тесно связанном с трактуемой темой — на вопросе о том, какие методы должны применяться государством в борьбе с частным сектором, какие обстоятельства призваны сыграть решающую роль в вытеснении частного обобщественной промышленности?

В распоряжении плановых органов имеется богатый арсенал мероприятий, обуславливающих сжатие этой деятельности (меры эти общеизвестны: налоговая политика, арендная, политика в области ж.-д. транспорта, снабжение сырьем, кредитная политика и пр.).

Следует ли, однако, прибегать исключительно к этим средствам? На наш взгляд, позиции государственной промышленности ныне настолько окрепли, что основным фактором, решающим ее тяжбу с частной промышленностью, должна явиться только экономическая конкуренция. Там, где начнут действовать под влиянием конъюнктурных условий неблагоприятные для государственной промышленности обстоятельства, как это было недавно в кожевенной или мукомольной промышленности, там целесообразно принятие экстренных мер.

Государственная промышленность имеет теперь достаточные ресурсы для победы над частником, с помощью чисто экономического и технического прогресса. Более низкая себестоимость, наряду с высокой производительностью труда, более низкие цены, лучшее качество, удачный ассортимент, вот те инструменты для преодоления частника, которые знаменуют одновременно тщательный самоконтроль госпредприятий, которые стимулируют энергичную рационализацию всех производственных процессов.

Снижение себестоимости в госпромышленности, расположенной на территории РСФСР, спроектировано по пятилетнему плану в размере 23%. За исключением амортизации, по всем основным элементам себестоимости ожидается в большей или меньшей степени понижение расходов. Точных расчетов в этом отношении привести еще нельзя, но наши ориентировочные исчисления таковы (на единицу продукции): сырье и материалы — 18%, топливо — 29%, зарплата (весь фонд, включая начисления) — 27%, амортизация — 1%, цензовые и фабричные — 28%, правленские и торговые — 39%, недра и попенщина — 1,5%, акцизы — 18%.

Подобные результаты возможны, как следствие целого ряда улучшений в производственном процессе, а также значительного обновления основного имущества. Тут скажется механизация оборудования, механизация внутривозовского транспорта, усиление стандартизации, процессы концентрации и специализации предприятий, укрупнение трестов, применение цепного метода, снижение начислений на зарплату и т. д. и т. д.

Обладает ли частный сектор аналогичными, столь же мощными ресурсами для снижения издержек производства и улучшения качества изделий? Ответ вряд ли вызывает сомнения; ни цензовая капиталистическая промышленность, гораздо менее крупная, чем госпромышленность по размерам, со сжатыми уже и сейчас до последней степени организационными и накладными расходами, ни тем более нецензовый частный сектор с его полудомашними способами выработки, — не смогут выдержать борьбы с крупной обобщественной промышленностью: борьбы на почве хозяйственного прогресса. Исключение могут составить только концессионные предприятия, — но одна ласточка весны не делает (доля концессионной продукции не достигает и одного процента).

Все это подтверждает реальность вышеизложенных методов борьбы с частным сектором.

В настоящей статье речь шла, главным образом, о некоторых принципиальных вопросах, возникающих в связи с затронутой темой. В целом, существующее в этой области положение приводит к выводу, что как истекшие восстановительные годы, так и ближайший плановый отрезок (пятилетие), характеризуются непрерывным наступлением государственного сектора на частный, постоянным и систематическим усилением позиций обобщественной промышленности.

Это обстоятельство открывает возможность для проведения в дальнейшем строго дифференцированной политики в отношении различных звеньев (а также различных районов и в разные периоды времени) частного хозяйственного сектора, сообразуясь с требованием всей хозяйственной обстановки (некоторые соображения в этом смысле изложены выше). Достижение же конечной цели: постепенное обобществление промышленности или, во всяком случае, всех важных производств ее, (и это относится в значительнейшей степени не только к РСФСР, но и к промышленности прочих республик), — представляется вполне реальным и не столь отдаленным во времени.

Генеральный план развития Кузнецкого бассейна^{1,2}

1. Кузнецкий бассейн как энергетическая база

Как известно, главные мировые запасы энергии представляются в виде ископаемого топлива: угля, нефти и торфа, среди которых первый занимает доминирующее (97%) значение.

Советский Союз из этих мировых запасов владеет около 10%, при чем его угольные запасы составляют 6%, нефтяные — около 40%, а торфяные более 75% от мировых ресурсов соответственных сортов топлива. По территории Союза ископаемое топливо распределено чрезвычайно неравномерно. На Европейскую часть СССР приходится около 87% запасов нефти, а на Азиатскую — лишь 13%, наоборот, ископаемые угли в главной своей массе (84%) залегают в Сибири.

Общий геологический запас ископаемых углей по СССР устанавливается Геологическим комитетом на январь 1927 г. в 475 млрд. тонн и распределяется по различным бассейнам Союза следующим образом:

Таблица 1

Р а й о н ы.	В млрд. тонн натураль- ного веса	В % от общего за- паса в пере- счете на условное то- пливо
Кузнецкий бассейн	330,00	70,70
Донецкий "	68,17	15,10
Иркутский "	52,00	10,30
Минусинский "	6,25	1,22
Подмосковный "	8,33	0,85
Киргизская степь	4,85	0,86
Сахалин	2,00	0,40
Урал	0,79	0,12
Печерский	0,50	0,10
Прочие районы	2,23	0,35
Всего натуральн. веса млрд. тонн .	475,12	—
" условн. топлива " " .	447,4	100

¹ Печатается в порядке обсуждения проблем генерального плана. Ред.

² В основу настоящей статьи положен вариант, принятый Топливной и Сибирской группами Комиссии генплана.

По сортам углей запасы в СССР составляют из:

Таблица 2

	Мрд. тонн	В %
Антрацитовых углей	146,5	30,8
Каменных "	313	65,6
Бурых "	15,5	3,6
Всех сортов	475	100
Из них:		
В Европейской части СССР	78	16,4
" Азиатской " "	397	83,6

Из них по сортам (в %) угли распределены по территории:

Таблица 3

	Антра- цитовые	Каменно- угольные	Бурые угли
В Европейской части СССР .	50,6	38,0	11,4
" Азиатской " "	26,8	71,5	1,7
По СССР	30,8	65,6	3,6
Мировые запасы	8,0	54,0	38,0

Из общего мирового запаса каменного угля, составляющего около 7.600 млрд. тонн, 3.800 млрд., или 50% находятся в Сев.-Амер. Соед. Штатах, 1.200 млрд., или 16% в Канаде, 1.000 млрд. — 13% в Китае. На четвертом месте, располагая 475 млрд., или 6,2% запасов, стоит СССР, затем идут Германия, Великобритания и прочие страны.

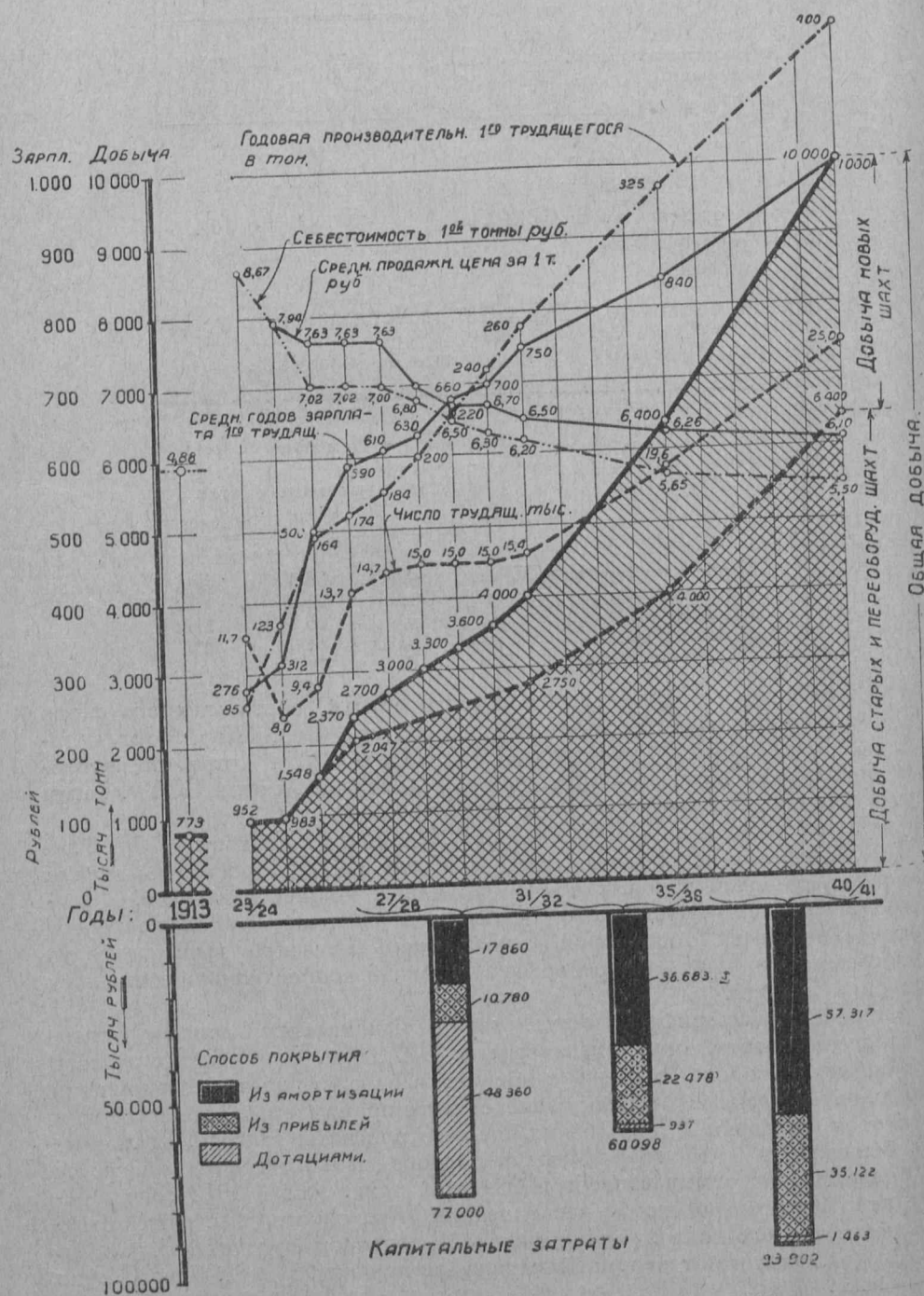
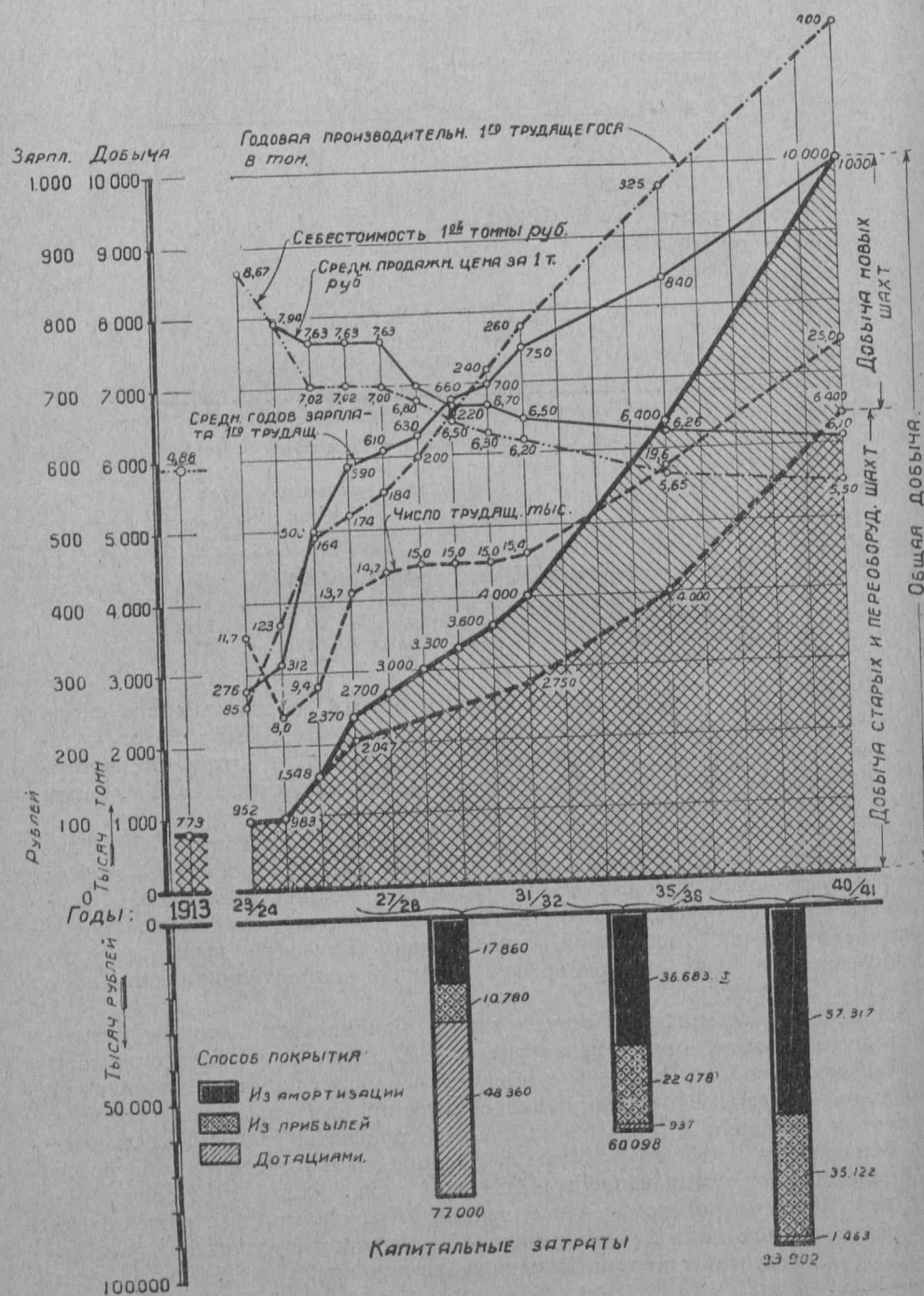
На картограмме, помещенной в „Плановом Хозяйстве“ № 8 за 1927 г.,¹ запасы ископаемого угля и нефти СССР изображены в виде квадратов, площади которых пропорциональны мощности запасов. Доминирующие размеры Кузнецкого бассейна и центральное положение его относительно всей территории Союза очень наглядно выявляются из картограммы, которая еще рельефнее оттеняет концентрацию топливных запасов в Сибири.

Приведенные цифры соответствуют официальным данным Геологического комитета, опубликованным в 1927 году. В подсчетах запасов отдельных бассейнов в связи с новыми геологическими, разведочными и эксплуатационными работами, введены все принимаемые Геологическим комитетом поправки и дополнения. Первые подсчеты запасов, сделанные для бывшего в 1913 году Международного геологического конгресса в Канаде, давали сумму запасов в 234 млрд. тонн. Уже в 1918 году в результате систематического исследования Кузнецкого бассейна было выяснено, что его запасы, принимавшиеся в первом подсчете всего лишь в 13,6 млрд., достигают огромной цифры, не меньше 250 млрд. тонн. Общие

¹ См. мою статью „Предпосылки к генеральному топливному плану“.

подсчеты запасов, сделанные для Лондонской энергетической конференции в 1924 г., были подняты до 428 млрд. тонн.

Ныне, как мы видим, запасы эти определяются в 475 млрд., т.-е, сравнительно с 1913 года они удвоились. Увеличение это произошло главным образом, за счет Кузнецкого бассейна, тогда как в более

детально изученном Донецком бассейне запасы от 55,6 млрд. тонн подняты за тот же период всего лишь до 68,1 млрд. тонн, т.е. на 22,5%. Дальнейшее изучение Кузнецкого бассейна приводит к убеждению, что указанными запасами далеко не исчерпываются все возможные его богатства.

Работами Л. И. Лутугина и группы его сотрудников устанавливается в настоящее время следующая последовательность: свит, их названия, мощность, а также средние размеры суммарных угольных пластов по свитам:

Название свит	Обозначен- ные свиты	Мощность		% угле- носности
		Свиты	Суммарного пласта	
		(в метрах)		
Конгломеративная	H ₇	300 }	9	0,50
Красноярская	H ₆	1600 }		
Надкемеронская	H ₅	1150	5	0,43
Кемеровская	H ₄	100	13	13,00
Подкемеровская	H ₃	2350	35	1,50
Безугольная (Пустопорожная) .	H ₂	1300	2	0,15
Балахонская (Карачиакская) . .	H ₁	1300	50	4,00
И т о г о	—	8100	114	—
Средний процент угленосности	—	—	—	1,4

Устанавливая по методу, принятому для Донецкого бассейна, запасы угля в Кузнецком бассейне до глубины 1.500 метров от поверхности, принимая к учету лишь около 16 тыс. кв. км угленосной площади, а среднюю плотность запаса на 1 кв. км в 25 млн. тонн, геологи В. И. Яворский и П. И. Бутов определяют общие запасы бассейна в 400 млрд. тонн.

Суммарную мощность пластов отдельных, более подробно изученных месторождений (см. карту стр. 296) и величину средней плотности запаса на 1 кв. км поверхности до глубины 500 м эти же исследователи Кузнецкого бассейна приводят в нижеследующей табл. 4.

Таблица 4

Название копей	Мощность суммарного пласта в метрах	Средняя плотность запаса на 1 кв. км в млн. тонн
Свита Н ₁		
Анжеро-Судженские копи	25,00	27
Киселевская копь	84,00	30
Прокопьевская копь	88,00	32
Свиты Н ₃ —Н ₄		
Алтайская копь	15,20	18
Кемеровская копь	20,90	25
Ишановское месторождение	23,80	15
Кольчугинская копь	17,70	10
Белово-Бабановское месторожд.	28,60	20
Осиновское месторождение	21,30	10
Крапивинская копь	5,90	6
Порывайка или 25 Октября	7,00	7,6
Ерунаковская копь	24,80	14,9

Распространяя на прилегающие к изученным месторождениям площади приведенные плотности запасов, В. И. Яворский и П. И. Бутов получают общий запас угля для всей площади Кузнецкого бассейна до глубины 500 метров от поверхности по отдельным свитам:

Свита H_1 с углями группы А международной классификации, соответствующими антрацитам и полуантрацитам	106,78	мрд. тонн
Свиты H_3-H_4 с углями групп В и С международной классификации (В — коксовые и кузнечные, С — пламенные, жирные и сухие)	82,54	" "
Свиты H_5-H_7 с углями групп С	12,00	" "

Всего до глубины 500 метров. . . 201,32 мрд. тонн

Проф. М. А. Усов, на основании ряда своих работ, делает в докладе, представленном Первому всеросс. горному научно-техническому съезду, иные подсчеты запасов до глубины 1.800 метров (1.500 метров ниже уровня моря) в Кузнецком бассейне (табл. 5).

Таблица 5

Название свит	Суммарные пласты	Промышленные запасы
Балахонская	100 метр.	80 мрд. тонн полуантрацита
Подкемеровская и Кемеровская . .	60 "	240 " " газ. и кокс. углей
Восточн. фации Кемеровск. . .	25 "	125 " " сапропелевых углей
	185 метр.	445 мрд. тонн

Если признать, что указанная М. А. Усовым суммарная мощность свит, наблюдаемая местами, не может быть принята как средняя для всей угленосной площади, а отсюда, что его подсчеты несколько преувеличены, то все же нужно согласиться, что по позднейшим исследованиям общие запасы Кузнецкого бассейна, поднятые Геологическим комитетом в 1927 г. до 330 мрд. тонн, могут быть в ближайшее время еще значительно увеличены.

Выводом из сказанного о запасах ископаемых углей могут явиться следующие утверждения:

1) Кузнецкий бассейн со своими мощными угольными запасами в 330 мрд. тонн, лишь за последние годы возросшими на 70 мрд. тонн, т.-е. на величину, превышающую общие запасы Донбасса, и имеющими все шансы на дальнейшее увеличение, должен быть признан основной энергетической базой Союза.

2) По сравнению с мировыми запасами СССР значительно богаче каменными углями и антрацитами, но беднее бурими углями.

3) В азиатской части Союза преобладают каменные (битуминозные) угли, а антрациты и бурые угли играют меньшую роль; в европейской части, наоборот, относительное участие антрацита довольно значительно.

4) Главная масса углей, дающих металлургический кокс, расположена в Кузнецком и Донецком бассейнах.

5) Старейший промышленный район Союза — Урал — чрезвычайно беден ископаемым топливом и совершенно не имеет углей, могущих в естественном виде применяться для коксования.¹

¹ Лишь в 1927 г. установлено наличие спекающихся углей в Алапаевском округе, но для установления промышленных запасов требуются очень большие разведочные работы.

II. Характеристика Кузбасса, как базы металлопромышленности Сибири и Урала

Как мы уже видели, геологические и промышленные запасы углей в Кузнецком бассейне громадны, превосходные качества этих углей общеизвестны. Главная масса их относится к типу спекающихся углей, но имеются угли всех остальных разновидностей. Вообще все угли Кузнецкого бассейна отличаются большой чистотой, содержание серы редко превосходит 0,5%, а зольность в пластовых пробах не более 5—6%. Теплотворная способность углей очень высока и независимо от колебания содержания летучих определяется в 7.800—8.000 калорий.

Характерные особенности углей Кузнецкого бассейна группируются применительно к четырем основным районам добычи: Анжеро-Судженскому, Кемеровскому, Ленинскому (Кольчугинскому) и Южно-Кузнецкому. Согласно этим районам выработаны и технические условия на кузнецкие угли. Последовательный ход развития добычи угля в этих районах, начиная от 1913 г. по 1924/25 г., представлен в нижеследующей табл. 6.

Добыча угля в Кузнецком бассейне по районам
(В тыс. тонн)

Таблица 6

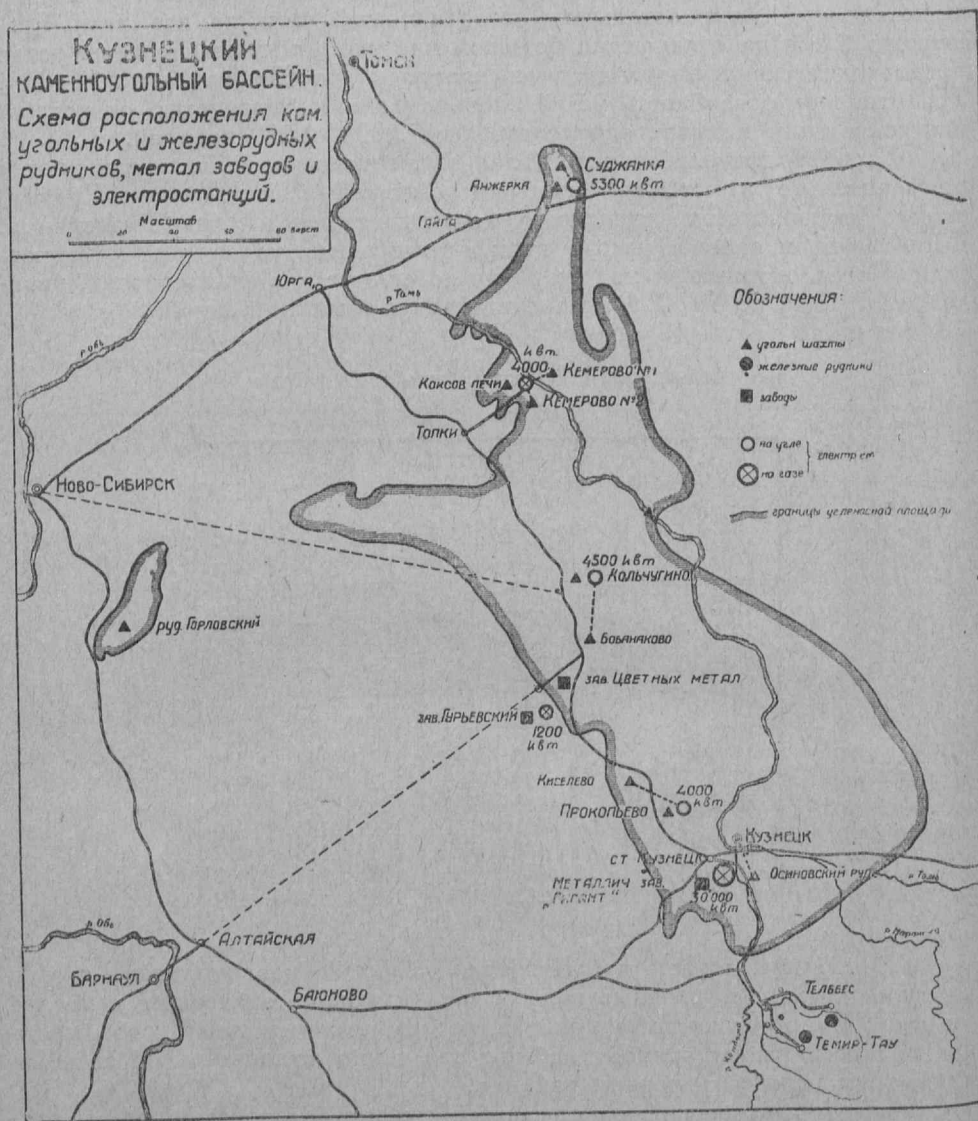
Годы	Анжеро-Судженский район	Кемеров. Сев. Кузнецк. район	Кольчуг. Ленинск. район	Южно-Кузнецкий район	Всего по бассейну
1913	763	10	—	—	773
1914	807	42	6	—	855
1915	1.058	42	29	—	1.130
1916	987	73	126	—	1.186
1917	960	114	169	13	1.256
1918	722	73	134	8	937
1919	618	65	127	11	821
1920	598	85	162	51	896
1921	419	101	165	95	699
1921/22	401	131	191	185	909
1922/23	437	111	164	180	892
1923/24	474	153	178	147	952
1924/25	547	173	180	82	982

Из таблицы видно, что Кузнецкий бассейн максимального своего развития достиг в военные годы с подавляющим значением наиболее старого Анжеро-Судженского района, который затем уступает свое место как по абсолютному размеру добычи, так и по относительной ее величине, трем новым Кузнецким районам.

Анжеро-Судженский район разрабатывает балахонскую свиту пластов паровичного тощего угля, который проф. Усов, относит к полуантрацитам. Угли эти содержат от 14 до 18% летучих, несколько спекаются, а иногда даже коксуются. Содержание серы всегда ниже 1%, нормальную зольность нужно принять в 7—8%, бескидочный ее предел установлен в 10—12%.

Потребителем угля этого района всегда была Сибирская железная дорога, уголь этот в иные годы доставлялся и в Европ. Рос. ж. д. Октябрьскую (б. Николаевскую) жел. дор., на Волгу и на Каспий. Максимальной добычи в 1.058 тыс. тонн район этот достигал в 1915 г. Работы в районе начались в 1896 г. одновременно с открытием железной дороги.

Кемеровский район разрабатывает группу пластов, относящихся к двум свитам: подкемеровской и кемеровской. Содержание летучих в этих пластах колеблется от 20 до 30%; все угли спекающиеся идут для выжиг кокса и для надобностей железных дорог.

Работа в этом районе начинается в 1913 г., а к 1917 г. добыча достигает 114 тыс. тонн, затем, как и на всех предприятиях, резко падает, но уже с 1921 года начинается последовательный подъем добычи, который в 1924/25 г. достигает 173 тыс. тонн.

Кольчугинский (Ленинский) район эксплуатационные начал на год позднее Кемеровского, но уже в 1917 году дал 169 тыс. тонн, оставаясь на этом уровне до последних лет. К 1924 г. добыча поднялась до 180 тыс. тонн. Кольчугинский рудник разрабатывает пологую свиту (подкемеровской) средней мощности жирных, газовых, хорошо спекающихся

углей с содержанием от 35% до 41% летучих. Угли эти чрезвычайно чисты и служат прекрасной подмесью к тощим углям при коксовании и перво-классным генераторным топливом. Потребителем угля были и местные железные дороги — Кольчугинская и Алтайская, Уральские заводы и Кемеровские коксовые печи.

Южно-Кузнецкий район состоит из двух частей, имеющих совершенно различные свойства и задачи. Северная часть, с рудниками Прокопьевским и Киселевским, разрабатывает балахонскую свиту мощных крутопадающих пластов, дающих тощие угли, типа Кардиф, пригодных для самых ответственных судовых топок и для непосредственного применения в доменных печах вместо кокса.

Угли эти отличаются малым содержанием летучих (14 — 18%), совершенно бездымны, не спекаются, содержат серы не более 0,3% и в пластовых пробах имеют не более 3—4% золы.

Добыча в районе началась лишь с 1917 г. и достигла своего максимума — 185 тыс. тонн — в 1921/22 г. Затем, вследствие кризиса сбыта она поддерживалась лишь на Прокопьевском руднике в размере 82 тыс. тонн в 1924/25 году.

Южная часть района у г. Кузнецка и к югу от него включает ряд месторождений коксовых углей, среди которых наилучшее Осиновское предназначается для снабжения проектирующегося постройки металлургического завода. Пока это месторождение, как не обслуженное железной дорогой, не разрабатывается.

Характеристика рабочих пластов. Общее число рабочих пластов в угленосных свитах бассейна надо считать не менее 40, что при суммарной мощности в 114 м дает среднюю мощность пласта в 2,8 м. Пласты обычно залегают группами в 2, 3, 5 и более пластов — мощностью от 0,5 до 16 м.

Как пример исключительной концентрации пластов следует указать на Прокопьевское и Киселевское месторождения балахонской свиты, у которых суммарный пласт составляет 88 и 84 м, а процент угленосности свыше 15 при наличии нескольких пластов исключительной мощности (Великан, Мощный — по 15 м, Горелый — 10 м) и при том не имеющих совершенно пропластков пустой породы, могущих засорять при добыче поразительно чистую угольную массу.

Месторождения, расположенные на окраинах бассейна, подвергались более или менее значительным нарушениям и пласты в них имеют преимущественно-крутое падение, месторождения, находящиеся ближе к центру Кузнецкой котловины, залегают спокойно с пологим падением.

При всем разнообразии углей Кузнецкого бассейна общими характерными особенностями их являются: 1) стойкость против выветривания и разрушения в пластах, благодаря чему уголь является пригодным, начиная с самых выходов пластов, 2) спекаемость при самых широких пределах содержания летучих, благодаря чему главная масса углей относится к типу спекающихся, 3) ничтожное содержание серы и малая зольность и 4) высокая теплотворная способность органической массы угля.

Необходимо особенно отметить наличие среди углей бассейна значительных запасов особой разности углей, пригодных в сыром виде для непосредственного применения в доменных печах. Пока вполне благоприятные результаты при доменной плавке дал уголь Волковского пласта (Кемеровского рудн.) и Мощного пласта (Прокопьевского рудн.). Угли эти отличаются большой твердостью, вязкостью, древесным сложением, способностью на подобие некоторых сортов антрацита сгорать в кусках, не растрескиваясь, а постепенно уменьшаясь в объеме и не спекаясь с рядом

лежащими кусками. Эти свойства определяют новую специальную марку доменного угля, характеризующуюся следующими данными:

- 1) количество летучих 16 — 22%
- 2) серы не выше 0,5%
- 3) золы 5 — 8%
- 4) уголь не спекается и не растрескивается в огне.
- 5) крупность кусков 35 — 150 мм

Расход такого горючего в доменной печи должен быть около 1 тонны на тонну чугуна, при наличии доменных газов с повышенной на 25% калорийностью. Применение этих углей на доменных печах Гурьевского завода в Кузнецком бассейне и Н.-Тагильского, Н.-Салдинского, Кувшинского и В. Туры на Урале показывает полную техническую и экономическую целесообразность использования этого вида топлива в доменных печах уральского типа и ставит перед металлургией интересную техническую проблему устранения промежуточного подготовительного процесса — коксования угля. При современном доменном процессе на больших доменных печах, уже устранивших надобность предварительной подготовки другого основного сырья — железных руд, использование также и сырого угля представляется чрезвычайно существенным упрощением.

Как бы благоприятно ни был разрешен вопрос о доменной плавке на специальном сыром угле, нужно считаться с тем, что процесс этот может явиться лишь вспомогательным, быстро разрешающим недостаток на Урале доменного топлива, но не могущим вполне заменить основной вид доменного топлива — кокса, для изготовления которого в Кузнецком бассейне имеются неограниченные запасы спекающихся углей.

Качество коксующихся углей. Коксовыми свойствами кузнецких углей начали интересоваться давно, в связи с потребностью в коксе передельных заводов, но подробное изучение коксования началось лишь с 1914 г. на опытных печах, построенных Кузнецким обществом на Кемеровском руднике.

Целый ряд опытов, произведенных с углями различных рудников района из отдельных пластов и с различными смесями углей, установил следующую характеристику углей Кузнецкого бассейна. Коксующимися являются угли с содержанием от 20 до 40% летучих. Угли с содержанием летучих несколько ниже 20% не коксуются совсем или спекаются слабо при условии кратковременного пребывания на воздухе. При 23 — 30% летучих получается прекрасный доменный кокс. При 34 — 40% летучих кокс получается легкий, сильно пористый.

В отношении отдельных месторождений исследования на этих печах и на печах других районов установили:

1) Лучшими углями для коксования следует считать угли Осиновского месторождения. Они содержат в пластовых пробах 0,9 — 2,5% влаги, 3,5 — 6,5% золы, 0,5 — 0,7% серы и 22 — 28% летучих. Они дают прекрасный, очень твердый, нормально пористый кокс, без поперечных трещин, держащийся в сравнительно небольших кусках. Кокс обладает светло-серебристым цветом и металлическим звоном. По своим качествам он выше донецкого и может конкурировать с наилучшими иностранными.

2) Второе место занимают угли Кемеровского рудника. Лучший кокс дает уголь верхней пачки кемеровского пласта и нижней пачки 2,7 м волковского пласта. Содержание летучих в Кемеровском 27 — 30%, нижняя пачка 1,7 м этого пласта имеет два сланцевых прослойки, дает большую зольность и худшее спекание сравнительно с верхней. По качеству кокс из угля этого пласта должен быть отнесен к хорошим металлургическим сортам.

Кокс из угля владимирского пласта в общем сходен с кемеровским, но больше порист и дает меньший выход.

В общем, нужно сказать, что угли всего Кемеровского месторождения в смеси, пропорциональной мощности пластов, т. е. среднего взвешенного состава при 24 — 25% летучих, являются нормальной коксовой смесью. Но считаясь с капризностью спекания волковского пласта при возможной неоднородности смеси или неправильной дозировке, предпочтительнее вести коксовый процесс при более жирном составе, достигаемом примесью кольчугинских углей.

3) Угли пластов майеровского и болдыревского Кольчугинского рудника, благодаря большому содержанию летучих — до 40%, дают кокс в общем слабый, сильно пористый, трещиноватый с явно выраженной столбчатой отдельностью, светло-серый, серебристый, прекрасно спекшийся и вспученный. Он легко разбивается в кусочки около 1 дюйма и в то же время дает сравнительно немного коксового мусора.

Кольчугинские угли, обладающие чрезвычайно сильным свойством схватывания, являются незаменимыми углями для смесей с более тощими углями.

В результате ряда опытов коксования углей в различных смесях установлено, что наилучший и более однородный кокс получается при смесях, содержащих около 27 — 28% летучих, которые получают путем прибавки к смеси кемеровских углей 20 — 25% кольчугинских углей.

Более значительные прибавки несколько ослабляют твердость. Если в смеси кемеровских углей уменьшить количество угля верхней пачки волковского пласта, путем отборки крупных кусков, представляющих особо ценное топливо, могущее идти непосредственно в доменную печь или вагранку, то присадка кольчугинского угля при очень тонком размоле и тщательном смешивании может быть сокращена до 15 — 12%.

4) Пласты кемеровской свиты, разрабатывавшиеся на Алтайских коях Богословского общ., находящихся в 37 км к северо-востоку от Кемеровского рудника, подвергались изучению в смысле коксемости в печах ульевого типа непосредственно на этих коях. Результаты получились примерно такие же, как на Кемеровском руднике — волковский пласт содержит здесь 21%, а кемеровский 26% летучих, но выход кокса в этих печах был значительно ниже и не превышал 40%.

5) Изучение коксемости углей северной части Кузнецкого бассейна производилось совершенно независимо в Анжеро-Судженском районе. В 1903 — 04 гг. сначала на Анжерке, а затем и на Судженке было построено по одной батарее коксовых печей, в каждой по 20 камер. Анжерские печи системы Эванс Коппе без улавливания побочных продуктов. Угли этого района принадлежат к разряду тощих с содержанием от 13 до 17% летучих. Только некоторые пласты с большим количеством летучих дают спекающийся уголь, но все же получение из них кокса представляет значительные затруднения, обычно из печей выходило много мусора и кокс был неудовлетворительного качества.

В общем Анжеро-Судженский район нельзя признать выгодным местом для коксования.

Позднейшие исследования и работа кемеровских коксовых печей в полной мере подтверждают правильность вышеприведенных выводов. Первоначальные неудачи коксования объясняются неправильным подбором смеси, недостаточностью дробления и плохой регулировкой печей, как это установлено экспертной оценкой проф. П. Рубина и особой комиссией под председательством П. Чекина. Сомнения в возможности применения для коксования волковского угля, объясняющиеся, главным образом, необходимостью особо тонкого размолу, отсутствовавшего при

печах, в настоящее время уже устранены и в шахту вводят до 20% угля этого пласта.

При опыте коксования хорошо подготовленной рабочей смеси с 40% угля кемеровского пласта, 20% владимирского и 40% кольчугинского с содержанием в смеси влаги 8,6%, золы 11%, летучих 22,8%, произведенном Комиссией, кокс получился вполне хорошего качества, достаточно плотный и твердый, стального цвета с металлическим звоном и с нормальной для удовлетворительного металлургического кокса пористостью, при отсутствии губки. Испытание на барабане дало остаток в барабане 0,27 тонны.

Замена части кольчугинского угля волковским, несомненно, еще увеличила бы твердость и дала бы барабанную пробу не ниже 0,29 тонны.

Как устанавливают новые анализы А. П. Шахно, некоторые пласты Прокопьевского и Киселевского рудников с глубиной проявляют склонность к спеканию. Так, пласты, Характерный (21 печь Киселевского рудника) и 3 Внутренний (штольня, Прокопьевский рудник), дали вполне спекшийся кокс.

Пласты 1 Внутренний (Киселевский рудник), Прокопьевский 2 и Лутугинский показаны с характеристикой слипающегося кокса.

Проф. П. Рубин в своем заключении о работах кемеровских коксовых печей также указывает на благоприятные в смысле коксования прокопьевских углей лабораторные показания. Сделанная им проба коксования угля 2 Прокопьевского пласта пополам с Кольчугинским дала прекрасный результат. Получился также очень прочный и звонкий кокс с малым содержанием мелочи из смеси углей 1 и 2 Прокопьевского пластов. Позднейшие испытания проф. Рубина коксовых свойств осиновских углей в смеси с прокопьевскими подтверждают первоначальное заключение о пригодности для коксования и прокопьевских углей как в смеси, так и в чистом виде.

Эти опыты лишь расширяют район углей, пригодных для коксования в Кузнецком бассейне, за счет наиболее чистых как по золе, так и по сере пластов. По данным А. Шахно в прокопьевских углях содержание золы спускается до 1,5—2%, а серы до 0,17—0,19%, поэтому использование их для коксования, хотя бы и в смесях, представляется очень желательным.

Сбыт кузнецкого угля. Главным потребителем кузнецкого угля со времени открытия движения на Сибирской железной дороге, является железнодорожный транспорт. Сельскохозяйственная Сибирь с лишь зарождающейся промышленностью, при наличии дров, не могла быть достаточно емким рынком для минерального топлива. Если в определенных безлесных районах каменный уголь и является конкурентоспособным топливом, то годы войны, когда 80—90% угля принудительно передавалось транспорту, а частный потребитель мог получать в лучшем случае лишь голодную норму, не создавали благоприятных условий для расширения каменноугольного рынка. Такое положение сохранялось до 1923/24 г., когда под влиянием хозрасчета и сжатия работы транспорта создались излишки угля, которые потребовали отыскания новых потребителей и сокращения темпа развертывания добычи в полном соответствии с запросами сжатого рынка.

Подтверждением выше высказанных положений могут служить таблицы 7, 8 и 9, характеризующие предложения, сбыт и остатки топлива с 1913 по 1924/25 гг., а также удельное значение различных потребителей.

Таблица 7

Предложение (коммерческое нетто) и сбыт продукции Кузнецкого бассейна (в тыс. тонн)

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920/21 г.	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
Предлож.	725	824	1.097	1.147	1.228	845	804	757	775	789	873	983
Сбыт	701	796	1.066	1.114	1.300	819	780	729	739	724	757	952
Остаток к концу года	24	28	31	33	26	26	24	28	36	65	116	31

Распределение сбыта по потребителям

Таблица 8

	1913 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
Железные дороги тыс. тонн .	541	819	650	681	590	547	441	529 ¹
В % ст сбыта	77	68	79,4	87,6	80,0	75,6	58	56
Прочим потребителям тыс. тонн	160	383	169	98	149	177	316	422
В % от сбыта	23	32	20,6	12,4	20	24,4	42	44

При постепенном снижении доли потребления угля железными дорогами с 80% в 1921/22 г. до 56% в 1924/25 г. и абсолютный расход Сибирских дорог систематически уменьшается. Увеличение сбыта в 1924/25 г. объясняется возобновлением впервые после войны поставки угля Самаро-Златоустовской дороге. Роль частных потребителей постепенно увеличивается и поднимается к 1924/25 г. до 44%.

Для оценки вновь развивающегося рынка приводим в табл. 9 распределение сбыта по категориям потребителей за 4 года (в тыс. тонн):

Таблица 9

	Желез. дорогам	Водному трансп. и военфл.	Промышленности	Для коксования	Водосвету	Военвеву	Прочим потреб.	Итого
1921/22 г.	590	28	25	16	28	21	33	741
1922/23 „	547	23	59	18	20	8	49	724
1923/24 „	441	38	115	98	26	5	34	757
1924/25 „	529	28	162	131	33	5	82	970

¹ В том числе 100 тыс. тонн Самаро-Златоуст. жел. дор.

Мы видим за последние два года значительное увеличение промышленного потребления и расхода угля на коксование, которое только в последнее время начинает развиваться в бассейне. Необходимо отметить, что расширение сбыта пока идет, главным образом, за счет Урала, который получает весь выжигаемый в Кузбассе кокс, берет специальный доменный уголь, уголь генераторный и кузнечный, а частью и паровичный.

Рост спроса на кузнечное топливо со стороны внесибирского рынка характеризуется следующими цифрами (в тыс. тонн):

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Самаро-Златоуст., Пермская, Моск.-				
Казанская жел. дор.	1,0	100,1	336,5	530,0
Европейские районы Союза	8,5	29,5	18,9	36,6
Казакстанская	—	13,3	18,1	24,2
Уральская промышл. уголь	92,0	99,3	32,3	417,0
" " кокс	49,1	65,5	111,8	138,0
Всего тыс. тонн	150,6	307,7	807,8	1.145,8

Таблица 10

Влияние исключительного тарифа на расширение сбыта кузнечного топлива. Появление кузнечного каменного угля и кокса на Урале стало возможным лишь при установлении с января 1924 г. исключительного тарифа на перевозки кузнечного топлива до всех станций Самаро-Златоустовской железной дороги со ставкой в 0,38 коп. тонно-км ($\frac{1}{150}$ коп. пудо-версты), при условии маршрутности перевозок. Введение этого пониженного тарифа, делающего кузнечное топливо конкурентоспособным видом топлива, представляется вполне рациональной мерой как с точки зрения использования и развертывания крупнейшего каменноугольного бассейна, так и в смысле направления уральской металлургии в сторону минерализации, как основного фактора предстоящей реконструкции всей уральской промышленности. Кроме того, мера эта является первым подходом к идее сибирского сверхмагистрального транспорта, долженствующего стягивать к себе для транзитных перевозок массовые грузы основного сибирского сырья и должна расцениваться, как важное обстоятельство в отношении самого транспорта, так и в смысле установления экономических взаимоотношений смежных областей — Урала и Сибирского края.

Поскольку идея необходимости удешевления транспортных расходов при наших громадных расстояниях и особенно сибирских не встречает возражений, постольку размеры этого удешевления и способы его достижения при посредстве технических мероприятий и переустройств или, не ожидая их осуществления путем удешевления тарифов для привлечения грузов, представляются часто спорными, требуют серьезных экономических обоснований и выявления последующих государственных выгод прямых или косвенных.

На сибирской магистрали в 1913—1917 гг. существовал уже исключительный тариф для перевозки черемховского угля в размере $\frac{1}{275}$ коп. с пудо-версты, а для кузнечного — в размере $\frac{1}{175}$ коп. Фактическая средняя себестоимость перевозок всякого рода грузов, перевезенных в 1913 г. по сибирской магистрали, определена в $\frac{1}{112}$ коп. с пудо-версты, не считая амортизации строительного капитала. Безубыточный тариф, покрывающий и проценты на затрачиваемый по переустройству магистрали строительный капитал в Урало-Кузнецком проекте определялся для среднего груза в $\frac{1}{125}$ коп. с пудо-версты. При принятых в проекте стоимостях сырья средняя стоимость перевозки в $\frac{1}{135}$ коп. являлась достаточной для получения на Урале конкурентоспособных внутри страны цен на металл, изго-

товляемый на кузнечном топливе. Поэтому такая тарифная ставка и была принята для всех предварительных подсчетов.

Установленный в настоящее время тариф в размере 0,38 коп. тонно-км ($\frac{1}{150}$ коп. с пудо-версты) при маршрутных перевозках, например, для Н. Салды, где работает первая на коксе уральская домна, при расстоянии 1.976 км от Кемерово, дает стоимость перевозки 8 р. 42 к. за тонну, а для Надеждинского завода при расстоянии 2.205 км — 9 р. 30 к. за тонну, включая все дополнительные сборы.

При цене короба угля на Н.-Салдинском заводе в 7 руб., стоимость чугуна определилась в 50 р. 91 к. тонна, а для получения, при существующем тарифе, коксового чугуна равной стоимости, цена кокса, франко—Кемерово, должна быть 14 р. 64 к. тонна, а для Надеждинского завода при цене короба угля в 5 р. 47 к. цена кокса должна быть — 9 р. 76 к. за тонну.

Так как в 1925/26 г. цена кокса снижена как-раз до 14 р. 64 к., то при цене короба в 7 руб. при среднем по современным путям расстоянии уральских заводов от Кемерово в 1974 км и при исключительном тарифе, кузнечный кокс становится равноценным с древесно-угольным топливом. Надеждинский завод, как отстоящий от Кузнецкого бассейна в максимальном расстоянии, располагающий дешевой древесиной, сразу исключается по экономическим соображениям из числа предприятий, долженствующих перейти на кокс.

Другие уральские заводы занимают промежуточное положение. Цена короба и тонны древесного угля и стоимость тонны кокса на заводах колеблются в следующих пределах:

Таблица 11

	Стоимость куб. метра дров (руб.)	Стоимость короба угля (руб.)	Стоимость 1 тонны древесного угля	Стоим. 1 тонны кокса при цене отправки 14 р. 64 к. за тонну
Надеждинский комбинат	1 р. 88 к.	5,56	20 р. 15 к.	24 р. 40 к.
Пермский трест	1 " 54 "	6,0	21 " 98 "	23 " 80 "
Алапаевский "	1 " 75 "	7,0	25 " 64 "	22 " 40 "
Южно-Уральский трест .	1 " 65 "	6,5—8	{ 22 " 59 "	22 " 50 "
			{ 29 " 30 "	23 " 20 "

Из сопоставлений данных стоимостей древесного угля и кокса сразу выясняется, что для Среднего и Южного Урала настоящие тарифные и технические условия работы создают благоприятные условия для проведения минерализации доменного процесса.

В северных округах, где имеется еще много древесины и древесный уголь пока еще достаточно дешев, ведение плавки на коксе было бы мало обоснованной мерой. Необходимо раньше еще понизить себестоимость кокса, увеличить его производство, тогда можно будет ставить вопрос о дальнейшем снижении тарифа для того, чтобы кокс оставался конкурентоспособным и на Северном Урале. Путь снижения себестоимости перевозок представляется в виде улучшения технических условий перевозок: увеличения грузоподъемности вагонов, усиления мощности паровозов и веса поезда, что возможно лишь при переустройстве путей и подходе к сверхмагистральному транспорту, к осуществлению которого мы в настоящее время подходим. Но этот путь требует значительного грузооборота, для создания которого необходим длительный подготовительный „воспитательный“ период в условиях, близко подходящих к будущему усиленному транспорту.

Предпосылками к генеральному плану принят тариф в $\frac{1}{150}$ к. с пудо-версты (0,38 коп. с тонно-километра), как отвечающий возможному уде-

шевлению перевозок. С этой ставкой надлежит считаться при установлении возможного сбыта кузнецкого угля.

Намечаемая потребность в кузнецком топливе. Как мы уже видели, грузовой поток из Кузнецкого бассейна на Урал за последние годы уже вполне образовался и имеет тенденцию значительного роста. Считаясь с этим обстоятельством и в связи с наметившейся идеей индустриализации Сибири, потребность в Кузнецком топливе на ближайшее пятилетие, применительно к данным особой комиссии тов. Брыкова, изучавшей на месте этот вопрос, приводится в табл. 12, которая дополнена цифрами возможного развития потребления к концам последующих двух пятилетий.

Таблица 12

Потребность в кузнецком угле на три ближайших пятилетия (тыс. тонн)

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1935/36	1940/41
Сибирский рынок								
Железные дороги Сибири . . .	574	737	819	852	917	1.000	1.300	2.000
Прочие централизованные . .	16	25	33	49	65	65	170	400
Промышленность	82	131	139	147	197	328	550	1.000
Проч. децентрализованные . .	57	90	90	98	131	164	350	500
На коксование в Кузбассе . .	221	262	491	492	819	819	1.630	2.600
И т о г о . . .	950	1.245	1.572	1.638	2.129	2.376	4.000	6.500
Вне Сибирского края								
Железные дороги	131	196	196	262	262	295	420	500
Балт. флот и проч. потр. за Уралом	33	66	66	66	66	66	80	100
Урал	262	393	393	524	524	704	1.400	2.100
И т о г о . . .	426	655	655	852	852	1.065	1.900	2.700
Общий сбыт	1.376	1.900	2.195	2.490	2.981	3.441	5.900	2.900
Расход на собственн. нужды и увеличение резервов	172	229	248	275	295	328	500	800
Необходимая добыча брутто . .	1.482	2.129	2.458	2.785	3.276	3.767	6.400	10.000

Как показывает истекающий 1926/27 г., цифры возможного потребления на первые годы пятилетия несколько преуменьшены, главным образом,

по группе внесибирских железных дорог, потребление которых поднялось в 1926/27 г. до 530 тыс. тонн кузнецкого топлива, но признать такой рост использования кузнецкого угля на Самаро-Златоустовской, Пермской и Казанской жел. дорогах нормальным нельзя, поэтому эта группа дорог, совместно с начавшейся постройкой Туркестано-Сибирской, в дальнейшем будет потреблять не более 500 тыс. тонн кузнецкого угля, а все железные дороги будут брать до 2.500 тыс. тонн, или 25% общей добычи брутто. Уральская промышленность должна будет получать не менее 3.100 тыс. тонн угля и кокса, т.е. поглощать до 31% общей добычи. Удовлетворение уральской металлургии намечено в 40% — коксом, выжигаемым в Кузбассе, а в 60% — углем. Для покрытия намечаемого сбыта в 1931/32 г. потребуется добыча брутто в 4.000 тыс. тонн, к 1935/36 г. они должны подняться до 6.400 тыс. тонн, а в 1940/41 г. до 10.000 тонн.

7) Согласование возможного сбыта с добывной способностью действующих рудников. Мы видим, что от сбыта в 753 тыс. тонн в 1923/24 г. Кузнецкий бассейн перешел к поставкам в 1.376 тыс. тонн в 1925/26 г., что потребовало добычи брутто 1.482 тыс. тонн. Такая добыча не превышает современной добывной способности ныне действующих шахт и имеет лишь небольшой резерв добывной способности, если принять во внимание и бездействующие рудники.

Добывная способность предприятий Кузнецкого бассейна распределяется следующим образом (в тыс. тонн):

Таблица 13

Предприятия	Рудники	Число шахт и штолен	Максимальная добыча	Добывн. способн. в 1926 г.	Программа добычи 1925/26 г.
Кузбассстрест	Анжерка	5	478	409	393
	Судженка	3	601	409	393
Кузбассуголь	Кемерово	4	156	295	264
	Кольчугино	3	192	328	308
	Прокопьево	4	100	197	190
	Киселево	3	70	82	—
Всего . . .		22	1.597	1.720	1.548

Из таблицы мы видим, что современная добывная способность старых рудников Анжерки и Судженки ниже максимальной добычи, уже наблюдавшейся в прежние годы, добывная способность всех остальных более молодых районов почти в полной мере была использована уже в 1925/26 г.

Все действующие рудники, в пределах полей существующих шахт и своих отводов обеспечены следующими запасами угля (в тыс. тонн см. табл. 14).

Из этой таблицы видно: а) что действующие ныне рудники овладели менее 1/2% всех промышленных запасов бассейна, б) что запасов в пределах отводов рудников хватило бы на 600 лет, если бы рудники ограничились добычей по программе 1925/26 г., в) запасы эти обеспечивают на 600 лет современную добывную способность рудников и на

Таблица 14

Рудники	Возможные и вероятные	Действительные		
		Вскрытые	Подготовл. к нарезке	Подготовка к выемке
Анжерка . .	48.321	7.502	1.933	238
Судженка . .	56.511	14.152	2.981	100
Кемерово . .	13.104	5.340	492	263
Кольчугино .	36.036	19.100	868	491
Прокопьево .	175.266	3.270	1.030	197
Киселево . .	696.150	1.736	1.065	164
Всего . . .	1.025.388			

270 лет добычу, намечаемую к концу пятилетия и г) возможные запасы уже избранных площадей настолько велики, что не стесняют любой рост добычи, поэтому сооружение совершенно новых рудников может быть приурочено лишь к центрам вновь создаваемой местной металлургической промышленности и в зависимости от потребностей рынка на специальные сорта углей.

Программа развития добычи. Как мы видим, добычная способность шахт могла удовлетворить спрос лишь 1925/26 г., а в последующие годы как усиление существующих производственных единиц, так и заложение новых, стало совершенно необходимым.

В согласии с выявляемым сбытом можно наметить следующую программу развития добычи по бассейну и по районам в зависимости от сортов углей (в тыс. тонн):

Таблица 15

Районы	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1935/36	1940/41
Анжеро-Судженский . . .	547	786	1.050	1.180	1.300	1.400	1.500	1.600	1.800	2.000
Сев.-Кузнец. (Кемеровск.)	174	264	360	470	560	530	550	600	800	1.500
Центр.-Кузнецкий (Ленин. руд.) . . .	180	308	560	600	600	600	650	650	1.000	1.800
Белово - Бобанак. . . .	—	—	—	—	50	100	150	250	500	1.000
Южно - Кузнец. Прокопьев.-Киселев. . .	82	190	400	450	500	520	550	600	1.300	2.000
Осиновско - Воробьевск. .	—	—	—	—	50	150	200	300	1.000	1.700
Всего по бассейну . . .	983	1.548	2.370	2.700	3.000	3.300	3.600	4.000	6.400	10.000
% годового роста	3,3	57,5	53,0	10	10	10	9	11	11	11

Табл. 15 показывает, что после резкого подъема добычи в 1925/26 г. на 57,5% и в следующем на 53,0% рост добычи постепенно опускается до 9%, а затем в связи с развертыванием металлургии рост добычи поднимается и удерживается на 11%.

В числе действующих рудников намечаются два новых, один Белово-Бобанакский в Ленинском районе, в связи с развитием здесь коксования, и другой Осиновско-Воробьевский в Южно-Кузнецком районе, около начатого постройкой металлургического завода. Кроме того, в этом районе должна быть возобновлена работа на ныне бездействующем Киселевском руднике.

В порядке переоборудования существующих шахт к концу пятилетия представляется возможным поднять добычу до 2.750 тыс. тонн, а для получения намеченных 4.000 тыс. тонн необходимо 1.250 тыс. тонн получить из новых шахт.

При дальнейшем развертывании добычи в 1940/41 г. до 10 000 тыс. тонн из старых шахт можно будет давать 2.750 тыс. тонн, а новые должны быть оборудованы на общую добычу в 7.250 тыс. тонн.

Распределение добычи из старых и новых шахт по районам к вышеуказанным срокам представляется в следующем виде (в тыс. тонн):

Таблица 16

Название районов	Современная добыч. способность	Возм. добыча в порядке переобор. существ. шахт	Необходимая добыча к концу пятилетия к 1931/32 г.				Необходимая добыча			
			Из них				Из нов. шахт		Всего	
			старые шахты	после переобор. доп. полностью	новые шахты	всего	к 1935/36 г.	к 1940/41 г.	к 1935/36 г.	к 1940/41 г.
Анжеро-Судженский . . .	820	1.330	820	510	270	1.600	200	200	1.800	2.000
Северо-Кузнецкий . . .	300	400	300	100	200	600	200	700	800	1.500
Центр.-Кузнецкий . . .	350	500	350	150	400	900	600	1.300	1.500	2.800
Южно-Кузнецкий	280	520	230	240	380	900	1.400	1.400	2.300	3.700
	1.750	2.750	1.750	1.000	1.250	4.000	2.400	3.600	6.400	10.000
			4000				6000			

Число рабочих и их производительность. В табл. 17 дается общее количество трудящихся и их годовая производительность как в довоенное время, так и в послереволюционные годы по Кузнецкому бассейну.

Таблица 17

	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25
Общее число трудящ. . .	5,2	6,0	7,0	8,0	12,2	13,1	12,0	14,5	16,5	12,9	11,7	8,0
Годовая произв. трудящ. (в тонн.)	154	143	164	151	106	74	70	64	56	70	85	123

Из таблицы видно, насколько резко пала производительность труда в годы развала хозяйства. До своего минимума в 56 тонн пудов на трудящегося она спустилась в 1921/22 г., после которого, в связи с поднятием трудовой дисциплины, значительного сокращения числа трудящихся и упорядочения общих условий рудничного хозяйства, производительность последовательно возрастает, но все же к 1924/25 г. она составила 80% от довоенной и лишь 75% от максимальной производительности, наблюдавшейся в 1915 году. Следующий 1925/26 г. дал значительно более резкое поднятие производительности, увеличенной до 164 тонн, а на 1926/27 г. программа построена с производительностью в 174 тонн. Учитывая желательность систематического повышения среднего месячного заработка, что возможно лишь при условии одновременного повышения производительности труда, представляется необходимым дальнейшую организацию работ строить на возможно полной электрификации и механизации производства.

Основные показатели намечаемой работы бассейна. Намечаем следующую программу годовой производительности рабочих и служащих, их числа, среднего годового заработка и связанной с этим себестоимости тонны угля, а также средней продажной его цены.

Таблица 18

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1935/36	1940/41
Добыча брутто (тыс. тонн)	952	983	1.548	2.370	2.700	3.000	3.300	3.600	4.000	6.400	10.000
Годов. производ. 1 трудящегося (в тонн.)	85	123	164	174	184	200	220	240	260	325	400
Число трудящихся (в тыс.)	11,7	8,0	9,4	13,7	14,7	15,0	15,0	15,0	15,4	19,6	25,0
Средний годовой заработок трудящегося (руб.)	276	312	500	590	610	630	660	700	750	840	1000
Себестоимость 1 тонны угля (в руб.)											
а) Рабоч. сила	3,36	3,18	3,05	3,35	3,31	3,15	3,00	2,91	2,89	2,58	2,50
б) Начисл. 15%	0,55	0,52	0,46	0,50	0,50	0,47	0,45	0,43	0,49	0,39	0,38
в) Материалы	1,42	1,40	1,16	1,20	1,10	1,10	1,04	1,04	1,00	0,92	0,90
г) Топливо	1,45	1,37	0,85	0,40	0,40	0,40	0,40	0,35	0,34	0,28	0,25
д) Общие расходы	0,73	0,77	0,82	0,96	0,96	0,92	0,88	0,84	0,81	0,75	0,74
е) Амортизация	1,16	0,70	0,67	0,61	0,73	0,73	0,73	0,73	0,73	0,73	0,73
Всего	8,67	7,94	7,02	7,02	7,00	6,80	6,50	6,30	6,20	5,65	5,50
Средняя продажная цена за тонну в руб.		7,94	7,63	7,63	7,63	7,00	6,70	6,70	6,50	6,26	6,10

Из табл. 18 и диаграммы на стр. 292 мы видим, что к концу пятилетия намечается увеличение производительности по сравнению с 1926/27 г. на 50% при росте средней заработной платы на 27% и при снижении на 13,7% стоимости рабочей силы в себестоимости пуда угля. К концу исследуемого нами периода, к 1940/41 г., мы ожидаем удвоения производительности при росте зарплаты на 60% и снижении стоимости рабочей силы на 25%. Общая себестоимость к 1931/32 г. падает до 6 р. 20 к. за тонну, т.-е. на 11,6% при тенденции дальнейшего снижения к 1940/41 г. до 5 р. 50 к., но вряд ли ниже.

Такая себестоимость, при условии начисления не свыше 61 коп. на тонну прибыли, дает возможность снизить продажную цену до 6 р. 10 к. за тонну.

Центры коксового производства и современное его состояние. В результате обследования коксовых свойств углей Кузнецкого бассейна наметилось три крупных центра для коксования. Первым центром был избран Кемеровский рудник, следом за ним, в связи с постройкой металлургического завода, должно развиваться коксование осиново-оворобьевских углей. Далее коксовое производство может быть поставлено в Кольчугинском районе (Белово-Бобанакских рудников), где могут быть использованы все виды углей, в том числе и мелочь Прокопьевского и Киселевского рудников.

Выяснив полную надежность углей Кемеровского месторождения в отношении получения из них вполне хорошего металлургического кокса, Кузнецкое общество в 1915 г. приступило к постройке при Кемеровском руднике коксовых печей.

Здесь были заложены две батареи рекуперационных печей системы О. Пьетт, по 50 печей в каждой батарее. Печи имеют размеры: длина 11 метров, высота 2,5 метра, средняя ширина 0,5 метра, загрузка 9 тонн.

Революционное время прервало на 75% законченное сооружение. Первая батарея печей была закончена Кузбасстрестом в конце 1922 г., но пущена Автономной индустриальной колонией лишь в середине 1924 г., вторая батарея несколько измененной конструкции с более узкими печами и лучшей регулировкой обогрева закончена постройкой в декабре 1925 года.

Уголь к печам доставляется по канатной дороге от центральной шахты, находящейся на правом берегу р. Томи, и попадает в большие железобетонные силосы, вместимостью в 4.400 тонн. Ряд малых бункеров этих силосов принимает крупные куски угля, идущие в отправку или дробление, а ряд больших бункеров заполняется мелким углем, поступающим в дезинтеграторы, а затем транспортерами и норией передающимся в турму готового для коксования угля.

Завод утилизации побочных продуктов состоит из четырех частей: аммиачного, сырого бензола, ректификационного и гудронного, размещенных в изолированных железобетонных и каменных зданиях, что дает большую безопасность работ, чем при концентрации всех процессов в одном большом корпусе, как это практиковалось на многих установках юга России.

На основании опытных данных выход побочных продуктов к загружаемому в печи углю можно принять (в %):

Каменноугольная смола	3,7
Сернокислый аммоний	1,2
Бензол и толуол	0,5

В свою очередь каменноугольная смола при разгонке должна дать

около 27 % масел (1% от угля)	
" 7 % нафталина (0,25% от угля)	
" 60 % пека (2,22% от угля)	
" 6 % аммиачной воды и потери (0,28% от угля)	

Все указанные выходы несколько выше, чем средние, наблюдаемые на установках Донецкого бассейна.

За 1923/24 г. выжжено 49 тыс. тонн кокса, в 1924/25 г. — 79 тыс. тонн, в 1925/26 г. — 130 тыс. тонн, а в 1926/27 г. — 154 тыс. тонн, которые пошли, главным образом, для доменной плавки Урала. Надо сказать, что кокс, получавшийся в первые годы, не был по своим физическим качествам вполне удовлетворительным. Это происходило вследствие ненадежности

подготовки угля для коксования и плохой регулировки печей. В настоящее время качество кокса можно признать вполне нормальным.

В программе 1925/26 года было предусмотрено дальнейшее расширение коксового производства в Кемерове путем дополнительного сооружения 50—60 быстроходных печей для выжигания 164 тыс. тонн кокса в год. Осуществление этой постройки задержалось и вряд ли она может быть закончена ранее 1929 года, в каком году общий выжиг кокса может подняться до 300 тыс. тонн.

Второй крупный центр коксового производства в Кузнецком бассейне Осиновско-Воробьевское месторождение расположено на юго-восток от гор. Кузнецка у места, избранного для постройки металлургического завода. Коксовые печи предполагается ставить на заводе для возможности использования газа коксовых печей при металлургических процессах.

Содержание летучих в углях колеблется от 22 до 28%, поэтому при коксовании не требуется делать смесей, и кокс будет получаться первоклассного качества.

После того как потребность в Кузнецком коксе станет превышать максимальную производительность кемеровских печей, т.е. 330 тыс. тонн годового выжигания, а осиновские печи удовлетворят местную потребность металлургического завода в коксе, может быть поставлен вопрос о создании в бассейне третьего коксового центра в Ленинском (Кольчугинском) районе, где может быть использована более тощая мелочь Прокопьевского и Киселевского рудников и некоторые спекающиеся пласты этих месторождений. Необходимо отметить, что исключительное качество углей этого района позволяет использовать крупный уголь „Мощного“ и некоторых других пластов в сыром виде, как доменное топливо, поэтому устройство сортировок для получения специальной доменной марки угля обеспечит образование некоторого количества мелочи, которая получит наилучшее применение при коксовании.

Потребность в кузнецком коксе. Рынком сбыта кузнецкого кокса является Урал, который с установлением пониженного до 0,38 коп. с тонно-км ($\frac{1}{150}$ коп. с пудо-версты) тарифа, получил возможность, как мы это видели выше, применять в доменных печах кокс, как конкурентоспособное с древесным углем — топливо. В среднем и южном Урале стоимость горючего в тонне чугуна в настоящее время составляет 27—30 руб. При плавке на коксе расход топлива может быть принят в 1,1 тонны на тонну чугуна; при цене кокса в 14 р. 65 коп. и стоимости тарифа за 1.974 км, включая все дополнительные сборы — 8 р. 42 к., стоимость горючего в тонне чугуна — 25 р. 64 к., таким образом, получается от 1 р. 80 к. до 4 руб. на тонне прямой экономии, не считая удешевления, происходящего вследствие увеличения производительности доменных печей, не менее чем на 30%, а также экономии вследствие уменьшения оборотных средств, затрачиваемых на лесозаготовки, углежжение, гужевой транспорт, составляющих при древесном горючем не менее 27 р. на тонну годовой выплавки чугуна и уменьшающихся до 9 р. 90 к. при переходе на минеральное топливо с трехмесячным обеспечением доменных печей коксом.

Первая на Урале доменная печь на коксе была пущена в 1924 году на Нижне-Салдинском заводе, затем на коксе работала одна из домен Надеждинского завода, а потом Нижне-Тагильского и Кушвинского.

Всего можно указать на Урале до 10 доменных печей, которые без особых затруднений могут быть переведены с древесного угля на кокс, и если принять их общую годовую производительность только в 250 тыс. тонн, то намечаемый уже в настоящее время сбыт кокса может быть для Урала определен в 300 тыс. тонн в год. Для удовлетворения такой

потребности уже будет недостаточно двух батарей кемеровских печей, необходимо ускорить постройку следующей группы печей.

Таким образом, мы видим, что все возможное производство кокса обеспечено потребителями в лице уральских домен, страдающих от недостатка древесного угля, но на Урале имеется еще спрос на кокс для чугуна и медной плавки в ватержакетных печах, для которых и шло все небольшое сибирское производство кокса до 1913 г. Возможный сбыт этим потребителям до 16 тыс. тонн.

Считаясь с особой чистотой кузнецкого кокса по сере 0,4—0,6%, представляется возможным сбыт его и в Европейскую Россию, где он для ответственных отливок легко конкурирует с донецким коксом, для которого нормальным считается содержание 2,5% серы. Возможная поставка 6,5—8,0 тыс. тонн.

Среди сибирских потребителей нужно указать на мастерские Сибирских железных дорог в количестве до 3,5 тыс. тонн и мелкие литейные заводы до 1,6 тыс. тонн.

Все это второстепенные потребители, основными же должны явиться новые металлургические заводы со специально построенными большими коксовыми доменными печами. Таких заводов намечено к постройке в первую очередь два: Магнитогорский, с производительностью до 655 тыс. тонн чугуна и Тельбесский, с первоначальной выплавкой в 328 тыс. тонн, которые потребуют до 740 тыс. тонн кокса первый и до 380 тыс. тонн — второй, таким образом, общая наметившаяся потребность в коксе будет (в тыс. тонн):

Уралу для старых доменных печей	300
„ „ Магнитогорского завода	740
„ „ прочих потребителей	20
Сибири для Тельбесского завода	380
„ „ прочих потребителей	20

Итого 1.460

Помимо Магнитогорского, намечается во вторую очередь постройка еще двух крупных заводов, которые могут потребовать до 1.640 тыс. тонн кокса. Программа второй очереди Тельбесского завода и расширение сбыта кокса прочим потребителям потребуют дополнительных 440 тыс. тонн, а всего 3.540 тыс. тонн кокса.

Возможный вариант программы выплавки чугуна на Урале и в Сибири на минеральном и древесном топливе по генеральному плану сводится к тому, что в 1930/31 году на Урале будет выплавляться 1.070 тыс. тонн чугуна, из которых 490 тыс. тонн на древесном топливе, 245 тыс. тонн на доменном каменном угле и 330 тыс. тонн на коксе; в 1940/41 г. — 820 тыс. тонн на древесном угле, 330 тыс. тонн на доменном каменном угле и 1300 тыс. тонн на коксе, всего 2450 тыс. тонн. Тельбесский завод в 1930/31 г. должен дать 115 тыс. тонн чугуна, а в 1940/41 г. — 665 тыс. тонн. Минусинский завод в 1940/41 г. — 490 тыс. тонн, в связи с этим программа развития коксования в Кузбассе должна быть следующая при учете, что лишь половина необходимого Уралу кокса выжигается на рудниках, а половина на уральских заводах (в тыс. тонн; см. табл. 19).

Сбыт побочных продуктов коксования. В виду того, что коксование с улавливанием побочных продуктов появляется в Сибири впервые, рынок сбыта продуктов перегонки не представляется столь же выяснившимся, как коксовый. Но можно предполагать, что сравнительно небольшое количество получаемых масел может быть с успехом исполь-

Таблица 19

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1935/36	1940/41
Для доменных печей:									
Урала	122	147	140	235	235	305	306	420	700
Кузбасса	—	—	—	—	—	115	164	600	810
Минусинского	—	—	—	—	—	—	—	—	500
Для проч. потребителей .	8	8	15	15	15	20	30	30	50
Итого . . .	130	155	155	250	250	440	500	1.050	2.060

зовано на шпало-пропиточных заводах Сибири, страдающих от недостатка антисептических средств. Бензол, если не найдет спроса у военного ведомства, легко может пойти в употребление вместо бензина: сернистый аммоний, как удобрительный тук, должен привлечь к себе внимание сельскохозяйственных обществ, озабоченных интенсификацией сельского хозяйства, но возможен и заграничный сбыт в Японию, которая в огромных количествах (до 115 тыс. тонн в 1913 г.) ввозит его из Англии. При восстановлении существовавшего до войны специального тарифа на землеудобрительные туки в размере $\frac{1}{125}$ коп. с пуда (0,45 коп. с тонно-км), транспорт до Владивостока обойдется менее 25 руб. с тонны и размещение сернистого аммония в Японии станет вполне возможным. Твердый пек может найти себе применение в асфальтовом деле, а гудрон может быть использован в жидком виде для покраски дерева и производства толя.

Общий доход от реализации побочных продуктов перегонки может составлять от 3 до 4,5 руб. на тонну выжигаемого кокса.

Эта отрасль может явиться серьезной доходной статьей Кузбасса, если коксование не будет ограничено в развитии, вследствие частичного переноса на Урал. Из осторожности, вследствие невыезности сибирского рынка, в дальнейших подсчетах дохода мы будем принимать минимальную цифру в 63 руб. на тонну.

Себестоимость кузнецкого кокса. Первоначальная цена, по которой Урал в 1923/24 г. получал кузнецкий кокс, была 19,3 руб. за тонну, в 1924/25 г. цена спустилась до 17 руб.

В первом квартале 1925/26 года работала лишь одна батарея в 50 печей, со второго квартала была пущена вторая батарея, что в значительной мере удешевило производство, которое и поддерживается в таком же размере.

Для выжигания применяется смесь: 40% кольчугинского угля, подвозимого из Ленинского района, и 60% угля Кемеровского рудника. Выход кокса установлен в 68% от загруженного угля; коммерческих сортов получается 65%.

Себестоимость кокса складывается из следующих элементов (см. стр. 313).

Средняя продажная цена установлена в 15,2 руб. за тонну франко-вагон станция отправления. Несмотря на значительное удешевление себестоимости сравнительно с прошлыми годами все же нельзя цену кокса

Стоимость угля в тонне кокса 6,34 руб. $\times 1,51$. . . 9,54 руб.

Заработная плата

400 чел. $\times 540$ руб. на тонну кокса 1,83 "
 Начислен. на зарплату 0,27 "
 Материалы 0,31 "
 Общие расходы 1,16 "
 Топливо и др. хозяйств. нужды 0,31 "
 Транспорт кольчугинского угля 0,77 "
 Амортизация из 8% 1,22 "

Итого 15,44 руб.

Возврат за газы 1,54 "

Полная себестоимость 13,90 руб.

в 15,2 руб. тонн признать нормальной при цене угля в 6,34 руб. Необходимо устранить ряд совершенно непроизводительных расходов при производстве. Цена кокса не должна быть выше двойной цены угля, даже при условии подвоза 40% кольчугинского угля.

В 1927/28 году цена кокса должна быть не выше 14,6 руб., к 1930/31 г. она будет не выше 10,6 руб., а к 1940/41 г. она должна спуститься до 9,15 руб. за тонну, при этом условии кузнецкий кокс будет господствующим доменным топливом на Урале.

Предполагаемый размер капитальных затрат по Кузбассу. Для осуществления намеченной программы развития добычи угля и коксового производства необходимо произвести ряд капитальных работ, сводящихся, в первую очередь, к широкому жилищному строительству, усилению технического оборудования существующих рудников, заложению новых шахт и постройке новых батарей коксовых печей.

В согласии со спросом на уголь, как мы видели по табл. 16, к 1931 году потребуется от добычи 1925/26 г. в 1.548 тыс. тонн при добычной способности шахт в 1.750 тыс. тонн перейти к добыче в 4000 тыс. тонн, которые можно будет получить за счет усиления на 1.000 тыс. тонн в порядке переоборудования старых шахт и заложения новых на общую добычную способность в 1.250 тыс. тонн. Старые шахты могут поддерживать свою добычную способность за счет текущих ремонтов и сравнительно небольших капитальных вложений, главным образом, по жилищному строительству.

Типичным новым рудником для Кузнецкого бассейна мы принимаем хорошо механизированный рудник с добычей в 330 тыс. тонн, полагая, что рудники с большей производительностью в новом бассейне, где еще не выработаны верхи пластов и не сложились еще наиболее подходящие для сибирских условий размеры производственных единиц, представляются не практичными.

Считаясь с донецкими нормами и подсчетами Научно-технического совета Донугля по оборудованию новых шахт, стоимость горнотехнической части такого типичного рудника можно принять в 18 руб. на тонну годовой добычи.

Расходы по жилищному строительству, вытекающие из двух основных данных, принятой производительности трудящегося и жилищных норм НКТ представляются наиболее неясными и в то же время обременительными, поэтому их можно учитывать лишь условно.

Мы принимаем, что годовая производительность трудящегося к концу пятилетия будет поднята до 260 тонн, а к 1940/41 г. — до 400 тонн в год. Для подсчетов жилья, мы принимаем среднюю производительность трудящегося за первое пятилетие в 200 тонн, а за последующее время в 250 тонн, а жилищную норму принимаем в 100 куб. метров на рабочего. Если будет

достигнута большая производительность, жилищное довольствие будет больше. При 200 тонн годовой производительности на руднике в 330 тыс. тонн годовой добычи будет 1.650 человек. Считая стоимость постройки 1 куб. метра в 12 руб., получим затраты на колонию в 2.000.000 руб. или 6 руб. на тонну годовой добычи.

Таким образом, общую затрату на пуд годовой добычи нового рудника в Кузбассе мы можем оценить в 24 руб. на тонну.

Расходы по усилению добывной способности существующих рудников, требующих в некоторых случаях заложения вспомогательных шахт или замены механической части действующих, в порядке экспертной оценки определяются в 12 руб. на тонну. Усиление оборудования старых шахт в порядке капитальных ремонтов может быть оценено в 6 руб. на тонну.

Таким образом, все расходы за пятилетие по развитию добычи могут быть определены (в млн. руб.):

Новые шахты на добычную способность	$1.250.000 \times 24$ руб.	30.000.000 руб.
Переоборудование существующих шахт на дополнительную добычную способность	$1.000.000 \times 12$ руб.	12.000.000 „
Усиление существующих шахт по их современной добычной способности	$1.750.000 \times 6$ руб.	10.500.000 „
Итого . . .		52.500.000 руб.
Капитальные затраты за время от 1931/32 до 1940/41 гг.		
Новые шахты	$6.000.000 \times 24$ руб.	144.000.000 руб.
Итого . . .		196.500.000 руб.

По коксовому производству, как мы уже указывали, начинается постройка в Кемерове третьей батареи быстроходных печей числом 50, производительностью в 164 тыс. тонн кокса в год. Стоимость этой установки вместе с расширением химического завода, переоборудованием канатной дороги, подающей уголь от рудника к коксовым печам, определяется около 4,5 млн. рублей.

Таким образом, общая производительность Кемеровской установки будет 330 тыс. тонн кокса в год.

Полагая, что по вышеизложенным соображениям Магнитный завод по первой очереди своей программы на 330 тыс. тонн выплавки чугуна во всяком случае будет снабжаться кузнецким коксом, считаем, что наиболее подходящим местом для фабрикации этого кокса является Центральный Кузнецкий (Ленинский) район, Белово-Бобанакское месторождение в 30 км от Кольчугина по линии на Кузнецк.

Соображения в пользу этого пункта следующие:

1) Белово-Бобанакское месторождение достаточно разведано и дает благоприятные указания в смысле возможности получения хорошего металлургического кокса из углей, содержащих около 30% летучих.

2) Район этот находится на пути вывоза прокопьевских и киселевских углей, мелочь которых может идти в коксование.

3) От этого пункта начинается головной участок кратчайшего железнодорожного пути на Урал, поэтому через него будут проходить и кольчугинские угли, могущие в случае дальнейшего развития коксования доставляться к печам без излишнего пробега.

4) Район этот, как центральный пункт бассейна, представляется наиболее подходящим для устройства центральной электростанции, работающей на отходящих газах коксовых печей. Станция эта должна будет обслуживать рудники: Кольчугинский, Белово-Бобанакский, Прокопьевский, Киселевский, Гурьевский завод, мелкие промышленные предприятия и окружающее население.

5) Район этот избран как пункт организации выплавки цветных металлов из Салаирских руд и Риддеровских концентратов.

Первоначальная мощность коксовой установки 410 тыс. тонн кокса в год, исходя из затрат в 24,4 руб. на тонну годового выжига кокса, определяет потребный размер ассигнований.

Коксовые печи с химическим заводом

$$410.000 \times 24,4 \text{ руб.} = 10.000.000 \text{ руб.}$$

Полагая, что коксовые печи при Тельбесском заводе будут строиться на такую же мощность, затраты по ним составят также:

$$820.000 \times 24,4 \text{ руб.} = 20.000.000 \text{ руб.}$$

Для того чтобы Белово-Бобанакская и заводская установки начали работу в 1930/31 г., выпуском не менее 100 тыс. тонн каждая, подготовка к постройке этих групп должна быть начата не позднее 1927/28 года.

Общая сводка капитальных затрат по Кузбассу

	От 1926/27 г. до 1931/32 г.	От 1932/33 г. до 1940/41 г.	Всего
Новые шахты (тыс. руб.) . . .	30.000	144.000	174.000
Переоборуд. существующих шахт	12.000	—	12.000
Усиление существующих шахт	10.500	—	10.500
Коксовое производство:			
а) Кемеровская установка	4.500	—	4.500
б) Белово-Бобанакская	10.000	—	10.000
в) Тельбесская (заводская)	10.000	10.000	20.000
Итого	77.000	154.000	231.000

На покрытие капитальных затрат непрерывно расширяющегося бассейна, амортизационных отчислений и прибылей по углю, коксу и побочным продуктам перегонки средств предприятия нехватит. Государству придется вложить дополнительно 51 млн. руб., которые могут быть погашены лишь за пределами намечаемого срока, когда в полной мере будут используемы произведенные сооружения.

	За 1926/27— 1931/32 гг.	За 1932/33— 1940/41 гг.	Всего
Сумма капитальн. затрат тыс. руб.	77.000	154.000	231.000
Покрытие			
Амортизация по углю, коксу и побочн. прод. . .	17.860	94.000	111.860
Прибыль	10.780	57.600	68.380
Дотация	48.360	2.400	50.760
Всего	77.000	154.000	231.000

Указанный выше порядок развертывания Кузнецкого бассейна согласован с планом развития уральского и сибирского металлургического производства на минеральном топливе в том виде, в каком он намечен металлургической группой Комиссии генплана.

И. Мингулин. Пути развития частного капитала, изд. „Московский Рабочий“, 1927 г., стр. 164, ц. 1 р. 25 к.

Ю. Ларин. Частный капитал в СССР, изд. 1927 г., стр. 310, ц. 2 р. 50 к.

Внутрипартийная дискуссия, поставившая на обсуждение кардинальные вопросы нашего развития, выдвинула на первый план также вопрос о частном капитале и дальнейших путях его развития. Обе рецензируемые книжки отличаются от многих других, появившихся за последнее время на книжном рынке работ на эту тему более углубленным социально-политическим анализом.

„Частный капитал,—пишет тов. Мингулин,—есть функция рынка, „он родился из оборота и здесь — центр борьбы с ним“. Сложная совокупность различных экономических укладов, развивающаяся в направлении к социализму — таково переходное хозяйство. Крупная социалистическая индустрия не может сразу покрыть все потребности массы мелких хозяйств, установить с ними сразу прямую связь... По мере роста крупной индустрии, все большего охвата рынка социалистическим сектором хозяйства, частный капитал будет терять свое значение. „Индустриализация страны целиком и полностью с силой естественно исторической необходимости ведет к вытеснению частного капитала“ (стр. 18). Допущенный пролетарским государством частный капитал „стремится получить возможность расширенного воспроизводства благоприятных ему условий, т.-е. в конечном счете он стремится повернуть развитие вспять не к социализму, а к капитализму“ (стр. 19). Задача же пролетариата заключается в том, чтобы использовать чуждую силу для строительства социалистического хозяйства, подчиняя ее все больше своему воздействию в меру роста своих материальных и организационных ресурсов.

Реконструктивный период, в который мы вступаем, ставит задачу „постепенно перевести деятельность частно-хозяйственного капитализма в рамки госкапитализма“ (стр. 31). В другом месте тов. Мингулин говорит об этом более категорически: „Индустриализуя и кооперируя страну, развивая госкапитализм, направляя частно-хозяйственный капитализм в русло госкапитализма, переводя непосредственно в социализм, с одной стороны, и развивая товарный оборот всеми видами торговли, т.-е. и через частно-хозяйственный капитализм в укладах патриархальном и мелкотоварном, с другой,—мы строим социализм“ (стр. 34). Таким образом, частный капитал будет посредствующим звеном социалистической перестройки простого товарного хозяйства.

Разбирая посредствующие звенья, тов. Мингулин говорит, главным образом, о частном капитале, лишь вскользь затрагивая вопрос о других посредствующих звеньях. Надо было подчеркнуть необязательность происхождения простым товарным хозяйством фазы частно-хозяйственного капитализма и остановиться на кооперации — как основном пути перехода их в социализм.

Пользуясь этим звеном, с другой стороны, государство должно привлечь на свою сторону частный капитал, как неизбежное временное зло, „платя ему определенный комиссионный процент за продажу госу-

дарственных продуктов и за скупку продуктов мелкого производителя" Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 220).

Анализируя конкретные пути развития частного капитала, тов. Мингулин указывает, что с переходом к нэпу перед нами встала задача организации торгового аппарата и капитала. В лице частного, знавшего „кривое зеркало рынка“, мы получили людской состав товаропроводящей сети. Регулирование частного в этот период фактически отсутствовало и он на рынке занимал монопольное положение. Таков был первый этап развития частного капитала, продолжившийся до 1924 г. После денежной реформы начинается второй период (1924—1926 гг.). Подросший аппарат обобществленной торговли переходит в наступление. Начинается регулирование деятельности частного капитала, главным образом, методами налоговой и арендной политики. Это вызывает относительное падение удельного веса частного в товарообороте страны. Благодаря, однако, обстановке товарного голода в стране сохраняются еще значительные возможности развития, и частный капитал абсолютно растет. В 1926 г. начинается новый этап, который характеризуется отходом частного на второстепенные рынки, абсолютным падением его размеров и началом планового воздействия на его деятельность. К сожалению, у тов. Мингулина последний этап почти совершенно не освещен.

Останавливаясь на ряду с общей характеристикой частного торгового капитала на работе последнего на отдельных рынках, на вопросе о ценах и накидках в частной торговле, тов. Мингулин развивает по всем вопросам совершенно правильные положения, но делает, однако, следующий весьма спорный вывод: „Кооперативный аппарат выдерживает одинаковый уровень торговых расходов с частником лишь благодаря значительным льготам, предоставляемым ему государством“. Более или менее веских данных для доказательства при этом не приведено.

Обстоятельно написана тов. Мингулиным глава о частном капитале в промышленности. Здесь последний „искал такого приложения, которое наиболее близко по типу к функционированию капитала в торговле“. Он устремился по этому в арендную промышленность, где уже был в наличии основной капитал, и мелкую кустарную промышленность. Из различных отраслей промышленности частник выбирает те, где больше свободных движений, выше рентабельность, меньше плановое воздействие. Тов. Мингулин дает богатую цифровую иллюстрацию этого явления. Говоря о большой роли частного капитала в кустарно-ремесленной промышленности, тов. Мингулин отмечает стремление частного „создать внутри народного хозяйства свой мир, целиком капиталистический“ (стр. 105). Это, на наш взгляд, сплошное преувеличение.

Нельзя говорить „о целиком капиталистическом мире“, когда для этого нет в наших условиях экономических корней, когда национализацией земли отрезана возможность образования крупного капиталистического земледелия, отсутствует мало-мальски значительное капиталистическое производство средств производства, нет частного железнодорожного транспорта и кредитной системы. Частный капитал располагается между социалистическим и простым товарным хозяйством и представляет в сравнении с тем и другим крайне небольшую величину, неизбежно притом свертывающуюся.

Хорошо разработаны тов. Мингулиным главы о кредитовании и налоговом обложении частного капитала. Общества взаимного кредита, через которые проводилось кредитование частного, не выполнили своего назначения, как аппарата мобилизующего частные средства, а превратились в аппарат спекулятивного использования госкредита. Налоговый пресс на частный капитал доведен до крайнего напряжения, но в нало-

говой практике еще не изжиты три недостатка: недостаточная квалификация и качество нашего налогового аппарата, благодаря чему „часто (?) происходит смычка аппарата с частником в пользу последнего“ (стр. 127), неспособность уловить все формы деятельности и доходов буржуазии, недостаточная дифференцированность и гибкость налоговой политики и практики.

Итог работы частного капитала подводит глава „Величина, удельный вес и накопление частного капитала в СССР“. Удельный вес последнего в стране в общем падает. Рабочий класс приобрел опыт и теперь ведет „войну с частным капиталом не за овладение основными позициями, командными высотами народного хозяйства, а за постепенное, но полное уничтожение противника“ (стр. 10, предисловие Гольдмана).

В заключение еще следующие замечания. Посредине книги вставлена глава 6 „Частный капитал в Москве и Моск. губ.“, не дающая никаких новых постановок вопроса. Она представляется нам излишней. Можно бы ее дать приложением, при этом более обстоятельно разработав, в частности, осветив вопросы практики регулирования частного путем концессий, договоров о плановом снабжении товарами, каковая в Москве имела место.

Вообще же книга тов. Мингулина—серьезная работа и будет полезной для широких кругов читателей.

В основу обемистой книги тов. Ларина по этому же вопросу положены три доклада автора, прочитанные им в Коммунистической академии.

Книга представляет собой громадное собрание фактов, цифр о „трудах“ и похождении частного предпринимателя как явного, так и скрытого. 310 страниц книги написаны популярным языком и читаются с большим интересом.

Остановимся, прежде всего, на исходном пункте, на причинах образования буржуазного капитала в СССР. Тов. Ларин находит их в следующем: „Мы создали нэп¹ по внешним и внутренним соображениям. Внешние соображения—приток иностранных капиталов,—особенно много пока не дали, а внутренние оправдали себя в полной мере. Отдыхающее после долгой войны хозяйство страны стало быстро подниматься в привычных для мелкобуржуазного большинства населения товарно-рыночных формах“. И дальше: „Допущение его (частного предпринимательства. А. П.), было неизбежным не столько вследствие недостатка у нас средств для приведения в движение товарооборота страны, сколько в силу не умения нашего осуществлять этот товарооборот в рыночных формах“.

Буржуазия нам дала эту науку и щедро себя вознаградила. То, что мы не постигли науку торговать, что не имели организованной товаропроводящей сети, само по себе, конечно, верно, но дело не в этом, или вернее, не только в этом. Как мы уже отметили выше, частный капитал—функция данного уровня производительных сил. Появление его было неизбежным, поскольку существует масса индивидуальных хозяйств и рыночная связь, как это отметил тов. Мингулин. У тов. Ларина в определении исходного пункта образования частного капитала несомненная ошибка.

Этот неверный тезис напортил много во всей картине положения частного капитала, написанной тов. Лариным.

Первоначальное накопление частного капитала составило, по Ларину, 350 млн. руб., из них 150 млн. руб. за счет разбазаривания первых годов

¹ Подчеркнуто мною. А. П.

напа и 200 млн. в результате злоупотреблений, нелегальной работы. Тов. Ларин перечисляет 12 видов этой деятельности: 1) агенты и соучастники частного капитала в госаппарате, 2) лжегосударственная форма деятельности, 3) злостная контрагентура, 4) неликвидные фонды, 5) хищническая аренда, 6) нелегальная перекупка, 7) контрабанда, 8) госуд. денежный кредит, 9) госуд. займы, 10) инвалютные операции, 11) уклонение от налогов и 12) лжекооперативы.

Описав подробно эти формы накопления, иллюстрируя красочными примерами, тов. Ларин переходит к рассмотрению частного капитала в отдельных отраслях, начиная с сельского хозяйства. В сельском хозяйстве, установив двусторонность развития простого товарного хозяйства, тов. Ларин дает картину дифференциации крестьянства. Она разобрана недостаточно. Не освещены как следует исходные пути и сам анализ односторонен, выявляется только роль кулацкой верхушки, составляющей по Ларину 2% всех хозяйств. Не освещен противоположный путь развития деревни, кооперирование мелких производителей, по которому уже идет деревня. После выхода книги тов. Ларина появились другие работы, более обстоятельно и полно разбирающие вопрос. Обращает на себя в этой главе внимания раздел 4, где говорится о лжеколхозах. Тов. Ларин, несомненно, преувеличивает число лжеколхозов и их удельный вес в продукции сельского хозяйства. Они, по его мнению, составляют 25% всего числа колхозов. В обследовании РКИ, на которое он ссылается для обоснования этой цифры, попали более слабые колхозы, так как «сообщения ГЗУ о лжеколхозах захватывают момент быстрой посленэповской ликвидации всех несовершенных колхозов (в том числе и не лжеколхозов, а просто слабых), что не характерно для современного периода».¹ Неизвестно почему затем тов. Ларин считает, что раз есть 25% числа лжеколхозов, то и товарной продукции всех колхозов на них падает тоже 25%.

Лжеколхозы обычно существуют как скрытые капиталистические хозяйства, почему они по сравнению с нормальными колхозами более мелки, не в состоянии использовать всех преимуществ крупного с.-х. производства, а поэтому хозяйство в них ведется хуже и товарность ниже, почему расчет тов. Ларина неоснователен.

Очень хорошо тов. Лариным описана предпринимательская организация отхода от деревни на строительные и лесные работы, а также идеологический облик нового буржуа в сельском хозяйстве.

Анализу частного капитала в промышленности тов. Ларин уделяет большое внимание, в особенности подробно разбирая скрытые формы его работы. Но как и в предыдущем, здесь имеются преувеличения и неправомерные экстраполяции. Так, например, желая определить, какой процент кустарей-одиночек организован раздаточной конторой капиталиста, он поступает так. «Существует, — говорит он, — целый ряд отраслей, о которых известно, что здесь сырье никоим образом не поставляется соседом-крестьянином» (стр. 119). К этим промыслам (дающим две трети валовой продукции кустарей) он, между прочим, относит и такие, например, как колесное производство, льняное, ручное ткачество, производство кожаной обуви и др. Безусловно здесь «раздатчик» оперирует, и может быть в немалой степени, но отнести эти промыслы к целиком капиталистически-организованным нельзя, как это делает тов. Ларин. Он таким образом игнорирует роль простого товарного производства кустарей и явно преувеличивает значение капиталистического хозяйства. Трудно согласиться и с тем, что две трети кустарно-промысловых кооперативов —

¹ См журнал «На аграрном фронте», 1927 г., № 2, стр. 32, ст. Володковича и Куликова, на которую ссылается тов. Ларин.

лжекооперативы. Эти вопросы требуют специального исследования, а не скоропалительных экстраполяций.

Вследствие этого мы подвергаем сомнению расчет тов. Ларина об удельном весе частного капитала в валовой продукции промышленности и размеры капитала.

Характеризуя динамику частного промышленного капитала, тов. Ларин констатирует, что роль всего частного промышленного производственного хозяйства в стране уменьшилась, но частно-капиталистическое хозяйство возросло. Эту перспективу тов. Ларин считает вероятной и для дальнейшего периода (до какого, конкретно даже не указывается), опровергая противоположные предположения Госплана. Для опровержения тов. Лариным избран весьма неудачный прием. Для «посрамления» оптимистического Госплана, по его мнению, извещающего все время готовность «закидать частный капитал, если не «шапками», то контрольными цифрами» (стр. 132), тов. Ларин берет данные о росте частного капитала за 1925/26 г., год ненормальной конъюнктуры, вызвавшей действительно большой рост частного капитала и победоносно восклицает: откуда же будет падение частного капитала, раз «фактический прирост всей цензовой капиталистической промышленности за один только 1925/26 г. составил 65%»; в текущем 1926/27 г. никакой катастрофы частного промышленного производства, как известно, также не наблюдается» (стр. 148).

Не менее грозен тов. Ларин и в вопросе о торговом капитале. По исчислениям тов. Ларина, он проводит в 1926/27 г. около 28% товарной продукции страны, играя особо большую роль на рынке предметов широкого потребления — через него проходит до 40% последних, благодаря чему частник является опасным конкурентом государства, удорожает снабжение и мешает проведению снижения цен.

Размеры частного торгового капитала тов. Ларин определяет на 1 октября 1925 г. в 550 млн. руб., из коих 300 млн. своих средств, 150 млн. привлеченных и 100 млн. руб. годового накопления. Тов. Ларин считает, что эти части «являются исходной величиной, опираясь на которую нужно определить размер частных средств в торговле в настоящее время» (конец 1926/27 хоз. года) (стр. 165). А это делается очень просто: тов. Ларин принимает норму прибыли 1925/26 г., равную 32%, механически распространяет ее на последующее время и порождает для 1926/27 г. цифру 680 млн. руб. плюс 200 млн. привлеченных средств да плюс 20 млн. средств контрабанды, итого 900 млн. руб. Сумма — «кругленькая».

Существенная погрешность тов. Ларина состоит вот в чем. Он берет данные 1925/26 г. и пытается, исходя из них, наметить тенденции развития частного капитала для последующих лет. Между тем, это неверно, и доказательством этого служат данные того же 1926/27 г. В условиях отсутствия ажиотажной обстановки, отсутствия возможности ненормальной наживы на конъюнктурной прибыли, высокого темпа развития кооперации, развитие частного капитала пошло совершенно иначе, как это представляется тов. Ларину. Мы наблюдаем не только продолжающееся относительное падение удельного веса частного промышленного и торгового капитала, но и падение абсолютных его размеров и ослабление его влияния на рыночные процессы.¹

¹ См. по этому вопросу: «Контрольные цифры народного хозяйства на 1927/28 г.» разд. «Социальные секторы и процессы обобществления», стр. 355—363, разд. «Цены», особ. стр. 270, а также статью Струмилина. «К вопросу о частном капитале» в «Экон. Жизни», от 6/XII 1927 г. и корresp. «О частном капитале» в «Правде» от 3/XII 1927 г.

Если в связи с неблагоприятной конъюнктурой конца 1926/27 года (а неблагоприятные стороны этой конъюнктуры выявились особенно ярко в I квартале 1927/28 г., окажется, что данные „Контрольных цифр“ Госплана несколько преуменьшили размеры частного капитала, то все же нет оснований для прогноза об увеличении его абсолютных размеров; в таком случае следует сперва доказать, что он остался стабильным, а не снизился в 1926/27 г. в сравнении с предыдущим годом.

Конечно, мы не можем требовать от тов. Ларина, чтобы он занимался 1926/27 г., так как книга его писалась, когда данные о нем еще отсутствовали, но он чрезвычайно поспешил факты и цифры ажиотажного года „ничтоже сумняшеся“ экстраполировать на последующее время. Его „Контрольные цифры“, к несчастью для частного капитала, не выдержали испытания и напрасно тов. Ларин сгустил краски в вопросе о влиянии частного капитала на темп социалистического строительства.

Произошло это вследствие характерного для всей книги тов. Ларина недостатка: он слишком много внимания посвящает „истории буржуазного воровства“ и микроскопически мало уделяет внимания народнохозяйственной обстановке и силам противного частному капиталу лагеря.

Среди практических предложений тов. Ларина о мероприятиях для регулирования деятельности частного предпринимателя в промышленности и торговле есть много ценных, заслуживающих внимания, но они касаются, главным образом, лишь вопросов связи частного капитала с госорганами и ликвидации скрытых форм.

Довольно обстоятельно написана глава о частном капитале на кредитном и денежном рынке. Тов. Ларин отмечает весьма характерную особенность нашего частного капитала — его универсальность. „Частный капиталист маневрирует своими средствами самым разнообразным образом. Сегодня он торгует мануфактурой, завтра уходит в хлебные или иные заготовки, потом берется за госзаймы, начинает спекулировать золотом, хватается за капиталистическую эксплуатацию кустарной промышленности и т. п.“ (стр. 235). Тов. Ларин совершенно прав, когда призывает „подходить к частному капиталисту с более серьезными и внимательными оценками, с большим принятием во внимание своеобразия, совокупности и внутренней связанности его форм“.

В главе „Частный капитал и налоговое обложение“ вычисления тов. Ларина требуют основательной проверки.

Говоря об эволюции частного капитала, тов. Ларин констатирует такие четыре основные ее черты: „1) эволюция от обслуживания государственного хозяйства к преимущественному сосредоточению операций в области хозяйства негосударственного, 2) при отступлении частного хозяйства в целом перед хозяйством государственным и кооперативным, внутри частного хозяйства относительный рост значения и доли хозяйства капиталистического, 3) тенденция капиталистов к созданию внутреннего частно-капиталистического хозяйственного круга, по возможности нерегулируемого государством накопления, 4) отсутствие прочной почвы для длительного успеха этой тенденции и вытекающее отсюда несомненное крушение попыток самостоятельного и независимого хозяйственного маневрирования капиталистов в СССР“. Относительно второй черты мы уже касались выше, что касается 3 и 4 то заметим, если третья черта в книге освещена достаточно, то четвертая, — наоборот, вследствие чего тенденция „замкнутого круга“ преувеличивается. Тов. Ларин делает ту же ошибку, что и тов. Мингулин, которая разобрана выше.

Заканчивая, мы можем сказать следующее: книга безусловно будет прочтена с пользой интересующимися вопросом, но мы призываем читателя сугубо осторожно отнестись к цифровым выкладкам и некоторым выводам тов. Ларина. Издана книга хорошо, цена же требует применения политики жесткого снижения цен.

Ал. Попов

R. Borsodi. Distribution Age. A Study of the Economy of Modern Distribution. New-York—London, 1927. D. Appleton and C°.

Р. Борсоди. Век распределения. Очерк экономики современной торговли. Нью-Йорк—Лондон, 1927 г.

„В течение пятидесяти лет—от 1870 до 1920 гг.—стоимость распределения предметов первой необходимости и роскоши почти утроилась, в то время как стоимость производства уменьшилась более чем на $\frac{1}{5}$. Если стоимость распределения будет возрастать в таком же темпе, то еще до истечения ближайших 50 лет мы будем иметь большее количество лиц, занятых в распределении—в продаже, рекламировании, доставке, транспорте и т. д.,—чем занятых в производстве“,—так начинается свое предисловие Р. Борсоди, автор новой американской книги, названной им метко „Век распределения“. „Золотой век производства прошел. Век распределения перед нами“. Этот новый век характеризуется тем, что перед производством стоит вопрос „не как производить, а как выгодно сбывать то, что произведено“. Мы производим больше, чем можем потребить—вот „проклятый“ вопрос современности; мы начинаем тратить больше на то, чтобы сбыть, чем на то, чтобы произвести, — в этом суть „века распределения“.

Как это случилось. „Более крупные товарные вагоны и паровозы должны были бы понизить транспортные расходы, но этого как-будто нет. Быстрый гужевого транспорт и могучие пятитонные автомобили должны были бы понизить стоимость гужа, но этого как-будто нет. Более крупные хлебные элеваторы, хорошо действующие холодильники, лучшее складское оборудование, лучшее денежное обращение и лучшая банковская система, пишущие машинки, счетные машины, счетоводные машины, кассовые регистры, автоматические машины для таких пустишных операций, как штамповка и запечатывание пакетов,—все это должно было бы снизить стоимость распределения, но этого как-будто нет. Вместо снижения издержек распределения „мы имеем их рост“. В чем дело?

Автор и пытается дать анализ „ценнообразующих факторов“ в капиталистической американской торговле и свои рецепты лечения дороговизны сбыта. Он дает яркую, живо написанную картину состояния современной американской торговли, того, что он называет трудно переводимым термином „high pressure marketing“—„торговли высокого давления“, всей современной механики конкуренции, рекламы, борьбы за потребителя. Автор стоит на реакционной почве старой торговли; все зло он видит в новых тенденциях фабрикантов—заниматься больше сбытом, чем производством. Он доказывает, что вся высота издержек распределения вызывается их „национальной рекламой“, их попытками устранить „нормальные“ каналы сбыта—оптовиков и розничников. Но стоя на этой старинной точке зрения, он умеет дать бичующую характеристику современных методов сбыта, этой „сумасшедшей системы распределения“ (стр. 90).

„Национальная реклама, увеличивая количество марок и количество торговцев, привлекаемых к продаже марок, и что еще хуже, создавая

армию за армией новых агентов, которые продают вещи, имеющие целью помочь всей громадной армии продавцов продавать то, что они продают, все это удорожает стоимость распределения до таких размеров, что она становится выше стоимости производства самого товара. Армия продавцов, специалистов-продавцов, „демонстраторов“ и управляющих; армия агентов рекламы; агентов по продаже журналов, газет; агентов по продаже услуг, вызываемых рекламой, по продаже услуг по художественным работам, по гравировке, цинкографии и т. д., — вся эта армия, право, нуждается в демобилизации“ (стр. 270—271). Количество лиц, занятых в торговле, составляло в 1870 г. 10% всего самостоятельного населения, 1910 г. еще 20% и через 10 лет уже 25%. В 1870 г. было 7.262 вояжера, через 50 лет — 179.320 человек. Вот отдельные иллюстрации этих утверждений автора.

С каждым годом возрастает число маркированных товаров; 75% всех товаров продается в твердой упаковке. Что такое маркировка и что такое реклама? Реклама это теперь не извещение о товаре, а средство убеждения. Реклама убеждает покупателя в том, чего он не знает. Фабрикант обращается непосредственно к потребителю всеми средствами письменной агитации. Он посылает к хозяйкам армию „глашатаев“ — canvassers, которые убеждают их вместо шести имеющихся марок выбрать седьмую новую марку. Он вызывает спрос, собирает заказы и вынуждает розничника взять эту новую седьмую марку, ибо тот стоит под двумя угрозами — либо получить излишний запас товаров, либо потерять клиентуру, и он предпочитает первое. Розничник таким же образом действует на оптовика — и вот спрос создан, товар проник на рынок, а издержки... возросли. „Торговля высокого давления“ это — умение преодолевать сопротивление торгового аппарата, оказываемое новой торговой марке.

Маркированные и упакованные товары это — товары худшего качества по более дорогой цене, таков вывод автора. Он восстает против рекламирующих фабрикантов, потому что они устраняют конкуренцию на почве цены и качества; их конкуренция это — сила убеждения. Он восстает против них, потому что они ставят в зависимость от себя всю торговлю, и оптовика и старого „честного“, „добросовестного“ розничника, который был „представителем потребителя“, который знал и ценил качество товара и умел его передавать за низкую цену потребителю. Автор восстает против всей новой системы сбыта, сознавая ее безрассудство, но не понимая источников этого шквала рекламы, обмана и безудержных издержек. Он умеет критиковать, но он хочет не только судить, но и лечить. Но автор не видит корней критикуемого им зла, выросшего из самой системы капиталистической анархии. Добросовестный буржуазный экономист все же далек от того, чтобы понимать, что век распределения базируется на веке капитализма и что только упразднение последнего ликвидирует отрицательные явления капиталистического распределения.

Рецепты автора беспомощны: он возлагает всю надежду на оптовиков и розничников. Они должны „принять на себя всю ответственность по снабжению потребителей нации продуктами и ферм и фабрик“, они „должны покупать соответственно установленным сортам и стандартам для того, чтобы сделать продукты пригодными к потреблению“ (здесь автор сходит с рецептом С. Чэза, объявляющего также войну торговым маркам и призывающему к защите через стандарт); наконец, они „должны развивать в потребителе знание товара“.

Автору не чуждо социальное значение проблемы рынка. Он понимает, что вопросы сбыта есть вопросы о расширении емкости рынка. Он

приводит любопытные данные о распределении населения по социальным группам, $\frac{4}{5}$ населения не покупают товаров не потому, что их надо убеждать, как дикарей (сравнение одного из поборников рекламы), а потому, что они не могут покупать, а $\frac{1}{5}$ населения — потому что физически не может больше потреблять. Если низшую группу населения, (65% всего населения) по нормам расходов поднять на одну группу выше, это дало бы рост емкости рынка на 8 мрд. долл., если вторую поднять на одну группу выше — емкость рынка увеличилась бы на 17 мрд.

Каковы же конечные предложения автора?

Их четыре: 1) „больше конкуренции“, 2) уменьшить расходы транспорта и обложение, 3) увеличить покупательную способность потребителя и 4)... оказывать больше покровительства искусству. Последнее уменьшит вложения высших групп населения в новое излишнее промышленное строительство и увеличит емкость рынка. Эта амальгама предложений, чрезвычайно характерная для буржуазных экономистов, все же не лишает книгу ее значительного интереса. „Век распределения“ есть знамение времени.

Ц. Крон

П. Я. Дербер. Торговое районирование СССР. Под ред. Н. Б. Эйсмонта, Изд. Наркомторга СССР и РСФСР. М. 1927, стр. 176. С прилож. картограмм и диаграмм. Ц. 4 р. 50 к.

Вопросы районирования пользуются у нас большой популярностью, и это вполне соответствует и характеру нашего народного хозяйства, и природе советской власти. Немного в мире стран, для которых познание их народного хозяйства находилось бы в такой зависимости от изучения отдельных районов, как СССР с его чрезвычайно разнообразным порайонным строением народного хозяйства. С другой стороны, не один государственный строй не обеспечивает „местам“ такой широкой возможности самостоятельного, автономного развития — и культурного и экономического — как строй советский. Но именно то, что в СССР вопросы районирования имеют такое значение, что у нас это не теоретические вопросы, не вопросы формального порядка, а вопросы глубоко практические, жизненно-насушенные, — заставляет относиться к ним с чрезвычайной серьезностью, мы бы сказали — с исключительной осторожностью.

Особенной серьезности требуют вопросы специального районирования, в отличие от районирования общеэкономического. Специальное районирование будет бесплодно и бесцельно, во всяком случае не будет закончено, если оно не покажет не только того, что есть, но и того, что должно быть, или хотя бы не подготовит почвы для последнего. П. Я. Дербер совершенно прав был, когда „смысл“ своей работы он видел в том, чтобы „установить схему торговых центров с радиусом их влияния в целях рационального построения торговой сети (курсив наш), охватывающей наиболее полно, быстро и экономично товарообменные процессы“ (стр. 173).

Разрешил ли, однако, тов. Дербер эту задачу? Напрасно стали бы мы в его книге искать ответа на вопрос, как следует рационализировать нашу торговую сеть. Более того, построения тов. Дербера нельзя рассматривать даже как материал для разрешения вопроса о рациональном построении порайонного торгового оборота. И неудача тов. Дербера получилась не оттого, что порайонная торговля у нас недостаточно изучена, а потому, что он неправильно подошел к своей задаче. По существу, достаточно прочесть „введение“ к работе тов. Дербера, чтобы не было сомнений, что во всяком случае нет в ней того, что обещает ее заглавие.

Нельзя подойти к вопросу о районировании торговли, не отдав себе ясного отчета в том, что такое торговля? По мнению тов. Дербера, „торговля распределяет и распыляет производственную продукцию в пространстве, она складывает пути-каналы для обращения товарных масс“ (стр. 10). Это определение торговли — не просто случайная ошибка: тов. Дербер на протяжении ряда страниц его повторяет и подчеркивает. Правда, на стр. 17 тов. Дербер как-будто спохватывается, вспоминает слова Маркса, что „обращение товаров может происходить и без физического (тем более, без пространственного) передвижения“, что транспорт продуктов (пространственное их перемещение) возможен „без товарного обращения и даже без непосредственного обмена продуктов“. И на следующих страницах, в отрицание всего того, что сказано им раньше, тов. Дербер как-будто приближается к правильной постановке вопроса. Но на книгу, как таковую, это мало влияет. Посвящена она, главным образом, анализу пространственного передвижения товаров и то, что должно было бы быть „торговым районированием“, превращается в районирование грузовых потоков.

В деле изучения торговли грузовая статистика должна, конечно, занимать свое место, но не как основной материал и преобладающий, а только как материал подсобный, вспомогательный, до известной степени контрольный. Сущность торговли для всех стран и всех времен — посредничество. Не всякая торговая сделка сопровождается физическим перемещением товаров. Наоборот, прогресс торговли выражается в том, что процесс физического передвижения товаров сокращается все более и более, а районное размещение торговых процессов отрывается от районного размещения грузовых потоков. Раньше, когда первый оптовик заключал сделку с фабрикантом, он тут же переводил товар на свой склад, откуда товар переходил на склад второго оптовика и т. д. Теперь товар остается большею частью на складе фабриканта до тех пор, пока товар не заканчивает своего путешествия по оптовым звеньям и не попадает в руки последнего оптовика, распределяющего товар среди розничных торговцев. Часто со склада фабриканта товар теперь переходит даже непосредственно в руки последних. Москва покупает товар у Иваново-Вознесенска и продает его Харькову, который его продает Киеву, где он и попадет в розничную торговлю. Увидят ли этот товар Москва и Харьков? Нет, Киев получит товар непосредственно из Иваново-Вознесенска. Результат ясен. В торговом обороте Москвы и Харькова будут зарегистрированы товары, которые не зарегистрированы в их грузообороте, равно как вывезенный из Иваново-Вознесенска товар никакого влияния не окажет на размеры его товарооборота. Особенно сильно строится биржевая торговля, независимо от физического перемещения товаров. Тем крупнее ошибка, тов. Дербера, подменившего товарооборот грузооборотом. Ведь в предисловии „от автора“ он объясняет все происхождение своей работы поручением Совета съездов биржевой торговли „руководить работами по торгово-биржевому районированию“.

Необходимо, впрочем отметить, что некоторую попытку привлечь к своему „районированию“ торговые материалы тов. Дербер делает. Но этой попыткой он не исправляет основной своей методологической ошибки, а еще более ее подчеркивает. Ограничившись полугодовыми за 1924/25 год торговыми оборотами, разработанными ЦСУ, он или проверяет свои грузооборотные построения, т. е. поступает так, как это требуется для грузооборотного районирования, в котором основой должна быть транспортная статистика, а все остальное, в том числе и торговый оборот, может служить вспомогательным материалом, в отличие от торгового районирования, базирующегося на торговой статистике, дополняемой

и контролируемой разными вспомогательными материалами, в том числе и грузовой статистикой.

Говоря о предшественниках по торговому районированию, тов. Дербер вскользь вспоминает известную работу по торгово-промышленному районированию б. России, выполненную под ред. Семенова-Тяньшанского для 1900 г. Если бы тов. Дербер дал также торговое районирование, ему следовало бы поставить в упрек то, что на пространстве всей своей книги он ни разу не нашел необходимым увязаться с этим единственным у нас до сих пор сплошным исследованием торговли именно в целях ее районирования, он не обмолвился и критическими замечаниями по поводу этой книги. Теперь остается только отметить, что после методологии торгового районирования Семенова-Тяньшанского совершенно не понятна в корне неправильная „методология“ тов. Дербера. Оправданием тут не может быть и отсутствие материалов. Если у тов. Дербера были только обработанные ЦСУ торговые обороты за первую половину 1924/25 г., то в НКФ он мог бы иметь материалы по торговой статистике за весь 1923/24 и предыдущие годы, не говоря об отчетах биржевых комитетов, а главное — о результатах торговой переписи 1923 г., которая, правда, охватила только городскую торговлю, но зато в чрезвычайно интересных для торгового районирования разрядах и объеме.

Только важность вопроса о торговом районировании СССР побудила нас так долго остановиться на книге тов. Дербера, которая показывает, как не следует районировать торговлю вообще и советскую торговлю в особенности. Что же касается разработанной тов. Дербером проблемы, как таковой, независимо от ее отношения к торговому районированию, то в известном интересе ей нельзя отказать. Но в этих рамках книга тов. Дербера представляет только исторический интерес, так как вся она построена на грузовой статистике 1923/24 г. и первой половины 1924/25 г. За истекшее с тех пор время в наших грузовых перевозках произошли крупные изменения, и количественные и качественные, которые в корне меняют картину грузовых потоков СССР.

С. Зак

Н. Осинский. Угрожает ли Америке экономический кризис. Госиздат, 1927, стр. 115, ц. 20 к.

Автор начинает свой экономический очерк признанием того факта, что действительность не оправдала его прогноза о близком наступлении кризиса в С.-А.С.Ш. в связи с известным биржевым крахом в С.-А.С.Ш. в начале 1926 г. Кризис обещал быть особенно острым, так как имел своим непосредственным источником три „бума“ (ажиотаж, учредительская горячка): 1) бешеная спекуляция в курортном строительстве в пределах до 1—2 млрд. долл. (на полуострове Флориде); 2) колоссальное распространение продаж в рассрочку (долгосрочный кредит) в автомобильной, швейной и др. промышленности в пределах 6 млрд. долл., 3) строительный „бум“ (в пределах до 7 млрд. долл.). Крушение подобной пирамиды в 14 млрд. долл. при национальном доходе в 75 млрд. долл. было бы потрясающим для капиталистического хозяйства в С.-А.С.Ш. Почему же не произошло ожидаемого крушения? Потому что вслед за биржевым крахом весной 1926 г. вступил в действие ряд благоприятных факторов: 1) новый прилив денежно-ссудного капитала вследствие сокращения правительственного спроса на денежном рынке и стабилизации валют в Западной Европе; 2) стачка горняков в Англии, способствовавшая оживлению угольной и металлургической индустрии С.-А.С.Ш.; 3) падение цен на хлопок почти вдвое (урожая 1926 г.), оживившее текстильную промыш-

ленность; 4) добровольное сокращение производства Фордом, облегчившее положение на автомобильном рынке. На основе этих факторов стало возможным продолжение промышленного подъема путем: 1) продления и расширения кредитов крупным капиталистам в угрожаемых областях (метод „дешевых денег“); 2) „перенятием дел“ у менее крупных предпринимателей; 3) ликвидацией мелких или совсем безнадежных крупных предприятий.

Несмотря на своевременно пущенные в ход меры для оттяжки кризиса, на поверхности экономической конъюнктуры все же пробились новые кризисные симптомы, хотя в несколько ослабленной форме. В апреле 1926 г. разразилась биржевая паника на острове Кубе, где производится $\frac{1}{5}$ мировой продукции сахара. Причиной этой паники было достижение Зап. Европой довоенного уровня свекло-сахарного производства, в то время как продукция тростникового сахара, увеличившаяся в военный период, все время продолжала возрастать, что повело к падению цен в 1,5 раза на кубинский сахар, цены которого достигли было 150—170% довоенного уровня. Паника была остановлена переводом в кубинские банки из С.-А.С.Ш. 100 млн. долл. кредита и 43 млн. долл. наличными и рядом других мероприятий. В июле 1926 г. разразился крах купально-строительных предприятий „Флоридский клуб“ ($8\frac{1}{2}$ млн. долл. долга). Тогда же крахнуло 116 флоридских земельных и строительных банков, владелец которых, банковский воротила Смит, тоже „крахнул“, пустив себе пулю в лоб. Аналогичные крахи наступили в некоторых с.-х. районах (Мичиган и Айова) вследствие плохого урожая злаков и связанного с этим перепроизводства кукурузы в обоих районах закрылось 34 банка. В итоге в 1926 г. разразилось 608 крахов с 212 млн. долл. против 464 крахов в 1925 г. с 165 млн. долл. В начале 1927 г. обнаруживается перепроизводство домов, и крахи во Флориде продолжают.

Останавливаясь на конъюнктурном обзоре за I половину 1927 г., автор констатирует (стр. 45) снижение (на 4—5%) главнейших основных показателей на ряду с продолжающимся спекулятивным ростом биржевых операций („денежный“ бум). Обнаруживаются симптомы перепроизводства чугуна, стали, нефти и резкое снижение цен на нефть (50%). Что касается молодой электропромышленности, то здесь замечается рост показателей. То же относится и к текстильной индустрии (вследствие урожая хлопка и снижения цены производства). Автомобильная промышленность испытывала в 1927 г. ту же депрессию, что и в 1926 г., несмотря на временное очищение Фордом своих позиций на рынке и движение „Генеральной корпорации моторов“ (Морган). Автор правильно замечает, что, выходя за пределы индексной формалистики, следует объяснить рост показателей в текстильной, пищевой, медной, электрической индустрии и др. либо перепроизводством и нарастанием товарных запасов, либо действием натуральных факторов (урожай хлопка, кукурузного корма для скота). Но подобный рост показателей в этих отраслях не может изменить тенденций понижения в базисных производствах (уголь, металл, автомобили и пр.), что и определяет начало перелома конъюнктуры. Этот же вывод автор подтверждает (стр. 66) данными о падении погрузок на ж. д. и снижении ж.-д. доходов (на 9%). Кроме того, автор еще раз обращает внимание на такие „гнилые места“, как продолжающийся „бум“ продаж в рассрочку и до конца еще неликвидированный флоридский „бум“.

Взрыв противоречий оттягивает, главным образом, избыток денежно-ссудного капитала. Но такая оттяжка еще более углубляет кризис, придавая ему особо острые формы, так как расхождение между падающими ценами и себестоимостью все увеличивается, а вслед за израсходованием

ликвидных средств будет ощущаться не избыток, а острый недостаток в оборотных капиталах и стеснения в кредите. Наконец, избыток ссудного капитала создает специфические условия для бешеной спекуляции на фондовой бирже, которой автор и насыщает два слишком десятка страниц. Не имея места подробно остановиться на этом интересном вопросе, заметим лишь, что летом 1927 г. в период понижения показателей в индустрии, пронесся на нью-йоркской бирже, по образному выражению автора, целый „повышательный ураган“. Такого рода полный отрыв фондовой биржи от экономической почвы есть верный симптом приближающегося кризиса. Как видно из приведенных автором выдержек из американских газет (стр. 111), этого не отрицают наиболее прожженные биржевые пройдохи.

Автор заканчивает оценку тенденций конъюнктуры 1927 г. положительным ответом на поставленный вопрос о приближающемся кризисе 1928 г. Но, по мнению автора, кризис может принять и форму депрессии (хотя и не объясняет почему) и, вероятно, начнется либо через 2—3 месяца, либо через полгода, но не позже весны 1928 г. В пользу этого срока автор приводит следующие соображения: 1) грядущее столкновение двух „капиталистических ихтиозавров“ Форда и Моргана в автопромышленности начнется в полном объеме не позднее зимы — весны 1927/28 г. и 2) что нормальный (в эпоху империализма) срок (7 лет) оборота капиталистического цикла после кризиса 1920 г. исполнился в 1927 г. весной, когда обнаружились первые симптомы упадка.

Задача критики этой интересной книжки значительно облегчается тем, что действительный ход событий начинает до известной степени оправдывать прогноз тов. Осинского. Паника на нью-йоркской бирже в январе 1928 г. и все продолжающееся снижение главных показателей свидетельствует, что кризис в С.-А.С.Ш. в 1928 г. неизбежен. Спор может идти лишь о том, разразится ли он не позже весны, как полагает тов. Осинский, или капиталистам удастся его оттянуть по крайней мере до осени 1928 г. (или даже до первой четверти 1929 г.) при помощи того же метода „дешевого“ ссудного капитала, исчерпание запасов которого подходит к концу. Впрочем, более вероятно оттяжка и другим путем, применявшимся до войны (да и теперь) Англией и Германией: государственные военные заказы и государственные субсидии. Известно, что правительство С.-А.С.Ш. увеличивает в этом году военно-морскую программу на несколько миллиардов долларов, что несколько загрузит тяжелую индустрию и может превратить приближающийся острейший кризис в тяжелую и затяжную депрессию. Однако, рост военных заказов объясняется, главным образом, приближающимися сроками неизбежного вооруженного передела мира между „вчерашним“ (Англия) и „сегодняшним“ (С.-А.С.Ш.) гегемоном мирового хозяйства. Американские буржуа прекрасно отдают себе отчет в том, что выхода из близящегося кризиса придется искать по линии ускорения „мирового“ и „военного“ вытеснения Англии из мировых и южно-американских рынков. Поэтому американский левиафан империализма спешит соорудить не только дредноуты, но Пан-американскую лигу как орудие борьбы против Англии, господствующей в Европейской лиге наций.

Тов. Осинский дал оригинальное и правильное марксистское освещение причин конъюнктурных колебаний в 1926/27 г. в С.-А.С.Ш. и на основе его мог установить своевременный прогноз о наступлении кризиса в С.-А.С.Ш. в 1928 г. Недостатком книжки является ее разбавленная „словесными водами“ газетно-статейная форма изложения, которая вряд ли соответствует серьезности темы экономического очерка. Жаль также, что автор лишь мимоходом (на стр. 113) коснулся важнейшего

вопроса о мирохозяйственном значении приближающегося кризиса в С.-А.С.Ш. для всей капиталистической экономики обоих полушарий (прежде всего для Германии, где был наивысший взлет кривой, а потом вероятнее и ближе экономический кризис, о чем свидетельствует падение цен и начинающиеся локауты. Следует отметить также одно немаловажное методологическое упущение в очерке, которому надо было бы предпослать теоретическое введение о характере изменений капиталистических циклов на фоне послевоенного упадка капитализма, руководствуясь краткой, но гениальной характеристикой этих циклов, данной Энгельсом сперва в 1850 г., а затем вторично в 1884 г. в предисловии к посмертному изданию „Нищеты философии“ К. Маркса: „С тех пор, как монополия Англии на всемирном рынке все более и более разрушается выступлением на него Франции, Германии и, главным образом, Америки, устанавливается новая форма приведения к равновесию. Предшествующий кризису период всеобщего процветания слишком долго заставлял себя ждать. Если его вовсе не окажется, то хронический застой с небольшими колебаниями обратится в нормальное состояние современной промышленности“ (разрядка моя. М. Г.) Поэтому, вполне вероятно, что ожидаемый в С.-А.С.Ш. кризис будет непродолжительным и сменится хроническим застоєм, периодически прерываемым повторяющимися кризисами со все уменьшающимися между ними промежутками времени (менее обычных 7 лет).

Несмотря на указанные недостатки рецензируемой книжки, она не теряет своего научного и злободневного интереса и с большим вниманием будет прочитана средне-подготовленным читателем, которому Госиздат неожиданно пошел навстречу, назначив за брошюру вполне общедоступную цену. Продолжением взглядов, развиваемых в рецензируемой брошюре, является статья тов. Осинского в „Правде“ от 25 и 26 января, но критический разбор этих статей выходит уже за пределы настоящей заметки.

М. Г.

ДИНАМИКА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Бюллетень Секции Мирового Хозяйства

под редакцией Н. В. Якушкина

№ 2 (29)

Февраль 1928 г.

Содержание бюллетеня № 2 (29)

I. Промышленность

1. Добыча угля по 13 странам.
2. Выплавка чугуна по 11 странам.
3. Производство стали по 12 странам.

II. Товарообмен

4. Движение оптовых цен 27 стран.
5. Движение индексов стоимости жизни 29 стран.
6. Внешняя торговля 32 стран.

III. Труд

7. Движение безработицы по 19 странам.

IV. Денежное обращение и валютный рынок

8. Движение валютных курсов 33 стран.

V. Государственные финансы

9. Задолженность европейских стран Соед. Штатам на 1 января 1928 г.

VI. Обобщающие показатели

10. Платежный баланс Англии в 1925—27 гг.
11. Средний доход на капитал в Англии в 1913—1927 гг.

Отдел I. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Добыча угля по 13 странам

(В тыс. метр. тонн)

Таблица 1

Даты	Англия	Бельгия	Германия	Польша	Саар	СССР	Франция	Чехо-Словакия	Европа (8 стран)
Мес.-средн.	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1913	24.337	1.903	11.729	3.394	1.101	2.421	3.654	1.189	49.728
1922	21.134	1.767	10.830	2.903	937	726	2.595	872	41.764
1923	23.369	1.910	5.185	3.008	766	1.209	3.140	1.029	39.616
1924	22.617	1.947	9.902	2.685	1.169	1.324	3.668	1.265	44.577
1925	20.590	1.925	11.061	2.423	1.083	1.475	3.921	1.063	43.541
1926	10.693	2.110	12.114	2.980	1.140	2.203	4.285	1.214	36.739
1927 I	21.911	2.346	13.356	3.697	1.192	2.521	4.530	1.312	50.865
II	21.425	2.251	12.743	3.411	1.211	2.701	4.358	1.119	49.219
III	23.981	2.477	14.046	3.002	1.289	2.878	4.725	1.176	53.574
IV	20.541	2.280	11.794	2.600	1.042	2.434	4.302	1.079	46.072
V	22.201	2.234	12.298	2.733	1.085	2.509	4.289	1.133	48.482
VI	20.107	2.263	11.820	2.772	1.071	2.378	4.236	1.134	45.784
VII	20.261	2.239	12.635	3.085	1.106	2.450	4.193	1.175	47.137
VIII	20.538	2.273	12.997	3.189	1.120	2.426	4.299	1.290	48.139
IX	21.442	2.278	12.711	3.254	1.113	2.667	4.133	1.381	48.979
X	21.095	2.315	13.094	3.417	1.121	3.069	4.291	1.277	49.679
XI	19.949	2.256	12.864	3.436	—	2.971	4.101	—	—
XII	24.240	—	—	—	—	3.147	—	—	—

Даты	С.-А.С.Ш.	Канада	Япония	Британск. Индия	Южно-Африк. союз	Невро-пейские страны	Весь мир (13 стран)	Весь мир (в 100% г. 1913 г.)
Мес.-средн.	10	11	12	13	14	15	16	17
1913	43.088	1.119	1.776	1.372	665	48.020	97.748	100
1922	36.057	882	2.308	1.610	735	41.592	83.356	85,3
1923	49.706	1.014	2.412	1.664	901	55.697	95.313	97,5
1924	43.182	762	2.509	1.793	944	49.190	93.767	95,9
1925	44.209	719	2.622	1.758	983	50.291	93.832	96,0
1926	50.144	974	2.433	1.688	1.038	56.277	93.016	95,2
1927 I	57.554	1.176	2.574	1.636	900	63.840	114.705	117,1
II	53.302	900	2.281	1.863	898	59.244	108.463	110,7
III	60.096	1.069	2.798	2.024	974	66.961	120.535	123,0
IV	37.925	1.015	2.506	1.972	931	44.349	90.421	92,3
V	39.416	1.211	2.574	1.816	1.051	46.068	94.550	96,5
VI	39.811	998	2.604	1.759	1.030	46.202	91.986	93,9
VII	35.076	1013	2.574	2.457	1.049	41.154	86.291	88,1
VIII	44.864	938	2.305	1.473	1.114	50.694	98.833	101,1
IX	44.062	—	2.489	1.959	1.063	—	—	—
X	46.633	—	2.679	—	1.020	—	—	—
XI	43.118	—	—	—	1.020	—	—	—
XII	42.900	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 2

Выплавка чугуна по 11 странам

(В тыс. метр. тонн)

Даты	Англия	Бельгия	Германия	Канада	Люксемб.	Польша	Саар	С.-А.С.Ш.	СССР	Франция	Швеция	Весь мир (11 стран)
Мес.-средн.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1913	869	207	910	86	212	86	114	2.622	351	756	61	6.274
1922	415	134	766	32	140	40	96	2.305	17	440	23	4.408
1923	630	179	412	75	117	43	85	3.417	32	453	25	5.468
1924	619	237	651	50	180	28	116	2.659	62	638	45	5.285
1925	530	212	848	48	197	26	121	3.107	129	706	39	5.963
1926	207	283	804	62	209	27	136	3.333	204	783	40	6.088
1927 I	442	316	1.060	53	228	42	147	3.153	245	805	28	6.519
II	578	293	967	52	208	43	135	2.988	235	716	35	6.250
III	683	314	1.086	77	230	48	150	3.539	264	801	42	7.234
IV	691	310	1.052	78	225	48	142	3.477	249	774	39	7.085
V	732	319	1.130	80	238	48	156	3.445	262	794	38	7.242
VI	662	302	1.067	71	224	47	149	3.139	248	747	32	6.688
VII	656	320	1.109	52	225	51	150	2.998	245	769	30	6.604
VIII	606	317	1.116	64	238	57	155	2.994	246	773	31	6.596
IX	601	309	1.105	53	229	59	144	2.818	251	761	36	6.366
X	606	322	1.140	39	230	63	157	2.829	260	796	35	6.477
XI	586	313	1.149	39	221	56	—	2.690	245	764	32	—
XII	575	—	—	—	—	—	—	2.739	268	796	—	—
1928 I	—	—	—	—	—	—	—	2.912	—	—	—	—

Производство стали по 12 странам

(В тыс. метр. тонн)

Таблица 3

Даты	Англия	Бельгия	Германия	Италия	Канада	Люксемб.	Польша	Саар	С.-А.С.Ш.	СССР	Франция	Швеция	Весь мир (12 стран)
Мес.-средн.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1913	649	206	981	71	88	101	135	159	2.564	354	581	62	5.951
1922	498	130	943	82	41	117	38	105	2.927	30	378	29	5.363
1923	718	191	525	95	75	100	94	83	3.682	61	426	26	6.076
1924	694	240	820	113	55	157	57	121	3.137	95	575	46	6.090
1925	625	212	1.015	149	64	174	65	131	3.741	177	621	43	7.014
1926	301	281	1.028	135	66	187	66	145	3.794	260	703	43	7.009
1927 I	742	313	1.308	137	59	195	98	156	3.868	294	673	36	7.879
II	832	297	1.233	131	57	184	94	150	3.785	285	628	44	7.720
III	965	315	1.415	138	109	203	114	168	4.632	319	704	53	9.135
IV	864	301	1.288	139	111	206	101	149	4.196	300	681	43	8.379
V	897	321	1.378	138	98	210	96	160	4.111	290	712	42	8.453
VI	759	300	1.328	138	61	203	103	156	3.522	291	672	33	7.565
VII	698	307	1.362	—	56	203	111	155	3.229	284	677	38	7.120 ¹
VIII	655	317	1.426	—	79	216	115	166	3.526	312	694	42	7.548 ¹
IX	789	290	1.371	—	55	213	111	161	3.284	322	693	32	7.221 ¹
X	710	312	1.414	—	57	215	104	169	3.342	332	723	47	—
XI	710	310	1.401	—	82	207	106	—	3.151	333	684	49	—
XII	615	—	1.400	—	—	—	—	—	3.200	357	735	—	—

¹ Без Италии.

Таблица 4

Отдел II. ТОВАРООБМЕН

Движение оптовых цен

(Индексы оптовых цен в золоте по 27 странам)

Даты (мес.- средн.)	Австрия	Англия	Бельгия	Болгария	Германия	Голландия	Дания	Испания	Италия	Латвия	Норвегия	Польша	СССР	Финляндия	Франция	Чехо-Словакия	Швейцария	Швеция	Европейский индекс СМХ	Канада	Перу	Соед. Штаты	Индия Брит.	Китай	Япония	Египет	Южно-Афри- канский Союз	Австралия	Вневропейский индекс СМХ	Мировой ин- декс СМХ
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
1913	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1924	136	151	138	107	137	156	—	126	125	—	139	109	173	144	132	146	165	160	141,9	153	162	150	113	171	171	130	117	157	147,1	144,0
1925	136	158	138	117	142	155	166	140	133	—	169	115	182	147	125	147	162	161	148,0	160	168	159	118	187	166	152	127	168	155,1	149,3
1926	123	148	130	103	134	145	159	140	132	155	165	105	185	142	118	139	147	149	137,5	156	157	151	110	174	169	132	123	168	148,6	141,8
1926 XII	127	146	124	103	137	147	158	147	142	152	174	112	177	144	134	143	147	150	141,1	150	146	147	108	151	167	130	127	162	143,8	142,1
1927 I	130	144	123	103	136	145	156	152	136	150	166	112	178	144	128	143	146	146	138,6	151	149	147	109	158	166	126	128	162	144,2	140,8
II	130	143	123	102	136	146	155	156	135	164	66	114	179	144	127	142	146	146	138,3	150	154	146	110	165	168	124	128	160	144,6	140,7
III	133	141	124	105	135	144	152	162	139	173	162	115	178	143	129	143	147	145	138,2	149	156	145	109	157	169	124	128	157	143,1	140,1
IV	135	140	122	106	135	143	151	162	147	175	158	118	176	143	130	144	147	143	138,3	149	150	144	107	162	165	122	126	159	142,3	139,9
V	137	141	122	104	137	145	151	157	150	173	156	120	175	142	128	144	147	145	139,2	152	156	144	109	160	161	124	126	160	142,6	140,5
VI	142	142	122	102	138	149	152	152	147	190	160	120	174	144	127	145	147	146	139,5	154	159	144	109	160	161	123	126	163	142,8	140,8
VII	140	141	122	102	138	151	152	149	139	189	159	121	172	144	126	144	147	146	138,5	152	159	145	109	159	161	118	120	169	142,9	140,2
VIII	133	141	122	104	138	149	153	147	137	189	162	121	172	147	126	143	148	146	138,1	152	155	147	109	154	159	117	120	173	143,7	140,3
IX	130	142	121	107	140	150	153	150	136	194	164	120	170	148	124	142	148	148	138,4	151	162	148	109	157	159	120	120	178	144,7	140,9
X	129	141	121	107	140	150	154	151	137	191	162	120	170	148	121	141	149	147	137,8	152	160	148	110	158	159	118	122	181	142,7	140,8
XI	127	141	121	—	140	151	154	—	137	—	162	120	170	148	120	142	150	148	—	—	—	148	—	157	—	115	122	—	—	—
XII	127	140	—	—	140	—	—	—	135	—	—	120	171	—	122	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	122	—	—	—

Движение индексов стоимости жизни в золоте по 29 странам

Таблица 5

Даты (мес.-средн.)	Даты (мес.-средн.)																												
	Австралия	Австрия	Англия	Болгария	Венгрия	Германия	Голландия	Дания	Египет	Брит. Индия	Италия	Канада	Латвия	Новая Зеландия	Норвегия	П е р у	Болгария	Румыния	Соед. Штаты	СССР	Турция	Финляндия	Франция	Чехо-Словакия	Чили	Швейцария	Швеция	Южно-Африк. Союз	Япония
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	
1914	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1924	135	87	159	110	—	126	177	134	146	103	119	153	108	144	130	152	133	69	171	202	158	153	100	—	—	160	171	120	175
1925	152	95	175	117	108	139	179	166	165	115	126	157	109	161	171	160	140	80	176	204	165	159	91	—	—	168	176	132	178
1926	158	103	172	110	102	141	169	182	160	116	132	157	107	163	184	149	106	80	175	225	164	155	85	104	184	162	172	131	182
1926																													
XI	—	104	179	104	106	144	—	—	156	114	143	152	100	163	205	140	114	104	—	223	155	156	—	108	184	161	—	131	181
XII	157	104	175	101	105	144	168	—	156	115	151	153	106		201	139	116	102	176	223	159	156	112	108	182	161	171	129	179
1927																													
I	—	105	172	100	106	145	—	180	155	117	147	153	100	162	200	140	118	99	—	224	162	155	—	109	176	160	—	130	177
II	—	105	171	99	108	145	—	—	156	116	149	153	98		200	146	118	113	—	226	169	155	—	109	176	160	—	130	179
III	156	104	165	100	108	145	166	—	155	116	155	152	100	162	197	141	118	122	—	223	166	154	106	109	175	159	170	131	181
IV	—	105	164	100	111	146	—	177	154	114	169	151	102		194	141	120	121	—	222	172	153	—	109	179	158	—	131	180
V	—	105	163	97	112	147	—	—	152	113	171	150	103	162	194	141	121	120	—	221	180	152	—	110	181	159	—	132	175
VI	155	106	166	96	113	148	167	—	152	115	169	151	106		194	143	120	115	173	221	168	155	107	111	182	160	169	132	173
VII	—	106	164	96	110	150	—	175	151	116	155	151	112	161	196	145	116	125	—	224	—	157	—	110	186	160	—	132	175
VIII	—	105	165	96	112	147	—	—	151	116	153	151	100		197	143	116	122	—	224	—	161	—	108	187	160	—	131	176
IX	—	106	167	—	113	147	167	—	152	114	151	150	100	161	194	148	117	121	—	222	—	161	103	107	—	161	172	131	174
X	—	108	—	—	—	150	—	176	—	—	—	—	—		—	193	141	—	—	—	—	—	—	—	—	161	—	—	—

Внешняя торговля

Даты (мес.-средн.)	Австрия	Англия	Бельгия	Венгрия	Германия	Дания	Ирландия	Испания ⁷	Италия
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1913	(27,2)	267	74,6	(13,8)	213,8 ⁸	17,4	—	21,0	58,6
1922	29,7	332	58,2 ³	9,1	123,1	25,4	—	34,9	62,4 ⁶
1923	32,4	373 ¹	54,0	7,1	120,0	29,2	—	35,4	65,9
1924	37,8	421	67,7	11,9	179,8	30,1	24,2	32,7	70,3
1925	33,2 ⁹	470	70,3	12,5	247,5	33,3	24,7	26,8	86,9
1926	32,2	453	61,1	14,1	197,5	33,0	24,3	26,6	83,9
1926 XI	35,8	498	52,2	16,9	237,4	40,3	23,4	25,1	78,0
1926 XII	38,2	494	74,9 ⁴	18,6	252,4	39,2	26,0	25,1	96,8
1927 I	28,1	503,1	58,4	13,0	259,3	32,2	20,9	30,3	89,0
II	30,8	402,8	61,1	13,9	258,8	30,7	22,1	30,3	85,1
III	33,4	498,4	76,2	17,1	257,2	34,6	29,6	30,3	97,7
IV	37,2	432,2	68,4	16,1	259,8	32,4	24,2	(27,0)	96,4
V	29,1	408,5	67,2	16,3	277,9	35,4	24,1	(27,0)	98,8
VI	33,7	431,1	69,5	14,7	283,6	34,3	25,6	(27,0)	106,3
VII	32,4	406,7	63,9	15,5	303,4	34,4	24,3	(27,0)	80,0
VIII	34,9	395,2	63,3	18,9	276,2	34,0	22,5	(27,0)	67,4
IX	38,2	453,8	67,8	20,2	279,6	35,7	26,3	(27,0)	62,0
X	42,0	465,5	70,1	19,7	296,9	36,0	25,0 ¹¹	—	61,9
XI	43,8	471,7	66,9	18,3	307,9	34,4	23,7	—	76,6
1913	(17,1)	213	58,4	(13,1)	200,4 ⁸	14,2	—	17,0	40,4
1922	18,6	266	39,4 ³	5,6	78,8	20,5	—	17,7	36,8 ⁶
1923	18,9	292 ¹	38,1	5,7	121,1	23,5	—	17,0	42,5
1924	20,7	293	53,7	9,7	129,7	27,1	18,2	18,4	51,9
1925	22,3 ⁹	311	57,2	11,9	174,5	30,9	17,4	19,4	60,6
1926	19,7	264	50,7	12,6	195,4	30,9	16,9	19,9	60,7
1926 XI	20,9	258	54,8	16,3	208,1	29,1	18,7	21,5	72,0
1926 XII	23,6	241	73,6 ⁴	15,4	198,1	30,4	22,5	21,5	85,0
1927 I	18,1	268,8	44,1	10,2	189,4	29,0	14,6	29,4	51,2
II	19,8	256,7	49,0	9,6	179,1	27,5	14,4	29,4	57,9
III	23,9	301,3	70,9	11,1	199,4	33,6	14,4	29,4	63,8
IV	23,8	255,7	58,4	9,4	189,0	28,4	14,1	(25,3)	67,1
V	18,8	307,5	55,7	10,6	197,5	35,2	16,0	(25,3)	69,5
VI	23,4	272,1	58,4	9,0	177,3	35,4	18,1	(25,3)	84,9
VII	20,3	272,7	61,3	10,1	201,5	30,8	18,3 ¹¹	(25,3)	57,1
VIII	23,3	288,7	62,6	13,3	206,6	30,9	19,8 ¹¹	(25,3)	59,4
IX	27,1	294,0	63,4	14,3	222,0	34,7	20,7 ¹¹	(25,3)	63,6
X	28,6	297,9	67,1	14,1	229,2	33,1	20,8 ¹¹	—	76,4
XI	27,4	343,9	—	14,2	218,0	—	—	—	—
XII	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Экспорт

32 стран (в млн. долл.)

Норвегия	Польша ¹²	Румыния	СССР ¹³	Финляндия ⁶	Франция	Чехословакия	Швейцария ⁶	Швеция	Югославия	Европа
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
12,1	(15,9)	9,5	52,3	10,3	135	(26,7)	30,9	18,9	(5,8)	1010,3
18,9	13,6	7,2	11,6	7,1	163	25,4	30,4	24,3	7,4	983,7
18,4	18,0	8,0	6,2	10,2	155	25,2	33,8	28,7	6,8	1027,3
17,8	23,8	10,8	9,3	9,7	173 ²	39,2	39,3	31,0	8,8	1238,2
20,4	25,4	12,1	18,0	11,5	172	43,4	42,8	32,1	12,4	1395,3
20,1	14,3	13,1	16,8	11,8	163	37,6	38,9	33,3	11,2	1285,8
22,3	21,0	15,6	14,3	15,3	170	39,7	40,0	38,0	11,6	1394,9
20,0	17,7	12,6	12,5	13,7	202	47,7	42,3	39,4	11,6	1484,7
17,5	21,1	14,2	13,7	9,9	161,5	26,3	35,2	28,2	9,6	1371,5
17,0	21,9	14,8	14,0	9,2	187,4	35,3	35,8	28,9	9,2	1309,1
19,7	25,2	20,0	14,9	11,3	172,6	38,7	40,5	32,8	10,5	1460,7
19,5	29,1	19,9	18,9	11,7	168,5	37,4	39,4	35,9	10,5	1384,5
19,5	32,1	15,7	27,1	15,1	195,6	40,3	41,2	35,9	10,2	1417,0
20,5	31,2	15,4	27,4	15,1	178,7	45,1	40,6	33,1	9,4	1442,3
20,9	26,4	16,0	19,6	12,9	159,1	39,3	38,3	32,5	9,5	1361,5
23,8	25,1	17,8	22,9	14,4	147,8	46,6	40,3	35,0	11,1	1323,6
22,4	24,5	17,7	22,7	15,6	140,0	44,5	41,3	39,3	12,2	1389,9
25,2	29,1	18,8	20,6	15,3	175,5	54,8	48,1	39,5	12,7	(1502,5)
23,7	29,8	17,7	16,9	15,4	172,8	51,7	45,2	42,1	—	—
8,5	(18,5)	10,8	60,9	8,4	110,6	(29,6)	22,1	18,3	(6,8)	866,3
11,2	10,5	8,2	3,5	8,0	144,5	35,9	28,0	25,2	4,2	762,6
11,3	19,2	10,1	8,8	9,8	152,9	30,7	26,5	25,3	6,6	860,0
12,1	20,3	11,5	13,0	10,2	181	41,8	31,2	27,7	10,2	981,4
15,2	20,1	11,7	15,8	11,7	179	46,3	32,8	30,1	12,6	1080,5
14,8	20,8	14,3	19,1	11,8	162	43,8	29,5	31,6	11,5	1030,0
14,6	25,7	20,8 ⁹	24,4	14,3	182	62,1	33,5	37,0	14,1	1127,9
15,9	23,2	15,6	27,6	11,4	213	56,4	33,7	40,7	11,0	1159,6
14,6	22,5	13,4	20,6	6,4	186,5	38,0	25,9	24,0	8,5	1015,2
15,3	22,7	16,0	17,7	6,0	180,2	42,1	30,0	24,5	8,0	1005,9
17,0	25,3	18,2	21,5	5,8	183,5	45,2	33,7	26,5	10,7	1135,2
13,1	23,5	20,0	18,2	6,8	166,8	45,4	32,2	31,6	8,2	1037,0
12,0	22,4	23,3	21,4	10,2	167,8	44,8	31,3	39,0	9,1	1117,4
13,3	22,2	21,7	18,1	16,8	173,2	44,3	31,5	38,2	8,3	1091,5
13,7	22,1	16,4	22,1	23,4	175,9	41,4	30,9	40,7	8,5	1092,5
15,0	23,3	21,5	19,0	22,0	168,1	46,5	32,8	39,8	9,3	1127,2
15,2	23,0	23,0	23,3	20,8	178,2	56,9	34,4	43,9	10,3	1194,2
17,0	26,6	—	24,1	16,9	198,0	59,3	36,5	44,8	11,4	(1249,1)
—	25,8	—	19,5	—	181,7	—	34,4	—	—	—

Импорт

Д а т ы (мес.-сред.)	Арген- тина	Брази- лия ⁷	Канада	С. Шта- ты	Уруг- вай ¹⁵	Амери- ка	Австра- лия
	21	22	23	24	25	26	27
И м							
1913	39,9	27,2	54,9	148	4,3	274,3	30,9
1922	55,4	18,2	62,6	256	2,6	394,8	43,6
1923	69,8	19,6	73,7	311	3,3 ¹⁴	477,4	50,7
1924	66,6	25,5	66,5	298	4,1	460,7	52,4
1925	66,9	34,4	74,2	349	5,9	530,4	58,6
1926	63,6	32,0	84,1	368	6,2	553,9	62,7
1926 XI	61,6	33,1	87,7	373	6,3	561,7	69,9
XII	61,6	32,5	81,7	354	6,1	535,9	64,4
1927 I	63,5	34,7	78,7	354,8	6,4	538,1	66,6
II	63,5	32,9	74,6	302,9	5,8	479,7	66,6
III	63,5	40,7	110,5	371,8	6,8	593,3	67,9
IV	62,0	32,8	74,4	362,9	6,7	538,8	60,9
V	62,0	31,2	94,5	345,5	7,9	541,1	61,8
VI	62,0	29,8	101,0	355,1	7,3	555,2	61,1
VII	63,3	31,4	91,2	322,2	6,0	514,1	63,4
VIII	69,4	29,1	99,3	371,9	(6,0)	576,8	71,3
IX	85,0	(35,1)	91,8	350,8	7,1	570,8	64,6
X	75,2	—	94,0	356,0	7,7	568,5	—
XI	—	—	94,4	345,0	—	—	—
Э к с							
1913	41,7	26,5	36,3	204	5,9	314,4	29,5
1922	54,4	25,7	72,6	314	4,7	471,4	44,5
1923	62,0	28,5	82,9	341	4,7	519,1	41,0
1924	89,4	35,1	87,2	375	6,9	593,6	49,9
1925	66,2	41,1	105,9	402	8,1	623,3	61,6
1926	60,8	38,0	105,7	393	8,0	605,5	52,2
1926 IX	44,4	39,8	152,6	474	5,0	715,8	59,3
XII	59,0	40,7	138,3	456	11,1	705,1	65,3
1927 I	81,6	37,0	84,0	411,6	9,6	623,8	53,9
II	95,4	28,1	78,4	364,6	12,2	578,7	70,0
III	98,5	35,4	105,5	398,1	11,4	648,9	77,6
IV	88,8	26,8	77,4	404,8	9,4	607,2	52,0
V	91,1	27,6	109,9	382,4	6,4	617,4	50,4
VI	81,7	31,5	105,6	348,5	5,6	572,9	36,4
VII	81,4	(37,1)	79,3	333,4	5,7	536,9	41,2
VIII	68,5	(38,7)	94,2	367,6	(3,5)	572,5	30,0
IX	68,1	(37,7)	97,5	416,6	(4,0)	623,9	51,2
X	—	—	104,0	490,0	—	(720,6)	—

¹ С 1/IV 1923 г. сведения включают торговлю Великобританией и Северной Ирландией с автон. Ирландией. ² С 1/IV 1923 г. сведения включают торговлю Великобританией и Северной Ирландией с автон. Ирландией. ³ С 1/IV 1923 г. сведения включают торговлю Великобританией и Северной Ирландией с автон. Ирландией. ⁴ Включая торговлю драгоценными камнями. ⁵ По 1913 г., включая сведения по Люксембургу. ⁶ С 1925 г. Включая экспортные таможенные пошлины. ⁷ Без почтовых посылок. ⁸ Данные относятся к территории Польши и Данцига. ⁹ Внешняя торговля по Европейской границе в ценах 1913 г. ¹⁰ Брит. Индии сведения касаются только торговли по морской границе, при чем в итог включено снабжение с естественными припасами судов и не включена ценность экспорта золота. ¹¹ Средняя из 11 месяцев. ¹² По импорту „Valores oficiales“ по экспорту „Valores efectivos“. ¹³ По чаютятся товары государственной торговли и не включаются драгоценности. ¹⁴ В итоги по экспорту

Алжир	Брит. Инд. ¹⁶	Гонконг	Египет	Н. Зе- ландия	Япония	Ю. Аф- рикан. союз	Азия, Аф- рика, Ав- стралия	Итого по 32 стра- нам
28	29	30	31	32	33	34	35	36
п о р т								
10,7	74,3	(17,7)	11,2	8,7	30,1	16,4	200,0	1.482,6
12,9	57,5	22,7	15,4	12,5	74,0	17,7	256,3	1.634,8
12,8	57,5	24,6	17,2	16,3	78,7	20,9	278,7	1.783,4
13,9	62,4	27,6	18,7	17,7	83,3	23,5	299,5	1.998,4
13,2	67,4	13,1	23,1	20,8	84,8	26,3	307,3	2.233,0
9,6	71,3	13,1	21,1	19,8	90,0	28,2	315,8	2.155,5
10,4	66,4	(13,1)	23,5	17,8	73,9	28,6	303,6	2.260,2
10,4	59,2	(13,1)	19,9	20,6	78,9	25,9	292,4	2.313,0
12,0	76,0	(13,1)	17,9	19,1	90,9	28,6	324,2	2.233,8
12,0	63,1	(13,1)	15,8	15,7	87,8	25,5	299,6	2.088,4
10,2	80,9	(13,1)	17,7	22,3	111,1	28,6	353,6	2.407,6
13,4	79,4	(13,1)	15,4	13,2	111,4	26,7	333,5	2.256,8
13,4	73,6	(13,1)	18,7	17,9	95,0	26,6	320,1	2.278,2
13,4	67,2	(13,1)	16,8	17,1	82,7	26,2	297,6	2.295,1
20,5	68,0	(13,1)	19,3	15,3	73,2	26,8	304,5	2.180,1
20,5	77,2	(13,1)	18,8	17,5	65,6	30,9	318,1	2.218,5
20,5	77,8	(13,1)	22,4	22,1	65,7	29,8	318,2	2.278,5
—	76,7	(13,1)	22,8	17,1	(62,9)	30,2	311,8	2.378,7
—	75,9	—	—	17,3	66,9 ¹⁷	—	313,4	—
п о р т								
8,1	97,8	(15,6)	13,0	8,5	26,1	11,2	209,8	1.390,5
9,3	67,2	22,6	18,4	15,2	63,9	11,0	252,1	1.486,1
9,3	85,2	23,3	23,0	17,0	57,0	13,8	269,6	1.648,7
9,6	97,8	26,0	25,0	18,8	60,0	13,9	301,0	1.876,0
9,7	120,3	13,1	24,4	21,6	76,0	18,3	345,0	2.048,8
8,5	97,8	13,1	17,2	18,0	77,5	16,1	300,4	1.935,9
8,8	76,8	(13,1)	22,4	12,2	83,3	28,5	304,4	2.148,1
8,8	87,6	(13,1)	22,1	16,8	80,4	25,0	319,1	2.183,8
10,0	99,4	(13,1)	18,2	24,9	65,4	19,6	304,5	1.943,5
10,0	92,4	(13,1)	17,1	23,8	63,9	20,4	310,7	1.895,3
10,0	123,2	(13,1)	23,8	30,6	72,3	19,1	369,7	2.153,8
10,6	91,3	(13,1)	20,4	23,9	75,4	14,0	300,7	1.944,9
10,6	88,2	(13,1)	16,9	24,9	79,1	16,3	299,5	2.034,3
10,6	80,6	(13,1)	18,4	16,7	78,4	13,1	267,3	1.931,7
10,8	93,4	(13,1)	14,8	13,7	80,8 ¹⁷	12,1	279,9	1.909,3
10,8	95,5	(13,1)	17,0	10,5	92,1 ¹⁷	13,9	282,9	1.982,6
10,8	101,4	(13,1)	13,6	10,2 ¹⁷	67,9 ¹⁷	11,8	280,0	2.098,1
—	{ 94,2 } 106,1	(13,1)	—	11,1 ¹⁷	78,7 ¹⁷	(17,8)	(294,3)	(2.264,0)

дней и не включают внешнюю торговлю последней. ² С 1924 г. декларированная ценность. ³ С мая 1922 г. декларированная ценность. ⁴ Включая торговлю драгоценными камнями за четвертый квартал 1926 г. ⁵ С 1922 г. декларированная ценность. ⁶ Включая торговлю драгоценными камнями за четвертый квартал 1926 г. ⁷ С 1922 г. декларированная ценность. ⁸ Включая торговлю драгоценными камнями за четвертый квартал 1926 г. ⁹ С 1922 г. декларированная ценность. ¹⁰ Включая торговлю драгоценными камнями за четвертый квартал 1926 г. ¹¹ Включая торговлю драгоценными камнями за четвертый квартал 1926 г. ¹² Включая торговлю драгоценными камнями за четвертый квартал 1926 г. ¹³ Включая торговлю драгоценными камнями за четвертый квартал 1926 г. ¹⁴ Включая торговлю драгоценными камнями за четвертый квартал 1926 г. ¹⁵ Включая торговлю драгоценными камнями за четвертый квартал 1926 г. ¹⁶ Включая торговлю драгоценными камнями за четвертый квартал 1926 г. ¹⁷ Включая торговлю драгоценными камнями за четвертый квартал 1926 г.

Таблица 7

Отдел III. ТРУД
Движение безработицы в 19 странах
(Численность безработных в тыс.)

Даты (мес.-средн.)	Австрия ²	Англия ³	Бельгия ²	Венгрия ³	Германия ²	Голландия ²	Дания ¹	Италия ³	Латвия ³	Норвегия ³
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1924	95	1.180	6,7	26,0	644,8	28,1	27,7	164,9	2,0	(9,1)
1925	149	1.289	9,0	31,4	463,7	26,1	38,3	110,3	2,8	15,0
1926	176	1.437	8,7	24,5	1.693,0	24,9	57,3	113,9	2,7	23,5
1926 XII	205	1.357	15,8	20,7	1.749	35,7	88,9	181,5	5,2	30,6
1927 I	235	1.375	15,9	20,4	1.827	45,7	87,1	225,3	5,0	29,3
II	244	1.208	13,9	19,5	1.696	41,1	87,1	259,1	4,6	30,8
III	208	1.115	11,3	16,0	1.121	26,9	72,9	227,9	4,0	29,1
IV	181	1.075	10,9	17,1	870	22,2	64,8	215,3	2,7	27,4
V	158	1.015	9,1	13,6	650	18,7	55,2	216,4	1,6	23,8
VI	145	1.032	8,3	11,8	541	17,7	50,7	214,6	0,9	19,9
VII	137	1.055	7,9	11,7	453	20,6	47,5	263,1	1,3	16,0
VIII	136	1.076	7,5	11,2	404	19,5	45,3	291,8	0,9	15,7
IX	130	1.075	8,6	10,3	355	20,2	44,2	305,9	1,4	18,9
X	127	1.132	8,7	10,0	340	20,2	46,9	333,2	3,7	22,0
XI	160	1.172	8,4	11,1	605	—	59,0	375,7	5,0	25,2
1928 XII	181	1.194	—	—	1.188	—	—	414,3	—	—
I	262	1.169	—	—	—	—	—	—	—	—

Даты, мес. средн.	Польша ³	Финляндия ³	Франция ³	Чехо-Словакия ³	Швейцария ³	Швеция ¹	Эстония ³	Вся Европа ⁴ (17 стран)	Канада ¹	Австралия ¹
	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1924	(111,7)	1,4	9,9	109,0	14,7	20,0	2,4	2.453,4	11,8	35,5
1925	(168,7)	2,5	11,2	49,4	11,1	24,5	2,2	2.404,2	10,7	34,6
1926	234,3	2,0	11,5	67,9	14,1	29,4	2,2	3.922,4	7,6	29,3
1926 XII	190,1	2,2	21,4	71,2	17,9	48,0	3,8	4.044,0	9,3	25,4
1927 I	208,5	3,6	73,1	83,3	19,4	39,3	4,7	4.297,6	9,7	—
II	213,6	3,0	95,4	83,2	19,2	39,8	4,7	4.063,0	10,6	—
III	205,8	2,1	86,2	71,9	13,6	36,1	4,4	3.252,2	9,0	26,3
IV	190,6	1,7	68,0	60,3	11,2	31,9	2,9	2.853,0	9,9	—
V	174,3	1,2	47,8	52,5	9,5	25,5	2,3	2.474,5	8,5	—
VI	159,4	1,1	33,7	45,5	7,7	25,0	1,9	2.316,2	5,4	29,2
VII	147,7	0,9	29,2	39,8	8,4	21,3	0,7	2.261,1	5,5	—
VIII	133,0	1,2	29,2	40,9	8,9	20,2	0,8	2.242,1	6,2	—
IX	116,8	1,3	27,7	37,6	8,3	22,3	1,2	2.184,7	5,3	30,0
X	115,7	1,6	24,2	35,8	9,9	27,4	3,3	2.260,6	6,7	—
XI	136,7	2,4	28,5	—	12,1	—	4,9	—	—	—
XII	164,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—

¹ Члены профсоюзов.

² Застрахованные.

³ Регистрация по биржам труда.

⁴ В виду того, что по ряду стран данные предварительные, итог по Европе будет исправляться по мере получения окончательных данных.

Отдел IV. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ВАЛЮТНЫЙ РЫНОК

Движение валютных курсов по 33 странам

(Индексы в % к паритету)

Страны Даты	Англия ¹	Франция ²	Бельгия	Италия	Голландия	Швейцария	Испания	Португалия	Швеция	Норвегия	Дания	Германия	Австрия	Венгрия	Чехо-Словакия	Польша	Румыния	Болгария	Югославия	Греция
Месячные средние	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1922	91,0	42,5	39,8	24,6	95,7	98,8	80,3	6,4	97,7	65,4	78,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1923	94,0	31,5	27,0	23,9	97,3	93,6	74,9	3,9	99,1	62,3	68,5	—	69,1 ⁴	8,1 ⁵	14,6	57,4	2,6	4,6	5,6	8,9
1924	90,8	27,1	24,0	22,6	95,1	94,4	69,1	3,1	99,0	52,0	62,4	—	69,1 ⁴	82,7 ⁴	14,6	99,6 ⁸	2,6	3,8	6,6	9,3
1925	99,2	22,8	24,7	20,6	99,9	100,2	74,3	4,7	100,2	66,7	78,8	100,0	99,9	69,1	14,6	92,0	2,5	3,8	8,8	8,1
1926	99,8	16,8	17,5 ³	20,2	99,7	100,1	77,1	4,7	99,9	83,3	97,8	100,0	100,0	99,8	14,6	58,1	2,4	3,7	9,1	6,5
1927 I	99,7	20,5	100,0	22,5	99,5	99,9	82,8	4,7	99,7	95,3	99,4	99,6	100,0	100,2	14,6	58,6	2,7	3,7	9,1	6,7
II	99,7	20,3	100,0	22,4	99,5	99,6	86,9	4,7	99,6	96,2	99,4	99,5	100,0	100,2	14,6	58,7	3,0	3,7	9,1	6,7
III	99,7	20,3	100,0	23,4	99,5	99,7	90,2	4,7	99,8	97,2	99,4	99,5	100,0	100,1	14,6	58,9	3,2	3,8	9,1	6,7
IV	99,8	20,3	100,0	26,0	99,5	99,6	91,4	4,7	99,9	96,5	99,5	99,5	100,0	99,9	14,6	59,2	3,2	3,8	9,1	6,9
V	99,8	20,3	99,9	28,0	99,5	99,6	91,1	4,7	99,8	96,4	99,5	99,5	100,0	99,8	14,6	59,0	3,2	3,7	9,1	6,8
VI	99,8	20,3	99,9	28,9	99,6	99,7	89,1	4,7	99,9	96,6	99,7	99,5	99,9	99,7	14,6	58,6	3,1	3,7	9,1	6,9
VII	99,8	20,3	99,9	28,2	99,6	99,7	88,5	4,6	99,9	96,4	99,7	99,7	100,0	99,7	14,6	58,3	3,2	3,7	9,1	6,8
VIII	99,9	20,3	100,0	28,2	99,7	99,8	87,6	4,6	100,1	96,8	99,9	99,9	99,9	99,7	14,6	58,1	3,2	3,7	9,1	6,8
IX	99,9	20,3	100,1	28,2	99,7	99,9	88,8	4,5	100,3	98,4	99,9	99,9	100,1	99,9	14,6	58,1	3,2	3,7	9,1	6,9
X	100,1	20,3	100,1	28,3	100,0	99,9	89,4	4,6	100,5	98,3	100,0	100,1	100,1	99,8	14,6	58,1	3,2	3,7	9,1	6,9
XI	100,1	20,4	100,3	28,2	100,4	99,9	87,8	4,6	100,5	98,8	100,1	100,2	100,1	99,8	14,6	99,9	3,2	3,7	9,1	6,9
XII	100,3	20,3	100,6	27,9	100,6	100,1	86,2	4,6	100,7	99,3	100,0	100,3	100,2	99,9	14,6	100,0	3,2	3,7	9,1	6,9

Страны Даты						Группировки евро- пейских стран			Вся Европа	Соед. Штаты	Канада	Аргентина	Бразилия	Уругвай	Америка	Япония	Китай (Шанхай)	Китай (Гонконг)	Британская Индия	Азия	Весь мир
		Финляндия	Латвия	Эстония	Литва	Страны с золотой ва- лютой	Страны со стабилизиро- ванной и рефор- мир. валютой	Страны с б. мажорной валютой													
Месячные средние		21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40
1913		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1922		—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1923		13,9	100,7	1,2	—	—	—	—	—	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1924		13,1	99,5	1,1	—	92,20	22,70	30,16	50,84	100,0	98,8	81,3	34,1	80,1	91,96	82,7	110,8	111,4	65,3	79,41	66,49
1925		13,1	100,0	1,1	99,2	99,46	81,77	31,08	70,31	100,0	100,0	94,9	38,0	95,4	94,44	82,3	117,1	118,3	74,5	84,88	79,40
1926		100,1	100,0	1,1	98,8	99,83	87,25	30,30	71,73	100,0	100,0	95,6	44,5	98,2	95,08	94,5	105,9	111,5	74,6	86,23	80,52
1927	I	100,1	100	1,1	98,9	99,69	87,10	42,59	75,98	100,0	99,8	97,3	35,9	98,2	94,62	97,9	91,8	102,0	74,8	84,73	82,70
	II	100,1	100	1,1	98,9	99,66	87,03	42,79	76,02	100,0	99,8	98,2	36,5	98,1	94,78	98,0	95,4	105,3	74,6	85,45	82,84
	III	100,1	100	1,1	98,9	99,68	87,05	43,20	76,18	100,0	99,9	99,5	36,5	97,9	94,96	98,6	90,5	102,0	74,6	84,71	82,89
	IV	100,1	100	1,1	98,9	99,75	87,07	43,65	76,31	100,0	100,1	99,7	36,4	98,6	95,02	97,1	92,9	104,2	74,3	84,65	83,02
	V	100,1	100	1,1	98,9	99,74	87,05	43,90	76,45	100,0	100,1	99,7	36,4	97,4	95,00	94,4	93,0	103,1	74,4	83,79	82,97
	VI	100,0	100	1,1	98,9	99,77	87,01	43,93	76,46	1 0,0	99,9	100,0	36,4	97,0	95,01	93,7	93,8	103,1	74,4	83,68	82,96
	VII	100,0	100	1,1	98,9	99,77	87,12	43,78	76,44	100,0	99,9	100,1	36,4	95,9	95,00	94,5	93,2	103,1	98,9	94,84	84,19
	VIII	100,0	100	1,1	98,9	99,88	87,22	43,75	76,49	10 0	99,9	100,4	36,4	96,8	95,06	94,9	90,1	101,0	99,0	94,41	84,19
	IX	100,0	100	1,1	98,9	99,90	87,23	43,89	76,56	100,0	100,0	100,7	36,5	97,0	95,12	93,9	91,6	102,0	99,5	94,62	84,26
	X	100,0	100	1,1	98,9	100,09	87,35	43,98	76,69	100,0	100,1	100,7	36,7	98,5	95,17	93,4	92,5	102,0	99,7	94,67	84,37
	XI	100,0	100	1,1	98,9	100,15	89,95	43,90	77,42	100,0	100,1	100,6	36,8	99,9	95,19	92,2	94,7	104,2	99,9	94,90	84,82
	XII	100,2	100	1,1	98,9	99,04	90,04	43,87	77,33	100,0	99,9	100,8	36,9	100,4	95,20	92,6	95,4	105,3	100,6	95,54	84,85

¹ Курс фунта стерлингов характеризует также валюты Ирландии, Южно-Африканского Союза, Австралии и Новой Зеландии.

² Курс франка характеризует также валюты Алжира и Индо-Китая.

³ Средняя за 10 месяцев (январь—октябрь).

⁴ Паритет = 1.000.000.

⁵ Паритет = 10.000.

⁶ Средняя за 7 месяцев (июнь—декабрь).

Таблица 9

Задолженность европейских стран Соединенным Штатам на 1 января 1928 г.¹ (в тыс. долл.)

Страны	Общая сумма полученных займов	Консолидированный долг (займы и проценты к моменту соглашения)	Средний процент	Сумма процентных платежей в течение 62 лет	Вся задолженность (капитальный долг и проценты)	Уплачено капитального долга к 1/1 1928 г.	Уплачено капитального долга и процентов к 1/1 1928 г.	Остаток капитального долга к 1/1 1928 г.
	1	2	3	4	5	6	7	8
Англия	4.600.000	4.600.000	3,3	6 505.965	11.105.965	120.000	802.980	4.480.000
Бельгия	377.030	417.780	1,8	310.051	727.831	2.800	7.665	414.980
Венгрия	1.686	1.939	3,3	2.754	4.693	40	270	1.899
Италия	1.647.997	2.042.000	0,4	365.678	2.407.678	12.500	12.500	2.029.500
Латвия	5.132	5.775	3,3	8.184	8.184	150	1.007	5.625
Литва	4.982	6.030	3,3	8.502	14.532	107	736	4.875
Польша	155.931	178.560	3,3	257.128	435.688	4.410	30.957	174.950
Румыния	36.128	44.950	3,3	77.916	122.506	569	700	44.021
Финляндия	8.282	9.000	3,3	12.695	21.695	236	1.572	8.764
Франция	3.340.607	4.025.000	1,6	2.822.674	6.847.684	76.250	76.250	3.948.950
Чехо-Словакия	91.880	115.000	3,3	197.811	312.811	1.475	7.500	113.525
Эстония	13.999	13.830	3,3	19.501	33.331	366	2.499	13.464
Югославия	51.038	62.850	1,0	32.328	95.178	500	500	62.350
Всего . . .	10.334.692	11.522.354	—	10.621.197	22.143.551	219.403	945.136	11.302.951

¹ По последним сведениям Греция заключила соглашение с Соед. Штатами об урегулировании своего долга из 3% годовых. Общая сумма долга установлена в размере 19.660 тыс. долл. Более подробных сведений пока не имеется.

Таблица 10

Отдел VI. ОБОБЩАЮЩИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Платежный баланс Англии за 1925, 1926 и 1927 гг.

(В млн. фунт. стерл.)

Статьи	1925 г.		1926 г.		1927 г.	
	Актив	Пассив	Актив	Пассив	Актив	Пассив
Превышение импорта товаров и золота над экспортом	—	— 384	—	— 475	—	— 392
Превышение правительственных платежей над поступлениями	—	— 11	+ 3	—	—	—
Доход от судоходства . .	+ 124	—	+ 120	—	+ 140	—
Доход от инвестированных за границей капиталов	+ 250	—	+ 270	—	+ 270	—
Доход от краткосрочных помещений капитала и банков	+ 60	—	—	—	+ 63	—
Прочие статьи	+ 15	—	+ 15	—	+ 15	—
Всего . . .	+ 449	— 395	+ 468	— 475	+ 488	— 392
С а л д о . . .	+ 54	—	—	— 7	+ 96	—

Таблица 11

Средний доход на капитал в Англии в 1913 — 1927 гг.

(В ‰)

Годы	Учетный процент Английск. банка	Частный дисконт (трехмесячн. векселя)	Средний доход по вновь выпущенным промышленным облигациям	Средний доход по вновь выпущенным правительственным облигациям
1913	4,77	4,38	5,5	4,77
1920	6,71	6,39	7,92	6,05
1921	6,11	5,18	8,09	6,49
1922	3,70	2,64	6,72	5,65
1923	3,49	2,71	6,4	5,34
1924	4,00	3,46	6,61	5,95
1925	4,57	4,08	6,43	4,82
1926	5,00	4,47	6,48	6,01
1927	4,65	4,31	6,21	5,09